В. РЕЙМОНТЪ.

ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ II.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

В. Реймонтъ.

В. Реймонтъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ VIII.

Изданіе В. М. Саблина.

В. Реймонтъ.

ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ.

Книга II.

Переводъ Т. Высоцкой.

Москва.—1911.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1911.

891.853
R458ZAB
kn. 2

Книга вторая.

I.

— А теперь его въ спину, а теперь съ другой стороны, а теперь по головѣ. Вотъ еще разъ, и еще разочекъ, милостивый мой государь.

— Ксендзъ бьетъ картами, точно цѣпомъ, — язвительно замѣтилъ старый Боровецкій.

— Это напоминаетъ мнѣ одинъ случай. Было это у Мигурскихъ въ Сѣрадзскомъ...

— Цѣпомъ не цѣпомъ, — прервалъ ксендзъ, щурясь съ наслажденіемъ, — а чудными козырями, милостивый государь. Берегу еще дамочку, чтобы прихлопнуть твоего королька, Заіончковскій.

— Посмотримъ! У ксендза отвратительная привычка перебивать; нельзя рта открыть, чтобы ксендзъ не прервалъ. Такъ вотъ какъ я сказалъ, у Мигурскихъ...

— У Мигурскихъ или не у Мигурскихъ, — мы уже это сто разъ слышали, милостивый мой государь, правда, панъ Адамъ? — обратился онъ къ старику.

— Э, что это ксендзъ дѣлаетъ мнѣ постоянно замѣчанія? Ей Богу, это ужъ слишкомъ!

Лучше бы ксендзъ думалъ о своемъ богослуженіи, а не о томъ, кто что говоритъ или не говоритъ.

Бросивъ карты, Заіончковскій вскочилъ раздраженный.

— Томекъ, бездѣльникъ, запрягай лошадей! — крикнулъ онъ могучимъ басомъ во дворъ. Сильно дергалъ накрашенные усы и неистово сопѣлъ.

— Ну, скажите пожалуйста! Я ему, мошеннику, объясняю по-человѣчески, а онъ оретъ на меня какъ на своего холопа! Ясекъ, трубка погасла!

— Ну, сосѣдъ, панъ Баумъ сдаетъ карты.

— Не стану играть! ѣду домой. Будетъ съ меня его проповѣдей! Вчера у Завадскихъ говорю о политикѣ, а ксендзъ публично меня оспариваетъ и высмѣиваетъ; — сердился шляхтичъ, отмѣривая комнату большими шагами.—Потому что ты, милостивый государь, болталъ явную чушь. Ясекъ, мошенникъ, дай-ка огонька, трубка погасла.

— Я говорилъ чушь? — крикнулъ Заіончковскій, подскакивая къ ксендзу въ бѣшенствѣ.

— Ну да, чушь, — бросилъ ксендзъ, пыхтя длинной трубкой, которую ему разжигалъ мальчикъ, стоя на колѣняхъ.

— А, Господи Іисусе, смилуйся надъ нами! — крикнулъ Заіончковскій въ негодованіи, разводя руками.

— Вашъ ходъ, ксендзъ, — сказалъ Максъ Баумъ, подвигая ему карты.

— Семь пикъ, — сказалъ ксендзъ.—Заіончковскій, тебѣ ходить.

— Я — пасъ, — отвѣтилъ шляхтичъ, торопливо садясь къ столу, но не могъ еще простить ксендзу обиды, потому что, просмотрѣвъ карты, заговорилъ:

— Ну что тутъ можно сдѣлать, какъ можетъ масса

имѣть ясное понятіе о политикѣ, когда ея естественные руководители такъ темны.

— Восемъ трефъ безъ козыря, — объявилъ ксендзъ.

— Иду. Хорошо, вотъ ксендзъ сейчасъ увидитъ игру. Но если у ксендза нѣтъ трефъ, то ему плохо придется.

— Плохо ли, мы еще увидимъ, а вотъ какъ панъ Баумъ вытянетъ у тебя эти трефы, какъ прихлопнетъ тебя тузомъ — чихнешь только. А что, сынокъ, а что, не хвастай, не говори аминь передъ in saecula saeculorum, милостивый мой государь, ха, ха, ха! — смѣялся ксендзъ надъ миной Заіончковскаго и довольный билъ чубукомъ по сутанѣ и похлопывалъ сидящаго сбоку Макса. — Побѣда за Лодзью, побѣда за фабрикантами! Дай тебѣ Боже близнецовъ за то, что обставилъ Заіончка. Полежишь безъ ножки, полежишь. Ясекъ, дай-ка, мошенникъ, огонька, трубка погасла.

— Ксендзъ радуется чужому несчастью, какъ язычникъ.

— Ну, ужъ будетъ объ этомъ, а что лежишь, такъ это вѣрно. Весь годъ сдиралъ съ насъ шкуру, плати теперь самъ.

— Я выигрывалъ двадцать грошей въ недѣлю. Двадцать грошей, честное слово! — сказалъ Заіончковскій черезъ столъ Максу.

— «Пошли дѣвки по грибы, по грибы, по грибы!» сталъ напѣвать старикъ Боровецкій, отбивая тактъ о подножку кресла, на которомъ сидѣлъ и ѣздилъ, полуразбитый параличомъ.

Въ комнатѣ водворилась тишина; четыре свѣчи по

угламъ стола ярко освѣщали зеленое поле игры и лица игравшихъ.

Заіончковскій молчалъ, злой на ксендза, съ которымъ онъ въ продолженіе двадцать лѣтъ ссорился по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю.

Гладилъ крашеные усы и бросалъ грозные взгляды изъ-подъ громадныхъ нависшихъ бровей на Макса, оставившаго его «безъ трехъ», и со злостью отмахивался отъ мухъ.

Ксендзъ, опустивъ надъ столомъ худое и кроткое лицо аскета, пыхтѣлъ трубкой и, исчезая въ клубахъ дыма, заглядывалъ черными быстрыми глазами въ карты противника, чѣмъ впрочемъ никогда не пользовался.

Максъ съ сосредоточеннымъ лицомъ игралъ внимательно, потому что противники играли мастерски въ преферансъ, и скользилъ взглядомъ по освѣщеннымъ луной окнамъ и по дальнимъ комнатамъ, откуда доносились голоса Карла и Анки.

Панъ Адамъ все напѣвалъ, отбивая тактъ, ерошилъ еще густые волосы и говорилъ при каждой новой игрѣ:

— Отличная масть, прекрасная масть. Теперь я вамъ задамъ. Король съ дамой и съ пики весь дворъ. Начнемъ атаку! — командовалъ энергично съ разгорѣвшимся лицомъ и движеніемъ брасающагося въ атаку кидалъ карты на столъ.

— Игралъ бы панъ по-человѣчески. А эти твои припѣвы — это только солдатская распущенность, милостивый государь. Ясекъ, дай-ка огонька, трубка погасла.

— Эта команда напоминаетъ мнѣ одинъ очень любопытный случай, который былъ...

— У Мигурскихъ въ Сѣрадзскомъ, слышали уже это, слышали, милостивый государь.

Заіончковскій грозно посмотрѣлъ на усмѣхавшагося ксендза, но ничего не отвѣтилъ, повернулся къ нему бокомъ и игралъ дальше.

Максъ опять сдалъ карты и послѣ объявленія игры вышелъ къ Карлу.

— Ясекъ, открой-ка окно, тамъ такъ хорошо поютъ божьи пташки.

Мальчикъ открылъ окно въ садъ, и хоръ соловьиныхъ голосовъ ворвался въ комнату съ волной душистой цвѣтущей подъ окномъ сирени.

Въ комнатѣ, куда вошелъ Максъ, не было лампы, свѣтилъ мѣсяцъ, плывшій по темно-синему небу.

Въ открытыя окна вливался іюньскій полный звуковъ вечеръ.

Сидѣли и молчали.

— Хорошая коллекція ископаемыхъ, — шепнулъ Карлъ Максу, когда у игроковъ опять разразилась гроза, и Заіончковскій кричалъ въ окно, чтобы ему сейчасъ же запрягали лошадей, а панъ Адамъ пѣлъ во все горло:

«И голодно, и холодно, по живу себѣ свободно!»

— Часто играютъ вмѣстѣ?

Каждую недѣлю, а по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю ссорятся и разъѣзжаются не прощаясь, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ жить въ большой дружбѣ.

— Вамъ приходится ихъ мирить?

— О нѣтъ, попробовалъ разъ, но ксендзъ сердито прикрикнулъ на меня: «Смотрите лучше за коровами».

Впрочемъ они не могутъ жить другъ безъ друга, а когда вмѣстѣ, не могутъ не ссориться.

— Но что будетъ безъ нихъ дѣлать въ Лодзи твой отецъ? — замѣтилъ Максъ Карлу.

— Почемъ я знаю! Вообще я не знаю, зачѣмъ отцу туда ѣхать.

— Вы не знаете?.. — шепнула Анка удивленно и хотѣла еще что-то прибавить, но у калитки раздался звонокъ.

Вышла и вернулась съ телеграммой для Карла.

Карлъ взялъ ее апатично, но, не дочитавъ, злобно смялъ и сунулъ въ карманъ.

— Развѣ плохія вѣсти? — спросила Анка съ тревогой.

— Нѣтъ, только глупыя!

Махнулъ рукой, раздраженный ея участливымъ взглядомъ и любопытствомъ.

Пошелъ къ игравшимъ и опять прочелъ телеграмму. Она была отъ Люси.

— Вамъ очень у насъ скучно?

— Не скажу ни слова на такую клевету. Знаете, я удивляюсь вашей жизни. Не думалъ, что можетъ гдѣ-либо быть такая удивительно простая, необычайно спокойная и какая-то высшая жизнь. Только у васъ увидѣлъ я, что знаю поляковъ, только теперь мнѣ понятны многія особенности Карла. Жаль, что вы переѣзжаете въ Лодзь.

— Почему?

— Потому что нельзя уже будетъ сюда пріѣхать.

— А развѣ вы не захотите навѣщать насъ въ Лодзи? — спросила тише и не знала, почему сердце ея за-

билось сильнѣе, какъ бы изъ боязни, что онъ можетъ не захотѣть.

— Очень благодаренъ, смотрю на это какъ на приглашеніе, если позволите.

— Конечно, но за это вы должны познакомить меня съ вашей матушкой.

— Когда только прикажете.

— Я васъ оставляю, надо подавать ужинать.

Побѣжала въ другую комнату, гдѣ Ягуся уже накрывала.

Максъ ходилъ по комнатѣ и, проходя мимо открытыхъ дверей, смотрѣлъ на Анку.

Смотрѣлъ съ удивленіемъ на ея гибкую, стройную, прекрасно сложенную фигуру, когда она наклонялась надъ столомъ, на ея не слишкомъ правильныя черты лица, полныя страннаго очарованія и мягкости, на широкій лобъ съ гладко причесанными на проборъ каштановыми волосами.

Голубовато-сѣрые глаза смотрѣли изъ-подъ совершенно черныхъ бровей ясно, спокойно и немного строго.

Максъ наблюдалъ ее съ большимъ интересомъ, и она такъ нравилась ему, что почувствовалъ непріязнь къ Карлу, когда тотъ пришелъ.

— Завтра вечеромъ я долженъ ѣхать въ Лодзь, — сказалъ сухо Боровецкій.

— Зачѣмъ такъ спѣшишь? У рабочихъ три дня праздниковъ, почему намъ не воспользоваться Троицей.

— Если тебѣ здѣсь хорошо — оставайся, а я долженъ ѣхать.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, — пробормоталъ Максъ, садясь

на подоконникъ. Было ему такъ хорошо, что самъ себѣ удивлялся, а его хотятъ отсюда увозить.

Смотрѣлъ на Карла съ досадой и гнѣвомъ.

— У меня спѣшныя дѣла, и съ меня довольно деревни, слишкомъ даже довольно, — говорилъ Боровецкій въ раздраженіи.

Ходя по комнатѣ, заглядывалъ къ игравшимъ, перекидывался равнодушными словами съ Анкой, но не могъ поборотъ нервности, безпокойства и скуки.

Ко всему еще эта депеша отъ Люси, гдѣ она въ чрезвычайно рѣшительныхъ словахъ объявляла ему, что если онъ не вернется во вторникъ, то она сумѣетъ найти его даже у невѣсты, а тамъ будь что будетъ.

Зналъ, что Люси сдержитъ свои страстныя слова, поэтому долженъ былъ ѣхать.

Его такъ тяготила уже эта связь, онъ такъ возненавидѣлъ и ея красоту и эти узы любви, что самая жизнь ему опротивѣла.

А потомъ Анка.

Чувствовалъ, что совершенно къ ней равнодушенъ, что минутами начинаетъ ее ненавидѣть, встрѣчаясь съ ея ясными довѣрчивыми глазами.

Но долженъ былъ притворяться любящимъ, говорить нѣжнымъ голосомъ, когда ему хотѣлось проклинать, долженъ былъ казаться любезнымъ, веселымъ, ласковымъ и предупредительнымъ, какъ подобало жениху.

Эта роль ему претила, но долженъ былъ играть ее ради отца, ради нея и себя самого, потому что, воспользовавшись приданымъ Анки, связалъ себя съ ней навсегда.

— «Скоро женюсь, и все кончится, — подумалъ

онъ. — Вѣдь столько браковъ заключается безъ любви!» — докончилъ онъ апатично, но его гордое самолюбіе страдало. Все въ немъ возмущалось при мысли, что эта женитьба обратитъ его въ ничто, что долженъ работать цѣлые годы, выжимать деньги изъ машинъ, людей, изъ всего, чтобы имѣть что-либо для себя — и это теперь!

Теперь, когда старый Мюллеръ довольно ясно намекнулъ ему, что отдаетъ Маду и управленіе фабрикой; сразу милліонное состояніе, сразу громадное дѣло и возможность еще большихъ въ будущемъ.

Чувствовалъ съ нѣкотораго времени отвращеніе къ маленькимъ дѣламъ, къ своей собственной фабрикѣ, которую строилъ съ весны, къ этой грошевой экономіи, результатомъ которой были какихъ-нибудь нѣсколько сотъ рублей.

Столько лѣтъ ходилъ одуренный работой, постоянной борьбой и тяжелымъ заработкомъ, столько лѣтъ заглушалъ онъ въ себѣ разнообразныя желанія, которыхъ не могъ заглушить, столько лѣтъ жаждалъ широкой, независимой жизни, — и теперь, когда онъ могъ все это имѣть, женясь на Мадѣ — долженъ жениться на Анкѣ и благодаря этому вернуться къ ярму умѣренности.

Противился этой необходимости всѣми силами.

И когда Анка пришла просить къ ужину, онъ посмотрѣлъ на нее гнѣвно и, ничего не отвѣтивъ на ея вопросъ, пошелъ передвинуть кресло отца въ столовую.

Ужинъ былъ очень оживленный. Ксендзъ съ Заіончковскимъ спорили о политикѣ, помогали имъ панъ Адамъ и Карлъ, который безжалостно издѣвался надъ

Заіончковскимъ и его политикой, смѣялся надъ оптимизмомъ ксендза и раздраженно замѣтилъ отцу, что вопросы современной политики разрѣшаются не оружіемъ, а дипломатіей.

— Та-та-та! — гнѣвно сказалъ старикъ. — Ты мнѣ это не говори, я тебѣ всегда докажу, что правъ тотъ, у кого больше пушекъ и войска. Умъ государства — это громадная армія, всегда готовая къ бою, это его душа, которая всѣмъ управляетъ.

— Нѣтъ, панъ Адамъ, душа государства—это справедливость.

— Государствомъ управляетъ желудокъ и его требованія, — вставилъ Карлъ нарочно, чтобы досадить ксендзу, который сейчасъ же бросился доказывать, что все происходитъ по волѣ Божей, что эта воля — справедливость и что все основано на этомъ. Карлъ замолчалъ, ему надоѣдали эти безплодныя разсужденія, но когда всѣ, ксендзъ, отецъ и Заіончковскій, стали доказывать то же самое, онъ не выдержалъ и сказалъ злобно:

— Объясняете міръ по катехизису; не спорю, что это легко, а иногда даже остроумно.

— Это кощунство, милостивый мой государь, кощунство и оскорбленіе! Ясекъ, мошенникъ, дай огонька, трубка погасла, — кричалъ ксендзъ дрожавшимъ голосомъ и уронилъ отъ волненія трубку.

Не могъ закурить, потому что мальчику не удавалось зажечь, треснулъ его чубукомъ по спинѣ и сталъ опять страстно доказывать.

— Вамъ не жаль покидать этотъ рай здѣсь, въ Куровѣ? — тихо спрашивалъ Максъ у Анки.

Оба не вмѣшивались въ общій разговоръ.

Максъ былъ равнодушенъ къ поднятымъ вопросамъ, а Анкѣ было грустно.

Карлъ такъ измѣнился за эти нѣсколько дней, почти избѣгалъ ея; дѣвушкой овладѣла глухая тревога, предчувствіе какой-то бѣды, поэтому, не отвѣтивъ Максу, склонилась къ столу и тихо спросила, не подымая глазъ.

— Не знаете, нѣтъ ли у Карла непріятности?

— Нѣтъ. Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

— Мнѣ такъ показалось. Правда, я забыла, сколько у него хлопотъ съ фабрикой — прибавила тише, точно про себя, чтобы заглушить подозрѣніе и тревогу.

Поднявъ голову, посмотрѣла озабоченно на его нахмуренное лицо.

— А что вы сдѣлаете съ землей?

— Дѣдушка хотѣлъ продать, но Карлъ не согласенъ, за что я ему очень благодарна; я такъ сжилась съ этимъ домомъ, что не могу безъ грусти подумать, что онъ можетъ стать чужимъ. Почти всѣ деревья въ саду посажены матерью Карла или мною. Подумайте, какъ тяжело было бы разстаться съ этимъ навсегда.

— Ну, вѣдь можно купить имѣніе еще красивѣе.

— Конечно можно, но это не будетъ Куровъ, — отвѣтила Анка, задѣтая непониманіемъ ея привязанности къ этому клочку земли, на которомъ она выросла.

Замолчали, потому что опять началась ссора Заіончковскаго съ ксендзомъ, который въ негодованіи билъ чубукомъ въ полъ и говорилъ:

— Милостивый мой государь, скажу тебѣ одно: ты —

Заіончковскій съ гербомъ «баранья шкура». Ясекъ — огня!

— А, Господи Іисусе, что онъ только говоритъ! Томекъ, бездѣльникъ, запрягай лошадей, — крикнулъ онъ въ кухню, гдѣ ужиналъ его кучеръ.

Онъ выбѣжалъ не прощаясь, одѣлся на крыльцѣ и побѣжалъ, но черезъ минуту вернулся, забывъ шапку; искалъ ее по всѣмъ комнатамъ, а когда нашелъ ее, вбѣжалъ въ столовую, ударилъ кулакомъ по столу и въ бѣшенствѣ крикнулъ:

— Благодари Бога, ваше преподобіе, что васъ охраняетъ ряса, а то я бы васъ научилъ, что значитъ говорить: «Заіончковскій герба «баранья шкура», я бы научилъ!

— Не проливай чая, милостивый государь, — отвѣтилъ спокойно ксендзъ Семенъ.

— Садитесь, что тутъ сердиться, садитесь, — просилъ панъ Адамъ.

— Не сяду! Не будетъ больше моей ноги тамъ, гдѣ меня оскорбляютъ.

— Не проливай чая и поѣзжай съ Богомъ! — сказалъ ксендзъ, унося свой стаканъ, плясавшій на столѣ отъ ударовъ кулака.

— Іезуитъ, клянусь истиннымъ Богомъ! — рявкнулъ Заіончковскій и, ударивъ по столу, выбѣжалъ.

На дворѣ и даже на дорогѣ слышался еще его голосъ, смѣшанный съ грохотомъ его брички.

— Загорѣвшаяся дубина! Слыханое ли дѣло такъ обижаться на всякое слово!

— Потому что ксендзъ задѣлъ его за живое.

— Зачѣмъ болтаетъ ерунду?

— Всякій можетъ имѣть свое мнѣніе.

— Съ условіемъ, чтобы оно не расходилось съ нашимъ, — вставилъ Карлъ съ ироніей.

— Государь мой милостивый, а вѣдь этотъ плутъ и правда уѣхалъ. Ясекъ, каналья, дай-ка огонька, — крикнулъ ксендзъ взволнованно и вышелъ посмотрѣть на крыльцо. — Ну, скажите пожалуйста, какой фокусникъ. Накричалъ, выругался и удралъ, бестія.

— Вернется, вѣдь это не первый и не послѣдній разъ, — замѣтила Анка.

— Хмъ! вернется? конечно вернется, но что подумаетъ о насъ панъ Баумъ.

— Подумаетъ, что вы, господа, крѣпко спите, вкусно ѣдите и что у васъ много времени, если можете тратить его на такія дѣтскія ссоры, — сказалъ Карлъ съ ироніей.

Ксендзъ посмотрѣлъ на него сердито, но глаза его сейчасъ же прояснились, онъ вытряхнулъ изъ трубки пепелъ, набилъ ее табакомъ и, подставивъ ее Яську разжечь, сказалъ:

— Дразнятся одни дураки.

Вскорѣ онъ простился и ушелъ.

Водворилось длительное молчаніе.

Старикъ дремалъ въ креслѣ, Анка убирала съ горшочной со стола, а Карлъ, сидя съ папиросой въ глубокомъ креслѣ, смотрѣлъ насмѣшливо на Макса, слѣдившаго блестящими глазами за всякимъ движеніемъ Анки.

Скоро всѣ разошлись.

Максъ спалъ въ комнатѣ, выходившей въ садъ.

Ночь была дивная, соловьи пѣли все тоскливѣе; имъ

стали отвѣчать изъ прибрежныхъ кустовъ дрозды, и полился потокъ чудныхъ звуковъ въ эту тихую, волшебную іюньскую ночь, полную теплоты нагрѣтой земли, запаха сирени и звѣздъ на небѣ.

Максъ не могъ уснуть.

Отворилъ окно и смотрѣлъ на затуманенный міръ.

Думалъ объ Анкѣ и вдругъ услышалъ ея тихій голосъ.

Выглянулъ въ окно и увидѣлъ ее сидящей на окнѣ своей комнаты во флигелѣ, стоявшемъ подъ прямымъ угломъ къ главному корпусу.

— Почему ты не скажешь, что тебя мучитъ? —просилъ голосъ, обращенный къ окну напротивъ.

— Меня ничто не мучитъ, я просто не въ духѣ, — отвѣтилъ другой голосъ.

— Останься еще нѣсколько дней и отдохнешь немного.

Отвѣтомъ было неопредѣленное бормотанье. Потомъ первый голосъ заговорилъ такъ тихо, что Максъ ничего не разслышалъ; въ лугахъ громко квакали лягушки, на шоссе грохотали возы, а соловьи пѣли все громче.

Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, покрывая серебристой пеленой мокрые отъ росы листья, обращая туманъ въ серебристый газъ.

— Ты романтична, — послышался опять мужской голосъ съ оттѣнкомъ досады.

— Потому что тебя люблю? Или потому, что всякую твою заботу принимаю такъ близко къ сердцу, ближе, чѣмъ свои собственныя, потому что хотѣла бы видѣть тебя совсѣмъ счастливымъ?

— Нѣтъ, не потому. Рискуешь получить насморкъ,

но тебѣ хочется говорить со мной черезъ окно, правда, что при лунѣ и при пѣніи соловья.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, пани.

Окно захлопнулось, бѣлая занавѣска спустилась, и комната освѣтилась изнутри.

Карлъ не отошелъ отъ окна: чиркнула спичка, и тонкая струйка синяго дыма выплыла изъ комнаты и поднялась къ соломенной крышѣ.

Максъ тоже осторожно закурилъ, боясь обнаружить, что слушаетъ.

Хотѣлъ узнать, вернется ли Анка и о чемъ они будутъ говорить. Негодованіе Макса противъ Карла все росло.

Но окно Анки оставалось закрытымъ, замѣтилъ только, что ея тѣнь появлялась поминутно на занавѣскѣ и задерживалась у окна; можетъ быть услыхалъ бы даже шорохъ ея шаговъ, если бы не соловьи и не вѣтеръ, который, поднявшись гдѣ-то въ лугахъ и болотахъ и промчавшись по полямъ, ворвался въ садъ и зашумѣлъ по соломенной крышѣ и пахнулъ ему въ лицо влажнымъ, теплымъ, полнымъ запаха полей дыханіемъ.

— Завтра пріѣдетъ Карчмарекъ, который хочетъ купить землю, — послышалось опять.

Максъ, засмотрѣвшись въ садъ, не замѣтилъ, какъ открылось окно.

— Вѣдь отецъ не продастъ.

— Но тебѣ, можетъ, нужны деньги?

— Да, мнѣ нуженъ милліонъ, — прозвучалъ насмѣшливый отвѣтъ.

— Карчмарекъ хочетъ взять хоть въ аренду, ему нужна земля для зятя.

— Поговоримъ завтра.

— Выѣздныхъ лошадей возьмешь въ Лодзь или продашь?

— Къ чему мнѣ старыя клячи?

— Дѣдушка такъ къ нимъ привыкъ, — прозвучалъ грустный отвѣтъ.

— Отвыкнетъ. Все у тебя ребячества. Можетъ быть прикажешь пересадить въ Лодзь полъ-огорода, можетъ быть заберешь туда и коровъ, и куръ, и гусей, и поросятъ — былъ бы полный составъ.

— Если ты думаешь, что насмѣшки помѣшаютъ мнѣ взять съ собой то, что мнѣ нужно, ты ошибаешься.

— Не забудь взять фамильные портреты. Сенаторамъ Рѣчи Посполитой должно быть скучно на чердакѣ безъ Лодзи, — звучалъ насмѣшливый голосъ.

Женскій голосъ ничего не отвѣтилъ.

Послышался тихій плачъ, такой тихій, что показался Максу плескомъ ручья за садомъ.

— Анка, прости мнѣ! Я не хотѣлъ тебя огорчать. Я такъ разстроенъ. Прости меня, Анка, не плачь!

Максъ увидѣлъ, какъ Карлъ спрыгнулъ въ садъ, видѣлъ, какъ протянулись къ нему изъ окна двѣ бѣлыхъ руки и какъ близко склонились ихъ головы.

Не смотрѣлъ больше и не слушалъ.

Закрылъ окно и легъ спать, но ему не спалось; поворачивался съ боку на бокъ, бранился, курилъ, но не могъ заснуть, мѣшало пѣніе соловьевъ въ сирени, и чудились голоса Анки и Карла.

«О чемъ они такъ долго говорятъ?» — думалъ раздраженный и всталъ посмотрѣть, здѣсь ли они.

Карлъ стоялъ подъ окномъ Анки, но они разговаривали такъ тихо, что ничего не было слышно.

— Не заснешь тутъ отъ этихъ амуровъ, — проворчалъ онъ сердито и громко захлопнулъ окно.

Но не заснулъ, не давала уснуть эта іюньская, кипѣвшая могучей жизнью ночь.

Мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ окна, наполняя комнату голубоватымъ свѣтомъ, заливая мягкими лучами уснувшее мѣстечко, пустынныя улицы, далекія поля волнующихся нивъ, подернутыхъ серебристымъ туманомъ. Надъ лугами и болотами, какъ клубы ѳиміама, поднимался въ синюю высь бѣловатый паръ, а изъ туманныхъ, росистыхъ, сонно шумѣвшихъ нивъ несся безпрерывный звонъ кузнечиковъ, дробившійся на милліоны звуковъ; имъ рѣзко вторили хоры болотныхъ лягушекъ.

Затихая на время, онѣ прислушивались къ хорамъ другихъ лягушекъ въ дальнихъ болотахъ, въ заросшихъ прудахъ, блестѣвшихъ зеркаломъ водъ; у береговъ ручьевъ, поросшихъ склонившимся отъ росы тростникомъ, изъ рвовъ, поросшихъ желтыми одуванчиками и голубыми незабудками, съ узловатыми полусгнившими ивами по краямъ, покрытыми, какъ волосами, молодыми зелеными побѣгами.

Со всѣхъ сторонъ неслись гимны наслажденія въ эту весеннюю ночь, полную несказаннаго очарованія, глубокихъ звуковъ, пѣсенъ, едва замѣтнаго трепетанія и любви. Соловьи пѣли въ каждомъ кустѣ сирени, имъ вторили голоса другихъ птицъ, клекотъ журавлей,

печальные крики болотныхъ чаекъ, нѣжное щебетанье ласточекъ въ гнѣздахъ, шелестъ нивъ, гудѣнье майскихъ жуковъ на деревьяхъ, мычанье коровъ въ хлѣвахъ и ржаніе лошадей на выгонахъ.

Иногда все это замолкало, и тогда наступала такая глубокая тишина, что слышно было, какъ скатывались капли росы съ листа на листъ, какъ журчалъ ручеекъ за домомъ, слышно было глубокое дыханіе земли.

Но вслѣдъ за такой минутной тишиной хоръ голосовъ усиливался, деревья, травы, всякая тварь пѣла проникновенную пѣснь любви и, простирая вѣтви, цвѣты и объятья, отдавалась другъ другу съ ненасытнымъ восторгомъ. Вся земля, — въ этихъ многообразныхъ голосахъ пѣнія и шума, въ этихъ звукахъ растеній и животныхъ, въ этомъ блескѣ и лучистости, въ этомъ благоуханіи, струившемся въ воздухѣ, сливалась въ какой-то громадный, жаждущій любви вихрь. Увлеченный безуміемъ этой весенней ночи и жадной тоской вѣчности, онъ слѣпо несся въ объятья бездны, отовсюду разверстой, темной, сверкающей холодной росой звѣздъ и милліардами солнцъ и планетъ, глухой, таинственной и страшной.

Нѣтъ, Максъ не могъ уснуть.

Соловей, пѣвшій подъ окномъ, такъ раздражалъ его, что рѣшилъ его спугнуть. Но птица ничего не слышала, сидѣла на качавшейся подъ ней вѣткѣ, разсыпала, какъ жемчугъ, дивныя трели и цѣлые потоки звуковъ несказаннаго очарованія, спадавшихъ каскадомъ на цвѣты въ саду.

Самочка отвѣчала откуда-то сонным и апатичным чириканьем.

— Пошелъ къ чорту съ твоимъ пискомъ! — крикнулъ Максъ раздраженно и бросилъ въ кустъ ботинкомъ; птица перелетѣла на другой кустъ, а когда Максъ закрылъ окно и легъ въ постель, соловей вернулся на прежнее мѣсто и продолжалъ свое пѣніе; это такъ разсердило Макса, что онъ повернулся къ стѣнѣ, укуталъ голову одѣяломъ и заснулъ подъ самое утро.

Кромѣ пана Адама, всѣ въ домѣ плохо спали въ эту ночь. Въ особенности Анка, которую длинный разговоръ съ Карломъ не успокоилъ, а скорѣе разбудилъ ея смутныя подозрѣнья, что онъ отъ нея что-то скрываетъ. Но ни одно мгновенье не допускала мысли, чтобы онъ скрывалъ равнодушіе, чтобы съ трудомъ и усиліемъ игралъ роль влюбленнаго. Не подозрѣвала этого, любя сама всей силой страстнаго двадцатилѣтняго сердца.

Кромѣ того не могла заснуть потому, что мечтала объ этой жизни въ Лодзи, о близкомъ будущемъ, о томъ, что черезъ мѣсяцъ уѣдетъ изъ Курова, гдѣ провела столько лѣтъ.

«Что я буду дѣлать въ Лодзи?» — упорно думала она, но ея полусонныя мечты были прерваны шумомъ во дворѣ: выгоняли скотъ, кричали гуси.

Сейчасъ же встала.

Панъ Адамъ уже ѣздилъ съ помощью мальчика въ своемъ подвижномъ креслѣ, заглядывалъ въ хлѣвы, кричалъ на пастуха, посвистывалъ на голубей, спустившихся цѣлой стаей съ голубятника къ нему на

плечи, на ручки кресла, кружившихся надъ нимъ, шумной тучей набрасываясь на горохъ, который онъ собственноручно разсыпалъ имъ ежедневно.

— Валекъ, стой смирно! Сразу въ атаку! Разъ-два, разъ-два, тра-ля-ля, — подпѣвалъ онъ и командовалъ этой бѣлоснѣжной волнующейся стаей, слетавшейся къ нему со всѣхъ сторонъ.

«Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ. Вотъ какъ, вотъ какъ, сѣренькій козликъ».

— Валекъ, въ садъ! — рѣзко командовалъ онъ, отгоняя шляпой голубей, летѣвшихъ за нимъ и спускавшихся на его кресло. — Поворачивайся живѣе, бестія!

— Я поворачиваюсь! — сонно отвѣчалъ мальчикъ, катывая кресло въ садъ, между рядами яблонь, густо усыпанныхъ цвѣтомъ, казавшихся на фонѣ травы громадными букетами, окутанными розовой пылью и тучей гудѣвшихъ пчелъ, перелетавшихъ, какъ ржавыя пули, съ цвѣтка на цвѣтокъ. Иволги пѣли на вишняхъ, аистъ, стоя въ гнѣздѣ, вертѣлъ головой и ожесточенно курлыкалъ.

— Валекъ, а будутъ яблоки?

— Конечно будутъ.

— Ну, поворачивайся живѣе.

— Вѣдь поворачиваюсь!

— А груши будутъ?

— Будутъ, почему имъ не быть.

— А будешь ихъ обрывать, бестія?

— Я ихъ не обрываю, — буркнулъ мальчикъ, недовольный напоминаніемъ.

— А кто въ прошломъ году съѣлъ «панны»?

— Михалка, а не я!

— Знаю, знаю, а то такъ бы тебѣ досталось, что. Боже избави! «Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ!» — Старикъ сталъ насвистывать дрозду, сидѣвшему въ клѣткѣ снаружи окна.

Дроздъ высунулъ голову изъ-подъ крыла, отряхнулся, прислушался однимъ и другимъ ухомъ, прыгнулъ на верхній прутъ и сталъ весело отвѣчать своему барину, но сейчасъ же замолчалъ, услыхавъ звучный колокольный звонъ въ монастырѣ, окна и башни котораго виднѣлись надъ плоскими крышами городка.

— Валекъ, въ монастырь! навѣстимъ ксендза Либерата; живѣй, бестія!

— Поворачиваюсь, даже ноги задервенѣли.

Поѣхали тропинкой между лугами, надъ которыми повисли остатки тумановъ, какъ разодранные лохмотья кисеи, сквозь которые мелькали въ бѣшеномъ полетѣ стаи ласточекъ.

По лугу важно выступалъ аистъ, опускалъ то и дѣло въ траву свой острый клювъ, вытаскивалъ лягушку и, поднявъ голову кверху, проглатывалъ ее.

Ручей быстро бѣжалъ узкой голубой лентой, по которой поминутно пробѣгала серебристая рябь, омывая длинные ряды жабинца и незабудокъ, смотрѣвшихъ желтыми и голубыми глазами на хороводы изжелта-бѣлыхъ пискарей, гонявшихся за мелкотой, на узкія зеленоватыя спины и острыя головы щукъ, притаившихся подъ листьями кувшинокъ, на этихъ рѣчныхъ хищниковъ, которые, какъ пули, пролетали между стаями рыбъ, проглатывали пискаря или плотву и, прежде чѣмъ стая успѣвала разсыпаться, исчезали въ зарослях подъ тѣнью цвѣтущей черемухи, увитой листьями

никаго хмеля, дрожавшими на быстринѣ, какъ разсыпавшіяся зеленыя косы.

Потомъ ѣхали садами мѣстечка, дорожкой, вившейся между грядами огородовъ и садами, наполненными цвѣтущими деревьями и запахомъ лука, гдѣ на межахъ паслись бородатыя козы, а на кустахъ зеленаго крыжовника, на поломанныхъ заборахъ провѣтривалась постель.

Проѣхали садъ, тянувшійся за монастырскими стѣнами, и Валекъ вкатилъ кресло въ монастырскій коридоръ.

Въ монастырѣ было тихо и пустынно.

Въ окна врывался вѣтеръ, и заглядывали зеленыя вѣтви деревьевъ изъ садика внутри за оградой.

Нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ тянулись къ солнцу и заглядывали въ окна перваго и второго этажа; весь садъ заросъ сорной травой, на фонѣ которой мелькали бѣлыя печальныя головки нарцисовъ.

— Благословенно Имя Господне! — сказалъ панъ Адамъ, останавливаясь у одного изъ оконъ.

— Во вѣки вѣковъ! — отвѣтилъ Либератъ, который брелъ вдоль стѣны въ своемъ бѣло-черномъ платьѣ доминиканца, худой и сгорбленный.

Поднялъ блеклые, какъ бы безумные глаза и долго смотрѣлъ, прежде чѣмъ понялъ, кто съ нимъ разговариваетъ.

— Какъ здоровье? Отецъ Семенъ говорилъ вчера, что вамъ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ... не лучше, — шепталъ ксендзъ блѣдными губами.

Его сѣрое, высохшее лицо, похожее по тону на эти стѣны, прояснилось улыбкой.

— Можетъ быть вы пожалуете къ намъ сегодня обѣдать!

— Нѣтъ, нѣтъ. Я уже ничего не могу ѣсть. Не сегодня завтра умру...

— Что вы говорите, отецъ, — возразилъ энергично панъ Адамъ, но ксендзъ Либератъ усмѣхнулся и, гладя себя по лицу вѣткой цвѣтущей сирени, понюхалъ ее и глухо шепнулъ:

— Смерть стоитъ рядомъ, смерть уже во мнѣ! — повторилъ онъ съ удареніемъ, такъ что панъ Адамъ нѣсколко отшатнулся, а Валекъ испуганно перекрестился.

— Сегодня ночью былъ у меня пріоръ,—добавилъ онъ тихо.

— Господи Іисусе! Это только привидѣлось, мой отецъ Вѣдь пріоръ умеръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Былъ. Я его видѣлъ! Я молился на хорахъ, а когда сходилъ въ келью, увидѣлъ, что онъ идетъ передо мной по коридору, стучитъ въ каждую келью, откуда ему отвѣчаетъ чей-то голосъ, и идетъ дальше, точно всѣхъ сзываетъ. На поворотѣ онъ исчезъ изъ глазъ, а когда я уже легъ, то услыхалъ стукъ. Всталъ и открылъ дверь; онъ стоялъ посреди коридора, поднявъ кверху руку, долго смотрѣлъ на меня и сказалъ: — Иди! Я пошелъ за нимъ, онъ велъ меня по всѣмъ коридорамъ, изъ всѣхъ келій выходили отцы, и мы шли всѣ вмѣстѣ въ трепезную, гдѣ уже было много народа, но все входили новые люди, всѣ, кто былъ отъ основанія монастыря. Какой-то престарѣ-

лый отецъ прочитывалъ по книгѣ имя, вызывалъ по очереди, по очереди всѣ къ нему подходили, онъ вырывалъ листъ съ именемъ и бросалъ его на воздухъ, листъ загорался и пламеннымъ шаромъ вылеталъ черезъ окно, а каждый вызванный исчезалъ. Остался одинъ я, и онъ прочелъ мое имя: отецъ Либератъ.

— Иди! — шепнулъ мнѣ пріоръ.

— Послѣдній! — сказалъ читавшій и медленно вырывалъ мою страницу, такъ медленно, что я чувствовалъ, какъ онъ вырывалъ мою жизнь. — Послѣдній! — сказалъ пріоръ, посмотрѣлъ на монастырь, на меня, поцѣловалъ меня въ лобъ и шепнулъ: «Иди!»

— Иду, отецъ! если зовешь меня къ себѣ. Иду!.. — шепталъ ксендзъ, заглядѣвшись на клочокъ голубого неба надъ садомъ, скрестилъ руки на груди и стоялъ, похожій въ своей мертвенной блѣдности на изваяніе. Ласточки носились надъ нимъ съ безумной быстротой, воробьи чирикали на деревьяхъ, но онъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ, погруженный въ молитву, въ видѣнія своего предчувствія.

Весь орденъ вымеръ, и онъ, послѣдній въ этомъ многочисленномъ ряду братій, чувствовалъ, что умираетъ.

Панъ Адамъ торопилъ Валька, ему хотѣлось какъ можно скорѣе быть дома. Всегда ксендзъ Либератъ наводилъ на него страхъ, а сегодня онъ поразилъ его до глубины души этимъ разсказомъ о ночномъ видѣніи.

Панъ Адамъ дышалъ воздухомъ полей и цвѣтовъ, смотрѣлъ на зелень и на людей, пробовалъ свистѣть и напѣвать, но голосъ его обрывался, онъ оглядывался, точно боясь увидать за собою эту процессію мертвыхъ монаховъ, и кричалъ:

— Валекъ, поворачивайся живѣе, бестія!

На крыльцѣ засталъ онъ Анку; сидѣла на низенькой скамейкѣ, окруженная стаей молодыхъ цыплятъ, которыхъ она кормила.

Максъ стоялъ у дверей и любовался этой сценой.

— Гдѣ были, дѣдушка?

— У ксендза Либерата.

— Ему не лучше?

— Гдѣ тамъ, онъ уже совсѣмъ mente captus, совсѣмъ.

Разсказывалъ мнѣ необычайныя вещи и твердилъ, что не сегодня завтра умретъ.

— Это тотъ ксендзъ, который былъ у васъ вчера? — спросилъ Максъ.

— Нѣтъ. Ксендзъ Семенъ нашъ приходской священникъ, а этотъ послѣдній изъ доминиканцевъ нашего монастыря.

Отецъ Либератъ очень ученый и набожный человѣкъ, но... больной. Почти сумасшедшій. Не спитъ иногдѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не ѣстъ, сторонится отъ людей и только молится растянутый на полу старыхъ хоръ, а по ночамъ посѣщаетъ пустыя келыи и разговариваетъ съ давно умершими. И кромѣ того...

Наклонился къ Максу и что-то зашепталъ, но Анка его прервала.

— Тасюхны, тась, тась, тась! — звала она стадо утокъ, которыя съ наслажденіемъ барахтались въ пруду, не обращая вниманія на отчаянные крики и суету ихъ высидѣвшей курицы.

Насѣдка звала на помощь, подлетала къ водѣ и съ испугомъ отскакивала.

— Вы сами ежедневно кормите птицу?

— Ежедневно.

— Это вѣдь большой трудъ!

— Такъ какъ само ничего не дѣлается, то значитъ надо работать — отвѣтила она весело, сзывая къ крыльцу все новыя стада, которыя бѣжали со всѣхъ угловъ двора, жадно бросались на кормъ и оглашали воздухъ веселымъ крикомъ.

Анка сѣла на порогѣ крыльца и черпала изъ стоявшихъ около нея рѣшетъ то горсть пшенной каши, то ячмень, то пшеницу и бросала ихъ подвижному, крикливому и драчливому стаду.

Тутъ были цыплята, покрытые желтымъ пухомъ, которые съ необычайной ловкостью выбирали пшено и ежеминутно подбѣгали къ курицѣ, сзывавшей ихъ къ новой пищѣ, добытой изъ земли; были стройныя, бѣлыя индюшки на зеленыхъ, точно бронзовыхъ ножкахъ, нѣжныя, капризныя, поднимавшія на бѣгу короткія крылья и жалобно кричавшія; были утята, уже оперенные, но такіе грязные, что нельзя было разобрать ихъ цвѣта; они шли толпой, бросались молча на пищу, жадно глатали, набивали себя кашей, тряся въ воздухѣ клювомъ; наконецъ пришло стадо гусей съ гусакомъ; они неуклюже раскачивались, трясли обвисшими животами и безпокойно гоготали, но первыми набросились на ячмень и топтали своихъ птенцовъ; эта толпа производила больше всего суматохи, потому что ежеминутно поднимала клювы, вытягивала змѣевидныя шеи и крикливо переговаривалась между собой, а гусакъ щипалъ, неуклюже подпрыгивавшихъ куръ, гонялся за утками,

шипѣлъ на индюшекъ и возвращался къ гусямъ, громко радуясь побѣдѣ.

Потомъ поднялся писк, всѣ перемѣшались и стали драться.

Старые гуси шипѣли на индюшекъ, которыя, растопыривъ крылья, грозно сверкали глазами и еще грознѣе кричали, а индюкъ въ радугѣ своего распущеннаго вѣеромъ хвоста, въ красныхъ отъ злости коралахъ подскакивалъ къ селезнямъ съ зелеными павлиньими головами, убѣгавшими, хватая по дорогѣ кормъ.

Къ довершенію всего, привлеченные птичьимъ крикомъ голуби, увидѣвъ пана Адама, кружились надъ домомъ и падали снѣжными комьями среди стада, ворковали, храбро кружились и таскали зерна изъ-подъ клювовъ, убѣгали отъ криковъ и шипѣнья гусей и безпрестанно возвращались, страшно торопясь.

Анку потѣшала эта борьба, которая кипѣла у ея ногъ, и она все сыпала новыя пригоршни на головы и крылья птицъ.

— Вы сейчасъ похожи на Зосю Мицкевича.

— Съ той разницей, что Зося развлекалась хозяйствомъ, кормила птицъ ради своего удовольствія.

— А вы зачѣмъ это дѣлаете?

— Чтобы, хорошо выкормивъ, продать въ Лодзь. Это вамъ меньше нравится?

— Еще больше, удивляюсь вашей практичности.

— Это практичность поневолѣ.

— Никогда почти она не бываетъ другой. Но вы удивительно умѣете сочетать практичность съ чѣмъ-то другимъ, чего я не сумѣю назвать, потому что...

Его прервалъ панъ Адамъ, который протяжно засвисталъ.

Индюки сейчасъ же надулись и заболтали, гуси раскричались, курицы закудахтали и, разставивъ ноги, растопыривъ крылья, стали прятать цыплятъ, голуби взвились кверху и какъ безумные бросились къ голубятнѣ, къ сараямъ, нѣкоторые спасались даже на крыльцо отъ воображаемаго ястреба. Поднялся такой гамъ, крикъ и писк, что панъ Адамъ хохоталъ во все горло.

— Вотъ какую я выкинулъ штуку! — крикнулъ онъ.

— Что за гусиная идиллія? Я не могъ благодаря ей уснуть, — сказалъ Карлъ, выходя на крыльцо.

— Выспишься въ Лодзи.

— У меня тамъ другая работа, — сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, холодно поздоровался съ Анкой и посмотрѣлъ со скукой на столбы голубого дыма надъ городомъ.

— Вамъ непремѣнно надо ѣхать сегодня? — спросила робко Анка.

— Непремѣнно и хоть сейчасъ.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ, я уже готовъ, — рѣзко отвѣтилъ Максъ, раздраженный этимъ «непремѣнно».

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы поѣдете послѣ обѣда; сейчасъ я не позволяю. Пойдемъ къ обѣднѣ, навѣстимъ ксендза Семена. Потомъ пообѣдаемъ, я пригласила Заіончковскаго и ксендза, и наконецъ вамъ надо, панъ Карлъ, поговорить съ Карчмарскимъ, онъ долженъ быть къ тремъ часамъ, а вечеромъ мы васъ проводимъ.

— Хорошо, хорошо! — бросилъ Карлъ быстро и пошелъ въ столовую завтракать. Потомъ, ссылаясь на

жару, ушелъ въ садъ и сѣлъ подъ цвѣтущими яблонями, ежеминутно осыпаемый снѣгомъ ихъ лепестковъ. Пчелы жужжали надъ нимъ, какъ въ ульѣ, пѣли иволги, и пахло сладкимъ запахомъ яблонь и сирени.

Панъ Адамъ пошелъ какъ всегда вздремнуть послѣ завтрака, такъ какъ всталъ съ зарей; Анка собиралась въ костелъ, а Максъ ходилъ по заросшимъ травой аллеямъ, вертѣлся около Карла, спускался къ рѣкѣ, возвращался обратно, но, проходя мимо Карла, молчалъ и избѣгалъ его взглядовъ. Принявъ цвѣтущую яблоню за свѣтлое платье Анки, онъ бросился въ глубь сада, но, замѣтивъ свою ошибку, остановился у забора и засмотрѣлся на далекія поля зеленѣвшихъ хлѣбовъ, волновавшихся съ однообразнымъ шумомъ. Отъ деревни по межѣ тянулась въ костелъ длинная цѣпь бабъ въ красныхъ платьяхъ и мужиковъ въ бѣлыхъ кафтанахъ; Максъ смотрѣлъ и жадно прислушивался, не раздастся ли гдѣ голосъ Анки.

Не могъ понять, что съ нимъ такое.

«Не выспался, что ли? — думалъ онъ, сжимая руками разболѣвшуюся голову. — Къ чорту деревню!

Почувствовалъ себя внезапно такимъ разстроеннымъ, что подошелъ къ Карлу.

— Нельзя ли раньше выѣхать?

— Тебѣ тоже довольно?

— Конечно, я совсѣмъ выбился изъ колеи, чувствую себя рваной калошей. Ночью не спалъ, теперь не знаю, что съ собой дѣлать.

— Лягъ на траву, вдыхай ароматъ цвѣтовъ, слушай шопотъ травы, наслаждайся пѣніемъ птицъ, купайся въ

солнечныхъ лучахъ и думай о пивѣ или о черной Антѣ, — иронизировалъ Карлъ.

— Честное слово, не знаю, что съ собой дѣлать. Двадцать разъ осмотрѣлъ садъ; ну, и что же? Вижу, что прекрасенъ, что деревья цвѣтутъ, что трава зеленая, но къ чему мнѣ это? Былъ на лугу — великолѣпенъ. Былъ въ конюшнѣ, былъ вездѣ, все видѣлъ, но довольно съ меня этого. Панна Анка расхваливала мнѣ лѣсъ, увидѣлъ, что деревья высоки, что сырость и что не на чѣмъ сѣсть.

— Отчего же ты не сказалъ, велѣла бы принести тебѣ диванчикъ.

— А кромѣ того безпокоюсь о матери и... — оборвалъ внезапно и сталъ съ злостью разметывать ногой свѣже насыпанную кротовую кучу.

— Успокойся, уѣдемъ, отбуду только поприличнѣе всю эту скучную барщину.

— Барщину? — спросилъ удивленно Максъ. — Невѣста и отецъ — это барщина?

— Я не ихъ имѣлъ въ виду, а тѣхъ болвановъ, что будутъ на обѣдѣ, — поправлялъ онъ нечаянно сорвавшееся слово, но Максъ, какъ будто нарочно, сталъ его увѣрять, что Заіончковскій необыкновенно симпатиченъ, ксендзъ очень уменъ и т. д., такъ что Карлъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что это ты выкидываешь? Вчера восхищался деревней, сегодня зѣваешь и хочешь удрать въ Лодзь; вчера называлъ этихъ двухъ людьми изъ оперетки, а сегодня ты ихъ защищаешь.

— Потому что мнѣ такъ нравится! — сказалъ Максъ

краснѣя и повернулъ въ глубь сада, но сейчасъ же поспѣшилъ назадъ, услыхавъ зовъ Анки:

— Господа, пора итти въ костелъ!

Забылъ о раздраженіи, скукѣ и злости, только смотрѣлъ на Анку, стоявшую на крыльцѣ и надѣвавшую длинныя бѣлыя перчатки.

Была сегодня необыкновенно хороша въ своемъ свѣтломъ легкомъ платьѣ съ нѣжнымъ лиловымъ рисункомъ, въ большой, плоской шляпѣ, отдѣланной бѣлымъ газомъ и незабудками.

Была такъ прекрасна въ своей молодости и силѣ, такимъ благородствомъ лучились ея сѣрые глаза, что Максъ не могъ говорить.

Шелъ рядомъ и наконецъ успокоившись окинулъ взглядомъ спеціалиста ея платье и шепнулъ Карлу серьезно:

— Это твоя «брильянтина», Карлъ! Прекрасна по краскамъ!

— И чудесно стирается, — прибавила Анка смѣясь.

Задѣтый ея смѣхомъ, Максъ отсталъ немного и сталъ смотрѣть на широкія улицы городка, по которымъ они шли въ костелъ.

Это былъ бѣдный городокъ, населенный преимущественно евреями-ткачами. Почти у каждаго окна стоялъ станокъ, а въ длинныхъ грязныхъ сѣняхъ сидѣли еврейки и наматывали на прялкахъ пряжу; однообразный и сухой шумъ станковъ несся изъ каждаго окна и дрожалъ въ тихомъ солнечномъ воздухѣ.

Бѣдныя лавчонки съ притворенными дверями точно защищались отъ клубовъ пыли.

Посреди главной улицы чернѣли громадныя, нико-

гда не просыхающія лужи, въ которыхъ плескались утки. Противъ монастыря, на песчаной базарной площади, окруженной домами съ деревянными колоннами, было нѣсколько недавно сгорѣвшихъ домовъ, среди обломковъ и разрушенныхъ стѣнъ которыхъ торчали однѣ печи. Сквозь полуразвалившуюся монастырскую ограду, поросшую сорной травой и усаженную большими березами съ поникшими вѣтками и бѣлой корой, виднѣлся ободранный фасадъ костела съ стройной колоколенкой въ углу кладбища.

У самой стѣны, въ тѣни березъ стояло нѣсколько десятковъ крестьянскихъ фуръ и бричекъ, немного дальше, посреди базарной площади, подъ холщевыми навѣсами, пріютилось нѣсколько лавчонокъ, а дальше было пусто, потому что солнце жгло все сильнѣе.

Остались на кладбищѣ, потому что нельзя было пробраться внутрь костела.

Анка усѣлась на ступенькахъ ризницы и молилась, а Максъ съ Карломъ ушли подъ березы и сѣли на одну изъ старыхъ позеленѣвшихъ могильныхъ плитъ, тянувшихся рядами подъ стѣной.

Богослуженіе уже началось. Черезъ открытыя двери костела долетали то заглушенные звуки органа, то голосъ органиста, то торжественное хоровое пѣніе, то слабый голосъ ксендза, пролетавшій надъ этой подвижной волной головъ, которая шла отъ дверей, разбивалась о рѣшетку главнаго алтаря и отливала назадъ съ шопотомъ молитвъ, вздоховъ и кашля; иногда все стихало, раздавались только металлическіе звуки колокольчика, въ отвѣтъ имъ были глубокіе тяжелые вздохи толпы, на кладбищѣ опускались

на колѣни, били себя въ грудь и снова возвращались подъ березки и развалины ограды, гдѣ сидѣли.

— Наши платки! — шепнулъ Максъ, указывая на нѣсколькихъ бабъ, которыя сидѣли, подобравъ ноги и перебирая четки, алѣя на солнцѣ и пескѣ какъ маки.

— Уже выцвѣли, — отвѣтилъ Карлъ насмѣшливо.

— Выцвѣли побіяницкіе; я говорю объ этихъ алыхъ съ зеленымъ рисункомъ, эти не полиняютъ, вываривай ихъ хоть въ солнцѣ.

— Вѣрю, но не все ли мнѣ равно?

— Здравствуйте, господа! — раздался возлѣ нихъ глухой голосъ.

Передъ ними стоялъ Стахъ Вильчекъ съ цилиндромъ въ рукѣ, элегантный, надушенный, протягивая имъ руку, какъ близкій знакомый.

— Что вы дѣлаете въ Куровѣ? — спросилъ Максъ.

— Пріѣхалъ на праздники къ роднымъ. Это мой отецъ дудитъ сейчасъ на органѣ, — отвѣтилъ онъ съ презрительной снисходительностью, играя своими многочисленными кольцами.

— Долго вы здѣсь пробудете?

— Ѣду ночью, потому что мой жидъ далъ мнѣ короткій отпускъ.

— Гдѣ вы теперь служите?

— Въ конторѣ Гросглюка, но только временно.

— Начали дѣло съ углемъ?

— Нѣтъ, моя контора на Николаевской, Гросглюкъ продалъ все угольное дѣло Канельману, но я не хочу имѣть дѣлъ съ этимъ паршивымъ жидомъ. Вамъ уже поставляютъ уголь для вашей фабрики?—спросилъ тише, наклонившись къ Карлу.

— Еще нѣтъ, — отвѣтилъ Максъ.

— Какія ваши условія? — спросилъ холодно Карлъ.

Стахъ присѣлъ около него на плиту, сталъ быстро писать и вычислять въ записной книжкѣ и показалъ ему.

— Слишкомъ дорого! У Браумана мѣшокъ на семь съ половиной копеекъ дешевле.

— Плутъ и разбойникъ! Не додастъ десяти мѣшковъ на вагонъ, — тихо отвѣтилъ Стахъ.

— Вы думаете, у меня не будутъ провѣрять, что ли?

— Вѣсъ будетъ даже больше, вѣдь не даромъ Брауманъ обливаетъ его водой передъ отправкой.

— Очень возможно, но кто поручится, что и вы не сдѣлаете того же?

— Хорошо, отдамъ вамъ по той же цѣнѣ. Ничего почти не заработаю, но очень бы хотѣлъ имѣть эту поставку. Я уже говорилъ объ этомъ съ Вельтомъ, но онъ мнѣ сказалъ, что вы сами рѣшаете, панъ Боровецкій. Такъ какъ же? — спросилъ онъ ласково, не обращая вниманія на предыдущія слова Карла и на его холодный, презрительный тонъ.

— Приходите къ намъ завтра, тогда поговоримъ.

— Въ какомъ приблизительно количествѣ потребуется вамъ уголь? — спросилъ онъ Макса.

Не получилъ отвѣта.

Всѣ примолкли, потому что при торжественномъ звонѣ колоколовъ и пѣніи всей толпы процессія вышла изъ костела во главѣ съ ксендзомъ подъ краснымъ балдахиномъ. Длинной змѣей выползала она изъ главныхъ дверей и, сверкая красными, бѣлыми и желтыми нарядами женщинъ, пестрѣя черными кафтанами мужи-

ковъ и золотыми пятнами горящихъ свѣчей, поползла между сѣрыми стѣнами костела и зелеными березами, обвиваясь длиннымъ тѣломъ вокругъ всего костела.

Голоса громаднаго хора неслись въ раскаленномъ воздухѣ, рвались къ бѣловатому небу, спугивали съ башенъ костела, съ развалившихся крышъ монастыря стаи голубей, тучами взвивавшихся къ небу. Процессія вернулась въ костелъ, голоса на время смолкли, шумѣли только листья березъ, сонно качаясь въ раскаленномъ воздухѣ. Отъ монастырскихъ пристроекъ донеслось гоготанье гусей, а внутри костела опять широко полились звуки пѣнія, звонковъ и органа.

Жара все усиливалась, солнце палило деревянныя крыши и казалось убивало всякую жизнь; безсильная тишина повисла въ воздухѣ надъ зелеными полями, неподвижными садами, лугами, подернутыми сѣроватой мглой, надъ лѣсами, окружавшими мѣстечко темной лентой.

— Вы не слышали, какъ Нейманъ, лежитъ? — спросилъ Максъ Стаха.

— Уже.

— Совсѣмъ?

— Нѣтъ, только на одномъ боку, на тридцать процентовъ. Вы теряете?

— Долженъ намъ кое-что. — Максъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Я могу вамъ найти человѣка, который скупилъ бы векселя, разумѣется дешевле и съ хорошимъ процентомъ на мою долю.

— Чортъ возьми, вы вездѣ «зарабатываете»?

— Во многихъ дѣлахъ! — сказалъ Вильчекъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Вы хорошо знаете Куровъ? — спросилъ Максъ, мѣняя разговоръ, потому что Карлъ непріязненно посматривалъ на Вильчка и упорно молчалъ.

— Я здѣсь родился, пасъ здѣсь отцовскихъ гусей и скотину, получалъ ремнемъ по спинѣ, ксендзъ Семенъ могъ бы разсказать объ этомъ подробнѣе. Можетъ быть, вы не вѣрите, что я былъ пастухомъ? — спросилъ онъ насмѣшливо, замѣтивъ замѣшательство Макса.

— Трудно повѣрить, глядя на васъ.

— Ха, ха, ха! это лестно! Пасъ скотину, вѣрно! получалъ ремешкомъ по спинѣ, надувалъ мѣхи отцу для органа, чистилъ монастырской братіи сапоги, заметалъ не одинъ только костелъ! Не стыжусь этого нисколько, это вѣдь не поможетъ, фактъ останется фактомъ, а впрочемъ опытъ — это капиталъ, приносящій сложные проценты.

Максъ ничего не отвѣтилъ, а Карлъ оглядывалъ его пренебрежительно, насмѣшливо улыбаясь, потому что былъ до смѣшного расфранченъ: свѣтлый клѣтчатый костюмъ, лакированныя ботинки, бѣлый шелковый жилетъ, свѣтлый галстукъ съ огромнымъ брилліантомъ, пальто моднаго покроя, блестящій цилиндръ, длинная золотая цѣпочка, золотое пенсне, которымъ не пользовался, нѣсколько золотыхъ колецъ, которыми онъ постоянно игралъ.

Все это совершенно не соотвѣтствовало его одутловатому, прыщеватому лицу, съ маленькими хитрыми глазками, съ низкимъ морщинистымъ лбомъ, съ расчесанными на проборъ волосами неопредѣленнаго цвѣта; длинный острый носъ и толстыя губы дѣлали его похожимъ и на мопса и на журавля.

Не обращалъ вниманія на то, что ему не отвѣчаютъ, улыбался, глядя на нихъ, съ превосходствомъ и снисходительностью, а когда толпа стала выходить изъ костела, онъ выпрямилъ свою квадратную фигуру, пододвинулся къ Карлу и смотрѣлъ гордо и холодно на куровскихъ мѣщанъ, на своихъ ровесниковъ, на бывшихъ друзей дѣтства, которые оглядывали его съ удивленіемъ, не смѣя поздороваться. Пришла Анка, которую Стахъ униженно привѣтствовалъ, а когда она пригласила его на обѣдъ, покраснѣлъ отъ радости и благодарилъ громко, чтобы слышали проходившіе.

— Къ сожалѣнію надо быть дома, съѣхались всѣ мои сестры.

— Искренно сожалѣю, что лишенъ это удовольствія до другого раза.

— Пойдемъ теперь къ ксендзу, — шепнула Анка.

— Я провожу васъ, мнѣ тоже надо его провѣдать.

Медленно шли они по кладбищу, переполненному народомъ.

Мужики въ кафтанахъ и шапкахъ, бабы въ яркихъ платкахъ и шерстяныхъ платьяхъ почтительно кланялись, но большая часть толпы, состоявшая изъ рабочихъ, пріѣхавшихъ къ своимъ семьямъ на праздникъ, стояла неподвижно и смотрѣла на «фабрикантовъ» съ вызовомъ.

Ни одна шляпа не поднялась передъ Карломъ, хотя онъ узналъ многихъ рабочихъ изъ своего прежняго отдѣла у Бухгольца.

Только къ Анкѣ часто подходили женщины, цѣловали ей руки или здоровались, обмѣниваясь нѣсколькими словами.

Карлъ шелъ за ней, взглядомъ заставляя толпу разступаться, Максъ съ любопытствомъ всѣхъ разсматривалъ, а Вильчекъ шелъ сзади и говорилъ привѣтливо нѣкоторымъ,

— Какъ поживаете? какъ поживаете?

Пожималъ протянутыя къ нему руки, спрашивалъ о работѣ, о дѣтяхъ, о здоровьѣ.

Всѣ почти ему кланялись, смотрѣли на него дружелюбно и даже съ гордостью, потому что знали его, когда онъ здѣсь съ ними дрался и пасъ скотину. Это былъ все-таки свой человѣкъ.

— Да они всѣхъ васъ знаютъ, — сказалъ Максъ, когда они входили въ садъ ксендза.

— Знаютъ. Пана Вильчка любитъ всѣ мѣстечко, гордится имъ, — отозвалась Анка.

— Отъ этой любви у меня только стали совсѣмъ грязныя, негодныя перчатки.

Говоря это, онъ снялъ ихъ и чванливо бросилъ въ кусты.

— Поднимете ихъ на обратномъ пути, —замѣтилъ Карлъ вполголоса.

Вильчекъ услыхалъ это и закусилъ отъ злости губы.

Ксендзъ Семенъ занималъ внизу монастыря нѣсколько угловыхъ комнатъ, передѣланныхъ изъ монашескихъ келій, окна которыхъ выходили въ большой, прекрасно содержимый фруктовый садъ.

Въ квартиру вело большое деревянное, свѣже поставленное, еще совсѣмъ желтое крыльцо.

Дикій виноградъ покрывалъ всю стѣну, свѣшиваясь зелеными фестонами надъ окнами, громадные кусты

сирени росли такъ близко, что цвѣтущія вѣтви врывались въ комнаты.

Ксендзъ Семенъ только что вернулся и радушно принималъ гостей въ угловой гостиной, побѣленной известью, сквозь которую проступали неясныя краски и полустертые контуры древнихъ фресокъ, покрывавшихъ своды.

Отъ цвѣтущей сирени и зеленой травы все приняло зеленовато-фіолетовый тонъ.

Прохладная сырость охватывала при входѣ.

Какъ живешь, Стахъ? Отчего, мошенникъ, не былъ у меня вчера, а?

— Нельзя было, пріѣхали сестры, и я шагу не дѣлалъ изъ дома, — объяснялъ Вильчекъ, цѣлуя ксендза въ руку.

— Твой отецъ мнѣ говорилъ. А не могъ ты его замѣнить на хорахъ, а? Старикъ едва передвигаетъ ноги. Ясекъ, Ясекъ! давай, разбойникъ, трубку и папиросъ для гостей.

— Я совсѣмъ разучился играть, но если ксендзъ позволитъ, разучу какую-нибудь красивую обѣдню и пріѣду ее сыграть.

— Ну, хорошо, хорошо!.. Анка, Ануся! иди сюда, дѣточка, помоги принять гостей. Скажите пожалуйста, думаетъ, что я позволю ей сидѣть сложа руки, — смѣялся ксендзъ, суетясь по комнатѣ и выдвигая столъ на середину.

— Вы давно знакомы съ ксендзомъ? — спросилъ Максъ Вильчка.

— Съ дѣтства. Первыя буквы познали вмѣстѣ съ подзатыльниками отъ ксендза и скажу, что было ихъ довольно, — смѣялся Стахъ.

— Преувеличиваешь, мой другъ, подзатыльниковъ было совсѣмъ не слишкомъ много.

— Признаюсь откровенно, ихъ было меньше, чѣмъ я этого заслуживалъ.

— Вотъ видишь! Ты къ себѣ справедливъ, изъ тебя еще выйдетъ не дурной человѣкъ! Ясекъ Ясекъ! куда онъ пропалъ, мошенникъ?

И, не ожидая его, приносилъ самъ изъ другой комнаты разную ѣду и ставилъ на столъ.

— Друзья мои дорогіе, дѣти мои, панъ Карлъ, панъ Баумъ, Стахъ, рюмочку вишневки! Ей шесть лѣтъ, сладкая какъ медъ, а какой цвѣтъ, прошу посмотрѣть, настоящій рубинъ!

Поднялъ рюмку къ свѣту, и вишневка заиграла чистымъ рубиновымъ цвѣтомъ.

— Закусите-ка теперь этой ватрушкой, скажу вамъ, таетъ во рту. Кушайте, не обижайте Анку, это она сама дѣлала и прислала мнѣ.

— Отецъ Семенъ, вѣдь мы пойдемъ сейчасъ обѣдать.

— Молчи, женщина, у тебя нѣтъ права голоса. Пейте, господа.

— Ждемъ васъ, ксендзъ.

— Не пью, друзья мои милые, не пью. Ануся, выручи меня.

Вышелъ и сейчасъ же вернулся съ большой флягой подъ мышкой, запахивая рясу, которая у него все разстегивалась.

— А теперь въ заключеніе выпьемъ вина, выпьемъ и баста. Смотри-ка, Анка, это земляничное, которое мы съ тобой приготовляли три года тому назадъ. По-

смотрите, какого цвѣта. Совсѣмъ солнце на закатѣ, чистое солнышко! А какой ароматъ, понюхайте-ка!

Совалъ всѣмъ подъ носъ бутылку, отъ которой пахло земляникой.

— Вы такъ накормите моихъ гостей, что они не будутъ въ состояніи обѣдать.

— Молчи, Анка, Богъ дастъ скушаемъ и твой обѣдъ, скушаемъ!

Послушайте-ка, дѣтки... а не попробовать ли намъ ветчинки? съ майскими грибками, а? Ну, друзья мои милые, дѣточки мои, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе. Не могу угостить васъ ананасами, я бѣдный слуга Христовъ, но все, что есть — берите. Анка, проси же за меня. Стахъ, тресну тебя чубукомъ, если будешь такой мямля, пошевеливайся, парень!

— Однако у ксендза такіе запасы, что не постыдилась бы ихъ любая хозяйка.

— Это все твоя Анка. Ну, нечего краснѣть, дѣвушка, не стыдись. Ничего у меня не было, ровно ничего, пусть вотъ Стахъ скажетъ, жилось кое-какъ.

Но какъ стала она мнѣ говорить: пусть ксендзъ посадитъ фруктовыя деревья, разведетъ пчелъ, смотритъ за садомъ, сдѣлаетъ и то, и это, развѣ можно было устоять?

Хо, хо, Анка — это золото! Показалъ бы вамъ, сколько у насъ въ сокровищницѣ бѣлья, какіе покровы, облаченія, эпитрахили, не постыдился бы ихъ и каѳедральный соборъ.

Все она своими руками работала, она, дитятко мое милое!

Растроганный, обнялъ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Одного только не могла добиться, чтобы ксендзъ купилъ себѣ новую рясу.

— Къ чему это! Молчи! Ясекъ, дай-ка огонька, трубка погасла — крикнулъ онъ, покраснѣвъ какъ дѣвушка, и билъ чубукомъ объ полъ.

— Сидите здѣсь, господа, а я пойду приготовить обѣдъ. Не задерживайте ихъ, отецъ, приводите ихъ скорѣе.

Ушла сейчасъ же.

Вильчекъ тоже попрощался, потому что за нимъ пришелъ младшій братъ.

— Молодецъ парень! — сказалъ ксендзъ, когда тотъ вышелъ.

— Настоящая лодзинская каналья!

— Слишкомъ рѣзко, панъ Карлъ. Долженъ заступиться за своего воспитанника. Знаю его съ дѣтства. Кремень, милый другъ, не позволитъ себя съѣсть съ кашей. Стальная воля, хитрый ловкій, но добрый, любитъ свою семью.

— Что не мѣшаетъ ему надъ ней смѣяться.

— Это ужъ такая противорѣчивая натура. Еще ребенкомъ насмѣхался надъ одной бѣдной больной женщиной. Проучилъ его за это чубукомъ и хотѣлъ его заставить извиниться.

Какое! Принялъ побои, но не пошелъ извиняться. Потомъ я узналъ, что онъ стащилъ у матери кофту и юбку и отнесъ этой бабѣ. Все сдѣлаетъ по своей волѣ, силой ничего не заставишь его сдѣлать.

Смѣется надъ родными, это конечно не хорошо, но онъ всѣмъ помогаетъ.

Меньшаго брата содержитъ въ гимназіи, родителямъ помогаетъ, еще выйдетъ изъ него толкъ.

— Для преступленія, — сказалъ Карлъ, раздраженный этими похвалами ксендза.

— Ну, пойдемъ обѣдать, панна Анна вѣрно уже ждетъ.

— Идемъ. Идите, господа, я васъ догоню, загляну только къ ксендзу Либерату.

— Прекрасный человѣкъ этотъ ксендзъ Семенъ, никогда еще не встрѣчалъ такого. Это олицетвореніе прямодушія, доброты и самоотреченія.

— Потому что въ Куровѣ выгоднѣе всего быть такимъ, особенно если носишь рясу. Попробуй здѣсь жить аферами.

— Говоришь, какъ Моріцъ, — отвѣтилъ неохотно Максъ.

— Господа, друзья милые, подождите! Скачете, какъ козы, догоняю васъ, догоняю, — кричалъ ксендзъ, подбирая на ходу мѣшавшую ему рясу.

Шли вмѣстѣ, но молчали.

Ксендзъ сталъ печаленъ, вздыхалъ и смотрѣлъ вдаль.

Видъ ксендза Либерата совсѣмъ его разстроилъ.

На крыльцѣ дома они уже застали Заіончковскаго, который торопливо разсказывалъ что-то пану Адаму.

— А этотъ басурманъ уже здѣсь, — сказалъ ксендзъ. — Какъ поживаешь, милостивый государь? Что это ты въ костелъ не ходишь, забылъ уже своего ксендза, а?

— Не начинали бы, ксендзъ, ссоры, я и такъ золъ, — пробормоталъ шляхтичъ неохотно.

— Укуси собаку въ хвостъ. Скажите пожалуйста, будетъ тутъ фыркать отъ злости, какъ котъ.

— О, Господи Іисусе, если это я началъ, бейте меня, — крикнулъ Заіончковскій, разводя руками.

— Ну, будетъ, будетъ. Дай сюда губы.

— Идемъ, господа, обѣдъ на столѣ, — приглашала Анка.

— Не могъ, ксендзъ, начать съ этого, всегда противорѣчитъ.

Поцѣловались совершенно примиренные и сѣли за столомъ рядомъ. Обѣдъ проходилъ въ молчаніи, Анка загрустила и не спускала глаза съ упорно молчавшаго Карла, Максъ наблюдалъ ихъ обоихъ, даже панъ Адамъ говорилъ мало, а ксендзъ съ Заіончковскимъ занялись ѣдой.

— Послѣдній разъ обѣдаемъ въ Куровѣ въ такомъ обществѣ, — замѣтилъ старикъ грустно.

— Можемъ еще и въ Лодзи обѣдать въ томъ же составѣ. Думаю, ксендзъ и панъ Заіончковскій насъ не забудутъ, — сказалъ Карлъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, пріѣдемъ оба. Освящу тебѣ фабрики, милостивый государь, потому что кто съ Богомъ, съ тѣмъ Господь Богъ; повѣнчаю васъ, а потомъ кто же будетъ крестить вашего ребенка, если не я... Ну, Анка убѣжала, сконфузилась, а сама только и думаетъ, какъ бы это поскорѣе случилось. Анка, Ануся! — кричалъ онъ довольный.

— Не смущай мнѣ дѣвушку, ксендзъ.

— Милый мой, дѣвицы стыдятся этого, какъ козлы капусты. Ясекъ, набей трубку.

— Панъ Карлъ, выйдите на крыльцо, тамъ ждетъ Соха, хочетъ васъ непремѣнно видѣть.

— Соха? Это ваше протеже, котораго я устроилъ у Бухгольца?

— Да, пришелъ съ женой.

— Анка, почему такой ужасный румянецъ? — спросилъ, выходя съ ней на крыльцо.

— Злой, — шепнула она отворачиваясь, но онъ ее обнялъ и спросилъ шопотомъ:

— Очень злой? ну, скажи Анка, очень злой?

— Очень злой, очень не хорошій и очень...

— Что очень? — спрашивалъ, наклоняя ея голову и цѣлуя ея опущенные глаза.

— И очень любимый, — отвѣтила она, выскальзывая изъ его объятій и выходя на крыльцо, у котораго стоялъ Соха съ женой, до того измѣнившіеся, что едва ихъ узналъ.

На немъ вмѣсто бѣлаго кафтана былъ черный сюртукъ, закапанный воскомъ, черныя слишкомъ короткія брюки навыпускъ, картузъ, резиновый воротничокъ, поднимавшійся на затылокъ и открывавшій его грязную шею.

Отпустилъ бороду, которая острой щетиной покрывала его щеки и доходила до ушей. Коротко остриженные волосы были намазаны помадой.

На желтомъ, помятомъ и похудѣвшемъ лицѣ остались только все тѣ же голубые честные глаза.

Поклонился попрежнему, въ поясъ.

— Я едва васъ узналъ, вы стали совсѣмъ фабрикантомъ. Все работаете у Бухгольца?

— Работаетъ, панъ директоръ, работаетъ, но...

— Молчи, баба, я говорю, — остановилъ ее серьезно Соха.

— Говорили въ Лодзи товарищи, что панъ директоръ открываетъ свою фабрику, такъ мы съ женой такъ... разсчитали...

— Если бы нашъ панъ директоръ, нашъ любимый баринъ, взяли насъ къ себѣ, потому что всегда...

— Молчи, жена! Потому что всегда пріятнѣе и при паровой машинѣ, и въ красильнѣ, и въ аппретурѣ, но если бы нашему барину понадобился человѣкъ къ лошадямъ, то пусть ваша милость возьметъ меня.

— За скотиной ходить скучно.

— Знаетъ лошадей, это можетъ засвидѣтельствовать и барышня, потому что за столько...

— Заткни ротъ, — буркнулъ онъ, — потому что за столько лѣтъ человѣкъ такъ привыкъ къ лошадямъ, что ему безъ нихъ никакъ нельзя.

— И не на пользу ему фабричная жизнь, потому что отъ этой вони...

— Потому что отъ этой вони постоянно болитъ въ груди, тошнитъ, иногда такъ темнѣетъ въ глазахъ, точно кто цѣпомъ по головѣ хватитъ. Баринъ нашъ дорогой! — вскрикнулъ онъ взволнованно, обнимая его ноги.

— Сироты мы бѣдные! Пусть барышня тоже за насъ бѣдныхъ заступится, — говорила сквозь слезы баба, цѣлуя ихъ руки и обнимая ноги.

— Ну, хорошо, приходите на Ивана Купала, мы столкуемся. Возьму васъ къ лошадямъ.

Оба опять стали порывисто благодарить.

— Какъ они измѣнились! — сказала Анка, оглядывая Соху, снявшую деревенское платье.

На ней была голубая ситцевая юбка, красный лифъ, обтягивавшій ея нескладную фигуру, мѣдная брошка, желтый платокъ, завязанный подъ подбородкомъ, и большой рыжій зонтикъ въ рукахъ.

— Три, четыре мѣсяца въ Лодзи сдѣлали изъ нихъ другихъ дюдей.

— Нѣтъ, панъ Карлъ, Лодзь ихъ только переодѣла.

— Дайте имъ сегодня десять морговъ земли, черезъ недѣлю въ нихъ не останется и слѣда ихъ лодзинской жизни.

Вернулись въ столовую, гдѣ ксендзъ спорилъ съ паномъ Адамомъ, который стучалъ ногой и кричалъ:

— Гергей измѣнникъ! измѣнникъ съ ногъ до головы! Негодяй, сукинъ сынъ!

— А я тебѣ говорю, милостивый госдарь, что не измѣнникъ, а только дальновидный человѣкъ. Вѣдь онъ спасъ Венгрію!

— И предалъ ее, какъ Іуда.

— Те, те, те! У тебя разумные люди всегда предатели и Іуды. Что же ему оставалось, какъ не спасти остальное?

— Сражаться до послѣдняго вздоха, до послѣдняго солдата!

— Васъ уже не было, вы еще раньше удрали! Ясекъ, дай-ка, мошенникъ, огонька, трубка погасла.

— Какъ, какъ? Мы удрали? Побойтесь Бога, что вы говорите? Мы удрали? Когда? — кричалъ старикъ, срываясь съ кресла. Его лицо разгорѣлось отъ гнѣва, глаза метали молніи, голосъ хрипѣлъ, а когда онъ не-

много успокоился, то все еще весь дрожалъ и проливалъ кофе на свой сюртукъ и манишку.

Карлъ вышелъ съ Максомъ укладываться, а они все еще продолжали отчаянно спорить.

Заіончковскій поддерживалъ пана Адама, стучалъ по столу кулакомъ, срывался съ кресла, метался по комнатѣ, ища шапку, и снова садился. Ксендзъ не сдавался, говорилъ все тише, все чаще требовалъ у Яська огня и все чаще билъ чубукомъ въ полъ.

Ихъ споръ былъ прерванъ Корчмаркомъ. Шаркая ногами на крыльцѣ, громко сморкаясь, вошелъ онъ въ комнату, поставилъ въ уголъ кнутъ, потеръ руки и сталъ со всѣми серьезно здороваться.

— Опоздали къ обѣду, напейтесь съ нами хоть кофе.

— Спасибо, я уже обѣдалъ, а кофе выпить не мѣшаетъ.

Сѣлъ рядомъ съ паномъ Адамомъ, вытеръ полой сюртука потное лицо, а потомъ сталъ обмахиваться фуляромъ.

— Жара страшная, но будетъ гроза, скотина бѣсится на выгонахъ. Спасибо, пани, горячій?

— Очень, почти кипятокъ, — отвѣтила Анка, подвигая ему кофе и сахарницу.

— Холодный кофе ничего не стоитъ.

— Вижу, что вы знатокъ кофе.

— Потому что постоянно глотаетъ эту гадость!

— Нѣтъ ничего лучше чернаго кофе при дѣловомъ разговорѣ или болтовнѣ, особенно съ рюмкой коньяку.

Анка принесла коньякъ.

Корчмарекъ налилъ полчашки кофе, остальное до-

лилъ коньякомъ, помѣшалъ и, прикусывая сахаръ, сталъ медленно пить, разсматривая присутствующихъ.

— Здравствуйте, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить, — сказалъ Карлъ входя.

— Ты знакомъ съ паномъ Корчмаркомъ? — спросилъ панъ Адамъ.

— Панъ Корчмарскій поставляетъ намъ кирпичъ для фабрики. Отецъ говорилъ мнѣ о вашихъ намѣреніяхъ относительно Курова, но назвалъ другую фамилію, не догадался, что это вы.

— Это потому, что для Лодзи у меня одна фамилія а для деревни другая, — объяснялъ онъ съ хитрой улыбкой. — Люди глупы, прежде всего смотрятъ на одежду и на прозвище. Когда я въ Лодзи носилъ свою настоящую фамилію, то какой-нибудь жидъ или швабъ говорилъ мнѣ: «Корчмарекъ! мужикъ, иди-ка сюда!» А когда я себя назвалъ по-дворянски, то мнѣ говорятъ: «Пане Корчмарскій, будьте добры!» Чего будутъ мной помыкать эти нѣмецкіе батраки, когда я не у сороки подъ хвостомъ родился, я хозяйскій сынъ, и когда дѣдъ и прадѣдъ уже хозяйничали, то всѣ эти нѣмцы еще ползали на четверенькахъ по лѣсу и ѣли какъ свиньи сырой картофель.

— Браво, отлично, панъ Корчмарекъ, — смѣялся Карлъ.

— Я говорю правду. Всѣ лодзинскіе Мюллеры, Шульцы — это такая шляхта, что если бы пришлось, могъ бы быть ихъ королемъ, и еще было бы для нихъ слишкомъ много чести.

Долилъ себѣ коньяку и хотѣлъ продолжать, но панъ

Адамъ, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Макса, перемѣнилъ разговоръ, спросивъ:

— Хорошо идетъ этотъ годъ кирпичъ?

— Не особенно. Но предвижу, что въ Лодзи начнется такая лихорадка съ постройкой, какой еще никогда не было.

— Почему? Все спитъ, столько банкротствъ, какъ никогда, многія фабрики стоятъ, на другихъ рабочихъ вдвое меньше. Еще такой сезонъ, и полетитъ полъ-Лодзи.

— А жидки, пріѣхавшіе изъ Россіи, развѣ не будутъ дѣлать гешефта? Я уже видѣлъ, какъ они бѣгаютъ по городу, осматриваютъ плацы и ищутъ кирпичныхъ заводовъ. Увидите, будетъ движеніе.

Десять лѣтъ тому назадъ было то же самое. Ничего не значитъ, что эту зиму въ Лодзи тихо. Вѣдь и волъ наработавшись лежитъ и только жуетъ и жуетъ. Можно подумать, что умираетъ, но дайте ему только отдохнуть, потомъ какъ потянетъ, что только держись.

— Давно у васъ кирпичный заводъ? — спросилъ Карлъ.

— Почти шесть лѣтъ.

— А раньше? — спросила съ улыбкой Анка, видя, что онъ угощаетъ сигарами.

— Курите, господа, недурныя. У меня есть одинъ жидокъ, который приноситъ мнѣ контрабанду.

Откусилъ острыми зубами кончикъ сигары, осторожно закурилъ и только тогда отвѣтилъ:

— Раньше я былъ глупымъ мужикомъ. Земля была наполовину изъ песку, наполовину изъ чистой глины. Въ сухой годъ на пескѣ выдувало, а на глинѣ сохло;

въ дождливый — на глинѣ гнило, а на пескѣ тоже ничего не родилось. Велъ такое хозяйство, что скотина ѣла солому съ крыши, а я помиралъ съ голоду.

Сознаюсь, что былъ дуракомъ, но откуда я могъ быть умнымъ? Развѣ меня учили, развѣ мнѣ давали совѣты? Моего отца проглотили нѣмцы за тупоуміе, онъ не могъ передать въ наслѣдство ума своему сыну.

Вотъ я и бѣдствовалъ, какъ отецъ и дѣды, какъ на роду положено крестьянамъ. Въ Лодзи строили фабрики, нѣкоторые батраки и мелкіе хозяева уходили на работу, занялись извозомъ, — я не трогался съ мѣста.

Лодзь была еще далеко отъ деревни. Однажды я увидѣлъ изъ избы одну трубу, черезъ годъ ихъ стало пять.

Лодзь приближалась къ деревнѣ. Помню, сначала она была въ четырехъ верстахъ, потомъ въ трехъ, теперь нѣтъ и версты.

Лодзь шла къ деревнѣ, но у бѣды были ноги длиннѣе, схватила она меня такъ, что думалъ все продать и уйти, только немного трусилъ и все оттягивалъ. Однажды встрѣчаю кума изъ Хойновъ съ возомъ песку.

— Куда везете?

— А въ городъ.

— Зачѣмъ?

— Продавать.

— Что же это стоитъ?

— Цѣлковый; попадешь на барина—больше, на жида — меньше.

Пошелъ за нимъ. Выручилъ онъ полтора рубля.

Какъ увидѣлъ это, тутъ у меня все прояснилось, точно мнѣ вдолбили ученую книжку.

Была у меня за хатой горка, совсѣмъ ни къ чему, площадью въ четыре морга. Прибѣжалъ я домой, наладилъ возъ и пошелъ на горку рыть песокъ.

Песокъ былъ какъ золото, больше ему пристало быть на барской лѣстницѣ, чѣмъ подъ хлѣбомъ.

Поѣхалъ я съ первымъ возомъ; жиды побили меня въ Старомъ Городѣ, песочники наши—тоже, на улицѣ побилъ конечно полицейскій, но все-таки я продалъ.

Потомъ я только срѣзалъ горку и вывозилъ въ Лодзь изо дня въ день въ продолженіе двухъ лѣтъ, на третій годъ ѣздилъ уже мой сынишка и мой наемный рабочій; отвозили песокъ, а привозили другое... Сперва жена все ругалась, что я порчу землю. А Лодзь все подходила къ деревнѣ, постоянно приходилъ какой-нибудь нѣмецъ, осматривалъ мое хозяйство и говорилъ: продай; приходили и жиды, тоже говорили: продай, Корчмарекъ. Не продавалъ, хотя подъ конецъ мнѣ стали давать по пятьсотъ рублей за моргъ. Сталъ смекать, что дѣло неладно, если хотятъ платить такъ дорого. Пошелъ посовѣтоваться съ адвокатомъ, который велъ дѣла. Очень честный человѣкъ, прямо сказалъ мнѣ:

— Дуракъ ты, Корчмарекъ, не понимаешь, что они хотятъ купить твою глину. Поставь кирпичный заводъ, а если у тебя нѣтъ денегъ, то со мной въ компаніи.

Поставилъ, нанялъ мастера, помогалъ самъ, и жена, и дѣти, работали мы какъ волы, и деньги шли. Пріѣхалъ какъ-то адвокатъ, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Дуракъ ты, Корчмарекъ, замучаешь себя и дѣтей,

а заработаешь самое большое тысячу въ годъ. — Что дѣлать? — Поставить паровой заводъ.

Думалъ всю зиму, потомъ вступилъ съ нимъ въ компанію, и дѣло идетъ.

— А что сталось съ горкой? — спросила Анка съ любопытствомъ.

— Срыта дочиста, разнесли ее люди на подошвахъ по всему свѣту.

— А вы все еще въ деревнѣ живете?

— И при заводѣ, и въ городѣ; поставилъ себѣ хатку для жены и дѣтей, которыя ходятъ въ школу.

— Хорошая хатка! Четырехъэтажная съ четырьмя флигелями, — вставилъ Карлъ.

— Поставлю еще одну, плацъ есть, а зятю нужна квартира.

— А зачѣмъ вамъ Куровъ?

— Женю старшаго сына, въ школѣ онъ не былъ, къ торговлѣ неспособенъ, фабрикантомъ не будетъ, поэтому хотѣлъ бы купить ему поближе небольшое имѣніе, чтобы былъ у меня подъ бокомъ.

— Я долженъ сейчасъ ѣхать, переговорите обо всемъ съ моимъ отцомъ, условьтесь въ цѣнѣ, пріѣдете въ Лодзь и составимъ купчую. Ну, Максъ, пора ѣхать.

— Проводимъ васъ немного до шоссе.

Прощанье было короткое, всѣ, кромѣ Корчмарка, пошли черезъ садъ узкой полевой дорожкой съ выбитой кое-гдѣ на травѣ колеей.

Впереди шли Анка, Карлъ и Максъ; за ними Заіончковскій съ ксендзомъ, позади ѣхалъ панъ Адамъ, кре-

сло котораго спотыкалось на рытвинахъ и выбоинахъ, такъ что Валекъ ругался ежеминутно.

На землю спускались сумерки; обильная роса покрывала хлѣба и травы; великая тишина плыла надъ полями съ едва замѣтнымъ шелестомъ колосьевъ, пѣніемъ кузнечиковъ и нѣжнымъ стекляннымъ звономъ комаровъ, носившихся тучами надъ головами идущихъ. Иногда раздавался изъ зеленыхъ хлѣбовъ голосъ перепелки, или съ крикомъ пролетали зигзагами ласточки, или изъ овсовъ взвивался прямо къ небу жаворонокъ, трепеща крылышками, заливаясь звонкой пѣснью, или жужжа пролетали пчелы, возвращаясь къ работѣ.

— А этотъ Корчмарекъ, милостивый государь, странный человѣкъ.

— Много такихъ въ Лодзи. Знаете, выучился читать и писать всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Зачѣмъ хаму состояніе? Зайдетъ умъ за разумъ, и начнетъ считать себя всѣмъ равнымъ.

— А развѣ онъ намъ не равный? Заіончковскій, милый другъ, а чѣмъ мы лучше его?

— Ксендзъ заставитъ насъ скоро цѣловать этимъ хамамъ руки.

— Если будутъ этого стоить, первый это сдѣлаю, милостивый государь. Ясекъ, огня!

Но Яська не было, поэтому зажегъ ему трубку Максъ, который, присоединившись къ нимъ, ничего не слыша, смотрѣлъ на Анку, шедшую съ Карломъ впереди, и жадно прислушивался къ ихъ тихому разговору.

— Не забудьте о Высоцкой, — просила она тихо.

— Пойду къ ней завтра. Развѣ она правда наша кузина?

— Она моя кузина, думаю, что скоро будетъ нашей.

Шли нѣкоторое время молча.

Ксендзъ спорилъ съ Заіончковскимъ, а панъ Адамъ громко пѣлъ:

Эй съ горы, съ горы
Ѣдутъ мазуры.

— Вы скоро вернетесь?

— Не знаю. У меня столько работы съ фабрикой, что не знаю, съ чего начать.

— Мало у васъ теперь для меня времени, очень мало... — прибавила тихо и печально, проводя рукой по молодымъ колосьямъ, которые склонялись отъ движенія и осыпали росой ея ноги.

— Прошу спросить Макса, есть ли у меня хоть одна свободная минута для самого себя. Съ пяти часовъ утра до поздней ночи я на ногахъ. Какой ты еще ребенокъ, Анка! Ну, посмотри на меня!

Посмотрѣла, но грустны были ея глаза, а губы нервно дрожали.

— Пріѣду черезъ двѣ недѣли, хорошо? — торопливо сказалъ онъ, чтобы ее утѣшить.

— Хорошо, спасибо, но если отъ этого будетъ страдать фабрика, то прошу не пріѣзжать, сумѣю перенести тоску, вѣдь это не первый разъ.

— Но послѣдній, Анка. Этотъ мѣсяцъ пролетитъ быстро, а потомъ...

— А потомъ?

— Будемъ уже вмѣстѣ; боится этого моя дѣвочка золотая, да? — шепнулъ нѣжно.

— Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь это съ тобой, съ вами,—поправилась она краснѣя и улыбнулась такъ нѣжно, что ему захотѣлось ее поцѣловать.

Замолчала и смотрѣла задумчивыми, сосредоточенными глазами на зеленую поверхность хлѣбовъ, которая, какъ море отъ вѣтра, покрывалась серебристой рябью, склонялась къ землѣ, поднималась темными волнами, бѣжала къ холмамъ и съ шумомъ возвращалась къ дорожкѣ, точно хотѣла затопить и ее и все поле еще низкой пшеницы, трепетавшей блестящими колосьями и похожей на большой прудъ, подернутый золотой рябью.

— Валекъ, двигайся, бестія! — закричалъ панъ Адамъ, когда стали подходить къ шоссе.

— Двигаюсь, уже весь вспотѣлъ.

— Уже! — шепнула Анка, увидѣвъ ожидавшихъ лошадей.

— Жаль, что это «уже» такъ скоро, — сказалъ Максъ.

— Не правда ли, какъ тутъ прекрасно? Посмотрите-ка, милостивый государь, какъ все это чудно написалъ Господь Богъ! — говорилъ ксендзъ, показывая на поля при закатѣ.

Огромное красное солнце садилось за лѣсомъ въ перламутровомъ небѣ и заливало поля алымъ свѣтомъ. Воды прудовъ, лежавшихъ ниже, въ лугахъ, сверкали какъ мѣдные, полированные щиты, а извилистая рѣка, бѣжавшая по лугамъ къ востоку, блестѣла въ

травѣ какъ голубая шелковая лента, затканная кое-гдѣ блестками красноватаго золота.

— Прекрасно, и жалѣю, что у насъ нѣтъ больше времени любоваться.

— Правда. Ну, поѣзжайте съ Богомъ! Поцѣлуемся, ребята.

Панъ Максъ, панъ Баумъ, мы полюбили тебя всѣ, какъ родного.

— Очень радъ, откровенно признаюсь, что ни разу въ жизни не встрѣчалъ болѣе пріятнаго общества, сердечно благодарю за гостепріимство и прошу не забывать Макса Баума!

— Очень солидная фирма, отпускаетъ товаръ съ шестимѣсячнымъ кредитомъ, — смѣялся Карлъ, прощаясь со всѣми.

Максъ замолчалъ, былъ такъ золъ, что долго цѣловалъ руки Анки, поцѣловалъ пана Адама въ обѣ щеки, ксендза въ руку, и это такъ тронуло послѣдняго, что обнялъ Макса, поцѣловалъ его въ голову и перекрестилъ на дорогу.

Тронулись съ мѣста рысью.

Анка стояла на пригоркѣ, махая платкомъ.

Панъ Адамъ пѣлъ маршъ.

Максъ долго всматривался въ свѣтлый контуръ Анки, и когда она скрылась вдали, сѣлъ и сказалъ гнѣвно:

— Ты всегда долженъ меня осмѣять!

— Чтобы протрезвить тебя. Не люблю, чтобы мое вино опьяняло другихъ въ моемъ собственномъ домѣ.

II.

Блюменфельдъ, вы играли въ воскресенье у Малиновскаго?

— Играли, сейчасъ скажу, — отвѣтилъ, подходя къ окну къ просителю.

Стахъ Вильчекъ лѣниво потянулся и пошелъ посмотрѣть въ окно.

Петроковская гудѣла обычнымъ шумомъ, громадныя товарныя платформы громыхали по мостовой такъ, что стеклянныя перегородки конторы, обтянутыя мѣдной сѣткой съ прорѣзомъ для окошекъ, у которыхъ толпился народъ, постоянно звенѣли.

Смотрѣлъ безсмысленно на громадные лѣса новой постройки напротивъ, на густую толпу, тѣснившуюся на тротуарахъ, и вернулся къ своему столу, скользя взглядомъ по головамъ, втиснутымъ между стѣной и стеклянной перегородкой и отгороженнымъ еще другъ отъ друга.

— Что вы играли? — спросилъ опять Блюменфельда, гладившаго худой нервной рукой золотистые волосы и слѣдившаго голубыми глазами за жидкомъ, вертѣвшимся посреди конторы во всѣ стороны.

— Касса направо! — крикнулъ онъ черезъ окошко.

— Мы играли часть сонаты, Cis-mol Бетховена. Все шло отлично. Малиновскій былъ...

— Блюменфельдъ, счетъ Эйхнеръ и Перецъ?—спросили изъ другого конца конторы.

— Четыре, семнадцать, пять. Занято до шести тысячъ, — отвѣтилъ быстро, проглядывая справочникъ.

— Потомъ попробовали то, что я недавно кончилъ.

— А что это? Полька или вальсъ?

— Отстань съ польками и вальсами. Я не составляю репертуара для шарманокъ и танцклассовъ! — сказалъ онъ возмущенно.

— Ну, такъ что же? Оперу? — спрашивалъ Стахъ съ ироніей.

— Нѣтъ, нѣтъ! Нѣчто похоже по формѣ на сонату, но не соната. Первая часть — впечатлѣніе затихающаго и медленно засыпающаго города. Понимаешь, глубокая тишина, передаваемая тихими звуками скрипокъ; а на этомъ фонѣ флейта начинаетъ трогательную жалобную пѣснь окоченѣвшихъ деревьевъ, бездомныхъ людей, заработавшихся машинъ, звѣрей, которые будутъ завтра убиты.

Сталъ тихо напѣвать.

— Блюменфельдъ, къ телефону.

Побѣжалъ сейчасъ же, а вернувшись не могъ продолжать, его ждали двое просителей у окна.

Потомъ сталъ записывать въ громадной книгѣ, но безсознательно перебиралъ пальцами, наигрывая мелодію.

— Ты долго писалъ?

— Около года. Приходи въ воскресенье, услышишь всѣ три части. Отдалъ бы два года жизни, чтобы услышать свое произведеніе, исполненное хорошимъ оркестромъ, отдалъ бы полжизни, — прибавилъ онъ, облокотившись, точно прислушиваясь къ звукамъ, и смотрѣлъ мертвымъ, отсутствующимъ взглядомъ на чернѣвшія головы своихъ товарищей.

Вильчекъ сталъ писать, а въ конторѣ слышались

разговоры, отъ окна къ окну перелетали остроты, раздавался иногда взрывъ смѣха, сейчасъ же смолкавшій, когда хлопали входныя двери, звонилъ телефонъ или звякали стаканы. Пили чай, который варили въ углу конторы надъ газомъ.

— Тише, господа, старикъ пріѣхалъ! —раздался предостерегающій голосъ.

Всѣ замолчали, посматривая на Гросглюка, вышедшаго изъ экипажа и разговаривавшаго передъ конторой съ какимъ-то евреемъ.

— Кугельманъ, проси сегодня объ отпускѣ, старикъ въ хорошемъ расположеніи духа, смѣется, — шепнулъ Стахъ въ сосѣднее отдѣленіе.

— Я говорилъ вчера, отвѣтилъ, что послѣ баланса.

— Панъ Штейманъ, напомните сегодня о наградныхъ.

— Пусть сдохнетъ какъ этого чернаго собака! — выругался кто-то за рѣшеткой.

Стали втихомолку смѣяться надъ «этого чернаго собака», но сейчасъ же смолкли при входѣ Гросглюка.

Изъ всѣхъ оконъ показались почтительно кланявшіяся головы, и глубокая тишина, прерываемая только шипѣніемъ воды надъ газомъ, водворилась въ конторѣ.

Курьеръ взялъ шляпу и подобострастно снималъ пальто съ банкира, который, потирая руки и поглаживая черные бакенбарды, сказалъ:

— Знаете, господа, какой страшный случай?

— Избави Боже, не съ вами, господинъ предсѣдатель? — раздался чей-то испуганный голосъ.

— Что случилось? — спросили всѣ, притворяясь встревоженными.

— Что случилось? Большое несчастье, большое несчастье! — повторилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Проиграли на биржѣ? — спросилъ тихо одинъ изъ служащихъ, выходя изъ-за перегородки.

— Кто-нибудь сгорѣлъ, не успѣвъ застраховать?

— Кто-нибудь у васъ умеръ?

— Можетъ-быть украли вашихъ чудныхъ рысаковъ?

— Не говорите глупостей, пане Пальманъ — отвѣтилъ важно.

— Что же случилось, господинъ пресѣдатель? Мнѣ уже дѣлается дурно, — умолялъ Штейманъ.

— Ну, слетѣлъ!

— Кто слетѣлъ? Откуда? Гдѣ? Когда? — сыпались тревожные вопросы.

— Ну, упалъ со второго этажа ключъ и выбилъ себѣ зубы... Ха, ха, ха! — смѣялся онъ отъ всей души.

— Какая острота, какъ остроумно! — говорили всѣ, покатываясь отъ смѣха, хотя слышали эту глупую остроту десятки разъ.

— Болванъ! — пробурчалъ Стахъ Вильчекъ.

— Этотъ можетъ все себѣ позволить! — отвѣтилъ шопотомъ Блюменфельдъ.

Гросглюкъ пошелъ въ свой кабинетъ, расположенный за конторой.

Комната была меблирована съ большой роскошью. Красные обои съ золотой обшивкой гармонировали съ мебелью краснаго дерева, богато украшенной бронзой. Большое венеціанское окно, завѣшенное тяжелыми драпировками, выходило на длинный дворъ, окруженный громадными флигелями и кончавшійся четырехъ-этажнымъ фабричнымъ зданіемъ.

Гросглюкъ смотрѣлъ нѣкоторое время на ремни, переброшенные съ одной стороны двора на другой, на длинный рядъ мужчинъ, тянувшихся къ одной изъ дверей, съ большими тюками шерстяныхъ платковъ на спинѣ. Это были ткачи, бравшіе съ фабрики пряжу и ткавшіе платки у себя дома, на ручныхъ станкахъ.

Потомъ открылъ большую вдѣланную въ стѣнку кассу, просмотрѣлъ содержимое, вынулъ пачку бумагъ на письменный столъ у окна, которое заставилъ желтымъ экраномъ, сѣлъ и позвалъ.

Сейчасъ же вошелъ старшій служащій съ туго набитымъ портфелемъ.

— Что новаго, панъ Штейманъ?

— Почти ничего. Ночью горѣлъ Веберъ.

— Извѣстно. Еще что?—спрашивалъ, просматривая по очереди со вниманіемъ бумаги.

Простите, господинъ предсѣдатель, больше ничего не знаю, — объяснилъ почтительно служащій.

— Мало знаете, — проворчалъ банкиръ, отодвигая бумаги и нажимая пуговку два раза.

Явился второй служащій, главный кассиръ.

— Что новаго, панъ Шульцъ?

— Убили двухъ рабочихъ на Балутахъ, у одного распоротъ весь животъ.

— Какое мнѣ дѣло, этого товара всегда будетъ довольно. Что еще?

— Утромъ говорили, что начинаетъ колебаться Пинкусъ Мейерзонъ.

— Хочетъ платить двадцать пять процентовъ. Принесите его счетъ.

Шульцъ торопливо принесъ.

Банкиръ внимательно просмотрѣлъ и сказалъ, смѣясь:

— Пусть валится на здоровье, это намъ не повредитъ. Я уже полгода замѣчаю, что устаетъ и что ему хочется присѣсть.

— Правда, я самъ слышалъ, какъ вы, господинъ предсѣдатель, говорили Штейману.

— У меня есть нюхъ, я всегда говорю, лучше одинъ разъ хорошо вычесаться, чѣмъ двадцать разъ почесываться. Ха, ха, ха! — весело разсмѣялся онъ, довольный своимъ заключеніемъ. — Что еще?

— Ничего, мнѣ только кажется, что у господина предсѣдателя сегодня плохой видъ.

— Вы такъ глупы, что я долженъ вамъ сбавить жалованіе! — крикнулъ раздраженно и сейчасъ же по выходѣ Шульца сталъ разсматривать свое лицо въ зеркало, щупалъ свои пухлыя щеки и долго разсматривалъ языкъ.

«Неопредѣленный, надо посовѣтоваться съ докторомъ», думалъ, позвонивъ три раза.

Вошелъ Блюменфельдъ съ пачкой корреспонденцій и счетовъ.

— Вчера умеръ Викторъ Гюго, — сказалъ робко музыкантъ и сталъ громко читать какой-то отчетъ.

— Много оставилъ? — спросилъ въ перерывѣ банкиръ, осматривая свои ногти.

— Шесть милліоновъ франковъ.

— Хорошія деньги. Въ чемъ?

— Въ трехпроцентной французской рентѣ и Суэцкихъ акціяхъ.

— Отличныя бумаги. Въ чемъ работалъ?

— Въ литературѣ, потому что...

— Что? Въ литературѣ?.. — спросилъ удивленный, поднимая глаза и поглаживая бакенбарды.

— Да. Это былъ большой поэтъ, великій писатель.

— Нѣмецъ?

— Французъ.

— Правда, я забылъ, вѣдь это его повѣсть «Огнемъ и мечомъ». Мэри читала мнѣ оттуда красивыя станицы.

Блюменфельдъ не возражалъ, прочелъ письма, записалъ отвѣты, собралъ бумаги и хотѣлъ уходить, но банкиръ задержалъ его кивкомъ головы.

— Говорятъ, вы играете на роялѣ, панъ Блюменфельдъ?

— Я кончилъ въ Лейпцигѣ консерваторію и фортепіанный классъ Лешетицкаго въ Вѣнѣ.

— Очень пріятно. Я очень люблю музыку, а въ особенности эти прекрасныя вещицы, которыя пѣла Патти въ Парижѣ. Хорошо помню, вотъ... — онъ сталъ напѣвать какую-то уличную пѣсенку. — У меня отличное ухо, правда?

— Поразительное, — отвѣтилъ Блюменфельдъ, глядя на громадныя синеватыя уши банкира.

— Мнѣ пришла въ голову мысль, чтобы вы занимались съ моей Мэри. Она играетъ хорошо, это не будутъ уроки, вы просто сядете около нея и будете смотрѣть, чтобы она не ошибалась. Сколько вы берете за часъ?

— Даю сейчасъ уроки у Мюллера, онъ платитъ мнѣ три рубля.

— Три рубля! Но вы ходите на конецъ города, сидите въ избѣ и разговариваете съ Мюллеромъ, съ

какимъ-то хамомъ! Что за удовольствіе имѣть дѣло съ такими людьми. А у меня вы будете сидѣть во дворцѣ.

— Тамъ тоже дворецъ, — сказалъ Блюменфельдъ неохотно.

— Ну, это не важно, сговоримся, — закончилъ тотъ.

— Когда мнѣ приходить?

— Приходите сегодня послѣ обѣда.

— Хорошо, господинъ предсѣдатель.

— Попросите ко мнѣ Штеймана.

— Хорошо, господинъ предсѣдатель.

Штейманъ сейчасъ же пришелъ и ждалъ тревожно приказаній.

Гросглюкъ, засунувъ руки въ карманы, ходилъ по комнатѣ, долго гладилъ бакенбарды и наконецъ торжественно сказалъ:

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что этотъ вѣчный звонъ стакановъ и шипѣніе газа въ конторѣ дѣйствуютъ мнѣ на нервы.

— Мы приходимъ такъ рано, господинъ предсѣдатель, что можемъ завтракать только въ конторѣ.

— Варятъ чай на газѣ. Кто платитъ за газъ? Я плачу. Я плачу за то, чтобы вы могли цѣлый день распивать чаи. Гдѣ тутъ смыслъ? Съ сегодняшняго дня платить будете вы.

— И вы тоже пьете, господинъ предсѣдатель...

— Пью и даже сейчасъ выпью. Антонъ, дай чаю! — громко крикнулъ онъ въ переднюю. — У меня идея. Вы пьете чай, — пейте, платите за газъ, на столько людей это не придется дорого, а мнѣ давайте чаю въ видѣ процента, потому что газовое устройство мое, въ моей конторѣ, а чай вы пьете въ часы занятій.

— Хорошо, я скажу товарищамъ.

— Я дѣлаю это для вашего блага, потому что теперь они стѣсняются пить чай, ихъ мучитъ совѣсть, что они пользуются моимъ газомъ, а когда будутъ платить сами, то будутъ смѣло смотрѣть мнѣ въ глаза. Это очень нравственно, пане Штейманъ, очень нравственно.

— У меня къ вамъ просьба, господинъ предсѣдатель, отъ имени товарищей.

— Говорите, только скорѣе, у меня нѣтъ времени.

— Вы обѣщали дать въ концѣ полугодія наградныя.

— А какъ балансъ?

— Работаютъ надъ нимъ въ сверхурочные часы, будетъ готовъ къ сроку.

— Пане Штейманъ, — сказалъ банкиръ дружески, — присядьте немножко, вы устали.

— Спасибо, господинъ предсѣдатель, я долженъ итти, у меня много работы.

— Работа не гусь, не уйдетъ. Садитесь, я вамъ что-то скажу. Очень ждутъ они наградныхъ?

— Они вполнѣ ихъ заслужили.

— Это я знаю, это мнѣ говорить не къ чему.

— Извините, господинъ предсѣдатель, прошу извинить, — говорилъ Штейманъ почтительно.

— Поговоримъ по-пріятельски. Сколько я могъ бы имъ дать?

— Это рѣшайте вы сами, господинъ предсѣдатель.

— Ну, предположимъ, я далъ бы имъ тысячу рублей, больше не могу, потому что я вижу, что мы закончили годъ съ большими убытками.

— До сихъ поръ у насъ сравнительно съ прошлымъ годомъ двойной оборотъ.

— Молчите! Я говорю, что съ убытками, значитъ иначе не можетъ быть. Итакъ, возьмемъ эту круглую цифру — тысячу рублей. Сколько у насъ въ конторѣ человѣкъ?

— Пятнадцать.

— А въ отдѣленіи?

— Пять.

— Всего двадцать человѣкъ. Сколько придется каждому изъ этихъ денегъ? Какихъ-нибудь тридцать или пятьдесятъ рублей, потому что надо еще вычесть штрафы. Теперь я васъ спрашиваю, какая кому польза отъ такой ничтожной суммы? Кому она поможетъ?

— При нашемъ маломъ жалованьѣ и эти нѣсколько десятковъ рублей будутъ намъ большимъ подспорьемъ.

— Вы говорите глупости и плохо разсчитываете! — крикнулъ Гросглюкъ сердито и сталъ быстрѣе ходить по комнатѣ.

— Мы выкинемъ деньги въ грязь, пане Штейманъ, если ихъ раздадимъ. Сейчасъ вамъ скажу, что съ нами будетъ. Вы купите выигрышный билетъ, я знаю, что вы играете. Перльманъ купитъ себѣ новый костюмъ, чтобы понравиться дочерямъ Вебера. Блюменфельдъ накупитъ разныхъ глупыхъ пьесъ. Кугельманъ закажетъ женѣ весеннюю шляпу. Шульцъ пойдетъ къ пѣвичкамъ. Вильчекъ, ну, только онъ не броситъ, отдастъ кому-нибудь подъ хорошій процентъ. А остальные! Всѣ спустятъ до послѣдней копейки. И я долженъ отдать свои деньги для этого? Не могу этого сдѣлать, какъ порядочный гражданинъ! — сказалъ онъ, ударивъ себъ въ грудь.

Штейманъ усмѣхнулся съ иронiей.

Банкиръ это замѣтилъ, сѣлъ къ столу и сказалъ:

— Впрочемъ что тутъ долго разговаривать, не хочу дать и не дамъ! Куплю себѣ лучше на эти деньги красивый столовый сервизъ. Будете имѣть удовольствiе говорить въ городѣ: «У Гросглюка, нашего шефа, столовый сервизъ въ тысячу рублей». Это произведетъ хорошее впечатлѣнiе! — сказалъ онъ насмѣшливо.

Штейманъ уставился на него блѣдными, точно выѣденными чернилами глазами съ красными вѣками и смотрѣлъ такъ пристально, что банкиръ забезпокоился, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и наконецъ сказалъ:

— Ну, дамъ наградныя, дамъ. Пусть знаютъ, что я умѣю цѣнить трудъ.

Сталъ быстро перебрасывать въ кассѣ кипы бумагъ, наконецъ вытащилъ связку пожелтѣвшихъ векселей и просмотрѣлъ ихъ внимательно.

— Здѣсь векселей на полторы тысячи.

— Фирмы Вассерманъ и К°, имъ грошъ цѣна, — сказалъ Штейманъ, разсматривая бумаги.

— Ничего не извѣстно. Вы знаете, что фирма ликвидируетъ свои дѣла, она можетъ еще подняться и заплатить сто за сто.

— Можетъ быть она хотѣла бы дать пять за сто, но не дастъ ни копейки.

— Получите векселя! Желаю вамъ выжать изъ нихъ полтораста за сто. Сейчасъ вамъ ихъ перепишу.

— Спасибо, господинъ предсѣдатель, — сказалъ Штейманъ грустно, направляясь къ выходу.

— Возьмите же ваши векселя!

— У насъ и такъ довольно бумаги въ конторѣ.

Взялъ все-таки векселя и вышелъ.

Банкиръ сѣлъ за работу и прежде всего вычеркнулъ въ большой книгѣ надпись «наградныя» и записалъ внизу цифру тысяча пятьсотъ рублей, какъ выплаченную сумму.

Долго улыбался послѣ этой удачной операціи и гладилъ свои бакенбарды.

Спустя нѣкоторое время въ кабинетъ вошелъ молодой франтоватый еврей, высокій, худой, въ золотомъ пенснэ на горбатомъ носу, съ острой рыжеватой бородкой, съ сильно вьющимися волосами, съ проборомъ черезъ всю голову. Каріе глаза безпокойно перебѣгали съ предмета на предметъ; онъ постоянно облизывалъ толстыя губы и презрительно улыбался.

Это былъ Клейнъ, близкій родственникъ банкира, пользовавшійся его большимъ довѣріемъ.

Вошелъ такъ тихо, что банкиръ не слыхалъ, быстро окинулъ глазами комнату, бросилъ перчатки въ кресло, шляпу на стулъ, а самъ небрежно развалился на кушеткѣ.

— Какъ поживаешь, старина? — бросилъ онъ, закуривая папиросу.

— Хорошо, но ты испугалъ меня, Бронекъ. Кто входитъ такъ тихо?

— Ничего съ тобой не приключится!

— Что слышно?

— Многое, очень многое. Провалился сегодня Фишбинъ.

— На здоровье! Что такое Фишбинъ? Это былъ музыкантъ, игравшій на десяти инструментахъ, — го-

ловой, локтями, колѣнями, руками и ногами! Какой это дѣлецъ? Одинъ давалъ ему заработать пятачокъ, а другой выкидывалъ его за дверь!

— Говорятъ на этой недѣлѣ будетъ горѣть Гросбергъ, — шепнулъ тихо.

— Такое несчастье не вредно и богатому.

— Что слышно о Мотлѣ?

— Не вспоминай его, это негодяй, разбойникъ, банкротъ, хочетъ платить тридцать процентовъ.

— Ему тоже хочется жить!

— Дуракъ ты, Бронекъ. Не смѣешь смѣяться, когда я теряю три тысячи.

— Ему какъ разъ столько надо, чтобы жениться.

Засмѣялся и, разгуливая по кабинету, съ любопытствомъ заглядывалъ въ кассу.

Гросглюкъ поймалъ его взглядъ, заперъ кассу и сказалъ насмѣшливо:

— Бронекъ, ты смотришь на кассу, точно на невѣсту! Даю тебѣ слово, что не женишься на ней, даже не поцѣлуешь ее, ха, ха, ха!

Отъ души разсмѣялся надъ миной Клейна, который сѣлъ около него и сталъ ему что-то нашептывать.

Гросглюкъ долго слушалъ, наконецъ сказалъ:

— Я уже зналъ объ этомъ. Надо будетъ поговорить съ Вельтомъ. Панъ Блюменфельдъ, протелефонируйте Морицу Вельту, что я жду его по очень важному дѣлу! — крикнулъ онъ въ контору.

— Бронекъ, объ этомъ ша! Съѣдимъ Боровецкаго прежде, чѣмъ онъ сварится!

— Говорю вамъ, не съѣдимъ его, за нимъ стоитъ...

Не кончилъ, потому что въ кабинетъ вошелъ одинъ изъ служащихъ.

Былъ до того смущенъ и перепуганъ, что банкиръ вскочилъ съ кресла.

— Господинъ предсѣдатель, господинъ предсѣдатель! Что сдѣлалъ этотъ негодяй, этотъ злодѣй Тушинскій!

— Что такое? Говорите тише, здѣсь не синагога!

— Получилъ вчера четыреста рублей и скрылся! Я былъ у него на квартирѣ, все пусто, взялъ свои вещи и уѣхалъ ночью въ Америку!

— Арестовать его, заковать въ кандалы, посадить въ тюрьму, сослать въ Сибирь! — кричалъ банкиръ, грозя кулакомъ.

— Я и хотѣлъ это сдѣлать, хотѣлъ телеграфировать, дать знать полиціи, но все это расходы, мнѣ нужно было получить ваше разрѣшеніе.

— Пусть будутъ расходы, пусть я потеряю все свое состояніе, но я поймаю этого разбойника, пусть сгніетъ въ тюрьмѣ за мои четыреста рублей!

— Можетъ быть господинъ предсѣдатель велитъ открыть счетъ по этому дѣлу?

— А что это будетъ стоить? — спросилъ спокойнѣе.

— Не знаю, но все-таки нѣсколько десятковъ рублей.

— Что, что? Я еще долженъ тратиться на этого негодяя. Пусть околѣваетъ! Кто послалъ его за деньгами? — спросилъ онъ немного погодя.

— Я, но вы, господинъ предсѣдатель, уполномочили меня.

— Вы послали — вы и отвѣчайте. Ничего и слы-

шать не хочу. Мои четыреста рублей не могутъ пропасть, вы отвѣчаете.

— Господинъ предсѣдатель! Я бѣдный человѣкъ, я ни въ чемъ не виноватъ, я усердно работаю у васъ уже двадцать лѣтъ, у меня восемь человѣкъ дѣтей! Вы уполномочили меня послать этого негодяя за деньгами, — просилъ тотъ, бросая на него умоляющіе взгляды.

— Вы отвѣчаете за кассу, вы должны знать людей. Повторяю еще разъ: деньги должны быть. Можете уходить! — крикнулъ онъ грозно, повернулся спиной и сталъ допивать чай.

Служащій постоялъ минуту, безсмысленно глядя въ широкую спину банкира и на струйки дыма, поднимавшіяся отъ сигары, лежавшей на краю стола, тяжело вздохнулъ и вышелъ.

— Думаете, что я такъ глупъ. Подѣлился съ Тушинскимъ, старая пѣсня!

— Панъ Вельтъ! — доложилъ курьеръ.

— Проси, проси! Бронекъ, поди, скажи этому болвану, что если деньги не найдутся, я посажу его въ тюрьму.

— Панъ Вельтъ, прошу васъ! — сказалъ онъ, увидѣвъ Морица, разговаривавшаго въ конторѣ съ Вильчкомъ.

Морицъ поздоровался, посмотрѣлъ мелькомъ на банкира и сказалъ:

— Вы мнѣ телефонировали, а я тоже къ вамъ собирался.

— По дѣлу? Покончимъ съ нимъ поскорѣе, потому что мнѣ надо съ вами поговорить по очень щекотливому дѣлу.

— Дѣло вотъ въ чемъ: Адлеру и К⁰ нужна большая партія шерсти, обратились ко мнѣ за этимъ. У меня есть шерсть, но мнѣ нужны на это деньги.

— Дамъ вамъ денегъ, составимъ компанію, хорошо?

— Заработаемъ на этомъ обычные пятнадцать процентовъ.

— Сколько вамъ надо?

— Тридцать тысячь марокъ на Лейпцигъ.

— Хорошо. Вышлю вамъ по телеграфу. Когда вы ѣдете?

— Сегодня ночью, вернусь черезъ недѣлю.

— Дѣло сдѣлано! — сказалъ банкиръ весело, откинулся отъ стола, закурилъ сигару и долго смотрѣлъ на Вельта, который грызъ набалдашникъ тросточки, поправлялъ пенснэ и также испытующе смотрѣлъ на банкира.

— А какъ дѣло съ хлопкомъ? — спросилъ Гросглюкъ первый.

— Половина продана.

— Знаю, знаю, говорятъ, вы заработали семьдесятъ пять процентовъ, а какъ съ остальнымъ?

— Остальное переработаемъ сами.

— Фабрика подвигается?

— Черезъ мѣсяцъ будетъ подъ крышей, черезъ три поставимъ машины, въ октябрѣ — пустимъ въ ходъ.

— Люблю такую быстроту, это по-лодзински! — прибавилъ тише, улыбаясь осторожно. — Боровецкій умный человѣкъ, но...

Остановился, иронически улыбнулся и скрылся въ клубахъ дыма.

— Но?..—переспросилъ съ любопытствомъ Морицъ.

— Но онъ слишкомъ любитъ романы съ замужними женщинами, это не годится для фабрики.

— Это нисколько не мѣшаетъ, кромѣ того онъ скоро женится, у него уже есть невѣста.

— Невѣста — не вексель, а простая расписка; по ней если не заплатишь въ срокъ, не обанкротишься. Я очень люблю Боровецкаго, я такъ люблю его, что будь онъ изъ нашихъ, отдалъ бы за него Мэри, но...

— Но... — повторилъ опять Морицъ, когда банкиръ сдѣлалъ длинную паузу.

— Но долженъ сдѣлать ему непріятность, что мнѣ въ высшей степени непріятно, такъ непріятно, что обращаюсь къ вамъ, чтобы вы могли меня оправдать передъ нимъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Морицъ тревожно.

— Я долженъ закрыть ему кредитъ, — сказалъ банкиръ съ печальной миной, притворяясь искренно огорченнымъ, чмокалъ губами, грызъ сигару, вздыхалъ и наблюдалъ Морица, напрасно старавшагося насадить пенснэ и овладѣть собой.

Это сообщеніе поразило его какъ громомъ, но онъ скоро успокоился, погладилъ бороду и отвѣтилъ сухо:

— Найдемъ кредитъ въ другомъ мѣстѣ.

— Знаю, что найдете, и поэтому мнѣ очень непріятно, что мнѣ нельзя имѣть съ вами дѣло.

— Почему? — спросилъ коротко Морицъ, котораго сильно безпокоили выраженіе лица банкира и его недомолвки.

— Не могу, мои капиталы такъ распредѣлены, что не могу, кромѣ того я долженъ считаться со всѣмъ... не могу подвергаться непріятностямъ... убыткамъ... —

неопредѣленно объяснялъ онъ, не договаривалъ, желая, чтобы Морицъ спросилъ его прямо.

Но Морицъ молчалъ, чувствовалъ въ этомъ отказѣ кредита давленіе на Гросглюка со стороны, но не хотѣлъ подать вида, какъ это для него важно.

Гросглюкъ, расхаживая по кабинету, заговорилъ тихимъ дружескимъ голосомъ:

— Говоря между нами, по-пріятельски, зачѣмъ вамъ компанія съ Боровецкимъ? Развѣ вы не могли бы сами открыть фабрику?

— У меня нѣтъ денегъ! — отвѣтилъ тотъ коротко, внимательно слушая.

— Это не причина, деньги есть у другихъ, а у васъ есть большія способности, и вамъ довѣряютъ. Почему съ вами я имѣю дѣло? Почему даю вамъ по первому слову тридцать тысячъ марокъ? Потому что я хорошо васъ знаю, знаю, что заработаю на этомъ довѣріи десять процентовъ.

— Семь съ половиной! — поправилъ Морицъ торопливо.

— Говорю для примѣра. Каждый охотно будетъ имѣть съ вами дѣло, вы можете скоро обосноваться, зачѣмъ вамъ рисковать въ компаніи съ Боровецкимъ? Это очень умный колористъ, но не дѣлецъ. Чего онъ разглашаетъ по Лодзи, что надо облагородить и поднять лодзинское производство? Это глупая болтовня! Что значитъ облагородить производство? Что это значитъ «пора кончить съ лодзинской дешевкой»? Это его собственныя слова, очень глупыя слова! — прибавилъ со злостью.

Если бы онъ придумалъ, какъ производить дешевле,

гдѣ найти новые рынки, какъ поднять доходность, это было бы умно, но онъ хочетъ реформировать лодзинскую промышленность! Онъ ее не реформируетъ, скорѣе сломаетъ себѣ шею! Если бы это никому не вредило, никто не сказалъ бы ни слова. Хочешь рисковать — рискуй! Лѣзешь на крышу — ломай себѣ зубы!

Зачѣмъ ему фабрика? Кнолль хотѣлъ дать ему двадцать тысячъ, это красивая сумма, я самъ можетъ быть столько не зарабатываю.

Не захотѣлъ. Онъ желаетъ имѣть фабрику, желаетъ «облагородить производство», желаетъ подорвать дѣла Шаи, Цукера, Кнолля. И знаете зачѣмъ? Чтобы поляки могли сказать: «Вы производите дешевку, надуваете, эксплуатируете рабочихъ, а Боровецкій, мы, поляки, ведемъ дѣла честно, порядочно и солидно».

— Вы слишкомъ далеко видите! — сказалъ Моритъ съ иронией.

— Не смѣйтесь, я очень далеко вижу! Когда открывалъ фабрику Куровскій, я предвидѣлъ, что изъ этого выйдетъ, и говорилъ Глянцману; открой такую же, сейчасъ же, иначе онъ тебя съѣстъ. Не послушался и теперь что же? Все потерялъ и служитъ въ конторѣ Шаи, потому что Куровскій беретъ только своихъ и сталъ такъ твердо, что конкурировать съ нимъ невозможно. Черезъ годъ станетъ брать за свои краски, сколько ему вздумается. Но не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ, что повезетъ одному поляку, а за нимъ сейчасъ же идутъ толпы другихъ.

Вы думаете, Травинскій не подрываетъ дѣла Бляхмана и Кесслера? Самъ онъ ничего не зарабатываетъ, приплачиваетъ ежегодно, но вредитъ всѣмъ, понижая

цѣны и поднимая заработную плату мастеровъ и рабочихъ! Онъ играетъ въ филантропію, а другіе платятъ за это дорогой цѣной. Вчера у Кесслера забастовала вся прядильня. Почему? Потому что мастера и рабочіе сказали, что пока имъ не будутъ платить, какъ у Травинскаго, они не станутъ на работу! Хорошее положеніе фабрики, когда она связана заказами и должна на все согласиться! Если Кесслеръ заработаетъ въ этомъ году на десять процентовъ меньше, пусть скажетъ спасибо Травинскому. Это уже не свинство, а глупость! А теперь поднимается Боровецкій, чтобы «облагородить производство»! Ха, ха, ха! Развѣ это не смѣшно? Повезетъ Боровецкому, черезъ два года начнетъ облагораживать какой-нибудь Сосновскій, черезъ четыре года будетъ облагораживать и портитъ цѣны уже восемь, а черезъ десять лѣтъ вся Лодзь будетъ въ рукахъ поляковъ!

Мориц разсмѣшилъ этотъ страхъ банкира.

— Это не смѣшно, я не на вѣтеръ дѣлаю свои предположенія, я хорошо знаю поляковъ, знаю, что намъ не выдержать съ ними конкуренціи, потому что за ними вся страна. Поэтому надо съѣсть Боровецкаго, надо всѣмъ понять свое положеніе и итти солидарно рука объ руку.

— А нѣмцы? — спросилъ коротко Морицъ, поправляя пенснэ.

— Эти не въ счетъ. Все равно рано или поздно уберутся отсюда, но мы останемся! Вотъ въ чемъ дѣло! Понимаете меня, пане Морицъ?

— Понимаю, но если мой капиталъ дастъ мнѣ боль-

ше процентовъ у Боровецкаго, я пойду съ нимъ, —сказалъ тихо Морицъ, грызя набалдашникъ.

— Посмотримъ! Сказано по-купечески, но ручаюсь вамъ, что ничего не получите, все потеряете. Я желаю вамъ добра. Я сказалъ вамъ то, что думаетъ вся наша Лодзь. Скажите сами, къ чему имъ фабрики? Не могутъ сидѣть по деревнямъ, держать скаковыхъ лошадей, ѣздить за границу, охотиться, вести романы съ чужими женами, дѣлать политику и задавать шикъ! Имъ захотѣлось фабрикъ и «облагороженія производства»! Думаютъ, что это англійскій конь, что если ему дать въ жены простую деревенскую клячу, то она сейчасъ же родитъ самого лорда! — кричалъ въ негодованіи.—Если бы они могли сидѣть по деревнямъ и развлекаться, то, конечно, въ Лодзи не было бы ни одного поляка.

Пусть приходятъ! столько мѣстъ... сторожей, курьеровъ, кучеровъ. Они все это хорошо дѣлаютъ, спеціалисты по этой части, зачѣмъ имъ браться не за свое дѣло, зачѣмъ портить наши дѣла?

— До свиданья, спасибо вамъ за указаніе.

— Конечно, панъ Морицъ, потому что остальные наши — это стадо животныхъ, только о томъ и думаютъ, чтобы сдѣлать сегодня гешефтъ, а въ субботу хорошо поужинать и выспаться подъ периной! Какъ вы рѣшите!

— Посмотрю. Итакъ Боровецкій у васъ не будетъ имѣть кредита?

— Я не могу ради него жертвовать всѣми нашими фабриками.

— Заговоръ! — сказалъ Морицъ невольно.

— Какой заговоръ? Что вы говорите, это простая самозащита! Не будь это Боровецкій, его бы незамѣтно раздавили, и околѣлъ бы вскорѣ. Но вѣдь вы знаете, какъ онъ поддержалъ Бухгольца, знаете, какой это колористъ! Притомъ всѣ вѣрятъ, что у него есть связи и что онъ всюду извѣстенъ.

— Все это правда, но ему можетъ повезти! — сказалъ Морицъ и вышелъ.

Въ конторѣ прошелъ за перегородку къ Стаху.

— Пане Вильчекъ, старикъ Грюнспанъ хочетъ съ вами поговорить какъ можно скорѣе.

— Могу вамъ сказать, очень онъ хочетъ поговорить. Можете ему передать, что не тороплюсь продавать участокъ, хочу завести свое хозяйство.

— Какъ угодно! — бросилъ ему Морицъ выходя.

«Заговоръ», думалъ онъ, идя по Петроковской.

Онъ такъ задумался, что не замѣтилъ Зигмунта Грюнспана, кивавшаго ему головой и подзывавшаго.

— Морицъ, не узнаешь больше знакомыхъ! — сказалъ Зигмунтъ, подходя къ нему.

— Здравствуй и прощай, мнѣ некогда.

— Хотѣлъ тебѣ только сказать: приходи въ воскресенье, Меля пріѣзжаетъ.

— Она все еще во Флоренціи?

— Вмѣстѣ съ Розой. Это двѣ сумасшедшихъ. Розѣ было лѣнь писать Шаѣ, она телеграфировала ему цѣлое письмо въ двѣсти строкъ!

— Должно-быть, имъ тамъ весело?

— Роза скучаетъ, а въ Мелю влюбился какой-то итальянскій князь и хочетъ пріѣхать за ней въ Лодзь.

— Зачѣмъ?

— Жениться. Такъ писала Роза.

— Глупости!

— Настоящій князь! — крикнулъ Зигмунтъ, разстегивая мундиръ.

— Можетъ купить такой титулъ въ любой итальянской гостинницѣ.

Разстались. Морицъ очень торопился. Шелъ къ фабрикѣ, любилъ смотрѣть, какъ на его глазахъ вырастаютъ стѣны. Но сегодня шелъ медленно, слова Гросглюка легли тяжестью ему на душу. Думалъ надъ ними, хотя гороскопъ Гросглюка и казался ему преувеличеннымъ и совершенно несбыточнымъ.

Смотрѣлъ на городъ, на длинные ряды домовъ, на сотни трубъ, краснѣвшихъ въ горячемъ воздухѣ какъ стволы сосенъ, на столба дыма; прислушивался къ городскому шуму, къ заглушенному и непрерывному гулу работающихъ фабрикъ, къ грохоту тяжелыхъ товарныхъ платформъ, направлявшихся въ разныя стороны.

Бросалъ пытливые взгляды на безчисленныя вывѣски магазиновъ, на карточки у дверей и домовъ, на тысячи именъ, написанныхъ на балконахъ, стѣнахъ и окнахъ домовъ.

«Мотель Липа, Хаскель Цокольвекъ, Ита Аронсонъ, Юзефъ Рейнбергъ» и т. д. — все еврейскія фамиліи, изрѣдка между ними нѣмецкія.

— Все наши! — шепнулъ съ облегченіемъ и презрительно усмѣхнулся, замѣчая польское имя на вывѣскѣ какого-нибудь сапожника или слесаря.

«Гросглюкъ спятилъ! — думалъ, окидывая взглядомъ это море еврейскихъ домовъ, лавокъ и фабрикъ. —За-

болѣлъ, — прибавилъ почти весело. Пересталъ думать объ опасности ополяченія Лодзи, чувствуя въ эту минуту силу евреевъ, которую ничто и никто не сломитъ.

«Особенно поляки!»—думалъ, отдавая поклонъ Козловскому, который шелъ по другой сторонѣ улицы, одѣтый въ свѣтлую чесунчу, въ желтыхъ ботинкахъ, съ тросточкой въ рукѣ, и, сдвинувъ блестящій цилиндръ на затылокъ, заглядывалъ въ глаза проходившихъ женщинъ. Нѣтъ, не думалъ больше объ опасеніяхъ банкира, но заговоръ противъ Боровецкаго сильно его безпокоилъ. Интересовался фабрикой только, поскольку самъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Ему было безразлично, потеряетъ ли Карлъ, но онъ самъ не любилъ рисковать, а теперь чувствовалъ, что заговорщики съѣдятъ Боровецкаго дочиста.

«Это kein Geschaeft!»—думалъ, только сейчасъ поняв ясно причины всевозможныхъ затрудненій, которыя они встрѣчали на каждомъ шагу.

Понялъ, почему отказался подрядчикъ, который долженъ былъ руководить работами маляровъ. Ему было запрещено работать.

Планы задерживались въ утвержденіи. Это тоже ихъ работа!

Строительная комиссія, остановивъ работы, заставила увеличить толщину стѣнъ. Это по ихъ доносу!

Нѣмецкія прирейнскія фирмы отказали имъ въ кредитѣ на машины. Это тоже ихъ продѣлка! А эти ложные, злые, глупые слухи, которые ходятъ о Боровецкомъ по Лодзи и которые должны подорвать ихъ будущій кредитъ. Кто ихъ распускаетъ?

Клевреты Гросглюка, Шаи и Цукера.

«Изъ этого ничего не выйдетъ! Они съѣдятъ его», думалъ все болѣе мрачно и, подходя къ фабрикѣ, сталъ придумывать способъ выйти изъ этого дѣла. Искалъ приличнаго предлога, потому что совсѣмъ порывать съ Боровецкимъ не хотѣлъ.

III.

Фабрика Мейснера, которую купилъ и передѣлывалъ для своей фабрики Боровецкій, стояла въ одномъ изъ переулковъ Константиновской улицы. Это была часть города съ остановившимися маленькими фабриками и мастерскими, убитыми крупной промышленностью.

Улицы были кривыя, немощеныя, бѣдныя и грязныя, съ рядами одноэтажныхъ домовъ съ большими мансардами. Покривившіеся отъ старости дома понемногу осѣдали въ рыхлую почву, точно придавленные величиной фабрики Мюллера и громадными трубами другихъ фабрикъ, окружавшихъ ихъ густымъ каменнымъ лѣсомъ.

Остатки тротуаровъ тянулись вдоль ободранныхъ домовъ, заглядывая въ нѣкоторыя запавшія глубже окна, образуя рвы и выбоины, засыпанные мусоромъ.

Посреди улицы стояли мѣстами никогда не просыхавшія лужи, у которыхъ вертѣлись истощенныя грязныя ребятишки, похожія на мокрицъ, высиженныхъ въ этихъ развалинахъ; гдѣ не было лужъ, тамъ лежали толстые слои угольной пыли, поднимаемой колесами

возовъ и висѣвшей чернымъ туманомъ надъ улицами. Она покрывала дома и жалкую листву чахлыхъ кривыхъ деревьевъ, которыя протягивали изъ-за заборовъ узловыя вѣтви или тянулись передъ домами рядами поломанныхъ скелетовъ.

Сухой монотонный стукъ ткацкихъ станковъ за закопченными стеклами оконъ наполнялъ воздухъ и сливался съ могучимъ шумомъ фабрики Мюллера.

Морицъ Вельтъ быстро прошелъ умирающій кварталъ; его раздражалъ видъ этихъ жалкихъ разрушавшихся домовъ, чахоточный шумъ станковъ и эта слабо пульсирующая, догоравшая жизнь.

Любилъ шумъ большихъ машинъ; гулъ чудовищныхъ организмовъ фабрики давалъ ему чувство силы и здоровья, самый видъ громадныхъ фабрикъ настраивалъ его весело.

Невольно улыбнулся фабрикѣ Мюллера, гудѣвшей отъ работы, благосклонно посмотрѣлъ на прядильню Травинскаго, стоявшую рядомъ, и долго скользилъ взоромъ по краснымъ тихимъ павильонамъ стараго Баума, окна которыхъ, занесенныя паутиной и пылью, смотрѣли на него мертвыми глазами.

За Травинскимъ, отдѣленный только нѣсколькими пустыми участками, строился Боровецкій или, вѣрнѣе, перестраивалъ старую мейснеровскую фабрику, купленную за безцѣнокъ, потому что она уже нѣсколько лѣтъ стояла безъ движенія.

Весь фасадъ былъ уставленъ лѣсами, потому что надстраивали еще одинъ этажъ. Лѣса окружали также весь дворъ, за ними краснѣли воздвигаемые павильоны, мелькали силуэты рабочихъ.

— Здравствуйте, панъ Давидъ! — сказалъ Моришъ, замѣтивъ Гальперна, который стоялъ съ зонтикомъ подъ мышкой посреди двора и, поднявъ голову кверху, смотрѣлъ на работу.

— Здравствуйте! Хорошая фабрика прибавляется у насъ? А какъ быстро идетъ, смотрѣть пріятно. Я болѣнъ, докторъ мнѣ сказалъ: «Пане Гальпернъ, лѣчитесь, не дѣлайте ничего». Вотъ я и лѣчусь, ничего не дѣлаю, хожу только по Лодзи и смотрю, какъ она растетъ, это самое лучшее лѣкарство отъ моей болѣзни.

— Боровецкій здѣсь?

— Видѣлъ его только что въ прядильнѣ.

Моришъ вошелъ въ низкое строеніе съ выгнутой въ видѣ призмы стеклянной крышей.

Очень свѣтлыя залы были буквально загромождены частями машинъ, кирпичомъ для фундаментовъ, свертками кровельной бумаги, людьми, которые устанавливали машины. Ихъ длинные запыленные скелеты, подобно скелетамъ допотопныхъ ящеровъ, тянулись поперекъ залъ; въ воздухѣ стоялъ запахъ свѣжей извести и рѣзкій ѣдкій запахъ горячаго асфальта, которымъ поливали полъ одной изъ залъ.

— Моришъ, пришли сюда Яскульскаго! — крикнулъ Максъ Баумъ.

Въ синей блузкѣ съ трубкой въ зубахъ, весь перепачканный, онъ уставлялъ вмѣстѣ съ рабочими машины.

Яскульскій, нанятый Боровецкимъ для разныхъ дѣлъ, прибѣжалъ торопливо.

— Эй, шляхтичъ, прислать сюда четырехъ рабочихъ для подъемной машины, да поживѣе! — крикнулъ

Баумъ и продолжалъ составлять съ монтерами машину, которую должна была поднять подъемная машина, чтобы поставить на фундаментъ. Когда Морицъ крикнулъ ему что-то съ середины залы, такъ какъ не могъ подойти ближе, отвѣтилъ ему коротко:

— Отстань, скажешь въ воскресенье. Карлъ во дворѣ!

Боровецкій стоялъ во дворѣ у громадныхъ ямъ, гдѣ ссыпали и гасили известь, поливая ее водой; бѣлая известковая пыль подергивала туманомъ силуэты рабочихъ, контуры возовъ и людей.

Боровецкій, весь бѣлый отъ пыли, показался на минуту, поздоровался съ Морицемъ и шепнулъ ему:

— Знаешь, не прислали красильныхъ машинъ, отговариваются недостаткомъ готовыхъ.

— Не хотятъ дать въ кредитъ, что же теперь будемъ дѣлать?

— Написалъ въ Англію, это будетъ и позднѣе и дороже, но все-таки будетъ! Сволочи эти швабы!—выругался отъ злости.

Морицъ ничего не сказалъ; смотрѣлъ внимательно на него, на фабрику, на рабочихъ, на часть машинъ, стоявшихъ подъ навѣсами двора, повертѣлся во всѣхъ углахъ, еще разъ заглянулъ къ Максу, въ складъ цемента, гдѣ былъ Яскульскій, ко всему присматриваясь съ удвоеннымъ вниманіемъ, и все больше сердился.

— Это тѣсто, а не известь! — сказалъ онъ, глядя на кладку стѣнъ.

— Пусть другіе строятъ на пескѣ, я не хочу, чтобы, все свалилось мнѣ на голову, — отвѣтилъ Боровецкій.

— Я высчиталъ вчера, что своды Моньера будутъ на двѣ тысячи дороже обыкновенныхъ.

— Но по прочности они дороже на четыре. Въ случаѣ пожара не прогорятъ.

— Только для этого ихъ заводишь? — спросилъ Морицъ тихо, надѣвая пенснэ.

— И для того, чтобы въ случаѣ пожара сгорѣлъ одинъ этажъ, а не всѣ.

— Ну, иногда это не такъ... ужасно.

Карлъ ничего не отвѣтилъ, торопливо отошелъ, а Морицъ прошелся опять по фабрикѣ, замѣчая съ раздраженіемъ, что все строится очень прочно и очень дорого.

Въ конторѣ просмотрѣлъ запись рабочей платы и обратилъ вниманіе на неслыханную по его мнѣнію высокую цѣну, придирался ко многому и все находилъ слишкомъ дорогимъ и хорошимъ.

— Я знаю, что дѣлаю, — отвѣтилъ ему Карлъ на его замѣчанія.

— Это будетъ дворецъ, а не фабрика, для насъ это слишкомъ дорогой комфортъ!

— Это не комфортъ, а прочность, которая выгоднѣе дешевки. Посмотри, Блюманы поставили дешево и должны ежегодно ремонтировать, чтобы все не развалилось; ненавижу жидовскую экономію, хорошо это знаешь.

— Посмотримъ, что дастъ эта Polnische Virtschaft, — замѣтилъ Морицъ съ ироніей.

— Убѣдишься самъ, а пока прощай, Морицъ, ты не выспался и брюзжишь.

«Надо себя обезпечить», подумалъ Вельтъ выходя.

Карлъ поднялся на лѣса осмотрѣть работу, побывалъ на сосѣднемъ участкѣ, гдѣ складывали кирпичъ, ходилъ между кучами земли около известковыхъ ямъ, между кучами кирпича и строевого матерьяла, между десятками пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ возовъ; отдавалъ приказанія Яскульскому, который запыхавшись, съ перепуганнымъ лицомъ бѣгалъ ихъ исполнять. Нѣсколько разъ заглядывалъ къ Максу и постоянно обходилъ фабрику, которая благодаря его неутомимой энергіи и его постоянному присутствію росла удивительно быстро.

Не обращалъ вниманія ни на пыль, ни на солнце, которое жгло все сильнѣе, ни на усталость. Съ разсвѣтомъ приходилъ на работу вмѣстѣ съ рабочими и уходилъ вмѣстѣ съ ними въ сумерки.

Побуждалъ его къ работѣ и Максъ, трудившійся вмѣстѣ съ рабочими весь день при установкѣ машинъ и выпивавшій съ ними вечеромъ въ пивной безчисленное количество кружекъ пива, спавшій всего нѣсколько часовъ, вообще бросившій всѣ свои лѣнивыя привычки.

Ихъ отношенія стали холоднѣе послѣ пріѣзда изъ деревни. Фабрика поглотила ихъ цѣликомъ, кромѣ того не могли забыть столкновенія, когда выѣзжали изъ Курова.

Максъ не могъ этого забыть, тѣмъ болѣе, что все чаще думалъ объ Анкѣ, раздраженный постоянными визитами Боровецкаго къ Мюллерамъ.

Видѣлъ въ этомъ двойную игру, которая возмущала до глубины души его прямую натуру.

Ихъ все больше отдаляла сила проявленныхъ внут-

реннихъ противорѣчій, расовыхъ и интеллектуальныхъ чертъ характера. Карлъ, думая иногда объ этомъ, улыбался съ дѣланнымъ равнодушіемъ, но Максъ чувствовалъ это глубоко, обвинялъ Боровецкаго и искренно возмущался.

Было около двѣнадцати, когда Боровецкій пошелъ съ фабрики черезъ длинный садъ, тянувшійся до другой улицы, гдѣ стоялъ большой одноэтажный домъ, спѣшно перестраиваемый, потому что черезъ нѣсколько недѣль должна была пріѣхать Анка съ панномъ Адамомъ.

Жилъ пока въ мезанинѣ, въ одной комнатѣ, чтобы быть поближе къ постройкамъ, и, когда въ двѣнадцать засвистѣли фабрики, онъ уже переодѣлся.

Прочелъ еще разъ письмо Люси, назначавшей ему свиданіе въ Элеповскомъ паркѣ въ четыре часа.

«Довольно ужъ этого», думалъ онъ, разрывая письмо. И дѣйствительно, ему уже надоѣли и эти таинственныя свиданія всегда на новомъ мѣстѣ, и вспышки ревности и даже ея любовь, потому что былъ къ ней равнодушенъ и она отнимала слишкомъ много времени, необходимаго для фабрики.

Иногда среди безумныхъ объятій, страстныхъ ласкъ и поцѣлуевъ, когда видѣлъ, что она не только любитъ, обоготворяетъ его, но погибаетъ отъ этой любви, онъ искалъ способовъ порвать съ ней, и его все больше раздражало, что она не давала для этого никакихъ поводовъ.

Карлъ обѣдалъ у Баума, поблизости отъ фабрики, но теперь онъ не пошелъ черезъ садъ и свои участки. Выйдя на улицу, гдѣ стоялъ дворецъ Мюллера, и про-

ходя мимо домика, гдѣ они жили, онъ замедлилъ шаги и смотрѣлъ на окна.

Онъ не ошибся, ясное личико Мады мелькнуло въ одномъ окнѣ, потомъ показалось въ другомъ, и она сама вышла на крыльцо.

— Уже на обѣдъ? — спросила весело, поднимая на него свои голубые фарфоровые глаза.

— Уже. А вы еще не обѣдали?

Протянулъ ей руки.

— Нѣтъ еще. Сейчасъ дамъ вамъ руки, только вытру, я сама готовила сегодня, — говорила смѣясь, вытирая руки длиннымъ голубымъ передникомъ.

— Развѣ кухня въ гостиной? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Я, я... прибирала! — сказала она тихо, вся заливаясь яркимъ румянцемъ отъ страха, что онъ могъ замѣтить ея ожиданье у окна.

— Гдѣ вы такъ запачкались? — спросила громко, чтобы вернуть себѣ равновѣсіе.

— Я запачкался? гдѣ?

— Вотъ здѣсь, подъ глазами! Дайте, я вытру,—просила робко.

— Я жду.

Послюнила уголокъ платка и старательно вытерла пятно.

— Должно быть еще здѣсь запачкано! — сказалъ онъ, показывая на високъ, разсмѣшенный этой сценой.

— Нѣтъ, честное слово, нѣтъ!

Внимательно осмотрѣла его лицо.

Поцѣловалъ ей руку, хотѣлъ поцѣловать и другую, но она быстро отшатнулась, закрыла золотисты-

ми рѣсницами потемнѣвшіе отъ волненія глаза и стояла такъ, перебирая въ смущеніи пальцами передникъ!

Карлъ улыбнулся надъ ея смущеніемъ.

— Вы надо мной смѣетесь, — шепнула она грустно.

— Хорошо, тогда я пойду.

— Приходите вечеромъ съ паномъ Максомъ, я вамъ напеку пирожковъ съ яблоками.

— А Максъ не можетъ притти одинъ? — спрашивалъ лукаво.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ приходите вы одни, — проговорила быстро и, чувствуя, какъ ее заливаетъ румянецъ, убѣжала въ комнаты.

Карлъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пошелъ обѣдать.

У Баума многое измѣнилось съ зимы.

Сталъ еще печальнѣе и угрюмѣе.

Большіе фабричные павильоны стояли въ странномъ безмолвіи, работала едва четвертая часть рабочихъ. По пустому двору, заросшему травой, бродили куры и старыя собаки, которыхъ уже никто днемъ не привязывалъ, и слабый монотонный звукъ станковъ доносился сонным гуломъ изъ-за покрытыхъ паутиной и пылью оконъ, за которыми не слышно было машинъ, не было движенія и мелканія рабочихъ, стояла какая-то гробовая мертвая тишина.

Даже садъ, окружавшій домъ, казался пустыннымъ; засохшія деревья вытягивали къ небу голые сучья, остальныя стояли заброшенныя среди густыхъ зарослей сорной травы, покрывшихъ запущенныя, незасѣянныя грядки.

Жилой домъ тоже производилъ грустное впечат-

лѣніе, съ одной стороны обвалилась штукатурка, ступеньки веранды покосились и вошли въ землю, а дикій виноградъ, едва зазеленѣвъ, засохъ и висѣлъ желтыми, запыленными лохмотьями. Клумбы подъ окнами поросли травой, среди которой кое-гдѣ бѣлѣли головки нарциссовъ и желтѣлъ круглолистникъ.

Песчаныя дорожки стали зелеными, и вѣтеръ занесъ ихъ всякимъ мусоромъ.

Въ домѣ было грустно; комнаты стояли безмолвныя, запущенныя и затхлыя.

Контора была почти пуста: Баумъ разсчиталъ служащихъ, оставивъ только Юзефа Яскульскаго и нѣсколькихъ женщинъ при товарномъ складѣ. Чувствовалось близкое банкротство фабрики, а по всему дому пахло лѣкарствами, потому что жена Баума болѣла уже нѣсколько мѣсяцевъ. Берта съ дѣтьми уѣхала къ мужу, осталась только фрау Августа съ вѣчнымъ флюсомъ на обвязанномъ лицѣ и со своими котами, ходившими за ней по пятамъ, старикъ Баумъ, одиноко сидѣвшій въ своей конторѣ на первомъ этажѣ, и Юзефъ, еще болѣе застѣнчивый, чѣмъ прежде.

Боровецкій прошелъ прямо въ комнату, гдѣ лежала жена Баума, чтобы обмѣняться съ ней нѣсколькими словами.

Сидѣла на кровати обложенная подушками, безсмысленно глядя безжизненными, поблекшими глазами на окно, за которымъ качались деревья.

Держала чулокъ въ рукѣ, но не вязала, — улыбалась печальной, горькой улыбкой.

— Здравствуйте, — отвѣтила тихо на его привѣтствіе.

— Максъ пришелъ? — спросила.

— Нѣтъ еще, но сейчасъ будетъ.

Сталъ разспрашивать о здоровьѣ, о томъ, спала ли ночью, хорошо ли себя чувствуетъ. Ея состояніе вызывало въ немъ какую-то странную жалость и сочувствіе.

— Хорошо, хорошо!—отвѣчала она по-нѣмецки и, точно пробуждаясь отъ долгого сна, окинула взглядомъ комнату, долго смотрѣла на карточки внуковъ и дѣтей на стѣнахъ, слѣдила за маятникомъ, потомъ попробовала вязать чулокъ, но онъ выпалъ изъ ея безсильныхъ, похудѣвшихъ рукъ.

— Хорошо, хорошо! — повторила она безсознательно и снова забылась, глядя на длинные листья акацій, качавшихся за окномъ.

Не обратила вниманія ни на фрау Августу, подходившую нѣсколько разъ оправлять подушки, ни на мужа, стоявшаго у кровати и смотрѣвшаго на ея сѣро-желтое, худое лицо.

— Максъ! — шепнула, и безжизненное лицо оживилось на минуту при звукѣ шаговъ сына.

Максъ вошелъ и поцѣловалъ ея руку.

Прижала его голову къ груди и приласкала его, но когда онъ ушелъ обѣдать, опять засмотрѣлась на окно.

Обѣды были коротки и молчаливы, всѣхъ тяготила эта атмосфера скорби.

Старый Баумъ измѣнился до неузнаваемости; похудѣлъ еще больше и сгорбился, лицо потемнѣло, и около губъ и носа легли глубокія морщины.

Принуждалъ себя къ разговору, разспрашивалъ,

какъ идутъ дѣла на фабрикѣ, но обыкновенно не кончалъ вопросовъ и задумывался. Переставалъ ѣсть и смотрѣлъ въ окно на стѣны Мюллера или на стеклянную блестѣвшую на солнцѣ крышу прядильни Травинкаго.

Сейчасъ же послѣ обѣда уходилъ на фабрику, обходилъ всѣ пустыя залы, смотрѣлъ на неподвижные станки, а потомъ запирался въ конторѣ и смотрѣлъ на городъ, на эти тысячи домовъ, крышъ и трубъ, прислушиваясь съ горечью къ могучему движенію жизни.

Не бывалъ нигдѣ, ограничившись своей фабрикой, умирая вмѣстѣ съ нею.

Фабрика была при послѣднемъ издыханіи, какъ выражался Максъ.

Никакія усилія не могли ее спасти.

Она должна была погибнуть въ борьбѣ съ паровыми великанами, еще не могъ, не хотѣлъ этого понять и боролся до конца.

Не помогали ни убѣжденія Макса, ни зятьевъ, ни старыхъ знакомыхъ, совѣтовавшихъ замѣнить ручной трудъ машиннымъ, готовыхъ помочь ему кредитомъ или наличными.

Не хотѣлъ ничего слышать.

Не продавалъ почти ничего, потому что этотъ сезонъ вообще былъ тяжелый для Лодзи, разсчитывалъ рабочихъ, уменьшалъ производство, ограничивалъ личныя потребности, но былъ непреклоненъ въ своемъ упрямствѣ.

Поэтому вокругъ него образовалась глухая пустота, а въ Лодзи говорили, что Баумъ помѣшался, смѣялись надъ нимъ и постепенно его забывали.

Боровецкій ушелъ сейчасъ же послѣ обѣда и только на Петроковской стряхнулъ съ себя это гнетущее настроеніе.

До свиданія съ Люси оставался еще цѣлый часъ, поэтому онъ зашелъ къ Высоцкому.

Высоцкій былъ очень занятъ, въ пріемной сидѣло нѣсколько больныхъ. Поздоровался разсѣянно и сказалъ:

— Извините, кончу съ паціентами и пойдемъ вмѣстѣ къ матери.

Боровецкій сѣлъ къ окну и сталъ разсматривать маленькій кабинетъ, уставленный мебелью и пропитанный запахомъ карболки и іодоформа.

— Пойдемъ,—сказалъ наконецъ Высоцкій, выпроводивъ стараго еврея, которому долго объяснялъ, что дѣлать.

— Панъ докторъ, панъ докторъ! — умолялъ еврей, возвращаясь.

— Слушаю, что вамъ угодно?

— Панъ докторъ, я долженъ опасаться? — спрашивалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, съ трясущейся отъ волненія головой.

— Я вамъ сказалъ, что нѣтъ ничего опаснаго, надо только исполнять все, что предписано.

— Спосибо, все буду дѣлать, я хочу быть здоровымъ, потому что у меня дѣло, у меня жена, у меня дѣти и внуки. Но я боюсь, поэтому очень прошу васъ, панъ докторъ, сказать мнѣ, долженъ ли я опасаться?

— Я вѣдь уже сказалъ вамъ!

— Знаю, но мнѣ что-то вспомнилось. У меня есть дочка, она тоже болѣла. Не знаю, что съ ней было, не

знали этого и лодзинскіе доктора. Она была очень нѣжная, блѣдная какъ стѣна, нѣтъ, какъ чистая известь; у нея болѣли кости, и кожа, и руки. Я повезъ ее въ Варшаву. Докторъ говоритъ: «Цѣхоцинекъ!» — Хорошо, а что будетъ стоить этотъ Цѣхоцинекъ? — «Двѣсти рублей». Откуда я могъ взять такое состояніе? Я пошелъ къ другому доктору. Онъ сказалъ, что ей нужно такое растираніе. Велѣлъ мнѣ выти. Вышелъ и немножко прислушиваюсь, а моя Ройза кричитъ. Ну, я отецъ, меня это испугало, и я вѣжливо говорю черезъ дверь: «Панъ докторъ, такъ нельзя!» Онъ отвѣтилъ, что я дуракъ. — Ша! хорошо. Но когда она опять стала громко кричать, то я немного разсердился и говорю громко: «Панъ докторъ, такъ нельзя, я позову полицію, это порядочная дѣвушка!»

— Онъ очень вѣжливо попросилъ меня уйти, потому что я мѣшаю этому медицинскому растиранью.

— Я ожидалъ на лѣстницѣ, а когда Ройза вышла, была красная какъ кумачъ и сказала, что чувствуетъ большую пріятность въ костяхъ. Черезъ мѣсяцъ она была здорова, какъ гусь, такъ помогло ей это медицинское растиранье, не знаю, какъ это называется.

— Массажъ. Кончайте скорѣе, мнѣ некогда.

— Панъ докторъ, можетъ мнѣ тоже нужно такое медицинское растиранье? Я заплачу, я сейчасъ дамъ вамъ рубль, скажите мнѣ только. До свиданья, извините, уже иду, уже меня нѣтъ,—говорилъ, торопливо выходя, потому что Высоцкій шелъ къ нему грозно, точно желая вышвырнуть его за дверь.

Сейчасъ же показалась толстая еврейка и уже у дверей стала протяжно тянуть:

— Панъ докторъ, у меня заложило грудь, страшно заложило грудь!

— Сейчасъ! Пройдите пожалуйста къ мамѣ, въ гостиную, я приду, какъ только кончу съ больными.

— Однако любопытная коллекція!

— Очень любопытная. Тотъ вотъ мучилъ меня цѣлый часъ и, воспользовавшись вашимъ приходомъ, забылъ заплатить.

— Ну, это совсѣмъ не весело. Я думаю, такая разсѣянность все-таки рѣдко встрѣчается.

— Евреи всегда готовы забыть, имъ надо напоминать, а это не особенно пріятно, — говорилъ Высоцкій не весело, провожая его къ матери.

Боровецкій познакомился съ Высоцкой по пріѣздѣ изъ деревни, когда привезъ ей письмо отъ Анки. Потомъ былъ у нея нѣсколько разъ по дѣламъ своей невѣсты.

Засталъ ее сидящей въ креслѣ у окна, въ яркой полосѣ солнечнаго свѣта, врывавшагося въ полутемную комнату съ опущенными на другихъ окнахъ шторами и портьерами.

— Я ждала, давно ждала васъ, —сказала она, протягивая ему свою длинную изящную руку съ тонкими пальцами.

— Я опоздалъ, простите, но я не могъ вчера быть. Привезли машины, и я долженъ былъ присутствовать при распаковкѣ.

— Ну, что же дѣлать, а вы простите, что я отнимаю у васъ время.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Онъ сѣлъ около нея на низкомъ табуретѣ, но отки-

нулся въ тѣнь. Солнце заливало ея стройную фигуру, ея еще очень красивое оливковое лицо, золотило ея черные волосы и искрилось въ ея большихъ карихъ глазахъ.

— Вы не боитесь солнца, — замѣтилъ онъ невольно.

— Люблю солнце, люблю въ немъ грѣться. У Мети много больныхъ?

— Въ пріемной ждутъ нѣсколько человѣкъ.

— Евреи и рабочіе?

— Кажется.

— Разумѣется, у него вѣдь не бываетъ другихъ паціентовъ, но еще хуже то, что онъ не желаетъ имѣть другихъ.

— Предпочитаетъ очевидно количество качеству. Больше работы, но матерьяльный результатъ тотъ же.

— Дѣло не въ этомъ, мнѣ рѣшительно все равно, сколько онъ зарабатываетъ, потому что такъ или иначе мы живемъ на оставшійся капиталъ. Хотѣлось бы только, чтобы онъ занимался меньше этими, можетъ быть и несчастными, но грязными, отвратительными евреями и нищими, которые къ нему лѣзутъ. Конечно, надо что-нибудь дѣлать для облегченія страданій и горя бѣдныхъ, но почему этого не дѣлаютъ другіе доктора, изъ болѣе подходящей среды, съ меньшей впечатлительностью, привыкшіе съ дѣтства къ этимъ лохмотьямъ и грязи.

Вздрогнула нервно, и ея прекрасное лицо отразило брезгливость и отвращеніе; прижала къ носу кружевной платокъ, точно желая предохранить себя отъ противнаго запаха, который вспомнила.

— Съ этимъ ничего не подѣлаешь, тѣмъ болѣе что

панъ Мечиславъ, какъ утопистъ, любитъ своихъ паціентовъ, — отвѣтилъ Карлъ съ легкой ироніей.

— Допускаю утопію. Допускаю даже, что всякій высокій умъ необходимо долженъ имѣть утопію или прекрасную химеру, чтобы сдѣлать болѣе сносной современную отвратительную дѣйствительность. Я понимаю, что можно даже всю свою жизнь посвятить такой химерѣ, но я не могу понять, какъ можно любить эту химеру, облеченную въ грязные лохмотья!

Замолчала, раздвигая зеленый шелковый экранъ съ нарисованными птицами и кустами, потому что отраженное отъ крышъ солнце бросало ослѣпительно-яркіе лучи.

Сидѣла нѣкоторое время молча и, наклонившись къ нему, вся въ странныхъ золотисто-зеленыхъ рефлексахъ отъ экрана, спросила тихо:

— Вы знакомы съ Мелей Грюнспанъ?

Выговорила фамилію съ явнымъ отвращеніемъ.

— Знаю ее, встрѣчался съ нею въ обществѣ, но лично знаю ее очень мало.

— Жаль! — сказала вставая.

Прошлась нѣсколько разъ съ величественнымъ видомъ по комнатѣ и прислушалась на минуту у дверей кабинета, откуда слышался заглушенный разговоръ.

Посмотрѣла на улицу, залитую жаркимъ солнцемъ и гудѣвшую отъ сильнаго движенія.

Карлъ съ любопытствомъ наблюдалъ ея царственныя движенія и, хотя въ полумракѣ комнаты не могъ видѣть выраженія ея лица, чувствовалъ, что она взволнована.

— Вы знаете, что эта Меля влюблена въ моего Метю? — спросила прямо.

— Слышалъ что-то, но не обратилъ на это вниманія.

— Значитъ, уже говорятъ объ этомъ! Но вѣдь это компрометируетъ! — прибавила громче.

— Простите, я долженъ объяснить: въ городѣ говорятъ, что они оба любятъ другъ друга. Предвидятъ свадьбу.

— Никогда! Даю вамъ слово, что, пока я жива, этого не будетъ! — сказала глухимъ, страстнымъ голосомъ.— Чтобы мой сынъ женился на Грюнспанъ!

Каріе глаза блеснули мѣдью, а гордое, прекрасное лицо разгорѣлось отъ негодованія.

— Панна Меля считается въ Лодзи очень достойной и умной дѣвушкой, кромѣ того она очень богата и хороша собой, значитъ...

Ничего не значитъ, потому что это только жидовка! — докончила она съ презрѣніемъ, почти съ ненавистью.

— Правда, она только еврейка, но если эта еврейка любитъ и взаимно любима вашимъ сыномъ, то вопросъ рѣшенъ и противоположности уравнены, — сказалъ онъ сухо, раздраженный этимъ смѣшнымъ протестомъ.

— Мой сынъ можетъ любить жидовку, но онъ не смѣетъ даже подумать смѣшивать нашу кровь съ кровью чуждой, отвратительной и враждебной намъ расы.

— Я вижу много преувеличенія въ вашихъ словахъ.

— А почему же вы сами женитесь на Анкѣ. Почему вы не выбрали себѣ жены среди лодзинскихъ евреекъ и нѣмокъ?

— Потому что ни одна изъ нихъ не нравилась мнѣ

настолько, чтобы на ней жениться, но если бы такъ случилось, я не колебался бы ни минуты. У меня нѣтъ ни кастовыхъ, ни расовыхъ предразсудковъ, считаю ихъ пережитками, — говорилъ онъ серьезно.

— Какъ вы всѣ слѣпы! какъ вы живете только внѣшними чувствами, не думая о завтрашнемъ днѣ, о своихъ будущихъ дѣтяхъ, о будущихъ поколѣніяхъ, — говорила она, заломивъ въ негодованіи руки.

— Почему? — спросилъ коротко, глядя на часы.

— Потому что выбираете жидовокъ матерями вашихъ дѣтей, потому что не чувствуете къ нимъ отвращенія, не видите, что эти женщины намъ совершенно чужды, что у нихъ нѣтъ религіи, нѣтъ этики, нѣтъ традиціи, нѣтъ обычной женственности. Это пустыя, кичливыя, бездушныя торговки своихъ прелестей, куклы, приводимыя въ движеніе первобытными потребностями, женщины безъ идеала.

Боровецкій поднялся, чтобы уйти, его смѣшилъ и сердилъ весь этотъ разговоръ.

— Панъ Карлъ, я хотѣла васъ просить, помогите мнѣ объяснить Метѣ, что это немыслимо. Я знаю, что онъ васъ уважаетъ, что скорѣе васъ послушается, какъ кузена. Вы понимаете меня, я не могу безъ боли даже подумать, что какая-то торговка, дочь ничтожнаго аферіста, могла бы хозяйничать здѣсь, среди живыхъ воспоминаній нашего четырехвѣковаго рода. Что сказали бы они! — воскликнула горестно, указывая широкимъ жестомъ на рядъ портретовъ, на рядъ головъ рыцарей и сенаторовъ, мерцавшихъ желтыми пятнами въ полумракѣ.

Боровецкій ядовито усмѣхнулся и, тронувъ паль-

нами старые заржавленные доспѣхи, стоявшіе между окнами, сказалъ быстро и выразительно:

— Трупы. Археологіи мѣсто въ музеяхъ; въ современной жизни некогда заниматься призраками.

— Вы смѣетесь! Вы всѣ смѣетесь надъ прошлымъ, вы продали свои души золотому тельцу. Называете традиціи трупами, благородство — предразсудкомъ, а добродѣтель — смѣшнымъ и достойнымъ сожалѣнія суевѣріемъ.

— Нѣтъ, но все это лишняя роскошь въ наше время. Какая мнѣ польза отъ чести и традиціи при сбытѣ ситца? Развѣ мои предки-сенаторы помогутъ мнѣ при постройкѣ фабрики и въ поискахъ кредита? Его дадутъ мнѣ жиды, а не воеводы! А весь этотъ балластъ такой рухляди, какъ традиція, это все равно, что заноза въ ногѣ: мѣшаетъ быстрой ходьбѣ. Человѣкъ нашихъ дней, если не хочетъ быть простымъ батракомъ, долженъ быть свободенъ отъ узъ прошлаго шляхетства и тому подобныхъ предразсудковъ. Это связываетъ волю, лишаетъ силы въ борьбѣ съ противникомъ безъ принциповъ и безъ традицій, — съ противникомъ, страшнымъ тѣмъ, что онъ самъ для себя прошлое, настоящее и будущее, средство и цѣль.

— Нѣтъ, нѣтъ! Будетъ объ этомъ! Можетъ быть вы и правы, но я съ вами никогда не соглашусь. Покажу вамъ письмо панны Грюнспанъ къ Метѣ, написанное изъ Италіи. Это не будетъ нескромностью, потому что тамъ нѣсколько строкъ и ко мнѣ.

Письмо было очень длинное, написанное ровнымъ почеркомъ, полное преувеличенныхъ восторговъ Италіей. Но мѣстами, гдѣ говорила о себѣ, о домѣ и о

близкомъ свиданіи съ Высоцкимъ, оно было полно сдержанного чувства нѣжности и тоски.

— Очень хорошее письмо.

— Смѣшное отъ преувеличеній и банальное. Восторги взяты изъ Бедекера, это рисовка, чтобы показаться болѣе интересной.

Вошелъ Высоцкій, усталый блѣдный, съ галстукомъ на боку, съ растрепанными волосами.

Извинился, что не могъ притти раньше, и сейчасъ же убѣжалъ, вызванный по телефону къ рабочему, которому машиной раздробило руку.

Боровецкій, воспользовавшись этимъ, тоже хотѣлъ уйти.

— Вы исполните мою просьбу?—спросила Высоцкая, крѣпко пожимая его руку.

— Узнаю сперва о положеніи дѣла, можетъ быть и нѣтъ такой опасности, какъ вы думаете.

— Дай Богъ, чтобы это были одни предположенія. Когда я васъ увижу?

— Черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ Анка, и я сейчасъ же приведу ее къ вамъ.

— А вы не будете въ воскресенье у Травинскихъ? Она именинница.

— Непремѣнно буду.

Высоцкая шла впереди, провожая его, но, открывъ дверь кабинета, отшатнулась и позвонила прислугу.

— Марыся, открой окна, пусть провѣтрится! Провожу васъ другимъ ходомъ.

Пошла съ нимъ черезъ рядъ комнатъ, обитыхъ шелковыми выцвѣтшими обоями, съ опущенными шторами, старинной мебелью, портретами и картинами, истори-

ческаго содержанія. На всемъ лежала печать меланхоліи и почти монастырскаго настроенія.

«Сумасшедшая», подумалъ, выйдя на Петроковскую, но все-таки сочувствовалъ ей и находилъ ее во многомъ правой.

Жара усиливалась; надъ Лодзью повисла сѣрая мгла отъ дыма, сквозь которую невыносимо палили солнечные лучи.

Люди тяжело плелись по тротуарамъ, лошади понурили головы, возы двигались медленнѣе, въ магазинахъ затихло движеніе, одинъ фабрики гудѣли съ неослабной силой, дышали сотнями трубъ, выливая въ канавы разноцвѣтные потоки, точно струи пота измученнаго организма.

Боровецкаго такъ утомила эта жара, что онъ зашелъ въ кондитерскую выпить мазагранъ.

Тамъ было прохладно и пусто, подъ холщевымъ навѣсомъ веранды сидѣлъ только Мышковскій и посмотрѣлъ на него тяжелыми, сонными глазами.

— Что, тепло? — спросилъ онъ, протягивая потную руку.

— Этого можно было ожидать.

— Не поѣхать ли куда-нибудь за городъ выпить пива. Одному неохота, а вдвоемъ веселѣе.

— Некогда, развѣ въ воскресенье.

— Не везетъ! Сижу здѣсь шесть часовъ и не могу никого уговорить. Былъ Морицъ, — отговорился дѣлами; былъ этотъ франтъ Козловскій, — не захотѣлъ каналья! Что мнѣ дѣлать одному въ такую жару?—жаловался онъ такъ комично, что разсмѣшилъ Карла.

— Смѣйтесь, а я уже таю отъ жары и умираю отъ скуки.

— Почему вы не ляжете спать?

— Ну! Я спалъ тридцать часовъ, и мнѣ это наконецъ надоѣло. Не съ кѣмъ даже поссориться! Вы уже уходите? Пришлите кого-нибудь, буду радъ даже Леону Кону. Пусть будетъ кто-нибудь похуже, скорѣе меня взбѣситъ.

— Не пойдете на фабрику?

— Зачѣмъ? Денегъ мнѣ пока не надо, кредитъ еще не весь исчерпанъ, могу подождать. Мальчикъ, шестую порцію мороженаго! — крикнулъ онъ, откидываясь на спинку стула послѣ ухода Карла, и сталъ смотрѣть сонными глазами сквозь зеленую рѣшетку веранды, увитой плющомъ, на извозчичьихъ лошадей, отмахивавшихся отъ мухъ.

Боровецкій двинулся торопливо къ Эленову.

Въ паркѣ было тихо и прохладно. Молодыя деревца жадно тянулись къ солнцу и бросали дрожащія тѣни на бѣлые столики ресторана.

Газоны разстилались зелеными коврами, пестрѣя пятнами клумбъ съ красными и желтыми тюльпанами, окаймленные желтыми песчаными дорожками, надъ которыми проносились ласточки.

Около клѣтокъ, гдѣ дремали утомленные жарой звѣри, бѣгали дѣти и дразнили съ громкимъ смѣхомъ обезьянъ, которыя кричали и метались, какъ сумасшедшія, по клѣткѣ.

Узкія аллеи, крытыя дикимъ виноградомъ, сверкали яркой молодой зеленью и отражались въ гладкой

зеркальной поверхности пруда, которую бороздили темныя спины рыбъ или острое крыло ласточки.

Въ глубинѣ золотистыми пятнами виднѣлись стаи карповъ.

Карлъ вошелъ въ аллею, чтобы обойти воду и пройти въ тѣни къ верхнему парку. У воды въ тѣни винограда увидѣлъ Горна съ Камой, которые кормили карповъ.

Кама безъ шляпы, съ разсыпавшимися по лицу волосами, раскраснѣвшаяся и веселая, какъ щегленокъ, бросала крошки хлѣба и смѣялась громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, кричала на рыбъ, которыя высовывали отъ жадности свои круглыя головы, пугала ихъ длинной вѣткой вербы и поминутно поворачивалась радостнымъ личкомъ къ Горну, который сидѣлъ глубже, опираясь о рѣшетку, увитую виноградомъ, и тоже искренно забавлялся карпами.

— Пай, дѣточка, пай! — сказалъ Карлъ подходя.

— Ну, тетя! — невольно крикнула Кама и смутившись закрыла лицо руками.

— Ну, какъ кушаютъ карпы?

— Отлично! Съѣли булокъ на десять копеекъ, — отвѣтила она торопливо и стала еще торопливѣе разсказывать про разныя выходки.

Говорила сбивчиво, потому что не могла скрыть и побороть своего смущенія.

— Кама разскажетъ мнѣ все это при тетѣ, хорошо? Играйте себѣ, а я пойду, мнѣ некогда, — сказалъ лукаво улыбаясь, видя, какъ Кама поблѣднѣла при имени тетки и быстро откинула волосы.

— Вы думаете, я не разскажу? Все разскажу тетѣ, все...

— Панъ Горнъ, зайдите хоть завтра къ Шаѣ; онъ пріѣхалъ, и вы получите мѣсто. Мнѣ уже говорилъ объ этомъ Мюллеръ.

— Благодарю васъ, очень радъ...

Но онъ не радовался, смущенный тѣмъ, что Боровецкій поймалъ его за такимъ ребячествомъ.

— Наслаждайтесь дальше этой идиллісй, я не буду мѣшать.

Отошелъ, но Кама его догнала, загородила дорогу и прерывающимся отъ тревоги голосомъ просила его, оправляя свое измятое платье:

— Панъ Карлъ... золотой мой панъ Карлъ... не говорите тетѣ ничего...

— А что же мнѣ говорить, вѣдь тетя позволила Камѣ итти на прогулку.

— Да, да, но видите, Горнъ такой несчастный... такой бѣдный... поссорился съ отцомъ... у него нѣтъ денегъ. Я хотѣла его немного развлечь... Тетя мнѣ позволила, но...

— Не понимаю, чего Кама хочетъ? — лукаво притворялся онъ.

— Я не хочу, чтобы надо мной смѣялись, а когда вы скажете, всѣ станутъ меня преслѣдовать, и я буду очень... страшно... ужасно... несчастна. Какъ панъ Горнъ... потому что у него нѣтъ мѣста, нѣтъ денегъ и онъ поссорился съ отцомъ..

Говорила сбивчиво и торопливо, и глаза ея наполнялись уже слезами, а губы дрожали.

Карлъ чувствовалъ, что еще мгновеніе и она расплачется.

— А если я скажу, что тогда?—спросилъ онъ шутливо, заправляя ея черные волосы за уши.

— Тогда я тоже скажу, что вы были на свиданіи въ Элеповѣ, — крикнула она радостно, слезы сразу высохли, волосы спускались на лобъ, розовыя ноздри задрожали, и все лицо освѣтилось шаловливымъ задоромъ.

— Съ кѣмъ же это я былъ на свиданіи? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Не знаю. Но въ такое время сюда не ходятъ гулять.

Весело разсмѣялась.

— Кама веселая дѣвочка! Такъ и быть, не скажу тетѣ, что Кама приходитъ въ Элеповъ утѣшать несчастнаго Горна.

— Спасибо. Я васъ люблю, я васъ очень люблю!— крикнула радостно.

— Больше Горна, да?

Ничего не отвѣтила и побѣжала къ рыбамъ.

Съ другой стороны пруда изъ верхняго парка онъ еще разъ увидѣлъ ихъ склоненныя надъ водой головы и слышалъ иногда звонкій смѣхъ, вырывавшійся изъ зеленой бесѣдки и дрожавшій надъ ясной поверхностью воды.

Люси еще не было.

Онъ сталъ ходить по узкимъ, тѣнистымъ и пустымъ аллеямъ.

Птицы сонно щебетали въ чащѣ, сонно шелестѣли листья, и сонные голоса долетали изъ города.

Смотрѣлъ на ясное небо, на блестѣвшую сквозь деревья воду, на красныя платья дѣвочекъ, мелькавшія между деревьями, на майскихъ жуковъ, ползавшихъ съ опущенными крыльями по листьямъ.

Сѣлъ въ главной аллеѣ при спускѣ къ прудамъ и смотрѣлъ на дѣтей, которыя молчаливо играли подъ наблюденіемъ дремавшихъ на скамейкахъ боннъ.

Деревья сонно покачивались надъ нимъ, разбрасывая пятна мерцающаго свѣта и пестря газоны измѣнчивымъ рисункомъ пятенъ.

Глухой шумъ города долеталъ порой и терялся въ этой тишинѣ парка, иногда раздавалось рычанье звѣрей, или врывались неровной гаммой чьи-то голоса.

Но скоро опять все стихло, и однѣ ласточки безъ устали пролетали надъ паркомъ, пересѣкали извилинами аллеи, мелькали около дѣтей, людей и деревьевъ и кружились безъ конца.

Карлъ внезапно очнулся отъ этой дремотной задумчивости, услыхавъ сухой шелестъ платья. Поднялъ глаза и невольно подался впередъ.

Навстрѣчу шла Ликертъ.

Бѣловато-лиловый зонтикъ колебался надъ ней, бросая теплые рефлексы на ея грустное лицо и широко открытые глаза.

Почти одновременно замѣтили другъ друга и невольно протянули руки.

Ея блѣдное лицо вспыхнуло радостью, глаза загорѣлись счастьемъ, губы заалѣли, бросилась впередъ, точно хотѣла его обнять, но вдругъ точно туча набѣжала, закрыла солнце и упала сѣрой тѣнью на ихъ души; нервно вздрогнула, протянутая рука безжиз-

ясно упала, лицо погасло, губы поблѣднѣли и сжались, глаза спрятались вглубь и посмотрѣли на него холодно.

Быстро прошла мимо и стала спускаться по лѣстницѣ къ прудамъ.

Машинально сдѣлалъ за ней нѣсколько шаговъ, охваченный страннымъ волненіемъ.

Она повернулась на мгновенье, окинула его еще суровымъ, но уже влажнымъ отъ слезъ взглядомъ и пошла дальше.

Сѣлъ и тупо уставился туда, гдѣ только что блеснули ея глаза, провелъ рукой по горѣвшимъ и тяжелымъ вѣкамъ, весь вздрогнулъ отъ чувства холода ея глазъ и, не зная зачѣмъ, сталъ у лѣстницы и долго смотрѣлъ на ея стройную фигуру, бросавшую длинную тѣнь на поверхность пруда. Сѣлъ опять и безъ движенія, безъ мысли, смотрѣлъ въ глубину своего сердца, и глаза его все болѣзненнѣе сверкали изъподъ опущенныхъ вѣкъ.

Солнце выглянуло изъ-за тучи и сново залило весь паркъ, въ чащахъ громче защебетали птицы, дѣти съ крикомъ бѣгали по аллеямъ, а деревья сонно шептались и, точно играя, сбрасывали листья, которые мягкой волнистой линіей тихо падали на пушистую траву лужаекъ.

Карлъ смотрѣлъ на полосу искрящагося дрожащаго свѣта на желтомъ гравіи.

«Вотъ это — презрѣніе», думалъ, видя еще передъ собой глаза Эммы, ея опустившуюся руку и это стремительное движеніе, чтобы овладѣть собой. Хотѣлъ разсмѣяться, но не могъ, почувствовавъ горечь и

какое-то внезапное, тяжелое утомленіе. Всталъ и направился тяжелыми шагами къ гроту.

Люси уже ждала и, увидѣвъ его, бросилась къ нему на шею, не обращая ни на что вниманія.

— Осторожнѣй! вездѣ люди! могутъ замѣтить! — шепнулъ со злостью, оглядываясь кругомъ.

— Прости, прости! Ты давно ждешь? — спросила покорно.

— Около часа и собирался уже уходить, потому что мнѣ некогда.

— Пойдемъ за оранжерею подъ яблони, тамъ никогда никого не бываетъ! — просила тихо.

Позволилъ себя увести.

Шли подъ руку, близко прижавшись другъ къ другу.

Люси поминутно заглядывала ему въ глаза, прижимаясь все крѣпче и улыбаясь жаждущими поцѣлуевъ губами, жаркая какъ южное солнце. Была сегодня обольстительно-прекрасна; легкое шелковое красноватое платье обрисовывало ея роскошныя плечи и спадало мягкими складками на грудь и на пышныя бедра. Въ большомъ воротникѣ Медичи, окаймленномъ кружевами, ея лицо, горячаго смуглаго тона, сверкало молодостью, здоровьемъ и красотой, а синіе великолѣпные глаза съ черными рѣсницами и бровями, горѣли такъ ярко, что Карлъ чувствовалъ на своемъ лицѣ слѣды этихъ страстныхъ взглядовъ, они воспламеняли его и ослабляли его твердое рѣшеніе порвать эту связь. Ему было жаль потерять эти жаждущія, обжигавшія его поцѣлуями губы, жаль было

этихъ молящихъ взглядовъ, этого страстнаго шопота и объятій, этого неисчерпаннаго до дна наслажденія.

И подъ внезапнымъ порывомъ страсти, еще весь подъ впечатлѣніемъ горечи встрѣчи съ Ликертъ, онъ сталъ ее порывисто цѣловать.

Отдавала ему поцѣлуи такіе долгіе, сильные и страстные, что смертельно поблѣднѣла и почти безъ сознанія лежала въ его объятіяхъ.

— Карлъ, умираю, умираю! — прошептала поблѣднѣвшими губами, на которыхъ еще лежала печать этого страстнаго порыва.

Обвилась вокругъ него и, приходя немного въ себя, шепнула, открывая глаза и жадно глотая воздухъ:

— Люблю тебя! Не цѣлуй, мнѣ такъ нехорошо, такъ нехорошо! — тихо жаловалась она.

За оранжереей, скрытые отъ глазъ любопытныхъ низко свѣсившимися вѣтвями деревьевъ, они сѣли на траву подъ стѣной. Люси оперлась головой о его плечо и долго молчала.

Обнялъ ее и гладилъ это поблѣднѣвшее лицо и цѣловалъ нѣжно эти сомкнувшіяся тяжелыя вѣки, изъ-подъ которыхъ внезапно побѣжали слезы.

— Что съ тобой? О чемъ ты плачешь?

— Не знаю, не знаю, — отвѣтила она, а слезы лились все обильнѣе, и грудь поднималась отъ тяжелыхъ рыданій. Вытиралъ ей глаза, цѣловалъ и успокаивалъ, но ничто не помогало, плакала какъ обиженный ребенокъ и не могла успокоится.

Минутами уже улыбалась, но новая волна слезъ наполняла ея синіе глаза и сгоняла съ лица улыбку.

Карлъ сталъ безпокоиться, а потомъ терять терпѣніе.

Его страстное волненіе исчезло безслѣдно, сидѣлъ холодный и раздосадованный этимъ припадкомъ истеріи или простого возбужденія.

Напрасно спрашивалъ онъ, что съ ней.

Ничего не отвѣчала, спрятала голову на его груди, обняла его и горько плакала.

Вѣтеръ проносился между яблонями, стряхивалъ послѣдніе увядшіе, побурѣвшіе цвѣты на головы сидѣвшихъ и на траву, покачивалъ вѣтки надъ ними, таинственно шепталъ что-то въ листвѣ и летѣлъ дальше, оставляя послѣ себя глубокую тишину. Верхушки деревьевъ чуть замѣтно качались, освѣщенныя послѣдними лучами солнца.

Воробьи чирикали на крышѣ оранжереи, изъ города доносились рѣзкіе пронзительные свистки фабрикъ, возвѣщавшихъ часъ ужина.

Люси перестала плакать, вытерла лицо, посмотрѣла въ ручное зеркальце, поправила шляпу и сказала тихо, глядя на его нахмуренное лицо:

— Сердишься на меня, Карлъ?

— Нѣтъ, за что же, меня просто безпокоилъ твой плачъ.

— Просто, видишь, не могла сдержаться, не могла... Столько дней ждала тебя, столько дней думала объ этой встрѣчѣ, такъ радовалась... мнѣ плохо, Карлъ, мнѣ очень плохо дома... Возьми меня оттуда, убей меня, если хочешь, но не позволяй мнѣ къ нимъ возвращаться! — крикнула съ силой, отчаянно хватаясь

за него руками, впиваясь глазами въ его глаза, умоляя о жалости и помощи.

— Успокойся, Люси, ты взволнована, разстроена и сама не знаешь, чего хочешь.

— Знаю, Карлъ, знаю; я хочу тебя! Не вынесу я больше съ ними, не вынесу! — крикнула страстно.

— Чѣмъ же я могу помочь? — сказалъ съ легкимъ нетерпѣніемъ, и холоднымъ гнѣвомъ сверкнули его сѣрые глаза.

Сорвалась при этихъ словахъ съ мѣста и, точно увидѣвъ передъ собой пропасть, смотрѣла на него пристальными, остановившимися, полными тревоги глазами.

— Карлъ, ты меня не любишь, ты меня никогда не любилъ! — тихо выговорила наконецъ дрожащими губами и ждала трепетно его отвѣта. Страшный для нея отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ его губъ, но жалость удержала его. Улыбаясь обнялъ онъ ее и сталъ цѣловать ея испуганные, полные слезъ глаза съ трепетными какъ крылья умирающей бабочки вѣками, ея дрожащія отъ испуга губы.

— Ты сегодня очень разстроена и нервна. Надо успокоиться, Люси, и не надо говорить и думать такихъ вещей, потому что мнѣ отъ нихъ больно. Хорошо, Люси? — старался говорить какъ можно нѣжнѣе.

— Хорошо, Карлъ, хорошо. Прости меня! Я такъ люблю тебя, я такъ боюсь за тебя, что не могла выдержать, хотѣла убѣдиться.

— А теперь вѣришь мнѣ и успокоилась, правда?

— Вѣрю тебѣ, Карлъ, кому же мнѣ вѣрить, если не тебѣ? — сказала съ глубокой искренностью.

— Развѣ дома у тебя непріятность?

— Одна ли! У меня ихъ ежедневно тысячи, но сегодня пріѣхала тетка изъ Ченстохова и цѣлый часъ бранилась, что у насъ нѣтъ дѣтей! Слышишь, Карлъ? Вся родня этимъ огорчена и постоянно мнѣ объ этомъ говоритъ, постоянно... Мужъ говоритъ, что разведется со мной, что ему стыдно передъ родными. Сегодня порѣшили, что тетка отвезетъ меня въ Броды къ одному цадику, который можетъ этому помочь.

— Согласилась?

— Они могутъ меня заставить!.. Вѣдь я не могу противорѣчить, вѣдь за меня некому заступиться... Должна!..— говорила она тихо, стискивая зубы отъ сознанія своей безпомощности, и смотрѣла на него умоляющими глаза, ожидая спасенія. Но Карлъ безпокойно задвигался и посмотрѣлъ на часы.

— Знаешь, они угрожаютъ въ случаѣ моего отказа дать мнѣ разводъ и увезти меня въ маленькій городишко! Слышишь, увезутъ меня далеко отъ тебя, и уже никогда я тебя... никогда не увижу...

И въ безумномъ внезапномъ страхѣ потерять его навсегда бросилась къ нему, обвила его руками, прижалась къ нему и, полная любви и ужаса, схватила его руки и покрывала ихъ поцѣлуями.

— Пора итти! Музыка уже играетъ, публики будетъ больше, и насъ могутъ увидѣть.

— Пусть увидятъ! Я люблю тебя, Карлъ, и могу это сказать передъ всѣми. Что мнѣ люди, когда ты со мной!

— Надо соблюдать приличія.

— А что ты сдѣлаешь, если я когда-нибудь при-

ду къ тебѣ и останусь навсегда? — спросила живо, прижимаясь къ нему съ любовью, и лицо ея загорѣлось счастьемъ.—И были бы мы всегда вмѣстѣ, всегда... всегда... — повторила, ласкаясь и цѣлуя его.

— Ты ребенокъ, не понимаешь, что говоришь... Это безумныя мысли...

— А развѣ любовь не безуміе, Карлъ?

— Да, да, но намъ пора разойтись, — говорилъ торопливо, прислушиваясь къ далекимъ звукамъ музыки, проникавшимъ сквозь чащу.

— Ты меня не любишь, Карлъ? — спросила шутливо, протягивая губы для поцѣлуя.

Но онъ посмотрѣлъ на нее холодно и отвѣтилъ такъ рѣзко, что она задрожавъ выпустила его руку и пошла рядомъ смущенная и тревожная, грустнымъ взглядомъ окидывая кусты и деревья, гдѣ притаился мракъ съ багровыми проблесками заходящаго солнца мѣстами.

И хотя увѣрялъ ее въ своей любви, стараясь смягчить свой голосъ, хотя цѣловалъ ее искренно на прощанье, отошла вся въ тревогѣ и бросала на него издали грустные взгляды.

Музыка играла какой-то меланхолическій вальсъ, который долеталъ въ дальніе уголки парка нѣжной мелодіей. Затихшіе въ этотъ закатный часъ деревья и закрывавшіяся чашечки цвѣтовъ чуть колебались.

По аллеямъ двигалась шумная толпа съ разговорами и смѣхомъ, хрустя гравіемъ, мелькая свѣтлыми туалетами женщинъ.

Ряды деревьевъ стояли неподвижно въ надвигавшихся сумеркахъ, полныхъ звуками мелодій и лучей

заходящаго солнца, которое пряталось за лѣса и разливало потоки багроваго свѣта на дымную Лодзь съ черными силуэтами трубъ, на тянувшіяся за паркомъ пустыя поля съ одинокими деревьями, на кирпичные заводы и низкіе домики, на песчаныя тропинки и зеленыя нивы, которыя, волнуясь какъ море, ударяли безсильной и прямой волной въ городъ.

Карлъ пошелъ верхней аллеей, чтобы не встрѣтиться съ знакомыми, но замедлилъ шаги, увидѣвъ впереди Горна съ Камой. Шли, держась за руки, что-то тихо напѣвая, качая въ тактъ головами. Кама держала шляпу въ рукѣ, и ея растрепанные волосы, пронизанные золотыми лучами заходящаго солнца, окружали ея голову свѣтлымъ ореоломъ. Взошли на горку и остановились смотрѣть на городъ внизу.

Карлъ обошелъ ихъ боковой дорожкой и торопливо пошелъ въ городъ.

IV.

— Зайдите напиться чаю, тетя будетъ сердиться за то, что я васъ отпустила, — просила Кама, когда они дошли до Спацеровой.

— Некогда, пойду теперь искать Малиновскаго, онъ уже три дня не былъ дома, и я очень безпокоюсь.

— Ну, хорошо, а когда вы его найдете, приходите оба пить чай.

— Хорошо.

Дружески пожали другъ другу руки и разошлись.

— Панъ Горнъ! — позвала Кама изъ воротъ.

Повернулся и ждалъ, что она скажетъ.

— Вамъ теперь лучше? Вы уже не такъ несчастны, да?

— Лучше, гораздо лучше и спасибо отъ всей души за эту прогулку.

— Надо быть здоровымъ, не надо быть несчастнымъ, а завтра надо итти къ Шаѣ, хорошо? — говорила тихо и погладила его материнскимъ жестомъ по лицу.

Поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и пошелъ домой медленно и апатично, несмотря на безпокойство о Малиновскомъ, съ которымъ онъ жилъ и къ которому привыкъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ ожиданія мѣста.

Дома Малиновскаго не было. Въ квартирѣ было пусто, на каждомъ шагу было видно, что здѣсь прошла не малая бѣда, потому что, когда Горнъ поссорился съ отцомъ, тотъ лишилъ его содержанія, надѣясь этимъ вернуть упрямца домой.

Но не вернулъ его; Горнъ рѣшилъ жить самостоятельно, а пока дѣлалъ долги, продавалъ мебель и платье и жилъ любовью къ Камѣ.

Любовь эта была, какъ этотъ іюньскій спускавшійся на городъ вечеръ, полный глубокой тишины и яркихъ звѣздъ, дрожавшихъ въ бездонныхъ, необъятныхъ и вѣчныхъ глубинахъ; она окутывала его всего сладкимъ туманомъ и мечтой.

Пересталъ думать о себѣ, рѣшивъ итти искать пріятеля.

Малиновскій устраивалъ иногда эти таинственныя исчезновенія, возвращаясь послѣ нихъ блѣдный и

взволнованный, не разсказывалъ, гдѣ былъ, но никогда еще не пропадалъ такъ долго.

Горнъ обошелъ всѣхъ знакомыхъ, гдѣ можно было что-либо узнать, но никто не видѣлъ Малиновскаго. У его родителей не справлялся, чтобы ихъ не безпокоить и обратиться къ нимъ только въ крайнемъ случаѣ.

Хотѣлъ еще спросить Яскульскихъ, куда Малиновскій заходилъ часто. Яскульскіе жили теперь на одной изъ новыхъ улицъ между линіей желѣзной дороги, лѣсомъ и фабриками Шейблера.

Улица была еще не то полемъ, не то мѣстомъ свалки, тянулась ломаной линіей между зелеными нивами, кучами мусора, вывезенными изъ города, и громадными ямами, откуда брали песокъ.

Четырехъэтажные нештукатуреные дома краснѣли рядомъ съ маленькими деревянными домиками и простыми будками, сколоченными изъ досокъ. Внизу покатой улицы струился ручей, загрязненный фабричными отбросами; заражая кругомъ воздухъ и образуя границу между городомъ и полями, онъ огибалъ извилистой линіей заборы и кучи мусора.

Яскульскіе жили у самаго лѣса, въ деревянномъ старомъ домѣ съ многочисленными пристройками и чердаками на покосившемся этажѣ. Теперь имъ жилось лучше: старикъ зарабатывалъ пять рублей въ недѣлю на постройкѣ у Боровецкаго, она держала съѣстную лавочку на счетъ булочника, за что получала квартиру и десять рублей въ мѣсяцъ.

Передъ лавочкой сидѣлъ Антось, завернутый въ

одѣяло, и мечтательнымъ и тоскливымъ взглядомъ смотрѣлъ на тонкій серпъ луны, который, выглянувъ изъ-за тучъ, серебрилъ мокрыя отъ росы трубы и крыши домовъ.

— Юзефъ дома? — спросилъ Горнъ, пожимая его сухую, чахоточную руку.

— Дома, дома...— съ трудомъ шепталъ больной, не выпуская его руки.

— Теперь тебѣ лучше, чѣмъ зимой?

— Туда никто не можетъ добраться? — спросилъ онъ, указывая широко открытыми глазами на луну.

— Развѣ послѣ смерти, — сказалъ Горнъ, быстро входя въ лавочку.

— Я чувствую... какъ тамъ ужасно тихо... — шепталъ больной вздрогнувъ и улыбнулся тоскливой, горькой, непримиримой улыбкой.

Замолчалъ, опустилъ безсильныя руки, оперся головой о дверь и погрузился всей душой въ эти страшныя бездны, по которымъ плылъ серебристый серпъ луны. Юзефъ сидѣлъ за лавочкой, въ маленькой, тѣсной комнаткѣ, заставленной кроватями и вещами, такой душной, что открытыя окна и двери не освѣжали жаркаго воздуха.

— Давно ты видѣлъ Малиновскаго?

— Не былъ у насъ двѣ недѣли, а видѣлъ я его недѣлю тому назадъ.

— А Зося была давно?

— Зоська больше къ намъ не ходитъ. Мама разсердилась на нее.... Марыська, выбьешь стекла! — крикнулъ черезъ окно въ маленькій садикъ, гдѣ виднѣлась женская фигура.

— Что она тамъ дѣлаетъ? — спросилъ Горнъ, глядя на темную стѣну лѣса, стоявшаго всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, такъ что свѣтъ лампы, падая изъ окна длинной полосой, освѣщалъ стволы сосенъ.

— Копаетъ землю. Это Марыська, ткачиха, изъ нашихъ мѣстъ. Мать уступила ей нашъ садъ, и она послѣ фабрики приходитъ сюда хозяйничать. Глупая, кажется ей, что она въ деревнѣ.

Горнъ, не слушая, думалъ, гдѣ найти Адма, безсознательно оглядывалъ комнату съ блестящими жестянками молока, вдохнулъ душный, пыльный, съ запахомъ дыма и хлѣба воздухъ и прощаясь спросилъ шутя:

— Ну, что, опять получилъ любовное письмо?

— Получилъ... да...

Покраснѣлъ внезапно.

— Прощай.

— Я тоже пойду.

— Вѣрно на свиданіе? — продолжалъ шутить.

— Да, да... Но не говорите такъ громко, а то мама услышитъ.

Торопливо одѣлся, и они вышли на улицу.

Теплый іюньскій вечеръ выгналъ людей изъ домовъ и подваловъ: сидѣли въ темныхъ сѣняхъ, на порогахъ передъ домами, въ пескѣ при дорогѣ, въ открытыхъ окнахъ, сквозь которыя были видны низкія, тѣсныя комнаты съ нарами и кроватями. Было шумно, какъ въ ульѣ.

На улицѣ не было фонарей, она освѣщалась луной и полосами свѣта изъ оконъ и открытыхъ кабачковъ

и лавочекъ. Посреди улицы гонялись съ крикомъ ребятишки, а изъ дальняго кабака неслась пьяная пѣсня, сливаясь съ звуками гармоники гдѣ-то подъ крышей и грохотомъ поѣздовъ.

— Гдѣ у тебя rendez-vous? — спросилъ Горнъ, когда они вышли на улицу и пошли тропинкой мимо большого картофельнаго поля.

— Недалеко, возлѣ костела.

— Желаю успѣха!..

Горнъ пошелъ къ родителямъ Адама, чтобы узнать о немъ, и попалъ на бурную сцену.

Мать стояла посреди комнаты и кричала во весь голосъ, Зоська рыдала у печки, Адамъ сидѣлъ за столомъ, закрывъ лицо руками. Горящая на комодѣ лампа освѣщала всю эту сцену.

Горнъ въ смущеніи подался назадъ.

Адамъ выбѣжалъ за нимъ.

— Дорогой мой, подожди меня пожалуйста нѣсколько минутъ у воротъ, — шепнулъ онъ лихорадочно и вернулся въ комнату.

Мать кричала звонкимъ, повышеннымъ голосомъ:

— Еще разъ спрашиваю, гдѣ ты была эти три дня?

— Я уже вамъ говорила, что была въ деревнѣ подъ Петроковомъ у одной знакомой.

— Зоська, не ври! — бросилъ Адамъ коротко, и нѣжные зеленые глаза загорѣлись гнѣвомъ.—Я знаю, гдѣ ты была! — прибавилъ тихо.

— Ну, гдѣ? — спросила дѣвушка съ тревогой, поднимая на него заплаканные глаза.

— У Кесслера! — шепнулъ съ такой болью, что

мать всплеснула руками, а Зоська сорвалась съ мѣста, остановилась на мгновеніе среди комнаты и обвела гордымъ, мятежнымъ взглядомъ вокругъ.

— Ну, да, была у Кесслера! Я его любовница, да!— крикнула такъ рѣзко и рѣшительно, что мать бросилась къ окну, Адамъ вскочилъ со стула, а она стояла молча, глядя на нихъ съ вызовомъ, но черезъ минуту ноги ея подкосились, въ сильномъ нервномъ припадкѣ упала на стулъ и разразилась страшнымъ плачемъ.

Мать пришла въ себя, подбѣжала къ ней, схватила за руки и, подтащивъ къ лампѣ, сказала лихорадочно:

— Ты любовница Кесслера? Ты, моя дочь?

Схватилась за голову и стала бѣгать по комнатѣ съ воплемъ отчаянія.

— Іисусъ, Марія! — кричала она, ломая руки.

Подбѣжала снова и, тряся ее изо всѣхъ силъ, шептала хриплымъ, глухимъ отъ волненія голосомъ:

— Значитъ эти отлучки къ теткѣ, эти прогулки, эти посѣщенія театра съ товарками, эти наряды—все это... Понимаю теперь, понимаю! И я все позволяла, я была такъ слѣпа! Іисусъ Марія! Не карай меня за слѣпоту, Предвѣчный Боже, не карай, Милосердный, за грѣхи дѣтей, я въ нихъ неповинна! — упала въ отчаяніи передъ иконой Богоматери, освѣщенной лампадкой.

На минуту наступила тишина.

Адамъ смотрѣлъ хмуро на лампу, а Зоська стояла подъ стѣной подавленная, разбитая, несчастная; крупныя слезы катились по лицу, рыданія потрясали

ее всю; волосы спустились на лобъ и плечи, она машинально откидывала ихъ назадъ и уже ничего не видала, что происходитъ вокругъ.

Мать поднялась съ колѣнъ, ея отекшее блѣдное лицо было гнѣвно и непоколебимо.

— Снимай сейчасъ же этотъ бархатъ! — сказала она.

Зоська не понимая колебалась; тогда мать стала срывать съ нея бархатный лифъ и рвать его на куски.

— Это твой позоръ, ты, уличница! — кричала она и объятая безумiемъ уничтоженiя сорвала съ нея платье, раздирала его на клочки, топтала ногами, затѣмъ бросилась къ комоду и стала выбрасывать изъ него все, что принадлежало Зоськѣ.

Та смотрѣла остановившимися глазами на это уничтоженiе и шептала отрывисто:

— Онъ любитъ меня... обѣщалъ на мнѣ жениться... Я не могла больше выдержать на фабрикѣ... я не хочу умереть въ прядильной... не хочу быть ткачихой всю жизнь... Мамочка дорогая, мамочка родная, прости меня, сжалься надо мной! — крикнула громко, бросаясь матери въ ноги. Самообладанiе покидало ее.

— Теперь можешь итти къ Кесслеру, у меня больше нѣтъ дочери! — сказала сухо мать, вырываясь изъ ея объятiй и широко раскрывая двери.

Зоську охватилъ внезапный, слѣпой ужасъ отъ этихъ словъ матери, отъ этого зiявшаго передъ ней чернаго коридора: отшатнулась, упала къ ногамъ ея съ нечеловѣческимъ крикомъ, цѣпляясь за ея руки, платье, колѣни, ползала за ней и со слезами въ голосѣ умоляла сжалиться и простить.

— Убей меня, но не гони! Убейте меня, я этого не выдержу! Адамъ, отецъ, сжальтесь надо мной!

— Убирайся сію минуту и не смѣй показываться, потому что прогоню тебя какъ собаку и отдамъ полиціи! — кричала мать, окаменѣвъ отъ гнѣва и страшнаго горя.

Адамъ слушалъ не двигаясь и смотрѣлъ своими зелеными утратившими гнѣвное выраженіе, влажными отъ слезъ глазами.

— Убирайся! — крикнула мать рѣзко.

Тогда Зоська остановилась на мгновеніе и бросилась съ безумнымъ крикомъ въ коридоръ. Сосѣди стали открывать двери и выглядывать.

Зоська пробѣжала весь домъ, сбѣжала внизъ на дворъ, забилась въ темный уголъ подъ цвѣтущую акацію и лишилась чувствъ отъ дикаго, животнаго страха.

Адамъ выбѣжалъ вслѣдъ за ней, привелъ ее въ чувство и шепнулъ ей мягкимъ голосомъ:

— Зоська, идемъ ко мнѣ! Я тебя не оставлю!

Ничего не отвѣчала, вырывалась изъ его рукъ, чтобы убѣжать.

Съ трудомъ ее успокоилъ, закуталъ въ платокъ, принесенный изъ дому, потому что она была вся въ лохмотьяхъ, взялъ ее крѣпко за руку и повелъ къ извозчику.

Горнъ, ожидавшій въ воротахъ, присоединился къ нимъ.

— Случилось такъ, что Зоська будетъ временно жить у меня, не можете ли найти себѣ на нѣсколько дней квартиру?

— Хорошо. Пойду къ Вильчку, у него большая квартира.

Ѣхали молча. Проѣзжая мимо дома Кесслера, Зоська сильнѣе прижалась къ брату и тихо заплакала.

— Не плачь, все уладится! Не плачь, мать проститъ, съ отцомъ я самъ поговорю!—утѣшалъ онъ сестру, цѣлуя ея заплаканные глаза, гладя ея растрепавшіеся волосы.

Его любовь и ласка такъ подѣйствовали на нее, что, прижавшись къ нему, обняла его руками, спрятала голову на его груди и какъ ребенокъ жаловалась на свою несчастную долю, не обращая вниманія на присутствіе Горна.

Устроили ее сейчасъ же въ комнатѣ брата, гдѣ она заперлась, отказавшись выйти къ чаю, который приготовилъ Горнъ.

Адамъ отнесъ ей самъ.

Выпила немного, бросилась на кровать и сейчасъ же заснула.

Адамъ поминутно къ ней заглядывалъ, накрылъ ее, чѣмъ могъ, вытеръ платкомъ лицо, потому что она и во снѣ плакала, потомъ вернувшись тихо спросилъ:

— Догадываетесь, что случилось?

— Нѣтъ, и не говорите мнѣ; это вамъ слишкомъ тяжело. Я сейчасъ ухожу.

— Останьтесь еще немного. Вы слышали, должны были слышать, что говорили о Зоськѣ?

— Никогда не обращаю вниманія на сплетни,— отвѣтилъ Горнъ уклончиво.

— Это не сплетни, а правда! — отвѣтилъ Адамъ рѣзко.

— Что же вы хотите дѣлать? — спросилъ Горнъ сочувственно.

— Сейчасъ же ѣду къ Кесслеру! — отвѣтилъ твердо, и его зеленые глаза сверкнули какъ дуло револьвера, который онъ спряталъ въ карманъ.

— Это ни къ чему. Съ животнымъ нельзя имѣть человѣческихъ отношеній.

— Попробую и, если не удастся, то...

— Что тогда? — спросилъ быстро Горнъ, испуганный угрожающимъ тономъ его голоса.

— Поговоримъ иначе... увидимъ...

— Горнъ хотѣлъ возразить, но Адамъ не сталъ слушать, крѣпко пожалъ ему на прощанье руку и побѣжалъ къ дворцу Кесслера.

Не засталъ его дома, и никто не могъ ему сказать, гдѣ онъ.

Посмотрѣлъ съ ненавистью на великолѣпныя стѣны дворца, на блестѣвшіе при свѣтѣ мѣсяца башенки и золоченые балконы, на опущенныя бѣлыя шторы оконъ и повернулъ на фабрику къ отцу.

Старикъ Малиновскій какъ всегда неутомимо ходилъ около громаднаго махового колеса, которое, поднимаясь, какъ призрачная птица въ мрачной, дрожавшей отъ движенія башнѣ, падало къ землѣ и, вынырнувъ изъ мрака, искрилось холоднымъ, стальнымъ блескомъ, вращаясь съ такой безумной быстротой, что нельзя было схватить его контура.

Въ башнѣ стоялъ такой бѣшеный гулъ отъ машины, что старикъ спросилъ у самаго уха.

— Нашелъ Зоську?

— Привезъ ее сегодня вечеромъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на сына, опять пошелъ въ обходъ, смазалъ масломъ нѣкоторыя части, посмотрѣлъ на манометръ, вытеръ рычаги, работавшіе со свистомъ, крикнулъ въ упоръ машинистамъ, работавшимъ внизу, и, вернувшись къ сыну, сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Кесслеръ!

Его зубы оскалились, точно собираясь укусить.

— Да, но онъ мой! Оставьте его въ покоѣ, отецъ,— заговорилъ Адамъ горячо.

— Глупый! У меня съ нимъ большіе счеты, не думай его трогать, слышишь?

— Слышу, но я своего не уступлю.

— И не думай! — заворчалъ старикъ, поднимая, какъ для удара, черные, громадные кулаки. — Гдѣ она теперь?

— Мать ее выгнала.

Прошепталъ что-то сквозь стиснутые зубы, и его каріе глаза глубоко ушли подъ нависшія брови, бросая хмурую тѣнь на его сѣрое, сухое лицо. Сгорбился и медленно сталъ обходить колесо, которое пѣло безумный гимнъ порабощенной силы, рвавшейся среди дрожавшихъ стѣнъ.

Сквозь маленькія запыленныя окна лился серебристый свѣтъ луны, въ которомъ, какъ синій призракъ, неслось съ крикомъ въ пляскѣ чудовище.

Адамъ не дождался больше ни одного слова отъ отца и хотѣлъ уйти, старикъ пошелъ за нимъ и уже на порогѣ шепнулъ:

— Позаботься объ этой... это вѣдь наша кровь.

— Она у меня.

Старикъ прижалъ его своими желѣзными руками къ сердцу.

Зеленые, нѣжные глаза смотрѣли съ любовью въ карiе, затуманенные слезами глаза отца. Долго смотрѣли другъ на друга и молча разошлись.

Старикъ обходилъ торопливо машины, вытирая глаза замасленными пальцами.

V.

Дѣло простое, но чистое золото, говорю вамъ. Я купилъ участокъ, который, во что бы то ни стало, долженъ купить у меня Грюнспанъ за какую мнѣ угодно цѣну, — объяснялъ утромъ Стахъ Вильчекъ ночевавшему у него Горну.

— Почему долженъ? — спросилъ Горнъ соннымъ голосомъ.

— Потому что мой участокъ окружаетъ фабрику съ двухъ сторонъ, сбоку и сзади, съ другого боку — участки Шаи Мендельсона, а спереди—улица. Грюнспанъ хочетъ увеличить фабрику, но у него нѣтъ мѣста. Онъ долженъ быть у меня сегодня, посмотрите, съ какой физiономiей. Торговалъ этотъ участокъ три года и уступалъ ежегодно его владѣльцу сто рублей. Хотѣлъ купить подешевле, не торопился. Я случайно узналъ это, перекупилъ потихоньку и буду ждать, теперь мнѣ тоже нечего торопиться... ха, ха, ха! — смѣялся онъ весело, потирая руки, облизывая толстыя губы и щуря глаза.

— Большой участокъ?

— Цѣлыхъ четыре морга! Пятьдесятъ тысячъ у меня въ карманѣ!

— Ужъ если фантазировать, то какъ можно ярче! — засмѣялся Горнъ, ошеломленный этой цыфрой.

— Я никогда не ошибаюсь въ дѣлахъ. Грюнспанъ долженъ поставить два павильона, всего на двѣ тысячи человѣкъ; если онъ поставитъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, хотя бы на нѣсколько сотъ шаговъ дальше, то расходы по постройкѣ, устройству и администраціи будутъ вдвое больше. Не хотите ли еще чаю?

— Пожалуйста, если еще горячій. Но для будущаго милліонера у васъ плоховатыя чашки! — замѣтилъ, мѣшая ложкой чай.

— Ерунда, будемъ еще пить изъ севрскихъ, — отвѣтилъ Стахъ пренебрежительно. — Оставлю васъ на минутку, — сказалъ онъ, глядя въ окно, и вышелъ въ сѣни, потому что между полусухими вишнями, стоявшими передъ домомъ, показалось нѣсколько старыхъ, бѣдныхъ женщинъ съ корзинками въ рукахъ.

Горнъ сталъ осматривать комнату будущаго милліонера.

Это была простая крестьянская хата съ покосившимися стѣнами, побѣленными известкой, съ глинянымъ поломъ, застланнымъ нѣсколькими бумазейными ковриками съ яркими красными цвѣтами. Кривое маленькое оконце съ грязной занавѣской пропускало такъ мало свѣта, что вся бѣдно обставленная комната тонула въ полумракѣ, среди котораго яркимъ пятномъ блестѣлъ только самоваръ на простой крестьянской печи съ большимъ навѣсомъ.

На столѣ лежало нѣсколько книжекъ вмѣстѣ съ

кусками стараго желѣза, ремнями и катушками съ образчиками разноцвѣтной пряжи.

Горнъ сталъ просматривать книжки, но, услыхавъ жалобный женскій голосъ, отложилъ ихъ и прислушался.

— Панъ одолжитъ мнѣ десять рублей! Панъ знаетъ, что Рухля Вассерманъ честная, бѣдная женщина. Если у меня сегодня не будетъ денегъ, я ничего не заработаю, мнѣ нечѣмъ будетъ жить всю недѣлю.

— Не дамъ денегъ безъ залога.

— Панъ Вильчекъ! я поклонюсь пану всѣмъ святымъ, что отдамъ... Намъ нечего ѣсть, мои малыя дѣти, мой мужъ, моя мать... Они ждутъ, что я принесу имъ кусочекъ хлѣба! Если панъ не одолжитъ, откуда я имъ возьму.

— Пусть подохнутъ, мнѣ безразлично!

— Такое нехорошее слово, такое недоброе слово панъ сказалъ, — жаловалась еврейка.

Вильчекъ сѣлъ на скамейку подъ окно и сталъ пересчитывать деньги другихъ женщинъ.

Онѣ клали передъ нимъ по цѣлковому, по два, самое большее по пяти, мѣдяками, гривенниками, вытаскивая ихъ изъ завязанныхъ узелковъ и потайныхъ кармановъ.

Пересчитывалъ внимательно и часто выбрасывалъ какую-нибудь монету.

— Гитля, этотъ гривенникъ ни къ чему, давай другой!

— По-моему это хорошая монета, я получила ее отъ одной барыни, которая всегда покупаетъ у меня апельсины! Чѣмъ онъ плоха? Она блеститъ! — кричала ев-

рейка, послюнивъ гривенникъ и вытирая его передникомъ.

— Давай скорѣе другой, мнѣ некогда!

— Панъ Вильчекъ, панъ благородный человѣкъ, панъ мнѣ одолжитъ... — просила Вассерманъ.

— Пани Штейнъ, не хватаетъ пятнадцати копеекъ! — крикнулъ, обращаясь къ маленькой старой еврейкѣ въ грязномъ чепцѣ, съ трясущейся головой.

— Не хватаетъ? Не можетъ быть! Тамъ цѣлыхъ пять рублей, я хорошо сосчитала.

— Прибавить и баста! Штейнъ всегда такъ говоритъ и всегда не хватаетъ, мы это хорошо знаемъ.

Штейнъ стала доказывать, что она все отдала вѣрно. Это такъ возмутило Вильчка, что онъ сгребъ деньги и бросилъ ихъ ей подъ ноги.

Штейнъ съ громкими причитаніями стала ихъ собирать и клала обратно на лавку.

Вассерманъ снова пододвинулась къ Вильчку и, тронувъ его за локоть, просила тихимъ, жалобнымъ голосомъ:

— Я жду!.. я знаю, что панъ надо мной сжалится!

— Безъ залога не дамъ ни рубля, — отвѣтилъ онъ,— одолжите у зятя!..

— Зачѣмъ панъ вспоминаетъ этого негодяя! Панъ знаетъ, я выложила ему на столъ цѣлыхъ сорокъ рублей живыхъ денегъ, и этотъ разбойникъ истратилъ все въ какихъ-нибудь полгода! Слышитъ панъ, все истратилъ! На что онъ потратилъ такой капиталъ?

Вильчекъ, не слушая жалобъ, получилъ слѣдуемое съ процентами за недѣлю и вписывалъ фамиліи и цыфры съ большой точностью въ записную книжку.

Равнодушно слушалъ онъ эти жалобы и съ нескрываемымъ презрѣніемъ относился къ этой толпѣ нищихъ женщинъ. Его не трогали эти покраснѣвшіе, выцвѣтшіе отъ солнца и вѣтра глаза, эти головы въ парикахъ и грязныхъ платкахъ, съ выраженіемъ вѣчной заботы и голода на лицѣ, этотъ хоръ жалобъ, эти фигуры въ лохмотьяхъ, стоявшія на солнцепекѣ среди чахлыхъ деревьевъ съ рѣдкой зеленью, на лужайкѣ, поросшей сорной травой, среди которой выдѣлялись своей блѣдной зеленью стройныя царскія свѣчи и лопухи.

За дорогой было цѣлое море красныхъ домовъ, трубъ и крышъ, блестѣвшихъ на солнцѣ; шумъ, гулъ, свистъ стоялъ въ воздухѣ и потрясалъ деревянныя покосившіяся стѣны дома. Горнъ серьезно и участливо смотрѣлъ на эту толпу несчастныхъ, стоявшихъ около дома, и съ возрастающимъ негодованіемъ слушалъ и узналъ дѣла Вильчка. Больше не могъ выдержать и, когда Вильчекъ, покончивъ съ дѣлами, вернулся, Горнъ молча взялъ шляпу и направился къ выходу.

— Не уходите

Я долженъ итти къ Шаѣ, а кромѣ того, скажу вамъ откровенно, все, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ, возбудило во мнѣ глубокое негодованіе, панъ Вильчекъ... Можете считать меня и весь нашъ кружокъ чужимъ и незнакомымъ, — сказалъ рѣзко и, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ, хотѣлъ выйти.

— Я не отпущу васъ; вы должны меня выслушать! — сказалъ Вильчекъ, быстро загораживая ему дорогу. Побагровѣлъ отъ гнѣва, но былъ спокоенъ.

Горнъ посмотрѣлъ на него и, не снимая шляпы, сѣлъ, сказавъ сухо:

— Я васъ слушаю.

— Хочу вамъ только объяснить. Я не ростовщикъ, какъ вы, очевидно, думаете, я работаю на средства Гросглюка и на его отвѣтственность. Говорю это вамъ первому; мнѣ раньше никогда не приходилось ни объяснять ни оправдывать свои поступки.

— Зачѣмъ же вы дѣлаете это теперь? Никто васъ не заставляетъ! Я не судебный слѣдователь.

— Не хочу, чтобы обо мнѣ невѣрно судили. Можете меня считать или не считать своимъ знакомымъ, это вопросъ второстепенный, но не хочу, чтобы меня считали ростовщикомъ.

— Можете быть увѣрены, что мы не станемъ вами интересоваться.

— Какъ я сейчасъ презрѣніемъ, которое слышу въ вашемъ голосѣ.

— Зачѣмъ же вы меня задерживаете?

— Задерживалъ, — сказалъ съ удареніемъ Вильчекъ.— Я сказалъ въ свое оправданіе, что только служу у Гросглюка и оперирую на его деньги. Конечно я этого даромъ не дѣлаю.

— Ни за какія деньги нельзя взять на себя обязанностей обиранія бѣдняковъ.

— Такъ говорится въ гостиныхъ и въ присутствіи дамъ. Это только фраза, которая звучитъ красиво и ни къ чему не обязываетъ.

— Это простая порядочность, а не фраза, панъ Вильчекъ.

— Можно это и такъ назвать, не спорю о звукахъ.

Вы считаете меня негодяемъ за то, что я помогаю Гросглюку обирать бѣдняковъ, да? Докажу вамъ, что этотъ негодяй дѣлаетъ для этой бѣдноты больше, чѣмъ всѣ вы интеллигенты и шляхта. Прошу посмотрѣть въ эту книжку, это ссуды и проценты за весь истекшій годъ. Книгу велъ мой предшественникъ. А вотъ моя книга съ новаго года. Сравните цыфры ссудъ и процентовъ.

Горнъ почти безсознательно заглянулъ и увидалъ, что сумма доходовъ въ другой книгѣ вполовину меньше.

— Почему, что это значитъ?

— Это значитъ, что я беру на сто пятьдесятъ процентовъ меньше моего предшественника. Это значитъ, что я выкладываю этимъ бѣднякамъ изъ собственнаго кармана отъ ста пятидесяти до двухсотъ рублей ежемѣсячно, потому что они-то и составляютъ мое вознагражденіе. Я отъ него отказался и не ставлю себѣ этого въ заслугу.

— Отдаете имъ ихъ собственныя деньги, большая заслуга, дѣйствительно.

— Вы говорите, какъ человѣкъ, ничего не понимающій въ дѣлахъ.

— Нѣтъ, только какъ человѣкъ, который не видитъ геройства въ томъ, чтобы брать сто пятьдесятъ процентовъ вмѣсто трехсотъ.

— Хорошо, не станемъ объ этомъ говорить! — сказалъ Вильчекъ, бросилъ неохотно книги въ несгораемый шкафъ, стоявшій въ углу, и забарабанилъ пальцами по столу, глядя на качавшіяся за окномъ вишни. Нахмурился; боялся, что слухи о его операціяхъ ра-

зойдутся по Лодзи и закроютъ ему двери знакомыхъ домовъ. Горнъ смотрѣлъ на него внимательно, забывъ, что хотѣлъ уйти. Негодованіе уступило мѣсто любопытству, съ какимъ слушалъ Вильчка. Онъ казался ему теперь совсѣмъ другимъ, чувствовалъ въ немъ какую-то силу, которой до сихъ поръ въ немъ не замѣчалъ, не обращая на него вообще никакого вниманія.

— Ахъ, вы смотрите на меня, точно никогда меня раньше не видали.

— Признаюсь, что первый разъ смотрю на васъ внимательно.

— Удивительный экземпляръ, да? Хамъ съ грязными инстинктами, обыкновенный жидовскій батракъ на всѣ руки, некрасивый, негодный и противный! Что дѣлать? Я родился не во дворцѣ, а въ простой избѣ: я не прекрасенъ, непріятенъ, не вашъ, и поэтому мои добродѣтели, если онѣ у меня есть, кажутся проступками, и поэтому тоже вы занимаете у меня деньги,— добавилъ со смѣхомъ, и маленькіе глазки его насмѣшливо заблестѣли.

— Вассерманъ пришла, — крикнулъ мальчикъ.

— Войтекъ, пусть ѣдутъ на вокзалъ, отдай Антку эту накладную, черезъ полчаса я буду самъ на станціи. Пусть Вассерманъ войдетъ.

Вассерманъ принесла подсвѣчники и янтарныя украшенія подъ залогъ десяти рублей, которые ей сейчасъ же выдалъ Вильчекъ, удержавъ рубль процентовъ за недѣлю.

— Вы скажете, что это ростовщичество, да? А если бы я ей не далъ этихъ денегъ, она умерла бы съ го-

лоду. И такихъ женщинъ, живущихъ этими займами, нѣсколько десятковъ въ Лодзи. У каждой изъ нихъ дѣти, матери, мужья, которые молятся или ни на что не годятся.

— Вы находите, что общество должно быть вамъ благодарно за такую щедрую благотворительность?

— Могло бы оставить насъ въ покоѣ, когда мы благодѣтельствуемъ безкорыстно.

Разсмѣялся искренно и цинично.

— Еврей Грюнспанъ идетъ! — крикнулъ мальчикъ въ дверь.

— Можетъ быть задержитесь еще на минутку, чтобы быть свидѣтелемъ веселой сцены.

Горну некогда было протестовать, потому что въ эту минуту вошелъ Грюнспанъ.

— Здравствуйте, панъ Вильчекъ, у васъ гости, я не помѣшаю? — говорилъ съ порога, съ сигарой въ зубахъ и протянулъ ему руку.

— Пожалуйста. Мой пріятель Горнъ, — представилъ онъ.

Грюнспанъ быстро вынулъ сигару и окинулъ Горна проницательнымъ взглядомъ.

— Вы работали у Бухгольца?—спросилъ свысока.— Вы сынъ Горнъ и Веберъ въ Варшавѣ? — спросилъ опять, не получая отвѣта на первый вопросъ.

— Да.

— Очень пріятно. Мы ведемъ дѣла съ вашимъ отцомъ.

Милостиво протянулъ Горну кончики пальцевъ.

— А я зашелъ къ вамъ, панъ Вильчекъ, какъ сосѣдъ.

— Сегодня очень хорошая погода. Садитесь пожалуйста, — приглашалъ Вильчекъ, не скрывая радости отъ этого визита.

Грюнспанъ откинулъ осторожно полы длиннаго сюртука и сѣлъ, протянувъ во всю длину ноги въ высокихъ сапогахъ. Поднялъ свое хитрое, откормленное, лоснившееся отъ жира лицо. Его маленькіе глазки бѣгали безпокойно по комнатѣ, тянулись къ окну въ садъ, краснымъ стѣнамъ фабрики и возвращались назадъ, останавливаясь безпокойно и испытующе на лицахъ Горна и Вильчка.

Исчезалъ въ густыхъ клубахъ дыма, откашливался, поправлялся на стулѣ и не зналъ съ чего начать. Вильчекъ тоже молчалъ, гулялъ по комнатѣ, улыбался, жадно облизывалъ губы и посматривалъ на Горна, сидѣвшаго нахмурившись и думавшаго надъ словами и поступками Вильчка.

— У васъ пріятная прохлада, — началъ фабрикантъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потное лицо.

— Солнце не проникаетъ сюда. А вы видѣли мой садъ, панъ Грюнспанъ?

— Нѣтъ еще. Когда же я могъ его осматривать? Дѣловой человѣкъ, какъ я, это все равно, что лошадь, привязанная къ возу.

— Если хотите, господа, можемъ выйти на свѣжій воздухъ. Я покажу вамъ свое поле и садъ, хорошо?

— Хорошо, отлично! — живо отвѣтилъ Грюнспанъ и пошелъ первый.

Обошли тѣсный дворъ съ выгребными ямами, кучами навоза, старыми бревнами, досками, грудами ста-

раго желѣза, жести, горшковъ, которыми двое рабочихъ нагружали возы.

Съ одной стороны двора стояли жалкіе, крытые соломой, сколоченные изъ старыхъ досокъ сараи съ бочками цемента, съ другой—такія же жалкія конюшни подъ стѣнами фабрики Грюнспана.

— Не скаковыя! — засмѣялся Вильчекъ, замѣтивъ, какъ непріязненно смотритъ Горнъ на изнуренныхъ, худыхъ клячъ, стоявшихъ понуря головы у желобовъ.

— Здѣсь не особенно пріятный запахъ, — замѣтилъ Грюнспанъ, потянувъ въ себя воздухъ.

Потомъ осмотрѣли песчаный пустырь, желтый, какъ охра, съ вывѣтренной плодородной землей. Подъ стѣнами фабрики тянулись до половины поля городскія свалки, въ которыхъ рылись голодныя собаки.

— Золото, а не земля! Лукъ вырастетъ съ кошачью голову! — замѣтилъ Вильчекъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Отсюда красивый видъ,—сказалъ Горнъ показывая на линію лѣсовъ въ опаловыхъ тонахъ заходящаго солнца и на подвижную волну хлѣбовъ съ поднимавшимися кое-гдѣ красными шеями фабричныхъ трубъ.

— Что вы говорите, какой тамъ видъ! Это участки для продажи! — живо возразилъ Грюнспанъ, задѣтый насмѣшкой Вильчка.

— Вы правы, но мой участокъ еще лучше, потому что примыкаетъ къ вашей фабрикѣ и почти въ городѣ. Можно разбить на немъ прекрасный паркъ...

— Разбивайте, тогда моимъ рабочимъ будетъ гдѣ отдыхать по праздникамъ...

Вернулись къ дому и сѣли на лавочку

Горiцъ, простившись съ ними, ушелъ, а они сидѣли нѣкоторое время молча, притворяясь, что наслаждаются воздухомъ, насыщеннымъ дымомъ и зловонными испареніями выгребныхъ ямъ.

По дорогѣ тянулись непрерывной цѣпью возы съ кирпичомъ, поднимая сухую, красную пыль, осѣдавшую на травѣ и деревьяхъ, а отъ фабрики Грюнспана ползли между деревьями клубы чернаго дыма, повисая надъ садомъ сѣрой пеленой, сквозь которую съ трудомъ пробивалось солнце.

— У меня къ вамъ маленькое дѣльце, — началъ Грюнспанъ первый.

— Знаю какое; мнѣ о немъ говорилъ мой пріятель Морицъ Вельтъ.

— А если знаете, то будемъ кратки, — сказалъ фабрикантъ высокомѣрно.

— Хорошо. Сколько дадите за этотъ участокъ, который вамъ такъ нуженъ?

— Онъ мнѣ не нуженъ! Я его куплю только для того, чтобы снести эту скверную избу и вырубить эти деревья, которыя закрываютъ мнѣ видъ на лѣсъ. Я очень люблю лѣсъ.

— Ха, ха, ха!

— Вы заразительно смѣетесь, смѣхъ—это признакъ добраго здоровья, — замѣтилъ Грюнспанъ, стараясь скрыть свое нетерпѣніе. — Но мнѣ некогда, панъ Вильчекъ,— прибавилъ онъ, вставая со скамьи.

— Мнѣ тоже некогда, мнѣ пора на вокзалъ.

— Какъ же наше дѣло?

— Ну, сколько дадите?

— Я люблю быстро кончать дѣла. Я дамъ вдвое

больше противъ того, что вы заплатили мужику за эту мусорную яму, — сказалъ онъ быстро и протянулъ руку.

— Мнѣ некогда, пане Грюнспанъ, а вы шутите.

— Дамъ вамъ пять тысячъ, ладно?

— Спасибо вамъ за посѣщеніе, но мнѣ правда некогда, мои возы давно уже поѣхали на станцію и ждутъ меня тамъ.

— Скажу вамъ послѣднее слово, десять тысячъ, сейчасъ же на столъ, ну—идетъ?—Схватилъ его за руку, чтобы покончить сдѣлку.

— Нѣтъ, мнѣ некогда шутить.

— Панъ Вильчекъ—это грабежъ!—крикнулъ страстно, отступая отъ него.

— Панъ Грюнспанъ, вы не совсѣмъ здоровы!

— Прощайте!

— До свиданія! — отвѣтилъ Вильчекъ, глядя на фабриканта съ улыбкой.

Тотъ бросилъ въ бѣшенствѣ сигару на полъ и быстро пошелъ черезъ садъ. Полы его сюртука развѣвались какъ крылья и цѣплялись за деревья и кусты крыжовника, росшіе у дорожки.

— Вернешься еще! — шепнулъ ему въ слѣдъ Вильчекъ и потеръ руки отъ удовольствія.

Допилъ чай, спряталъ кучи мелочи въ кассу, переодѣлся, надушился, выдавилъ передъ поцарапаннымъ зеркаломъ нѣсколько угрей на лицѣ и, элегантный, радостно возбужденный, пошелъ на вокзалъ.

VI.

Высокая желѣзная рѣшетка съ каменными столбами, съ рисункомъ растительнаго орнамента, изъ переплетающихся стеблей, листьевъ и цвѣтовъ съ золочеными лепестками, отдѣляла фабрику Шаи Мендельсона отъ улицы. За этой прекрасно стилизованной растительностью тянулась полосой лужайка съ пестрѣвшими на ней клумбами цвѣтущихъ піоновъ.

Главный корпусъ отступалъ въ глубину четырехъ этажей массой краснаго кирпича, кончаясь по угламъ чѣмъ-то въ родѣ средневѣковыхъ бастіоновъ съ зубцами. Большія ворота, превосходной слесарной работы, вели въ обширные внутренніе дворы съ четырехъэтажными павильонами. Посреди нихъ подымались стройныя, какъ тополя, красныя трубы, разстилавшія надъ этой каменной твердыней сѣрую пелену дыма.

Главная контора была у воротъ, выходила фасадомъ на улицу.

Горнъ вошелъ съ нѣкоторой нерѣшительностью въ пріемную и, записавъ фамилію и по какому дѣлу явился на спеціальномъ бланкѣ, поданномъ курьеромъ, сѣлъ, ожидая очереди, въ переполненной просителями пріемной.

Въ комнатѣ былъ полумракъ, несмотря на солнечный день, потому что единственное окно выходило въ паркъ и затемнялось акаціями, розовыя кисти которыхъ заглядывали въ стекла при каждомъ движеніи вѣтра.

Сквозь скрытыя двери конторы въ туманномъ желтомъ свѣтѣ газа виднѣлось нѣсколько десятковъ склоненныхъ головъ, а за ними рядъ узкихъ оконъ, выходящихъ на мрачныя, красныя стѣны фабрики.

На фонѣ темныхъ стѣнъ и деревьевъ, какъ черные саркофаги, тянулись рядами шкафы. Рѣзкій запахъ сырой пряжи и хлора стоялъ въ воздухѣ.

Была глубокая тишина.

Всѣ двигались как автоматы, ходили на цыпочкахъ, говорили вполголоса, и только могучій, отдаленный шумъ работающей фабрики отдавался въ стѣнахъ и колебалъ пламя газа.

Посреди пріемной разговаривала тихо кучка обывателей, не обращая вниманія на сѣрую толпу, сидѣвшую по скамьямъ, жавшуюся въ темной нишѣ между шкафами. Эта разношерстная толпа, ищущая работы, срывалась невольно съ мѣста при всякомъ звукѣ открываемой двери кабинета Шаи и заглядывала лихорадочно блестѣвшими отъ ожиданія глазами вглубь кабинета, гдѣ было царство милліоновъ. Двери быстро и безшумно закрывались, а они опять садились на прежнія мѣста, тупо глядя въ окно на розовые цвѣты акаціи, сквозь которые виднѣлись очертанія дворца Мендельсона, сверкавшія на солнцѣ золотомъ балюстрадъ балконовъ и венеціанскими окнами.

Курьеръ, открывая поминутно дверь, называлъ чью-либо фамилію; на нее то быстро отвѣчали и бѣжали съ лихорадочной надеждой, то не торопясь отдѣлялись отъ группы стоявшихъ.

Изъ кабинета выходилъ поминутно то какой-нибудь важный посѣтитель или крупный торговецъ, ко-

торыхъ провожали съ подобающимъ почетомъ, то бѣдняки, которые, избѣгая взглядовъ, блѣдные, уходили торопливыми невѣрными шагами.

Поминутно проходили черезъ пріемную служащіе и исчезали въ конторѣ.

Изъ кабинета доносился неясный шумъ разговора, телефонные звонки, иногда хриплый голосъ самого Шаи. Тогда все въ пріемной и конторѣ смолкало и замирало, слышалось только шипѣніе газа и грохотъ возовъ, въѣзжавшихъ на фабричный дворъ.

Вдругъ двери кабинета распахнулись, и оттуда выбѣжалъ высокій на тонкихъ ногахъ съ маленькой головкой и большимъ животомъ Станиславъ Мендельсонъ, старшій сынъ Шаи, главный директоръ фабрики. Пробѣжалъ въ контору и обрушился тамъ на кого-то изъ служащихъ.

— Я васъ спрашиваю, что это значитъ? — кричалъ онъ во все горло, поднося къ блѣдному сухому лицу приказчика паспортную книжку.

— Управленіе выдало мнѣ такой паспортъ для господина директора, я его и привезъ.

— А гдѣ ваша голова? У васъ нѣтъ деликатности! Вы нарочно устраиваете такія каверзы! Привозить такую нелѣпость! Вы читали?

— Читалъ, но что же мнѣ было дѣлать, если они написали Шмуль Шаевичъ Мендельсонъ съ женой Рухлей, она же Регина. Я не могъ имъ этого запретить.

— Это глупо, говорю я вамъ! Поѣзжайте сейчасъ же въ Петроковъ и привезите паспортъ, написанный по-человѣчески. Я не спрашиваю, сколько это будетъ стоить, говорю только, чтобы завтра къ двѣнадцати ча-

самъ онъ былъ у меня, я ѣду завтра съ курьерскимъ. Отправляйтесь сейчасъ же! Ну, господа, развѣ это не возмутительно, не смѣшно, не подло переименовать меня, доктора философіи и химіи Станислава Мендельсона, въ Шмуля, а мою жену Регину въ Рухлю!—кричалъ онъ возбужденно служащимъ. Шмуль Шаевичъ Мендельсонъ съ женой Рухлей, она же Регина!—повторялъ машинально и большими шагами, покачиваясь какъ слонъ на тонкихъ ногахъ, быстро прошелъ контору, жалуясь всѣмъ и каждому. Старики ему поддакивали, молодые смотрѣли на него тупыми, безсмысленными глазами.

Онъ бы еще долго жаловался на несправедливость и нанесенную ему обиду, если бы не раздался рѣзкій электрическій звонокъ и голосъ Шаи изъ кабинета, заглушенный чьимъ-то крикомъ:

— Курьеры!

Пусть только тронутъ меня пальцемъ, я имъ размозжу головы, какъ и тебѣ, старый разбойникъ! Не тронусь отсюда, пока мнѣ всего не отдадите! — громко кричалъ какой-то низкій квадратный человѣкъ, размахивая металлической линейкой, схваченной со стола.

Прикрылъ собою дверь, не давая ихъ запереть и не подпуская курьеровъ, которые стояли въ нерѣшительности въ сторонѣ.

— Позвать полицію! — приказалъ Шая холодно, отступая назадъ, потому что въ двери смотрѣли десятки любопытныхъ глазъ.

— Панъ Піотровскій! — сказалъ Станиславъ, быстро входя въ кабинетъ. — Не кричите, мы этого не испугаемся! Вы получили все, что слѣдовало, за плохую

работу мы больше не платимъ, а если вы будете кричать, у насъ есть успокоительныя средства.

— Отдайте мнѣ мои пятнадцать рублей!

— Если тебѣ не нравится, забирай назадъ свои трубы и убирайся, пока цѣлъ!

— Какъ ты смѣешь мнѣ тыкать, жидъ паршивый! Я съ тобой людей не обираю, я честный ремесленникъ! Подрядили за сорокъ рублей, а платите всего двадцать пять, а если не хочу, то могу брать работу обратно! Разбойники, піявки!

— Гоните его въ участокъ!—крикнулъ Станиславъ.

Сторожа схватили его.

Метался и вырывался, какъ связанный звѣрь, но потомъ, покорившись имъ, пошелъ уже спокойно черезъ пріемную, продолжая только ругаться яркой отборной бранью.

Въ кабинетѣ стало тихо.

Шая смотрѣлъ черезъ окно на паркъ, залитый солнцемъ, на цвѣтники съ алыми тюльпанами, а Станиславъ, спрятавъ руки въ карманы, ходилъ и посвистывалъ.

— Все это относилось къ тебѣ, Станиславъ,— сказалъ старикъ, садясь къ письменному столу посреди комнаты.

— Возможно, но это стоитъ ему пятнадцать рублей и два мѣсяца ареста.

Улыбнулся насмѣшливо и надѣлъ пенснэ, когда курьеръ доложилъ о Горнѣ, до котораго дошла, наконецъ, очередь. Горнъ поклонился и молча стоялъ подъ испытующимъ взглядомъ Шаи.

— Вы приняты. Миллеръ далъ мнѣ о васъ хорошіе отзывы, мы даемъ вамъ мѣсто. Вы знаете англійскій?

— Я велъ на этомъ языкѣ корреспонденцію Бухгольца.

— Будете то же самое дѣлать сначала у насъ; потомъ опредѣлимъ васъ къ чему-либо другому. Первый мѣсяцъ пробный... да?

— Пожалуйста, я согласенъ, — быстро отвѣтилъ Горнъ, непріятно задѣтый этимъ предложеніемъ даровой работы на цѣлый мѣсяцъ.

— Останьтесь, поговоримъ немного; я знаю фирму вашего отца.

Но ихъ разговоръ былъ прерванъ Высоцкимъ, фабричнымъ докторомъ Шаи. Вошелъ, какъ всегда, быстро и сразу приступилъ къ дѣлу.

— Садитесь пожалуйста, докторъ, — сказалъ старикъ.

Но Станиславъ предупредилъ его, сѣлъ самъ, а больше стульевъ въ кабинетѣ не было.

— Я пригласилъ васъ, господинъ докторъ, по небольшому, правда, но очень важному дѣлу, — говорилъ Станиславъ, засовывая руки глубоко въ карманы и вынимая оттуда связку помятыхъ рецептовъ и длинный счетъ.

— Сегодня мнѣ прислали счета и рецепты за послѣдніе три мѣсяца. А такъ какъ я люблю все просматривать самъ, то просмотрѣвъ, пришелъ къ выводу, который и заставилъ меня пригласить васъ.

— Очень любопытно.

— Счетъ внушительный: цѣлая тысяча за три мѣсяца! Это по-моему слишкомъ!

— Какъ это понимать? — спросилъ Высоцкій живо, покручивая усы.

— Пожалуйста успокойтесь, примите мои слова такъ, какъ они были сказаны, т.-е., что счетъ слишкомъ великъ, что слишкомъ много выдано...

— Чѣмъ же я могу помочь? Рабочіе болѣютъ, несчастные случаи нерѣдки, людей надо лѣчить.

— Согласенъ съ этимъ, но весь вопросъ въ томъ, какъ лѣчить.

— Ну, какъ, это мое дѣло.

— Разумѣется, это ваше дѣло, поэтому мы васъ и держимъ. Но мнѣ интересны способы лѣченія, методъ, котораго вы держитесь, — говорилъ Станиславъ, повысивъ голосъ, не глядя на Высоцкаго, накручивая на палецъ шнурокъ отъ пенсне. — Дѣло въ томъ, какими средствами вы ихъ лѣчите.

— Такими, какія находятся въ распоряженіи медицины,— отвѣтилъ Высоцкій рѣзко.

— Напримѣръ, посмотримъ первый по очереди рецептъ: стоитъ рубль двадцать коп.; это очень дорого, это, несомнѣнно, слишкомъ дорого для рабочаго, который получаетъ пять рублей въ недѣлю. Мы не можемъ платить за него столько.

— Если бы были средства дешевле и такія же дѣйствительныя, я бы ихъ употреблялъ.

— Но если они дороги, то ихъ совсѣмъ не къ чему употреблять!

— Тогда лучше совсѣмъ не лѣчить!

— Спокойнѣе, панъ Высоцкій, прошу садиться. Поговоримъ, какъ хорошо воспитанные люди, по-джентльменски. Вотъ опять прописано: натуральная эмская вода. Рабочій выпилъ двадцать бутылокъ, на девять рублей. Вы находите, что эта вода ему помогла? — спро-

силъ нѣсколько насмѣшливо, гуляя по комнатѣ и играя пенснэ.

— Выздоровѣлъ и уже съ мѣсяцъ работаетъ на фабрикѣ.

— Очень пріятно, очень. Но развѣ вы не допускаете, что онъ могъ бы поправиться, не опиваясь эмской водой?

— Да, но на это ушло бы вдвое больше времени и его пришлось бы отправить въ деревню.

— Вотъ это и надо было ему порекомендовать, не стоилъ бы намъ десяти рублей и тоже бы поправился.

— Что же вамъ угодно? — спросилъ Высоцкій, отряхивая отвороты сюртука и покручивая усы.

— Прежде всего я самъ не вѣрю въ эти аптекарскія средства, не вѣрю въ лѣкарства, не вѣрю въ эти постороннія тѣла, которыя вводятся въ организмъ. Это намъ слишкомъ дорого стоитъ, что очень важно, но еще важнѣе то, что это все равно никому не помогаетъ! Предоставьте больного природѣ, потому что она— лучшій цѣлитель! Вотъ какимъ принципомъ совѣтовалъ бы вамъ руководиться въ будущемъ при лѣченіи нашихъ рабочихъ. Я думаю больше объ ихъ благѣ, чѣмъ о своемъ.

— Все это можно было сказать безъ такихъ длинныхъ оговорокъ! — отвѣтилъ раздраженно докторъ.

— Итакъ, повторяю вамъ, что мы не можемъ играть въ филантропію.

— А я тоже скажу, что не могу предоставить больныхъ одной природѣ-избавительницѣ, нахожу необходимымъ помогать этой природѣ, хотя бы и дорогими средствами, потому что совѣсть не позволяетъ мнѣ

гнать людей на работу полубольными, поэтому могу сейчасъ же оставить у васъ должность.

— Но, господинъ докторъ! Какой же вы несговорчивый! Вѣдь обо всемъ можно поговорить откровенно и дружески. У васъ одно мнѣніе, у меня другое. Садитесь, пожалуйста, выкурите папироску, — говорилъ Станиславъ, отнимая у него шляпу, сажая почти насильно и подавая папиросы и спички.

— Панъ Высоцкій, — сказалъ радостно Шая, читая телеграмму, — сегодня возвращается моя дочь съ панной Грюнспанъ. Телеграфируютъ изъ Александрова и просятъ васъ встрѣтить на вокзалѣ.

— Что-то поторопились, хотѣли быть только въ воскресенье.

— Сумасшедшія! — сказалъ Станиславъ.

— Это сюрпризъ: Меля хочетъ быть на именинахъ у Травинской.

— Ну, будете на вокзалѣ?

— Съ удовольствіемъ.

— Можетъ быть поѣдемъ вмѣстѣ на вокзалъ въ пять часовъ.

— Хорошо. Пройду въ амбулаторію и сейчасъ же вернусь.

Станиславъ проводилъ его до дверей, крѣпко пожавъ руку на прощанье.

— Оставь его въ покоѣ, Станиславъ. Это протеже Розы, она питаетъ къ нему слабость.

— Пусть питаетъ, и принимаетъ его, и ѣздитъ съ нимъ на прогулки, если ей это нравится, но намъ незачѣмъ привлачивать къ этому.

— Ну, ша, ша! Скажи по телефону, чтобы при-

везли мнѣ дѣтей. Я возьму ихъ съ собой, покатаю и дамъ имъ игрушекъ.

Курьеръ торжественно доложилъ о приходѣ какого-то Старжа-Старжевскаго, который вошелъ медленно и, прижимая шляпу къ груди, жеманно кланялся. На длинномъ, сухомъ, безусомъ лицѣ съ желтоватыми баками à la принцъ Іосифъ была пріятная улыбка, выцвѣтшіе глаза были подняты съ выраженіемъ глубокаго изумленія, рѣдкіе желтоватые волосы, едва покрывали его остроконечную голову чуть замѣтнымъ пухомъ. Голосъ его былъ такой же безцвѣтный, тягучій и беззвучный, съ трудомъ можно было его разслышать.

— Я Старжа-Старжевскій! Графъ Генрихъ писалъ уже вамъ обо мнѣ, господинъ предсѣдатель...

— Садитесь пожалуйста. Ахъ, правда, не на чемъ. Ну, ничего, рѣшимъ дѣло стоя. Мой сосѣдъ графъ Генрихъ писалъ и говорилъ мнѣ о васъ... Что прикажете?

— Вы знаете, Генрихъ мой близкій родственникъ, онъ двоюродный братъ моей матери... — остановился, прижалъ шляпу обѣими руками къ груди и посмотрѣлъ безцвѣтными глазами на Шаю.

— Очень пріятно.

— Мой Старжовъ рядомъ съ имѣніемъ кузена; это золотое дно, но... вслѣдствіе многихъ тяжелыхъ лѣтъ для земледѣлія... Вы знаете, какую конкуренцію дѣлаетъ намъ Америка?.. Долженъ прибавить, что Старжовъ находился въ нашемъ владѣніи четыре вѣка.

— Долгій срокъ! — пробормоталъ Шая, кусая ногти, въ досадѣ на эту тягучую, ненужную болтливость.

Старжа продолжалъ говорить о несчастьяхъ, о необходимости прожить нѣсколько лѣтъ на югѣ, о своемъ здоровьѣ, невольно вставляя подробности домашней жизни, переступалъ съ ноги на ногу, прижималъ шляпу, моргалъ вѣками безъ рѣсницъ и самъ себѣ поддакивалъ.

— Итакъ... какая ваша спеціальность и какого вы ищете мѣста? — прервалъ его Станиславъ.

— Не мѣшай! Мой сынъ! — представилъ Шая Старжѣ, который поднялъ при такомъ рѣзкомъ обращеніи удивленные глаза на Станислава и Горна, стоявшихъ у окна, а послѣ словъ Шаи блѣдно улыбнулся и поклонился.

— Я учился въ Хировѣ, въ Галиціи...

— У іезуитовъ! — шепнулъ Станиславъ отцу, наклоняясь къ столу за папироской.

— И хотя программа этой школы обширная, но общая... Потомъ я посѣщалъ нѣсколько факультетовъ, но какъ то не могъ найти себѣ спеціальности по душѣ, такъ что... — объяснялъ онъ, добродушно улыбаясь, и снова перешелъ къ хозяйству, къ необходимости продать имѣніе, пріискать подходящее мѣсто, потомъ къ разведенію кроликовъ и т. п.

— Очень жаль, что я ничего не могу сдѣлать для моего любезнаго сосѣда графа Генриха, но въ нашей фирмѣ нѣтъ мѣста, соотвѣтствующаго вашимъ способностямъ и рожденію. Вакантно, правда, мѣсто бухгалтера, есть мѣсто техника, но все это не для васъ: содержаніе маленькое и требуетъ спеціальнаго знанія. Можетъ быть обратитесь къ намъ черезъ годъ. Мы

увеличиваемъ фабрику, можетъ быть тогда найдется что-либо...

— Мнѣ, право, очень жаль... а можетъ быть это мѣсто бухгалтера... Видите ли, уважаемый господинъ предсѣдатель, мнѣ очень нужно... познакомиться съ бухгалтеріей...

— Покраснѣлъ и замолчалъ.

— Шестьсотъ рублей и двѣнадцать часовъ работы. Нѣтъ, я не могу допустить до такого тяжелаго труда кузена моего любезнаго сосѣда графа Генриха! — говорилъ Шая быстро, чтобы избавиться поскорѣе отъ этого шляхтича, который судорожно прижималъ шляпу къ груди, безсвязно бормоталъ и оглядывалъ безцвѣтными, испуганными глазами чужія лица.

Шая всталъ, провожая его предупредительно до дверей.

— А можетъ попытаете счастья у Боровецкаго, онъ строитъ фабрику и ему нужны люди... — совѣтовалъ ему любезно на прощанье, кланяясь вслѣдъ насмѣшливо, и разсмѣялся, усаживаясь опять въ кресло.

— Почему онъ не обратится къ своимъ воспитателямъ — іезуитамъ?.. Могли бы дать ему мѣсто по дипломатической части, — насмѣхался Станиславъ.

— Знаете, панъ Горнъ, почему мы не даемъ мѣстъ такимъ Старжамъ-Старжевскимъ, а даемъ вамъ? Потому что мы демократы. Такой графскій кузенъ, важный аристократъ-голышъ, хорошъ для декораціи, для пріема. А на фабрикѣ нужна работа; если съ такимъ баріномъ что-либо случится, если онъ сломаетъ по своей винѣ себѣ ноготь за нашей работой, то о немъ

готовы сдѣлать запросъ европейскія державы. Зачѣмъ намъ такія дипломатическія сношенія! Мы любимъ людей скромныхъ, людей безъ титулованной родни...

Въ кабинетъ вошли дамы. Станиславъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, а Шая всталъ. Это были Эндельманъ и Травинская. Пришли просить пожертвованія въ пользу лѣтней колоніи для дѣтей рабочихъ.

Эндельманъ картинно и выспренно разсказывала о нуждѣ этихъ тысячъ дѣтей, гніющихъ въ подвалахъ безъ солнца и воздуха.

Обмахивала вѣеромъ сильно напудренное лицо, поправляла золотые браслеты и пышную прическу, а ея темныя толстыя губы не закрывались ни на минуту.

Травинская была сегодня необыкновенно хороша. Стройная, ясная, она молча смотрѣла то на ястребиные глаза Шаи, на его костлявые пальцы, нетерпѣливо барабанившіе по столу, то на Горна.

— Ройза, а что твой Берекъ много пожертвовалъ бѣднымъ? — прервалъ Шая длинную рѣчь Эндельманъ.

Съ насмѣшливымъ удареніемъ произнесъ имена.

— Много, постоянно даетъ, но не любитъ хвастаться! — крикнула раздраженная его грубостью.

— А я люблю, чтобы люди знали, что я даю. Хорошо, я дамъ на эту колонію сто рублей. За сто рублей эти дѣти получатъ много свѣжаго воздуха! Панъ Горнъ, принесите изъ кассы, вотъ вамъ чекъ.

— Если бы вы пожелали дать какіе-нибудь остатки бумажныхъ тканей на дѣтское бѣлье, мы были бы вамъ очень благодарны, — сказала Травинская низкимъ мелодичнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ имъ бѣлье? Въ моихъ имѣніяхъ деревенскіе ребята ходятъ почти голыя, и это имъ очень полезно.

— Кнолль далъ намъ пять штукъ ситца.

— Если Кноллю нравится, можетъ дать и пятьдесятъ! А я не могу дать больше шести... пяти... штукъ коленкора! Станиславъ, дай записку въ магазинъ, чтобы выдали четыре штуки!.. — сказалъ быстро и злобно.

— Сердечное спасибо отъ лица бѣдныхъ дѣтей!

— Не стоитъ говорить! Даю сто рублей и четыре штуки коленкора, но прошу васъ, сударыня, чтобы было ясно напечатано въ газетахъ, что Шая Мендельсонъ далъ на лѣтнюю колонію сто рублей и четыре штуки товара. Я не хвастаюсь, но пусть знаютъ, что у меня доброе сердце...

Эндельманъ опять стала разсыпаться высокопарными благодарностями, а Нина обратилась къ Горну, вернувшемуся съ деньгами.

— Я послала вамъ сегодня приглашеніе, но еще разъ прошу васъ пожаловать къ намъ завтра вечеромъ. Вы не забудете?

Дамы вышли, а Станиславъ сказалъ Горну:

— У васъ прекрасныя знакомства! Эта Травинская — настоящая бонбоньерка съ конфетами!

— А эта Ройза настоящая напудренная корова; если бы у него было столько ума, сколько у нея словъ, они были бы вдвое богаче, — заключилъ Шая и повернулся къ толстому купцу въ халатѣ со складками вокругъ таліи, съ быстрыми косыми татарскими глазками.

Шая былъ съ нимъ необыкновенно предупредите-

ленъ, уступилъ ему даже свое кресло, а Станиславъ подалъ сигару и самъ зажегъ спичку.

За купцомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ посѣтителей.

Горнъ, едва дождавшись конца пріема и получивъ позволеніе пройти на фабрику, пошелъ повидаться съ Малиновскимъ, чтобы узнать о Зоськѣ.

Нашелъ его въ громадной прядильной, гдѣ торопливо чинили машину и гдѣ стѣны дрожали отъ работы.

Тонкая пыль подергивала контуры машины и всю залу сѣроватымъ облакомъ, въ которомъ призрачно мелькали люди и вещи.

Солнце палило сквозь стеклянныя крыши такимъ зноемъ, что потъ струился по лицамъ рабочихъ; душный, жаркій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ машиннаго масла.

— Съ сегодняшняго дня я служу на вашей фабрикѣ, — сказалъ Горнъ.

— Да, вотъ хорошо! — отвѣтилъ тихо Адамъ, наклонившись надъ какой-то частью машины, которую привинчивалъ слесарь, и ничего больше не сказалъ, потому что машину сняли, смазали, попробовали, и черезъ минуту, соединенная съ главной машиной, она уже опять работала. Малиновскій слѣдилъ за ея движеніями, останавливалъ на время, осматривалъ пряжу, и только послѣ такой провѣрки пошелъ черезъ длинный проходъ между машинами, сопровождаемый Горномъ.

— Какъ сестра? Вы ее видѣли? — спросилъ Горнъ у его уха, потому что шипѣнье прядильни, свистъ рем-

ней и тяжелый грохотъ колесъ наполнялъ залу страшнымъ гуломъ и заглушалъ отдѣльные голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... — отвѣтилъ съ горечью.

Вошли въ маленькую стеклянную комнату, сквозь стѣны которой была видна вся зала въ облакахъ пыли, съ передаточными ремнями наверху, съ подвижными контурами машинъ внизу.

— Что съ вами? — спросилъ Горнъ, замѣтивъ, что Адамъ закусилъ губы и хмуро смотритъ на залу.

— Ничего... Что же со мной можетъ быть?

Опустилъ голову, прижался лицомъ къ стеклу и тупо смотрѣлъ на какое-то колесо, мчавшееся въ бѣшеномъ движеніи и сверкавшее на солнцѣ подобно серебряному щиту.

— До свиданья. Вы съ фабрики пойдете прямо домой?

— Знаете, ея уже нѣтъ! — прошепталъ, поднимая къ нему лицо.

Былъ спокоенъ, но губы дрожали отъ сдержанныхъ рыданій, а зеленые глаза потемнѣли.

— Нѣтъ? — спросилъ невольно.

— Да. Прихожу послѣ обѣда, сторожиха отдаетъ мнѣ ключъ и говоритъ: та барышня, что была у васъ, велѣла вамъ передать, чтобы вы ее не искали, потому что не найдете. Слышите! Убѣжала къ Кесслеру, къ своему любовнику! Пусть идетъ, пусть дѣлаетъ, что ей угодно, мнѣ уже все равно, только мнѣ жаль... только мнѣ немного жаль...—оборвалъ внезапно и вышелъ, потому что опять остановилась какая-то машина.

Торопливо побѣжалъ къ ней, чтобы скрыть невыразимую, острую боль, терзавшую его душу.

Горнъ пошелъ за нимъ, но долженъ былъ прижаться къ стѣнѣ, потому что катили тачки, нагруженныя тюками хлопка, освобожденнаго отъ желѣзныхъ обручей, который сваливали передъ чесалками, какъ кучи грязнаго снѣга.

Малиновскій не возвращался. Страшная жара и раздражающій свистъ передаточныхъ ремней надъ самыми ушами заставили Горна направиться къ выходу.

На порогѣ его нагналъ Адамъ и шепнулъ со слезами въ голосѣ:

— Не говорите никому объ этомъ.

Пожалъ его руку своими горячими руками и исчезъ среди машинъ, ремней и поясовъ, чтобы скрыть среди нихъ свой стыдъ и страданіе.

Горнъ хотѣлъ его утѣшить, но не находилъ словъ и чувствовалъ, что такія раны излѣчиваются только временемъ и молчаніемъ.

На дворѣ встрѣтилъ Высоцкаго, выходившаго изъ фабричной амбулаторіи.

— Будете, докторъ, въ воскресенье у Травинскихъ?

— Обязательно. Единственный домъ въ Лодзи, гдѣ занимаются не однѣми спетнями.

— И единственный домъ, гдѣ бываютъ не одни только фабриканты.

Торопливо простились, потому что коляска Шаи стояла у подъѣзда конторы.

Шая сидѣлъ еще въ конторѣ и игралъ съ внучками, дочерями Станислава, который что-то торопливо писалъ, поднимая отъ поры до времени къ нимъ голову

и улыбаясь дѣвочкамъ, прижимавшимся своими рыжими головками и розовыми личиками къ широкой груди дѣдушки.

Шая забавлялся отъ всей души, подбрасывалъ дѣтей вверхъ, цѣловалъ ихъ и поминутно весело смѣялся. Его красные ястребиные глаза стали нѣжными и искрились весельемъ.

— Вотъ видите, докторъ, какое это мученье быть дѣдушкой! — весело сказалъ онъ Высоцкому.

— Прелестныя дѣти!..

— Не правда ли? Я это всегда говорю.

— Похожи на панну Розу.

— Только цвѣтомъ волосъ, а въ общемъ онѣ гораздо красивѣе.

— Ѣдемте, поѣздъ приходитъ черезъ восемь минутъ.

Бонна, скромно стоявшая у окна, взяла дѣвочекъ, и всѣ сейчасъ же поѣхали.

Пріѣхали во-время; американскіе рысаки Шаи неслись какъ вихрь, но поѣздъ уже подходилъ къ платформѣ, переполненной народомъ.

Передъ Шаей всѣ разступились, головы обнажились, голоса смолкли, всѣ смотрѣли съ любопытствомъ на его высокую фигуру въ сѣромъ длинномъ сюртукѣ. Поглаживалъ бороду, кивалъ знакомымъ головой и шелъ по образовавшемуся проходу съ видомъ короля, снизошедшаго до милостиваго взгляда на эту бѣдную толпу, торопливо разступавшуюся передъ нимъ.

Дѣвочки шли передъ нимъ, похожія въ своихъ костюмахъ на розовыхъ бабочекъ.

Высоцкій уже издали замѣтилъ въ окнахъ вагона

перваго класса головы Розы и Мели и сейчасъ же бросился къ дверцамъ.

Первой вышла Роза, таща за собой на цѣпочкѣ маленькую сѣренькую обезьянку, которая неуклюже подпрыгивала и поминутно садилась на платформѣ.

— Здравствуй, Роза, здравствуй! — говорилъ Шая, цѣлуя Розу, и, взявъ ее за подбородокъ двумя пальцами, погладилъ по лицу и сказалъ взволнованно:

— Хорошо выглядишь!.. Хорошо, что ты уже вернулась.

— Коко, ко мнѣ! Коко! — кричала Роза обезьянкѣ, испуганной толпой и шумомъ и рвавшейся на цѣпочкѣ такъ, что пришлось взять ее на руки.

— Ждали насъ?..— спросила Меля тихо Высоцкаго, когда они уже шли медленно сквозь толпу къ выходу.

— Я ждалъ васъ...—не смѣлъ назвать ее по имени.— Ждалъ васъ долгихъ два мѣсяца...—шепталъ онъ, необычайно взволнованный ея пріѣздомъ.

— Я тоже ждала васъ два мѣсяца долгихъ... долгихъ...

Шли рядомъ, и въ этой давкѣ руки ихъ встрѣтились, но больше не могли ничего сказать, надо было садиться въ коляску.

Высоцкій хотѣлъ съ ними проститься и уйти, потому что видъ Мели возбуждалъ въ немъ странный трепетъ.

Чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, смотрѣлъ на нее потемнѣвшими отъ радости глазами, сердце трепетало отъ волненія, поэтому хотѣлъ уйти, чтобы не выдать себя, но дѣвушки его не пустили.

Сѣлъ на переднюю скамейку кареты, противъ Ме-

ли, смотрѣлъ на ея пепельные волосы, спускавшіеся волнистыми прядями изъ-подъ большой свѣтлой шляпы, на слегка загорѣвшее золотистаго тона лицо, смотрѣлъ такъ упорно и краснорѣчиво, что смущенная Меля отворачивалась, поправляла шляпу и чувствовала себя такой счастливой отъ этого радостнаго смущенія, что поминутно смѣялась надъ гримасами обезьяны, вцѣпившейся въ плечи Розы, не позволяя себя снять. Иногда только быстро скользила большими сѣрыми глазами по лицу Высоцкаго и сейчасъ же отводила ихъ; испуганная и радостная Роза поочереди цѣловала дѣвочекъ, ласкала обезьянку и разсказывала разныя дорожныя приключенія, не замѣчая сіяющаго лица Мели.

— А гдѣ тетка! Мы потеряли тетку! — крикнула Роза, останавливая коляску, только сейчасъ замѣтивъ отсутствіе Мелиной тетки, сопровождавшей ихъ въ путешествіи.

— Надо вернуться на вокзалъ. Поворачивай! — сказалъ Шая.

— Позвольте мнѣ выйти, я поищу вашу тетю,— сказалъ живо Высоцкій, радуясь этому предлогу уйти, и сейчасъ же выскочилъ изъ экипажа.

— Хорошо, но вы должны привезти тетю сами.

— Приду въ воскресенье, вамъ нуженъ отдыхъ... я могу помѣшать...— объяснилъ онъ, глядя съ мольбой на Мелю.

— Ну, хорошо, но въ воскресенье, въ обычный часъ ждемъ васъ въ черномъ кабинетѣ. Дайте знать Бернарду и приходите оба.

— Бернардъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Ну, все равно; послѣднее время онъ уже мнѣ надоѣлъ...

— Скоро вы то же скажете обо мнѣ.

— Что касается васъ, то рѣшаетъ Меля...

— Тѣмъ хуже для меня...

Не получилъ отвѣта, потому что лошади тронулись, но поймалъ такой краснорѣчивый взглядъ Мели, что душа его наполнилась странной волнующей тревогой.

Нашелъ тетку, которая ожидала среди груды чемодановъ и картонокъ прислугу, получавшую багажъ. Помогъ въ чемъ могъ и, сажая на извозчика, поцѣловалъ ей въ разсѣянности руку, потомъ долго стоялъ на лѣстницѣ вокзала, вспоминая Мелю, ея теплое пожатіе руки и глубокій взглядъ.

А затѣмъ, не давъ еще своимъ чувствамъ никакого опредѣленія, инстинктивно ища одиночества, пошелъ за городъ, по новой прокладываемой среди полей улицѣ со строящимися домами и фабриками.

«Люблю ее! Да, люблю ее», думалъ, глядя на стоявшія на холмахъ вѣтряныя мельницы, на медленное движеніе крыльевъ, которыя, какъ усталыя руки, поднимались и тяжело опускались на фонѣ яснаго неба.

Повернулъ въ поле съ овсомъ, переливавшее темными блестящими волнами, ударявшими въ желтоватую стѣну ржи, которая съ шумомъ склонялась къ его ногамъ, осыпая ихъ рыжеватой, пахнувшей хлѣбомъ пылью. За полемъ на большихъ зеленыхъ лужайкахъ возвышались сѣрые домики со сверкавшими на солнцѣ окнами; жаворонки, вылетая изъ-подъ ногъ, поднимались съ звонкой пѣсней къ безоблачному небу.

Смотрѣлъ на ихъ трепещущія крылышки, пока они не скрылись въ безконечномъ пространствѣ, съ чувствомъ громадной радости бытія, покоя и движенія; шелъ съ той же безсмертной силой въ груди, которую чувствовалъ вокругъ себя въ зелени травъ, въ лазури васильковъ, смотрѣвшихъ на него изо ржи, въ шорохѣ хлѣбовъ, трескѣ кузнечиковъ, въ ласковыхъ порывахъ вѣтра.

Его охватило такое волненіе, что слезы навернулись на глазахъ отъ переполнявшей его душу необъятной нѣжности, срывалъ полныя горсти колосьевъ, чтобы охладить ими свои горѣвшія губы; шелъ не зная куда, пока ему не преградила путь низкая, полуразвалившаяся хата, передъ которой, въ тѣни березы, лежалъ человѣкъ на связкѣ соломы. Голова его низко спустилась на клѣтчатую подушку, глаза были подняты къ нѣжнымъ, падающимъ зелеными струйками вѣтвямъ березы. Онъ пѣлъ слабымъ голосомъ:

Да восхвалятъ уста наши Дѣву святую
И славу Ея непорочную.

Высоцкій остановился.

Голосъ пѣвца звучалъ, какъ журчанье воды по камнямъ, обрывался поминутно, то повышался, то понижался, переходя въ шопотъ и тяжелые вздохи, послѣ которыхъ человѣкъ перебиралъ длинныя четки, цѣловалъ мѣдный крестикъ и смотрѣлъ на стѣну ржи, склонявшуюся къ нему колосьями и убѣгавшую съ обратной волной; вслѣдъ ей кивали высокія царскія свѣчи, росшія передъ домомъ, провожая блѣдно-желтыми глазами золотистую волну и мглу цвѣточной пыли, разстилавшуюся надъ полемъ.

— Что съ вами? — спросилъ Высоцкій, садясь рядомъ съ больнымъ.

—Ничего, пане, ничего, умираю себѣ понемножку,— отвѣтилъ больной медленно, не удивляясь его присутствію, поднимая на него сѣрые грустные глаза.

— Чѣмъ вы больны? — спросилъ Высоцкій, тронутый простотой отвѣта.

— Вотъ этимъ, на смерть, — отвѣтилъ, приподнимая покрывавшіе его лохмотья, и показалъ обѣ ноги, отрѣзанныя до колѣнъ, обернутыя въ грязныя тряпки.

— Откусила мнѣ фабрика ступни, потомъ доктора отрѣзали ноги до колѣнъ; но смерть все шла, обрѣзали еще выше, но смерть идетъ... и придетъ, о чемъ и прошу Милосерднаго Спасителя и Пресвятую Богородицу...

Прижалъ къ губамъ крестикъ четокъ.

— Больше у васъ ничего не болитъ?

— Ничего, пане; нечему болѣть. Ногъ нѣтъ, мяса тоже, рукъ скоро не станетъ, вотъ! — показалъ свои руки, обтянутыя сѣрой кожей съ такими худыми кистями, что были похожи на кривыя засохшія вѣтки сливъ, стоявшихъ около дома. — Еще дышу немного, но когда и этого, Богъ дастъ, не будетъ, тогда успокоюсь по-христіански.

Говорилъ съ трудомъ, съ перерывами, и блѣдная улыбка, похожая на умирающій день, играла на его худомъ землистомъ лицѣ.

— Кто же за вами ходитъ, кто смотритъ...—спрашивалъ докторъ, все больше удивляясь.

— Спаситель бережетъ, а жена ухаживаетъ... Она

цѣлый день на фабрикѣ у каменщиковъ... Придетъ вечеромъ, снесетъ меня въ хату, сваритъ поѣсть.

— А дѣтей нѣтъ?

— Были... — сказалъ онъ тише, и глаза стали влажными. — Четверо... да, конечно, четверо. Антку машина оторвала голову... Марыся, Ягна и Войтекъ умерли отъ лихорадки...

Долго молчалъ, смотря стекляннымъ взглядомъ на поле, окружавшее его хату, и по сѣрому застывшему въ равнодушіи крестьянскому лицу пробѣжало страданіе, остро вонзившееся въ сердцѣ.

— Стерва... — шепнулъ съ силой и поднялъ кулакъ въ сторону города, мелькавшаго крышами и трубами за полемъ.

— Посмотрю ваши ноги, — быстро проговорилъ Высоцкій, разматывая тряпки, несмотря на энергичный протестъ больного. Мужикъ испугался, но видя, что ничего не подѣлаетъ, замолчалъ и смотрѣлъ страннымъ взглядомъ на доктора.

Гангрена была въ полномъ ходу, но благодаря страшному истощенію организма подвигалась медленно. Охваченный жалостью Высоцкій принесъ воды изъ колодца, омылъ раны растворомъ карболки, которая была при немъ всегда, и хотѣлъ перевязывать, но тряпки были грязны, испачканы кровью и гноемъ.

— Нѣтъ ли у васъ чистыхъ тряпокъ?

Мужикъ отрицательно покачалъ головой, не могъ говорить отъ волненія.

Тогда Высоцкій не задумываясь снялъ съ себя бѣлье, порвалъ его на куски и забинтовалъ ноги больного. Мужикъ все молчалъ, только грудь его вздыма-

лась все выше, а рыданія сжимали горло и потрясали все изуродованное тѣло.

Высоцкій кончилъ осмотръ, быстро одѣлся, поднялъ воротникъ пальто и, сунувъ въ руки больного всѣ деньги, которыя при немъ были, наклонился и сказалъ:

— До свиданья, приду къ вамъ завтра.

— Господи Іисусе!.. Господи, Господи! — крикнулъ мужикъ и свалился всѣмъ тѣломъ къ его ногамъ, обнимая ихъ, прижимаясь къ нему всей благодарной крестьянской душой.

— О, пане мой добрый, о мой ангелъ святой...— шепталъ онъ сквозь слезы.

Высоцкій уложилъ его на подстилкѣ, запретилъ трогаться, вытеръ его заплаканное лицо, пригладилъ его растрепавшіеся мокрые волосы и торопливо отошелъ, точно застыдившись.

Мужикъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ хлѣбахъ, оглянулся по сторонамъ, перекрестился, не понимая еще, какъ это произошло, и долго смотрѣлъ изумленными глазами на колыхавшуюся рожь, на дрожавшія надъ нимъ вѣтки березы, на стаи воробьевъ, на солнце, склонившееся низко къ землѣ; закинулъ голову и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ запѣлъ:

Да восхвалятъ уста наши Дѣву святую
И славу Ея непорочную.

— Не буду больше жаловаться, смиловался надо мною Господь... Теперь замолчу... замолчу...—повторялъ все тише и, точно сквозь дымку, видѣлъ волнистую рожь, склонявшуюся надъ нимъ съ шелестомъ, сѣро-голу-

бое небо, готовое его обнять, и это золотое ласковое, любимое солнце, цѣловавшее его послѣдними лучами.

VII.

Боровецкій, Горнъ и Максъ Баумъ входили къ Травинскимъ, устраивавшимъ первый разъ торжественный пріемъ въ именины.

Нина вышла къ нимъ въ легкомъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, отъ котораго ея нѣжная, прозрачная кожа казалась блѣдно-розовой, какъ лепестки камеліи; зеленоватые съ золотыми искорками глаза сверкали, какъ бриллианты въ ея маленькихъ розовыхъ ушахъ, а густые каштановые волосы, свернутые греческимъ узломъ, казались золотистымъ шлемомъ на этой прекрасной головѣ, похожей въ профиль на тонкую камею, вырѣзанную на блѣдномъ сицилійскомъ кораллѣ.

— У меня для васъ пріятный сюрпризъ, — сказала она Карлу.

— Тѣмъ интереснѣе, если пріятный, — отвѣтилъ съ ироніей, стараясь заглянуть черезъ ея плечо за портьеру въ гостиную.

— Прошу отгадать, но не заглядывать.

Стала въ дверяхъ, прикрывая ихъ собой. Но въ эту минуту надъ ея плечомъ показалось изъ-за вишневаго полога улыбающееся лицо Анки, а потомъ и она сама.

— Ну, разъ мнѣ не удалось, оставлю васъ однихъ, — сказала она, уводя съ собой Горна и Макса.

— Когда вы пріѣхали?

— Сегодня утромъ, и пришла къ Нинѣ съ пани Высоцкой.

— Что у насъ дома, какъ отецъ? — спрашивалъ довольно равнодушно.

— Отецъ не совсѣмъ здоровъ, скучный какой-то. Знаете, ксендзъ Либератъ умеръ.

— Давно пора. Сумасшедшій! — отвѣтилъ неохотно.

— Что вы говорите, какъ это можно? — сказала она порывисто.

Но онъ, чтобы сгладить рѣзкость словъ, взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.

— Видите вы тѣ стѣны, это моя... это наша фабрика! — сказалъ, указывая въ сторону стеклянныхъ крышъ прядильни Травинскаго, за которыми видѣлись стѣны, окруженныя лѣсами.

— Я уже видѣла. Какъ только я пришла, Нина проводила меня въ конецъ двора и показала черезъ заборъ вашу фабрику. Говорила, что вы работаете цѣлыми днями... Не надо переутомляться, не надо...

— Разумѣется, но ничего не подѣлаешь. Сегодня мы втроемъ работали съ зари, расплачиваясь съ рабочими.

— Отецъ присылаетъ вамъ двѣ тысячи, сейчасъ вамъ передамъ.

Отвернулась немного, чтобы вынуть изъ-за лифа пачку кредитокъ, и подала Карлу.

— Откуда взялъ отецъ денегъ? — спросилъ онъ, пряча деньги.

— У него были, но онъ ничего не говорилъ, но когда вы написали о своихъ затрудненіяхъ и о томъ, что должны брать въ кредитъ, далъ мнѣ деньги и

велѣлъ вамъ отвезти. Только потому пріѣхала, даю вамъ слово, — говорила тихо, сильно смутившись и покраснѣвъ, потому что получила деньги, заложивъ свои драгоцѣнности и кое-что продавъ, что было извѣстно только отцу Карла, который ее не выдастъ, она это знала.

— Не знаю, Анка, какъ тебя благодарить, никогда еще не были такъ кстати.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ хорошо...—прошептала радостно.

— Какая ты добрая, что сама пріѣхала.

— Потому что посылать почтой слишкомъ долго,— отвѣтила она откровенно. — А я не могла перенести мысли, что вы тутъ мучаетесь и хлопочете, это вѣдь такъ просто.

— Просто!.. развѣ только для тебя, никто другой бы этого не сдѣлалъ.

— Потому что никто васъ не любитъ такъ, какъ отецъ... и я...— докончила она смѣло, глядя на него изъ-подъ черныхъ соболиныхъ бровей такимъ яснымъ, простымъ и любящимъ взглядомъ, что схватилъ ея руки, покрылъ ихъ искреннимъ горячими поцѣлуями, стараясь прижать ее къ себѣ.

— Карлъ... нельзя... могутъ войти...— защищалась она, отворачивая покраснѣвшее лицо и сжимая дрожащія отъ волненія губы.

Когда они входили въ гостиную, шумную и полную гостей, Нина имъ дружески улыбнулась, замѣтивъ сіявшіе счастьемъ и радостью сѣро-голубые глаза Анки.

Анка была сегодня очаровательна; сознаніе, что она

помогла любимому человѣку, что этотъ ея «дорогой мальчикъ» такъ къ ней сегодня ласковъ и сердеченъ, наполняло ее счастіемъ и радостью, дѣлало ее такой прекрасной, что она обращала на себя всеобщее вниманіе.

А она не могла усидѣть на одномъ мѣстѣ, ей хотѣлось въ садъ или поле, чтобы громко пѣть отъ счастья. Подъ впечатлѣніемъ этого желанія и по привычкѣ вышла изъ дому и только увидѣвши мощеный дворъ, окруженный красными зданіями, море домовъ со всѣхъ сторонъ, вернулась въ гостиную, подошла къ Нинѣ и, прижавшись къ ней плечомъ, стала съ ней ходить по гостиной.

— Какой ты ребенокъ, Анка, какой большой ребенокъ!..

— Я такъ счастлива сегодня... я люблю, — отвѣтила порывисто, отыскивая глазами Карла, который разговаривалъ съ Мадой Мюллеръ и Мелей Грюнспанъ. Высоцкій стоялъ тоже съ ними.

— Тише дѣвочка... могутъ услышать... Нельзя такъ громко признаваться въ любви.

— Не люблю и не умѣю ничего скрывать. Любви не надо стыдиться.

— Стыдиться нечего, но надо ее прятать отъ людскихъ глазъ какъ можно глубже.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы ея не коснулись равнодушные, злые или завистливые взгляды. Я не показываю чужимъ людямъ даже своей бронзы или лучшихъ картинъ, боюсь, что не поймутъ всей ихъ красоты, что загрязнятъ и отнимутъ часть этой красоты своими взглядами.

Тѣмъ болѣе не позволила бы имъ заглянуть въ свою душу.

— Почему?—спросила Анка, не понимая этой впечатлительности мимозы.

— Потому что это не люди, хотя бы большая часть моихъ сегодняшнихъ гостей, это фабриканты, капиталисты, спеціалисты разныхъ фабричныхъ отраслей; люди денежные и дѣловые — для нихъ существуютъ только дѣла... только деньги... Для нихъ понятія: любовь, душа... красота... добро... и т. д., это не «бумага», это вексель безъ поручителя, предъявленный жителемъ Марса, какъ сказалъ сегодня Куровскій.

— А Карлъ?

— Ничего тебѣ о немъ не скажу; ты знаешь его лучше. А вотъ меценатка дешевыхъ произведеній искусства со своимъ дворомъ, надо къ ней итти...

Нина пошла навстрѣчу Эндельманъ, входившей въ гостиную съ такимъ торжественнымъ величіемъ, что обратила на себя вниманіе.

За ней шли на извѣстномъ разстояніи двѣ молодыя хорошенькія дѣвушки, одинаково одѣтыя, составляя ея свиту.

Одна держала носовой платокъ, другая вѣеръ, обѣ кланялись, какъ автоматы, слѣдя внимательно за каждымъ движеніемъ своей госпожи, которая не представила ихъ даже хозяйкѣ дома. Эндельманъ упала въ кресло и, разглядывая Нину въ черепашечій лорнетъ, громко восхищалась ея красотой, толпой и гостиной, поворачиваясь иногда движеніемъ королевы къ сидящимъ позади компаніонкамъ то за платкомъ, то за вѣеромъ.

— Она похожа на королеву, совсѣмъ Марія... Марія Магдалина...

— Марія Терезія хотѣли вы сказать,— поправилъ Куровскій Гросглюка.

— Это все равно. Какъ поживаешь, Эндельманъ? Сколько тебѣ стоитъ такой выходъ?— спрашивалъ банкиръ Эндельмана, который незамѣтно вошелъ вслѣдъ за женой и скромно и незамѣтно здоровался со знакомыми.

— Я здоровъ, спасибо, Гросглюкъ, что?—спросилъ онъ, прикладывая руку трубкой къ уху.

— Панъ Боровецкій, не знаете ли, когда вернется Максъ Вельтъ?

— Не говорилъ и не писалъ ничего объ этомъ.

— Боюсь, не случилось ли съ нимъ чего?

— Не пропадетъ... — отвѣтилъ Карлъ равнодушно.

— Я знаю, но я послалъ ему чекъ на тридцать тысячъ марокъ, прошла уже недѣля, а его все нѣтъ. Что дѣлать, столько теперь мошенниковъ на свѣтѣ...

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ Карлъ, задѣтый его тономъ.

— То, что могли его гдѣ-либо обокрасть, убить. Легче случиться несчастью, чѣмъ заработать рубль,— закончилъ онъ сантиментально, тяжело вздохнувъ.

Безпокойство объ этихъ тридцати тысячахъ совершенно лишило его равновѣсія. Слишкомъ хорошо зналъ Морица, чтобы безпокоиться безъ причины.

— Мери, не заставляй пани Травинскую себя упрашивать. Сыграй хорошенько, вѣдь ты можешь хорошо сыграть, — говорилъ банкиръ дочери, которую Нина просила сыграть.

Мери, тощая, костлявая дѣвушка, съ горбатымъ носомъ и чуть замѣтными губами, сѣла за рояль и вяло ударила по клавишамъ. Своей синеватой кожей, покрытой прыщами, краснымъ носомъ и длинными худыми руками она производила впечатлѣніе ощипаннаго замороженнаго гуся, обернутаго въ шелковыя тряпки.

— Гдѣ же знаменитыя лодзинскія золотыя тёлки?— спросилъ Горнъ Карла.

— А вотъ сидятъ: Мада Мюллеръ, Меля Грюнспанъ и Мери Гросглюкъ.

— А польки нѣтъ ни одной? — спросилъ тише, чтобы не мѣшать бренчанью Мери.

— Увы, панъ Горнъ! Пока начинаемъ производить только сукна и ситцы, для производства милліонныхъ дочекъ слишкомъ рано. Надо подождать еще лѣтъ двадцать. А пока можете восхищаться красотой полекъ, — отвѣтилъ насмѣшливо и отошелъ къ Анкѣ, которая сидѣла съ Высоцкимъ и поманила его къ себѣ.

Мери играла какую-то безконечно длинную и скучную сонату, которая подѣйствовала на всѣхъ такъ, что всѣ громко заговорили, а громче всѣхъ самъ Гросглюкъ, который, узнавъ отъ Эндельмана о переходѣ Бернарда въ протестантство, пришелъ въ негодованіе.

— Я всегда говорилъ, что онъ плохо кончитъ. Онъ симулировалъ философа, человѣка fin de siecle, а кончилъ какъ простой жидъ. Почему въ протестанство? Я считалъ его болѣе утонченнымъ.

Дѣло не въ перемѣнѣ вѣры, будетъ ли онъ католикъ, протестантъ или магометанинъ, онъ все-таки останется евреемъ и для насъ не потерянъ.

— Вы не любите протестантство?—спросилъ Куро-

вскій, слѣдя карими глазами за Анкой, гулявшей съ Ниной по гостиной.

— Не люблю и не могъ бы въ него перейти. Я люблю и мнѣ нужны прекрасныя вещи. Когда я наработаюсь за недѣлю, то нуждаюсь въ шабашѣ или въ воскресенье въ отдыхѣ. Мнѣ хочется пойти въ хорошую залу, гдѣ есть красивыя картины, красивая скульптура, архитектура, красивая церемонія и хорошій концертъ. Я очень люблю вашу церемонію: у васъ есть и прекрасныя краски, и ароматъ, и пѣніе, и звонки, и свѣтъ. Кромѣ того, если ужъ слушать проповѣдь, то пусть она не будетъ скучной, пусть это будетъ изящная рѣчь о высшихъ матеріяхъ, это очень noble и даетъ человѣку хорошее настроеніе и охоту жить! А что такое въ кирхѣ?.. Четыре голыхъ стѣны и такая пустота, точно дѣло уже ликвидируется. А къ тому же приходитъ пасторъ и начинаетъ говорить. О чемъ онъ говоритъ, какъ вы думаете? Объ адѣ и другихъ непріятныхъ вещахъ. Здравствуйте! Развѣ я затѣмъ иду въ костелъ, чтобы тамъ разстраивать себя? У меня есть нервы, я не хамъ, я не люблю угнетающей скучной болтовни. А кромѣ того я люблю знать, съ кѣмъ имѣю дѣло, — что это за фирма протестантство?! Папа — вотъ это фирма!

Куровскій ничего не отвѣтилъ. Подсѣлъ къ группѣ дамъ и смотрѣлъ какими-то странными глазами на Анку съ Ниной, которыя, взявшись подъ руки, медленно проходили ряды залъ, останавливаясь около каждаго букета ландышей и фіалокъ, стоявшихъ подъ окномъ, наклонялись къ цвѣтамъ, вдыхая ихъ чудный ароматъ, и шли дальше, похожія сами на свѣтлые весенніе цвѣты.

Иногда Нина касалась губами холодныхъ листьевъ ландыша, прижималась закрытыми глазами къ ихъ бѣлоснѣжнымъ колокольчикамъ или проводила рукой по выгнутымъ тѣламъ бронзовыхъ нимфъ, заглядывавшихъ въ амфоры съ цвѣтами, и опять шла, тихо разговаривая, не замѣчая, что Эндельманъ идетъ за ними со своей свитой, оглядывая съ завистью эту изящную простоту гостиныхъ. Увидѣвъ на стѣнѣ въ большой рамѣ мозаику, привезенную Ниной еще зимой, она остолбенѣла.

— Какъ прекрасно! Какія краски! Какой блескъ!— вскрикивала, восхищенная, прищуривая глаза, потому что солнце, освѣщая мозаику, отражало яркіе лучи.

Наговоривъ еще много подобныхъ вещей, вышла съ видомъ провинціальной героини, въ сопровожденіи своей свиты.

— Она конечно смѣшна, но, въ сущности, это добрая женщина. Она предсѣдательница нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и дѣлаетъ много добра бѣднымъ.

— Любитъ, чтобы ею восхищались,—сказалъ Максъ Баумъ, подходя съ Куровскимъ и слыша сказанное.

— Очень вамъ скучно, господа? — спросила Нина.

— Намъ—нѣтъ, потому что есть чѣмъ любоваться, — сказалъ Куровскій, окидывая ихъ обѣихъ взглядомъ.

— Значитъ, тѣмъ, кому не на что смотрѣть, — скучаютъ...

— Есть такіе! Посмотрите прямо передъ собой: тамъ сидятъ панна Мюллеръ и панна Грюнспанъ, зо-

лотые лодзинскіе мѣшки. Мада Мюллеръ задыхается въ своемъ шелковомъ платьѣ и потѣетъ отъ страха, что прислуга переваритъ клецки; въ продолженіе пяти минутъ выпила четыре стакана лимонада! Панна Меля Грюнспанъ начинена восторгами; нарочно спросилъ ее три раза о Неаполѣ, — и всѣ три раза отвѣтила съ тѣми же вздохами, тѣмъ же закатываньемъ глазъ и тѣми же преувеличенными восторгами... Точно фонографъ съ новымъ валикомъ, заведешь его, и начнетъ разсказывать одно и то же.

— А все-таки она какая-то грустная сегодня, пойдемъ къ нимъ, — отвѣтила Нина.

— Потому что пани Высоцкая ополчилась сегодня на евреекъ, кого ни поймаетъ изъ молодежи, начинаетъ сейчасъ же ихъ предостерегать и говоритъ такъ громко, чтобы панна Меля услыхала...—объяснилъ Максъ, идя рядомъ съ Анкой и безпокойно отыскивая глазами Карла.

— Многіе уже ушли! — замѣтила Нина отсутствіе Гросглюка съ дочерью и нѣсколькихъ другихъ еврейскихъ семей.

— Мужчинамъ стало скучно, а женщины поторопились дать отчетъ о вашемъ пріемѣ.

— Неужели имъ правда было скучно? — спросила огорченно Нина.

— Ну, конечно, какое это для нихъ развлеченіе! Сюртуковъ снять нельзя, шампанскаго нѣтъ, а кромѣ того вы напригласали эту польскую голытьбу, всякихъ тамъ инженеровъ, докторовъ, адвокатовъ и другихъ спеціалистовъ — и хотите, чтобы милліоны себя

здѣсь хорошо чувствовали. Такое общество для нихъ оскорбительно, поэтому ушли и, ручаюсь вамъ головой, что больше къ вамъ не покажутся.

— У меня нѣтъ намѣренія приглашать ихъ больше, только сегодня постигла, что даже въ гостиной ассимиляція невозможна, по крайней мѣрѣ, въ Лодзи.

— Вездѣ, на всемъ свѣтѣ! Панъ Робертъ Кесслеръ! Давно уже хочетъ быть вамъ представленнымъ, панна Анка... — сказалъ насмѣшливо Куровскій, представляя низкаго, коренастаго человѣка, съ головой, ушедшей въ плечи, и съ большими ушами на остромъ черепѣ, покрытомъ желтымъ пухомъ, что дѣлало его похожимъ на большую летучую мышь. Кожа лица была грубая и морщинистая, ротъ имѣлъ видъ длинной щели, а сильно выдающіяся скулы поросли рыжими коротко подстриженными волосами.

Поклонился съ большой развязностью, сѣлъ рядомъ съ Анкой, положивъ на колѣни свои узловатыя, съ рыжими волосами руки, и впился въ лицо Анки своими быстрыми желтоватыми глазами съ такимъ нахальствомъ, что она не могла выдержать этого раздражающаго ее и странно пугавшаго взгляда, быстро отошла, не сказавъ ему ни слова.

— Она прекрасна! Она удивительно хороша! — сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія Горну, сидѣвшему около него.

— Вѣдь вы знатокъ красоты. Лодзь кое-что объ этомъ знаетъ! — съ удареніемъ сказалъ Горнъ, вспомнивъ Зоську Малиновскую и цѣлый рядъ жертвъ среди работницъ, которыхъ онъ заставлялъ быть податливыми угрозами удалить съ фабрики.

Кесслеръ не отвѣтилъ, холодно посмотрѣлъ на него и презрительно отвернулся къ Максу Бауму, который безпокойно взволнованный давно уже собирался уйти и не могъ, изъ-за Анки.

Въ гостиной стало совсѣмъ свободно. Прошли толпы поздравителей, осмотрѣли залы и отхлынули. Осталось всего нѣсколько человѣкъ, поляковъ изъ мѣстной интеллигенціи, которые, по мѣрѣ отлива милліоперовъ, выдвигались на середину и занимали опустѣвшія мѣста. Изъ постороннихъ остались только Мюллеры, которые были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Травинскими, Меля Грюнспанъ и ея тетка, неоднократно задававшая ей вопросъ:

— Меля, развѣ уже не пора домой?

Но Меля не могла уйти, хотя такъ же какъ Максъ давно хотѣла бы убѣжать, преслѣдуемая безжалостными колкостями Высоцкой. Все время сидѣла на одномъ мѣстѣ, совсѣмъ разстроенная, и хотя разговаривала съ Мадой, но была сама не своя.

Чувствовала съ лихорадочной болью, что должна отказаться отъ своихъ грезъ и надеждъ.

Высоцкій разговаривалъ съ нею нѣсколько разъ, все время чувствовала на себѣ его полные любви глаза, слышала его голосъ, говорившій ей слова, которыя еще вчера наполнили бы всю ея душу счастьемъ, но сегодня, сейчасъ только усиливали страданіе и скорбь; потому что только сегодня, въ этой свѣтлой гостиной, поняла глубокимъ инстинктомъ любви, что она никогда не будетъ женой Высоцкаго, что не должна за него выходить... Въ эти минуты предупрежденій и болѣзненнаго ясновидѣнія поняла пропасть, ихъ отдѣ-

лявшую, холодѣла отъ ужаса, безсознательно смотрѣла стекляннымъ взглядомъ на людей, искала радостныхъ, сіяющихъ взоровъ Высоцкаго, чтобы почерпнуть въ нихъ опроверженіе своимъ жгучимъ мыслямъ. Но Высоцкій, влюбленный, въ прекрасномъ расположеніи духа отъ окружавшаго его родного ему общества, не могъ почувствовать ея внутренняго состоянія.

Разсуждалъ съ Травинскимъ, Куровскимъ и нѣсколькими молодыми людьми, горячо развивая передъ ними широкіе, альтруистическіе взгляды на общество и его потребности; отряхивалъ отвороты, покручивалъ усики, вытягивалъ манжеты, радуясь интеллигентнымъ слушателямъ, тому, что могъ отвлечься отъ повседневныхъ фабричныхъ дѣлъ, съ наслажденіемъ парилъ въ области гипотезъ и выводовъ.

«Почему?» — тяжело думала Меля, еще не понимая ясно причины этихъ страшныхъ осаждавшихъ ее мыслей, наполнявшихъ сердце несказанной горечью. Ясно чувствовала только одно, что міръ ея милаго, всѣ эти Куровскіе, Травинскіе, Боровецкіе, вопросы, которыхъ они касались, идеи, ихъ увлекавшія,—весь этотъ польскій полюбившійся ей міръ — совсѣмъ чуждъ, совсѣмъ не похожъ на ея родной міръ; чуждъ шириной ощущеній, не ограниченной кругомъ однихъ эгоистическихъ интересовъ, тѣснымъ кругомъ обогащенія и грубыхъ наслажденій.

«Наши не такіе!» — думала она, глядя на нѣжное, одухотворенное лицо Травинскаго, энергично протестовавшаго противъ выводовъ Высоцкаго, отчего лицо его поблѣднѣло и на вискахъ выступила сѣть тонкихъ голубоватыхъ жилокъ. Потомъ посмотрѣла на

Высоцкую, на Нину и Анку, сидѣвшихъ въ кругу изящныхъ женщинъ, полныхъ страннаго очарованія, говорившихъ вполголоса, и сравнила въ душѣ съ своей родной семьей, съ отцомъ, сестрами, шуриномъ и только сейчасъ поняла черезъ это сравненіе весь отвратительный тонъ, всю плоскость жизни ихъ среды. Только сейчасъ поняла, что всегда будетъ здѣсь среди нихъ чужой, выходцемъ изъ другого міра, терпимымъ изъ-за принесеннаго приданаго.

— Никогда! никогда — гордо повторяла она и хотѣла встать и уйти, потому что тетка опять спросила ее тягучимъ, хриплымъ голосомъ:

— Меля, не пора ли тебѣ домой?

Привстала, напрягая всѣ силы души, чтобы уйти изъ это міра и никогда больше въ него не возвращаться. Хорошо знала, что если уйдетъ, простится съ мечтами, которыя лелѣяла цѣлые годы, простится съ весенними грезами и любовью, но рѣшила уйти.

Любила всей душой Высоцкаго, но уже предчувствовала, что отречется отъ него и не будетъ съ нимъ больше видѣться.

— Никогда, никогда! — повторяла стиснувъ зубы. Вспомнила судьбу своихъ знакомыхъ, вышедшихъ за поляковъ, оскорбленіе ихъ даже родными дѣтьми, упрекавшими ихъ въ происхожденіи, все то утонченное презрѣніе, которое имъ оказывали, ихъ отчужденность въ собственномъ домѣ, въ кругу близкой родни.

— Вы уже уходите? почему такъ скоро? — спросилъ Высоцкій, подходя къ ней.

— Я еще устала съ дороги, — объясняла она, не гля-

дя на него, силой воли подавляя рыданія и желаніе остаться послѣ его словъ.

— Я думалъ, вы останетесь до вечера, а потомъ мы вмѣстѣ пойдемъ къ Розѣ, что вы отдадите мнѣ весь вечеръ. Вѣдь я васъ не видѣлъ цѣлыхъ два мѣсяца, — говорилъ онъ тихимъ, глухимъ отъ волненія голосомъ.

— Помню... помню... два мѣсяца... — отвѣтила она.

Любовь и страданіе вызвали на глазахъ слезы, сердце безумно колотилось...

— Теперь будетъ лучше, остались только свои...

— Тѣмъ болѣе пора уходить, чтобы не нарушить гармоніи... — шепнула съ болью.

— Меля! — сказалъ онъ съ упрекомъ, такъ мягко, нѣжно, что силы ее оставили, всѣ предыдущія рѣшенія разсѣялись безъ слѣда, сердце наполнилось великимъ счастьемъ, великимъ спокойствіемъ любви.

— Останешься, правда?—спросилъ ее страстно и, не получая отвѣта, потому что она безпомощно смотрѣла на Высоцкую, почувствовавъ на себѣ ея холодный взглядъ, повернулся къ Нинѣ и сказалъ:

— Можетъ быть вамъ удастся уговорить панну Меланію остаться!

Нина все знала отъ Высоцкой и была враждебно противъ Мели настроена, но теперь, увидѣвъ это грустное лицо, поняла ея страданія и стала горячо упрашивать.

Меля колебалась минуту въ борьбѣ съ своимъ сердцемъ и волей, но все-таки осталась.

— Послѣдній разъ! — сказала она себѣ. Но, охваченная любовью, убаюканная словами Высоцкаго, не отходившаго отъ нея ни на секунду, на зло матери,

очарованная лаской Анки и Нины, усадившихъ ее рядомъ и обращавшихся съ ней съ большой сердечностью, начинала забывать, что это послѣдній разъ, стала думать, что это, напротивъ, только первый, что такъ будетъ всегда... всегда...

Пріемъ затянулся для этого избраннаго кружка. Въ сумерки былъ поданъ обѣдъ въ большой столовой, отдѣланной свѣтлымъ дубомъ съ широкой полосой инкрустацій до половины стѣнъ, состоявшей изъ виноградныхъ лозъ съ тяжелыми гроздьями краснаго винограда, привѣшенными къ ушамъ вырѣзанныхъ изъ дерева комическихъ золоченыхъ масокъ.

Большой столъ сверкалъ хрусталемъ, серебромъ, живыми цвѣтами, разсыпанными по столу цѣлымъ душистымъ цвѣтникомъ; большіе канделябры въ формѣ вѣтвистыхъ кактусовъ освѣщали мягкимъ свѣтомъ лица сидѣвшихъ.

Настроеніе было интимное, провозглашались личные тосты, встрѣчаемые аплодисментами. Было такъ непринужденно весело, что даже Мюллеръ предложилъ тостъ за Травинскихъ и хотѣлъ что-то сказать, но такъ какъ былъ навеселѣ и не было съ нимъ рядомъ Мады, чтобы подсказывать, то, пробормотавъ нѣсколько словъ, сѣлъ, вытирая рукавомъ красное лоснившееся лицо.

— Я взялъ бы его въ свой звѣринецъ, это любопытный экземпляръ, — шепнулъ Кесслеръ, наклоняясь къ Мелѣ, сидѣвшей рядомъ. Но Меля не слышала, занятая разговоромъ съ Высоцкимъ, кромѣ того чувствовала непреодолимое отвращеніе къ этой головѣ летучей мыши, не спускавшей своихъ желтыхъ глазъ

съ лица Анки, сидѣвшей между нимъ и Боровецкимъ. Одна Мада, казалось, была сегодня не въ духѣ.

Не обращала вниманія на Макса, старавшагося ее занять, наблюдала Карла и Анку, которымъ, казалось, было очень весело вдвоемъ, и спросила тихо Макса:

— Что та барышня, которая сидитъ рядомъ съ Боровецкимъ, его сестра? Они очень похожи другъ на друга.

— Дальняя родственница и невѣста, — сказалъ онъ съ удареніемъ.

— Невѣста! Я не знала, что у пана Карла есть невѣста... не знала...

— Уже годъ, и очень любятъ другъ друга, — говорилъ съ умысломъ, раздраженный ея недогадливостью и тѣмъ нескрываемымъ восхищеніемъ, съ какимъ смотрѣла на Карла и говорила о немъ.

Золотыя рѣсницы дѣвушки затрепетали, какъ крылья, и тяжело опустились на синіе глаза, яркій румянецъ смѣнился внезапной блѣдностью, а губы страшно дрогнули. Максъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту внезапную перемѣну, но въ это время лакей шепнулъ ему, что его кто-то спрашиваетъ.

— Матушка помираетъ! — сказалъ ему прямо Юзефъ Яскульскій, когда онъ вышелъ въ переднюю.

— Что? что? что?—повторилъ Максъ, не вѣря своимъ ушамъ, повернулся нѣсколько разъ безсознательно, дѣлая безцѣльныя движенія, и посмотрѣлъ на заплаканнаго, оробѣвшаго, дрожавшаго Юзефа, который повторилъ ему печальную вѣсть и поспѣшно выбѣжалъ.

VIII.

Въ столовой никто кромѣ Нины не замѣтилъ ухода Макса.

— Что случилось съ паномъ Баумомъ? — спросила Мада Мюллера.

— Я не сторожъ компаньону моему, если только онъ не кассиръ! — шутливо отвѣтилъ ей Боровецкій, все же довольный, что глаза этого компаньона не слѣдятъ больше за Анкой, не контролируютъ его разговора съ Мадой, которая загрустила, узнавъ о его жениховствѣ, и уговаривала отца уйти. Но Мюллеръ, прекрасно настроенный, обнялъ Боровецкаго, посадилъ его рядомъ съ дочерью и грубо сказалъ:

— Глупая Мада, вотъ тебѣ кавалеръ, и нечего торопиться домой.

Оставилъ ихъ однихъ въ сильномъ смущеніи.

Мада опустила низко голову и занялась натягиваньемъ перчатокъ, прислушиваясь къ этому низкому голосу, который проникалъ ее всегда восторженной дрожью, а сегодня звучалъ въ ея душѣ такъ печально, что она боялась не выдержать и разразиться слезами.

Мюллеръ подсѣлъ къ Нинѣ и поминутно хлопалъ ее по спинѣ и, не замѣчая насмѣшливыхъ лицъ и смущенія Травинской, говорилъ громко:

— Мнѣ очень у васъ хорошо! У меня прекрасный дворецъ, но мнѣ тамъ не нравится. Хотѣлось бы мнѣ имѣть такую дочь, какъ пани.

— Въ чемъ же вы можете упрекнуть панну Маду? Она сегодня очаровательна.

— Да, Мада красива, но Мада глупа. Я хочу выдать ее за поляка, чтобы у нихъ были такія же гостиныя какъ у васъ, чтобы они такъ же принимали гостей, тогда я буду у нихъ постоянно сидѣть. Мнѣ это очень нравится.

— Вамъ будетъ это трудно въ Лодзи, здѣсь нѣтъ такихъ богатыхъ, чтобы выдать за нихъ дочь, — сказалъ Куровскій, сидѣвшій около Нины.

— Ага, панъ Куровскій? Я отдалъ бы за васъ Маду, или за Боровецкаго, вы порядочные фабриканты.

— Спасибо, спасибо! — сказалъ Куровскій насмѣшливо, пожимая ему руку. — Но есть получше насъ, я уже кое-что слышалъ о намѣреніяхъ Кесслера.

— Кесслеръ! Пусть женится на обезьянѣ изъ своего звѣринца, а не на моей дочери. Это хамъ и негодяй! — крикнулъ, потомъ добродушно разсмѣялся и хотѣлъ поцѣловать Нину въ шею... Совсѣмъ опьянѣлъ.

— Что вамъ такъ испортило настроеніе? — спросилъ Карлъ тихо.

Мада не отвѣтила, держа платокъ у дрожавшихъ отъ сдержаннаго рыданія губъ и пылавшаго лица, и, поднявъ на него глаза, смотрѣла долгимъ взглядомъ, пока онъ не сдѣлалъ нетерпѣливаго движенія и не повторилъ вопроса.

— Вотъ, ваша невѣста васъ ищетъ, — сказала она, показывая глазами на Анку, искавшую кого-то.

Пошелъ къ ней неохотно.

— Панъ Карлъ, пани Высоцкая собирается уже уходить, можетъ быть, проводите насъ.

Попрощалась церемонно съ Мадой, которая проводила ихъ взглядомъ черезъ всю амфиладу комнатъ.

— Панна Меля, мы тоже пойдемъ, — сказалъ Высоцкій и пошелъ искать тетку, дремавшую въ тиши гостиной. Возвращаясь, столкнулся съ матерью.

— Мы уходимъ, пойдешь съ нами?

— Нѣтъ, я долженъ проводить панну Грюнспанъ.

— Развѣ не можетъ кто-либо другой проводить панну Грюнспанъ?

— Нѣтъ, никто другой не можетъ ее проводить, отвѣчалъ онъ съ удареніемъ.

Непріязненно взглянули другъ на друга.

Глаза матери сверкали гнѣвомъ, въ глазахъ доктора было выраженіе полнаго спокойствія и рѣшимости.

— Скоро вернешься? У насъ будутъ Анка и Боровецкій; можетъ быть, подождать съ чаемъ?

— Не успѣю, надо еще быть у Мендельсоновъ.

— Какъ хочешь... какъ хочешь...— отвѣтила, съ трудомъ владѣя собой, и, не подавъ ему руки для поцѣлуя, вышла.

Не обратилъ на это вниманія и помогалъ Мелѣ одѣваться.

Сейчасъ же поѣхали, потому что коляска Мели ожидала у подъѣзда.

— Поѣдемъ къ Розѣ?

— Поѣдемъ къ Розѣ, поѣдемъ куда хотите, хоть на край свѣта, — отвѣтилъ съ жаромъ.

— Слова летятъ впереди желаній, а желанія впереди возможности, — шептала тихо, охваченная тишиной воскреснаго вечера, вернувшаго ее къ дѣйствительности, напомнившаго ей недавнее рѣшеніе.

— О, нѣтъ, не беру своихъ словъ обратно, возьмите меня и ведите до предѣловъ возможнаго.

Взялъ ея дрожавшую руку.

— Пока отвезу васъ только къ Розѣ, — отвѣтила она, отдавая ему пожатіе и не выпуская его руки.

— А потомъ? — спросилъ тихо, заглядывая ей въ глаза.

— Отвѣчу завтра, — шепнула она, глядя на бѣжавшихъ рысью лошадей.

Тетка дремала на передней скамейкѣ и отчаянно качалась.

Сидѣли молча, подставляя съ наслажденіемъ разгорѣвшіяся лица сильнымъ порывамъ вѣтра.

Коляска мчалась быстро и подскакивала на выбоинахъ мостовой какъ мячъ.

Чувствовали оба, что приближается рѣшающая, критическая минута, что черезъ минуту вырвется и упадетъ то слово, которое такъ давно звучало въ ихъ сердцахъ, давно ожидаемое и сдерживаемое. Смотрѣли другъ на друга яснымъ взглядомъ, проникали вглубь души и чувствовали, что съ каждымъ взглядомъ все ближе, все больше отдаются другъ другу.

Меля не забыла рѣшенія, чувствовала его во всемъ ужасѣ неизбѣжнаго, горечи и страданія, но съ наслажденіемъ отдавалась волшебному потоку, залившему ихъ сердца и головы одурманивающимъ, жуткимъ чувствомъ.

Съ дрожью счастія ждала его признанья и знала, что сама выскажетъ ему все, всю свою любовь.

Чувствовала непреодолимую потребность испить счастіе до самаго дна.

Хотѣла отдаться безумству, не думая о завтрашнемъ днѣ, можетъ быть, именно потому, что знала, какое это будетъ завтра.

И хотя этотъ призракъ носился вокругъ нея, сталъ въ памяти и затемнялъ рѣзкими очертаніями дѣйствительности счастье настоящей минуты, она старалась его забыть хоть на одинъ вечеръ, на одну минуту. Держала его руку, прижимала ее поминутно къ колотившемуся сердцу, проводила ей по своему горячему лицу, прижималась къ нему плечомъ и смотрѣла вдаль сіяющими глазами.

Наклонился и шепнулъ такъ близко, что почувствовала его губы на своемъ лицѣ.

— Меля...

Этотъ тихій, проникновенный голосъ пробѣжалъ по ней огнемъ.

Закрыла глаза, сердце безумно забилось, какъ у испуганной на смерть птицы, волна наслажденія залила ее всю, не могла говорить, улыбнулась одними углами губъ.

— Меля! Меля! — повторилъ еще тише, совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, просунулъ руку подъ ея накидку и сильно прижалъ къ себѣ.

Отдалась тому обаянію такъ страстно, что прижалась къ нему грудью, но сейчасъ же откинулась назадъ на подушки коляски и беззвучнымъ голосомъ прошептала:

— Тише!.. тише!..

Лицо ея смертельно поблѣднѣло; она дышала съ трудомъ.

— Меля, ты поѣдешь прямо домой?—спросила не-

ожиданно проснувшаяся тетка и, пока Меля поняла ее, должна была повторить вопросъ нѣсколько разъ.

— Нѣтъ, поѣзжайте однѣ. Я зайду къ Розѣ.

— Прислать за тобой Валентина?

— Если не заночую у Розы, она отвезетъ меня на своихъ лошадяхъ.

Вышли передъ домомъ Мендельсона.

Роза вышла къ нимъ въ переднюю, смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ и иронически принимала градъ поцѣлуевъ, какими ее осыпала подруга.

— Ты одна? — спросилъ Высоцкій, напрасно стараясь застегнуть сюртукъ дрожащими руками и повѣсить шляпу на гладкой стѣнѣ.

— Нѣтъ, не одна, съ Коко, съ чаемъ и со скукой! — отвѣтила она и, слегка прихрамывая, покачиваясь на широкихъ бедрахъ, провела ихъ въ черный кабинетъ.

— Откуда это пѣніе? — спросилъ онъ прислушиваясь; сверху изъ квартиры Шаи неслись звуки монотонной пѣсни, расплываясь по нижнему этажу.

— Оттуда. Теперь это бываетъ ежедневно. Меня это пугаетъ. Послѣ смерти Бухгольца, уже нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ все молится, приходятъ пѣвчіе изъ синагоги и поютъ духовныя пѣсни. Это неестественно, кромѣ того, онъ сказалъ на-дняхъ Станиславу, что хочетъ передъ смертью открыть пріютъ для старыхъ калѣкъ и рабочихъ нашей фабрики. Это такой плохой признакъ, что Станиславъ послалъ телеграмму въ Вѣну къ доктору спеціалисту.

— Да, это любопытно, — отвѣтилъ Высоцкій, ничего не слыша изъ сказаннаго, весь дрожа отъ волненія и глядя вслѣдъ Мелѣ, входившей въ будуаръ.

— Что это вы такъ оба смущены? Признались другъ другу въ любви, что ли?

— Почти что, почти. Но вы мнѣ поможете, правда?

Сталъ цѣловать ея руки.

— Я не помогу.

— Нѣтъ, Роза, наша дорогая, добрая, милая Роза поможетъ, правда?

— А ты ее очень любишь, скажи? — спрашивала она, вытирая его потный лобъ платкомъ.

Сталъ говорить съ такой силой, такъ страстно о своей любви, что она смотрѣла на него съ изумленіемъ. Не подозрѣвала въ немъ такого пламеннаго чувства, слушала съ любопытствомъ, съ участіемъ, въ концѣ концовъ, неясная грусть проснулась въ ея сердцѣ и, когда вошла Меля и сѣла около него, Роза встала, взяла обезьянку и вышла.

— Я слышала, что ты говорилъ Розѣ,—шепнула Меля, нѣжно глядя на него, и, не позволивъ отвѣтить, обняла его и впилась горячими, жадными губами въ его губы сильнымъ, страстнымъ, долгимъ поцѣлуемъ.

— Люблю тебя! — шептала, отрываясь на мгновенье.

— Люблю тебя! люблю! — отвѣчалъ тихо.

Голоса ихъ оборвались, руки сомкнулись; они сплелись въ страстномъ безумномъ объятіи, губы приникли къ губамъ, сердца остановились, глаза перестали видѣть.

Потомъ, цѣлуя ея глаза, волосы, шею, губы, разсказывалъ ей низкимъ, прерывистымъ отъ волненія голосомъ исторію своей любви.

Откинулась на спинку дивана, положила ноги на табуретку и, полулежа, слушала его голосъ, съ на-

слажденіемъ закрывала глаза подъ его поцѣлуями, протягивая ему жадныя губы, позволяя убаюкивать себя волнѣ счастія, которая шла отъ его словъ, его признаній и ласкъ. А когда онъ сказалъ, что завтра же пойдетъ къ отцу просить ея руки, когда утомленный сѣлъ на подушкѣ у ея ногъ и положивъ голову ей на колѣни, смотрѣлъ въ ея затуманенныя глаза, разсказывая о дивномъ будущемъ, она его не прерывала, пила всей грудью наслажденіе, смотрѣла на него полнаго безразличнаго счастія глазами, грудь высоко вздымалась, губы складывались въ странную, скорбную улыбку, но она не противорѣчила, брала иногда его голову въ руки, цѣловала его глаза и говорила шепотомъ:

— Люблю тебя! Говори, дорогой, хочу сегодня забыться, упиться счастьемъ!

И онъ опять говорилъ съ упоеніемъ о своей любви, не замѣтивъ, какъ вошла Роза, тихо сѣла на диванѣ и, обнявъ руками Мелю, положивъ ей на грудь свою рыжеватую голову, слушала и смотрѣла на него зелеными искристыми глазами.

Они пряли дальше нить любви и счастія.

Свѣтъ пересталъ для нихъ существовать; люди, дѣйствительность все исчезло въ волшебномъ туманѣ, ихъ окутавшемъ.

Слова, взгляды, мысли перекрещивались какъ молніи; дрожали отъ избытка чувства и падали въ душу несказанной нѣжностью.

Говорили все меньше, все тише, боясь спугнуть громкими голосами очарованье этихъ дивныхъ минутъ.

Кругомъ было тихо, съ улицы не доносилось шума, комната, слабо освѣщенная электричествомъ, тонула въ полумракѣ черныхъ стѣнъ, сладкая истома разливалась въ воздухѣ, насыщенномъ возбуждающимъ запахомъ красныхъ розъ, цѣлый снопъ которыхъ стоялъ у одной изъ стѣнъ въ бронзовомъ вазонѣ.

Они почти замолкли, только неподвижно сидѣвшая Роза вдругъ задрожала, сдерживая рыданія и слезы, но, не овладѣвъ собой, бросилась на коверъ и громко разрыдалась.

— Почему меня никто не любитъ? Почему меня никто не любитъ? Вѣдь я тоже хочу быть счастливой, я тоже могу любить и хочу любви! — говорила жалобно, съ такимъ страданіемъ, что Меля ничѣмъ не могла ее успокоить. Этотъ плачъ прозвучалъ въ ней рѣзкимъ диссонансомъ, напоминая объ ужасной дѣйствительности.

Высоцкій уже всталъ, чтобы уйти, и еще разъ напомнилъ, что будетъ завтра у ея отца.

— Напомню тебѣ одно, — что я еврейка! — сказала она тихо.

— Я это помнилъ, но для меня это не можетъ быть препятствіемъ, если ты меня любишь и согласишься принять христіанство.

— Ради тебя готова принять даже мученичество! — отвѣтила она съ силой. — Нѣтъ, нѣтъ, не говори объ этомъ. Завтра утромъ скажу отцу и сейчасъ же напишу тебѣ. Жди моего письма, не приходи раньше.

Быстро шептала она, ухватившись за это средство, потому что не было ни силы ни мужества сказать ему теперь, что не можетъ быть его женой.

Нѣтъ, ни за что въ мірѣ не сказала бы теперь... Завтра... завтра, а сейчасъ еще поцѣлуевъ, ласкъ... клятвъ... еще этой сильной, сладкой, упоительной любви, еще, еще...

— Еще минутку, мой дорогой, еще минутку! — просила, идя съ нимъ черезъ амфиладу темныхъ комнатъ къ выходу.— Не чувствуешь развѣ, какъ мнѣ тяжело оторваться отъ тебя?

Ей становилось страшно, что онъ уйдетъ, что она его, можетъ быть, никогда больше не увидитъ. Прижималась къ нему въ отчаяніи, бросалась его обнимать и цѣловать. Они остановились. Не могли оторваться другъ отъ друга.

И все-таки приближались понемногу къ выходу.

Меля задрожала отъ нервнаго возбужденія, прижималась къ его плечу все крѣпче, все тише и горестнѣе шептала:

— Еще минутку, еще минутку.

— Завтра увидимся, Меля, и будемъ видѣться каждый день.

— Да... каждый день... каждый день...—повторяла какъ эхо, кусая до крови губы, чтобы не закричать, не выдать своего отчаянія, не броситься къ его ногамъ съ мольбой, чтобы не уходилъ, остался или взялъ ее сейчасъ же и увезъ далеко, далеко.

— Люблю тебя! — сказалъ ей на прощанье и поцѣловалъ ея руки и губы.

Не отвѣтила на поцѣлуй, не тронулась. Опершись о стѣнку, смотрѣла тупымъ взглядомъ, какъ онъ одѣвался, открывалъ двери, исчезъ за стекломъ.

Потеряла силы, рыданіе сжало ей горло, сердце разрывалось отъ боли.

— Метя! — шепнула ему вслѣдъ.

Не слышалъ и не вернулся.

Медленно возвращалась она черезъ пустынныя темныя комнаты, похожія на большія роскошныя гробницы, въ которыхъ поселились скука, роскошь и пустота. Шла все тише, останавливалась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только что чувствовала на себѣ его поцѣлуи, оглядывалась безсознательно, шептала что-то поблѣднѣвшими губами и шла дальше, къ Розѣ, плакавшей отъ горя, что ее никто не любитъ.

«Все кончено», думала Меля, — слезы прорвали всѣ преграды, поставленныя волей и самообладаніемъ и хлынули потокомъ изъ ея глазъ.

IX.

Высоцкій летѣлъ домой какъ на крыльяхъ.

Всѣ сидѣли еще за столомъ. Травинская тоже забѣжала на минутку, потому что мужъ ея уѣхалъ съ Куровскимъ, и ей было одной дома скучно. Сидѣли вокругъ круглаго стола, освѣщеннаго висячей лампой, критикуя сегодняшнихъ гостей Нины.

Высоцкій вошелъ, когда Анка горячо защищала Мелю отъ язвительныхъ нападокъ его матери. Мать, раздраженная присутствіемъ сына, повысила тонъ и изливала все свое расовое презрѣніе къ евреямъ.

Высоцкій молча слушалъ, пилъ чай и думалъ о Мелѣ. Еще весь подъ впечатлѣніемъ ея поцѣлуевъ, горя-

чія пятна которыхъ чувствовалъ еще на своемъ лицѣ, съ горѣвшими губами, онъ весь вздрагивалъ, вспоминая ея объятія, чувствовалъ ее около себя, вдыхалъ съ наслажденіемъ ароматъ ея духовъ, оставшійся на его платьѣ, рукахъ и волосахъ.

Былъ такъ счастливъ, что усмѣхнулся снисходительно несправедливымъ, фанатичнымъ рѣчамъ матери и посматривалъ на Боровецкаго, который облокотился на столъ и, сквозь клубы дыма, смотрѣлъ на Нину съ Анкой, сидѣвшихъ рядомъ, прижавшись другъ къ другу.

Волосы Нины искрились золотомъ, свѣтлая прозрачная кожа походила на розовый фарфоръ, зеленые глаза смотрѣли на Высоцкую. Анка въ коронѣ темныхъ пушистыхъ волосъ, постоянно мѣняясь въ лицѣ отъ нетерпѣнія, разбивала мнѣнія Высоцкой со страстностью, вся подаваясь впередъ, близко сдвигая брови, походившія на натянутый лукъ. Ея подвижное лицо отражало, какъ зеркало, всѣ впечатлѣнія ея души, она защищала евреевъ отъ доброты своего сердца и этимъ разбивала всѣ логическіе выводы Высоцкой, которая сидѣла въ глубокомъ креслѣ напротивъ, говорила убѣжденно, наклоняя порою надъ столомъ, въ яркій кругъ свѣта свое еще прекрасное лицо.

— Панъ Мечеславъ, помогите мнѣ защитить евреевъ, особенно панну Грюнспанъ. Карлъ не хочетъ, говоритъ, что она въ этомъ не нуждается.

— Ничего къ этому не прибавлю. Меня... панны Грюнспанъ не нужна защита. Это равносильно тому, чтобы защищать солнце отъ упрековъ, что оно слишкомъ свѣтитъ и грѣетъ.

Всѣ заговорили еще оживленнѣе, но въ это время пришелъ Юзефъ Яскульскій.

Заплаканный мальчикъ лепеталъ, что жена Баума очень больна, что Максъ послалъ его за Высоцкимъ и что онъ искалъ его по всему городу.

— Сейчасъ иду. Спокойной ночи, господа.

— Мнѣ тоже пора, — отвѣтила Нина.

— На дворѣ такъ чудно, что я васъ провожу. Панъ Карлъ, пойдемте съ нами?

Карлъ поклонился въ знакъ согласія, но не былъ доволенъ проектомъ Анки, потому что ему хотѣлось спать.

— А что касается панны Грюнспанъ, — сказалъ докторъ изъ кабинета, одѣвая пальто, — будьте къ ней, господа, снисходительнѣе, хотя бы потому, что она моя будущая жена.

Мать вскочила торопливо, но докторъ, не ожидая, торопливо пошелъ къ Баумамъ.

Когда Максъ, вызванный Юзефомъ, ушелъ отъ Травинскихъ и прибѣжалъ домой, мать его моминутно теряла сознаніе.

Большая комната была залита красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца, въ которомъ лицо умирающей, смотрѣвшей на далекое небо, застывало, покрывалось синевой.

Одна только восковая свѣча, судорожно вздрагивавшая въ ея рукахъ, бросала слабый золотистый свѣтъ на ея спокойное, покрытое предсмертнымъ потомъ лицо. Фрау Августа стояла на колѣняхъ у изголовья, молилась и плакала вполголоса.

Старикъ Баумъ сидѣлъ въ ногахъ съ окаменѣв-

шимъ холодным лицомъ и блестѣвшими отъ внутреннихъ слезъ глазами смотрѣлъ на жену. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, ни одна слеза не скатилась изъ-подъ красивыхъ вѣкъ. Сидѣлъ спокойный на видъ, опираясь о ручку кресла и сжимая ее съ такой силой, что оставлялъ слѣды на твердомъ деревѣ, а когда замѣтилъ входившаго Макса, поднялъ глаза и слѣдилъ за движеніемъ, съ какимъ сынъ бросился къ постели умирающей.

— Мама! мама! — крикнулъ Максъ съ тревогой трогая ея руку, судорожно сжимавшую свѣчу.

Больная дышала медленно. Стеклянные, выпуклые глаза отражали, какъ поверхность воды, блескъ зари, правая рука шарила по одѣялу, точно искала чулокъ, скатившійся къ стѣнѣ и блестѣвшій стальными спицами.

Кухарка и прислуга стояли на колѣняхъ въ полумракѣ комнаты и громко всхлипывали.

Больная какъ бы пришла въ себя, повернула голову, вперила стеклянный взглядъ въ лицо сына, свѣча выпала изъ ея руки, взяла холодѣющей рукой его руку. Улыбка послѣдней радости показалась на сухихъ губахъ, шевельнула ими, но не могла ничего сказать, слышалось только хриплое дыханіе.

Улыбка застыла на лицѣ, повернулась лицомъ къ окну и точно засмотрѣлась мертвѣющими глазами на вечернія сумерки, на послѣдніе мѣдно-красные отблески зари, угасавшей постепенно на сѣромъ небѣ.

Вѣтеръ пронесся по саду, склоняя къ окнамъ низкіе кусты сирени; лиловые гроздья бились въ стекла, точно заглядывая на застывшее, неподвижное лицо уми-

рающей, у которой нижняя челюсть стала все ниже опускаться.

Максъ, зная, что это уже конецъ, еще раньше послалъ за Высоцкимъ и, ожидая его въ петерпѣніи, тревожно прислушивался, жива ли еще мать; она еще была жива, иногда тихій стонъ вырывался изъ ея груди, шевелила губами, дѣлала безцѣльное движеніе коченѣющими пальцами и лежала опять цѣлыми часами неподвижная, помертвѣвшая, съ широко открытыми глазами, смотрѣвшими въ ночной мракъ, спускавшійся на землю, въ мракъ смерти.

Наконецъ пришелъ Высоцкій, вслѣдъ за нимъ Боровецкій, но только затѣмъ, чтобы подтвердить, что больная только что скончалась.

Максъ плакалъ какъ ребенокъ, спрятавъ лицо въ одѣяло, старикъ Баумъ всталъ, выпрямился, наклонился надъ покойницей, дотронулся до виска и холодныхъ рукъ, заглянулъ послѣдній разъ глубоко въ ея открытые глаза, смотрѣвшіе точно съ изумленіемъ въ глаза вѣчности, закрылъ дрожащими пальцами вѣки и медленно вышелъ, оглядываясь и останавливаясь на каждомъ шагу. Только въ пустой и темной конторѣ сѣлъ на груду платковъ и сидѣлъ долго, безъ мысли и движенія.

Была уже глубокая ночь, когда онъ пришелъ въ себя. Звѣзды ярко горѣли въ пространствѣ, городъ спалъ въ глубокой тишинѣ, только гдѣ-то за городомъ раздавались звуки гармоники.

Всталъ и медленно прошелъ по всей квартирѣ, погруженной въ тишину и темноту.

Въ складѣ, освѣщенномъ газомъ, увидѣлъ Юзефа,

спавшаго на товарѣ. Не сталъ его будить и пошелъ черезъ рядъ пустыхъ комнатъ, въ которыхъ стояла тишина смерти; въ столовой увидѣлъ спавшаго на кушеткѣ Макса во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Передъ комнатой жены онъ поколебался, но все-таки вошелъ.

Кровать была выдвинута на середину, покойница лежала прикрытая простыней, подъ которой слегка обрисовывались черты лица.

Нѣсколько восковыхъ свѣчей горѣло на столѣ, нѣсколько работницъ молилось и пѣло молитву объ усопшихъ. Фрау Августа, съ кошками на колѣняхъ, вся опухшая отъ слезъ, дремала на диванѣ.

Въ открытыхъ окнахъ вѣтеръ раздувалъ шторы и колебалъ занавѣси.

Баумъ долго смотрѣлъ, точно хотѣлъ навсегда запомнить или понять то, что видѣлъ, потомъ ушелъ въ свою комнату, взялъ зажженную бензиновую лампочку и пошелъ на фабрику, какъ дѣлалъ часто во время безсонницы.

Павильоны поднимались четырехугольными каменными громадами, тихіе и черные; луна зашла, одни звѣзды блѣдно сіяли въ предразсвѣтной мглѣ, уступая въ борьбѣ ночи и дня, уже зарождающагося въ безпредѣльномъ простанствѣ востока. Во дворѣ, похожемъ на черный колодезь, выли и скулили собаки, которыхъ забыли спустить съ цѣпи.

Ничего не слыша, вошелъ въ длинные черные коридоры, похожіе на тоннели, пахнувшіе на него рѣзкимъ гнилымъ воздухомъ; его шаги гулко отдавались въ пустотѣ и тишинѣ ночи.

Проходилъ медленно одну залу за другой, какъ автоматъ.

Въ залахъ стояла мертвая, гробовая тишина, ряды станковъ стояли по обѣимъ сторонамъ прохода, какъ скелеты, согнувшіеся безсильно.

Точно жилы и волокна, свѣшивались съ колесъ ремни, покрытые длинной паутиной, а ленты рисунковъ свободно свѣшивались, какъ мертвая отставшая кожа.

— Умерла! — шепнулъ, глядя на длинный рядъ залъ, прислушиваясь къ этой мертвой тишинѣ.— Умерла!— повторялъ онъ, но трудно было сказать, о чемъ онъ думалъ; о женѣ или о фабрикѣ. Все медленнѣе переходилъ онъ изъ одной залы въ другую, изъ одного этажа въ другой, отъ павильона къ павильону.

Высоцкій съ Боровецкимъ вышли отъ Баумовъ грустно настроенные.

— Жаль Макса, эта смерть матери, которую онъ безумно любилъ, лишить его равновѣсія надолго. И это теперь, когда онъ не замѣнимъ при постановкѣ машинъ. Везетъ! И во всемъ такъ!—сказалъ Карлъ со злобой.

— Скоро панна Анна переѣдетъ въ Лодзь?

— Черезъ недѣлю.

— А свадьба?

— Не до того теперь! Сперва надо пустить въ ходъ свою фабрику. Когда фабрика начнетъ работать, а это будетъ не раньше октября, тогда подумаю объ этомъ.

Шли дальше молча, и на Петроковской совершенно неожиданно встрѣтили Вельта.

— Когда ты пріѣхалъ, Морицъ? Пойдемъ пить кофе.

— Только что пріѣхалъ и шелъ домой, но если идете пить кофе, пойду съ вами.

— У Макса только что померла мать, мы идетъ оттуда.

— Умерла! не люблю этого.

Передернулъ плечами.

— Что новаго въ городѣ?

— Почти ничего; впрочемъ я цѣлыми днями на фабрикѣ. Гросглюкъ тебѣ очень обрадуется, спрашивалъ о тебѣ сегодня.

— Очень-то обрадуется! — шепнулъ Морицъ, поправляя пенснэ дрожащими руками, и скользнулъ быстрымъ взглядомъ по лицу Карла.

Въ гостиницѣ, куда пошли пить кофе, было совсѣмъ пусто, потому что былъ поздній часъ.

Въ садикѣ, посреди двора, сидѣли только Мышковскій съ Мурреемъ.

Подсѣли къ нимъ.

— Цѣлый часъ сижу и поджидаю живую душу; мнѣ уже надоѣло пить одному

— А англичанинъ?

— Онъ чувствуетъ себя хорошо только послѣ четвертой невѣсты, а послѣ четвертой кружки никуда не годится.

— Давно здѣсь сидите?

— Муррей пришелъ полчаса тому назадъ, а я немного раньше. Пришелъ сюда позавтракать, но засидѣлся до обѣда, послѣ обѣда пришелъ кое-кто изъ знакомыхъ, не стоило уходить; подождалъ ужина, а послѣ ужина въ городѣ уже нечего дѣлать. Театра не люблю, знакомыхъ у меня нѣтъ, куда дѣваться бѣдной сиротѣ,

какъ не въ пивную. А кромѣ того вотъ онъ разсказывалъ любопытныя вещи о своихъ невѣстахъ. Ну, какъ фабрика?

— Растетъ.

— Пошли ей Богъ здоровья, хорошій желудокъ и пищевареніе. А вы похудѣли?

— Ба, работаю за десятерыхъ, и еще не хватаетъ.

— Здравствуйте! Кто ни придетъ, сейчасъ начинаетъ говорить о томъ, что дѣлалъ вчера, что сегодня, что думаетъ дѣлать завтра, о томъ, что онъ переутомился и т. д. Что за чортъ! Гдѣ же я, наконецъ? Среди людей или среди машинъ? Что за нелѣпость превращаться въ механическое дѣйствіе! Мнѣ хотѣлось бы знать, что они думаютъ, чувствуютъ, какъ смотрятъ, а они говорятъ только о томъ, что работаютъ. Подайте пива! — приказалъ гарсону.

— Мы будемъ пить кофе.

— Пейте.

— Кому время думать о небесныхъ матеріяхъ, кто это можетъ? — сказалъ насмѣшливо Морицъ.

— Только волъ не можетъ, потому что его гонятъ на работу.

— Это главное, панъ Мышковскій, остальное придатокъ.

— Не говорите этого, если вы являетесь придаткомъ къ вашему бумажнику, это не удивительно и объясняется вашей безпутной и глупой расой, но, когда то же самое говорятъ Боровецкій съ докторомъ—это меня раздражаетъ.

— Я не противорѣчу и не утверждаю, строю те-

перь фабрику, а когда ее кончу, начну развлекаться философіей.

— А я пойду домой, отчаянно усталъ, — сказалъ Высоцкій и сейчасъ же ушелъ.

Карлъ торопливо выпилъ кофе и тоже вышелъ съ Морицемъ.

— Останьтесь со мной, — просилъ Мышковскій Муррея.

— Поговоримъ о любви.

— Не могу, завтра понедѣльникъ, надо вставать въ пять часовъ, итти на фабрику.

— Мѣсто Боровецкаго уже занято?

— Работу его я взялъ всю на себя, но содержанія получаю только половину, — отвѣтилъ Муррей выходя.

Мышковскій остался одинъ и грустно думалъ, что надо итти домой. Это его такъ угнетало, что задремалъ надъ столомъ.

— Сударь, мы запираемъ! — докладывалъ ему вѣжливо кельнеръ.

Посмотрѣлъ вокругъ сонными глазами, было пусто темно, сумрачно, прислуга убирала приборы и сдвигала столы.

Мышковскій надѣлъ шляпу, расплатился, дошелъ до дверей, но ему такъ не хотѣлось домой, такъ боялся одиночества, что вернулся къ столику и сказалъ:

— Кельнеръ, бутылку пива и два стакана, ты долженъ со мной выпить. Скажи номерному, чтобы приготовилъ мнѣ какую-нибудь постель. Чертъ возьми, что за жизнь!

Плюнулъ отъ злости.

X.

— Два дня, какъ мы здѣсь, а все не могу повѣрить, что мы въ Лодзи, — сказала Анка съ веранды.

— А между тѣмъ это дѣйствительно Лодзь! — отвѣтилъ панъ Адамъ, сидя въ креслѣ въ саду подъ верандой. Прикрылъ ладонью глаза отъ яркаго солнца и смотрѣлъ вокругъ на тѣснившіяся красныя стѣны фабрикъ и трубы, его взглядъ остановился дальше на лѣсахъ фабрики Карла, поднимавшейся въ концѣ сада. Тихо вздохнулъ.

— Да, это Лодзь! — шепнула Анка тише и вернулась въ квартиру къ раскрытымъ ящикамъ, къ неразставленной мебели, къ вещамъ, обернутымъ соломой, къ хаосу вещей торопливо сложенныхъ, которыя распаковывали нѣсколько рабочихъ, съ Матвѣемъ во главѣ.

Помогала все разбирать, сама навѣшивала занавѣски, иногда живо разговаривала съ Матвѣемъ, но чаще садилась на какой-нибудь ящикъ или на подоконникъ и печальными глазами смотрѣла на квартиру.

Ей было грустно. Такой странной печалью вѣяло отъ этого чужого дома, отъ амфилады вновь отремонтированныхъ комнатъ съ свѣже выкрашенными полами, что она убѣгала на большую веранду, тянувшуюся до половины дома, увитую зеленью дикаго винограда, но и тамъ не могла успокоиться, потому что глаза, привыкшіе къ безконечнымъ зеленымъ полямъ, къ синѣющей дали лѣсовъ, къ безпредѣльному, ничѣмъ не

закрытому небу, встрѣчали дома, фабрики, сверкавшія на солнцѣ крыши, ту Лодзь, которая давила ее со всѣхъ сторонъ каменнымъ кольцомъ, ту Лодзь, о которой она мечтала, въ которой должны были исполниться всѣ ея желанія и которая вызывала теперь въ ней темныя, глубокія, пугавшія ея предчувствія.

Возвращалась въ комнаты, точно стыдясь своей слабости, и съ трудомъ подавляла слезы неопредѣленной тоски, навертывавшіяся на глаза.

— Не надо ли вамъ чего-нибудь, отецъ? — спрашивала иногда, выглядывая изъ окна.

— Ничего, Анка, ничего. Вѣдь мы уже въ Лодзи, черезъ часъ придетъ Карлъ обѣдать, — отвѣчалъ громкимъ, даже крикливымъ голосомъ, чтобы не дать ей замѣтить, какъ онъ внутренно угнетенъ. Чтобы скрыть свою грусть, сталъ подпѣвать:

«Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ,
Вотъ какъ, вотъ какъ...»

— Покатимъ, Валекъ!

Но Валька не было, остался въ Куровѣ, вмѣсто него былъ Матвѣй.

Панъ Адамъ вздохнулъ и замолчалъ: смотрѣлъ на грязные клубы дыма, подымавшіеся отъ фабрики Мюллера.

Глубоко вздохнулъ и сильно закашлялся, потому что вздохъ былъ насыщенъ запахомъ извести и горячаго асфальта, которымъ поливали полы на фабрикѣ Карла.

Закрылъ ротъ платкомъ и смотрѣлъ на длинную дорожку сада, усаженную пышными кустами центифолій, усыпанныхъ розовыми и бѣлыми розами.

День былъ удивительно теплый, тихій и ясный; вѣтви черешенъ слегка качались, поблескивая темными листьями, покрытыми угольной пылью и сажей. Нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ жадно тянулись своими слегка пожелтѣвшими верхушками къ солнцу, къ чистому пространству полей, лежавшихъ вблизи.

Наконецъ онъ очнулся и сталъ насвистывать дрозду, висѣвшему на верандѣ. Но дроздъ не отозвался на знакомый сигналъ, сидѣлъ внизу клѣтки осовѣвшій, съ опущенными крыльями, сонный, и, поднявъ голову, тупо посмотрѣлъ на своего барина и опять задремалъ.

— Карла еще не видать? — спросила изъ комнаты Анка.

— Нѣтъ, черезъ полчаса только будетъ свистокъ на обѣдъ. Анка! Иди-ка сюда.

Подошла, сѣла на ручку кресла и смотрѣла на старика.

— Ну, что съ тобой, Анка, что? Смѣлѣй, дѣвушка, не поддавайся, не унывай только. Посмотри на меня; ты у меня молодецъ. Хо, хо! задумаешь еще, что есть какой-то Куровъ на свѣтѣ. Что тамъ, голову кверху и маршъ! — говорилъ быстро, поцѣловалъ ее, погладилъ по головѣ и сталъ неистово свистать и отбивать тактъ ногой. Потомъ велѣлъ Матвѣю отвезти себя въ комнаты, кричалъ, командовалъ рабочими и громко подпѣвалъ, чтобы его слышала Анка.

Потомъ шутилъ съ Камой, которая пришла ихъ навѣстить съ Высоцкой, чтобы помочь имъ при устройствѣ квартиры. Но вмѣсто помощи внесли еще болѣе безпорядка; связала въ одну свору всѣхъ дворовыхъ и охотничьихъ собакъ, привезенныхъ изъ Курова, бѣ-

гавшихъ по саду и по квартирѣ съ опущенными головами, и носилась съ ними по верандѣ.

— Кама, что ты дѣлаешь? Скажу тетѣ, и Горнъ узнаетъ, во что ты играешь! —распекала ее Высоцкая, затыкая уши отъ воя и скуленья собакъ.

— Ну, такъ что же? Я никого не боюсь. Панна Анна за меня заступится, — отвѣчала она, разгорѣвшись отъ бѣготни и возни, бросилась къ Анкѣ, пламенно расцѣловала ее и убѣжала за собаками въ садъ.

— Заграй! Лана! Кручекъ! Котъ!... котъ!.. котъ!..— кричала громко, натравливая собакъ на бѣлаго кота, гоняясь за нимъ взапуски съ собаками.

Нѣсколько разъ падала, но вскакивала, не обращая на это вниманія, гналась съ крикомъ, ей отвѣчали короткимъ лаемъ собаки въ напрасной погонѣ, потому что котъ вскочилъ на дерево, злобно фыркая.

Кама полѣзла за нимъ, уже готовая его схватить, но упругій котъ перепрыгнулъ на сосѣднее дерево, оттуда на заборъ, гдѣ преспокойно усѣлся, глядя своими зелеными глазами на собакъ, царапавшихъ стѣны и скулившихъ въ бѣшенствѣ, и на Каму, едва дышавшую отъ усталости.

— Молодецъ дѣвочка, молодецъ Кама! Иди сюда, разбойница, поцѣлую тебя, — звалъ панъ Адамъ, радостно смѣясь.

— Совсѣмъ устала. Господи! Едва дышу. Собаки ни къ чему... уже держали его въ зубахъ въ углу сада подъ крыжовникомъ, только шерсть посыпалась, но вырвался и бросился на дерево. Мы за нимъ, я стряхнула его—упалъ; собаки къ нему, а онъ фыркнулъ имъ въ глаза и опять на ту большую вишню.

Полѣзла за нимъ... а онъ черезъ меня дальше... У... устала я...— кричала раскраснѣвшаяся, потирая колѣни, которыя оцарапала влѣзая на дерево.

Панъ Адамъ поцѣловалъ ее въ голову и откинулъ со лба ея растрепавшіеся влажные волосы.

— Хорошо, если бы вы были моимъ дядей! — сказала она, обнимая его. — Ого! Панъ Карлъ идетъ съ Морицемъ. Знаете, я буду васъ звать дядей, хорошо?

— Хорошо, хорошо, я даже черезъ твою тетку прихожусь тебѣ какимъ-то роднымъ.

— Панна Анна! панъ Карлъ идетъ съ чернымъ Морицемъ на обѣдъ! — крикнула съ веранды и пошла къ нимъ навстрѣчу, потому что очень любила Карла; собаки пошли за ней покорно и стали по старому куровскому обычаю лаять на гостей.

— Тихо, Курта, тихо, собачки, это вашъ баринъ, а того еврея тоже нельзя кусать!—успокаивала и гладила собакъ.

— Я съ вами не здороваюсь. Панъ Карлъ не былъ у насъ двѣ недѣли, а панъ Морицъ—тысячу лѣтъ.

— Я привезъ зато Камѣ что-то изъ Берлина, только не захватилъ съ собой, пришлю на-домъ.

— Намъ на Спацеровой хорошо извѣстны эти обѣщанія. Пани Стефанія тоже не вѣритъ пану Карлу. Обѣщаетъ приходить, а не былъ двѣ недѣли, — говорила Кама, провожая ихъ на веранду, гдѣ былъ поданъ обѣдъ.

Морицъ былъ сегодня странно взволнованъ и тревоженъ.

Старался быть разговорчивымъ и веселымъ, шу-

тилъ съ Камой, которая, наконецъ, въ нетерпѣніи, со свойственной горячностью, плеснула на него стакономъ воды, за что получила отъ Высоцкой такой строгій выговоръ, что просила со слезами прощенія.

— Морицъ! не сердитесь на меня, если будете на меня сердиться и скажете тетѣ, то я столько про васъ дома наговорю, столько наговорю, что и тетя, и панна Стефа, и Ванда, и панъ Серпинскій и всѣ, всѣ на васъ разсердятся.

— А Горнъ вызоветъ тебя на дуэль и убьетъ изъ новой пушки! — сказалъ ей въ тонъ Карлъ.

— И убьетъ! думаете нѣтъ? Вы думаете, Горнъ не умѣетъ стрѣлять? Въ воскресенье въ тирѣ попалъ изъ пистолета пятнадцать разъ изъ двадцати, своими глазами видѣла.

— А, такъ Кама ходитъ въ тиръ? Будемъ знать.

— Я не говорила... я...

Покраснѣла внезапно, позвала собакъ и убѣжала съ ними въ садъ.

— Чудная дѣвочка! Жаль, что живетъ здѣсь, въ Лодзи, — сказалъ панъ Адамъ.

—Конечно, лучше было бы ей съ пастухами на пастбищѣ; но ея мать слишкомъ много этимъ наслаждалась, не хватило того для дочки, — смѣялся Карлъ.

— Лучшій ребенокъ въ мірѣ, — сказала Высоцкая, глядя на ея бѣготню въ саду.

— Могла бы быть поумнѣе.

— Поумнѣетъ еще, времени довольно.

— Не особенно; вѣдь ей уже пятнадцать лѣтъ, а она совсѣмъ дикарка.

Обѣдъ быстро кончился, быстро напились кофе и

вернулись на фабрику, потому что свистки раздавались со всѣхъ сторонъ.

Когда они ушли и панъ Адамъ приказалъ отвезти себя въ садъ вздремнуть въ тѣни, Высоцкая пододвинулась къ Анкѣ и радостно сказала:

— Знаешь, я совсѣмъ спокойна за Метю. Его два дня не было дома, уѣзжалъ въ Варшаву, вернулся вчера и говоритъ мнѣ за обѣдомъ, что я могу быть спокойна, онъ не женится на этой... Грюнспанъ, что она не хочетъ за него выходить... Слышишь, Анка, Грюнспанъ не пожелала выйти замужъ за Высоцкаго, за моего сына! Каково жидовское нахальство! Какая-то жидовка... не пожелала выйти за моего сына!.. Все хорошо кончилось; я заказала обѣдню на радостяхъ, но не могу ей этого простить... Какъ она смѣла отказать моему сыну... эта... простая жидовка! Онъ показалъ мнѣ ея письмо, гдѣ она безъ всякаго стыда говоритъ, что любитъ его, но не можетъ за него выйти, потому что родные никогда не согласятся на перемѣну вѣры. Простилась съ нимъ такъ нѣжно, что если бы я не знала, что это писано жидовкой, если бы это не касалось моего сына, заплакала бы отъ жалости. Хочешь, прочти письмо, но никому ни слова объ этомъ, Анка.

Анка читала долго; письмо было на четырехъ страницахъ, написанное мелкимъ почеркомъ. Столько было въ немъ слезъ, любви, скорби, самоотреченія, что не могла дочесть до конца и расплакалась.

— Но вѣдь она умираетъ отъ горя... Если панъ Мечиславъ ее любитъ, онъ не долженъ ни съ чѣмъ считаться...

— Богъ вознаградитъ ее за страданія. Не безпокойся, не умретъ отъ любви, выйдетъ замужъ за милліонера и быстро утѣшится. Ты не знаешь евреекъ.

— Страданіе всегда останется страданіемъ, у всѣхъ одинаково, —грустно отвѣтила Анка.

— Это такъ говорится, а въ дѣйствительности иначе.

— Нѣтъ... нѣтъ...

Вдругъ Анка вскочила. Со стороны фабрики раздался трескъ, грохотъ и нечеловѣческій крикъ многихъ голосовъ.

Черезъ секунду по дорожкѣ отъ фабрики мчалась во весь духъ Кама.

— Лѣса!.. Господи... задавлены... О, Господи, о, Господи!.. — кричала въ безпамятствѣ, дрожа отъ испуга.

Анка побѣжала встревоженная, но у калитки сада стоялъ человѣкъ и не хотѣлъ ее пустить на фабричный дворъ, объясняя, что ничего страшнаго не случилось, что упали верхніе лѣса и помяли нѣсколькихъ рабочихъ, что туда побѣжалъ панъ Боровецкій, а ему приказано никого не пускать.

Анка вернулась, но когда Высоцкая съ Камой ушли, не могла больше выдержать, ей казалось, что она слышитъ стоны раненыхъ.

Послала Матвѣя узнать подробности, но не могла дождаться; взяла свою аптечку, столько разъ бывшую въ дѣлѣ въ Куровѣ, и пошла. Съ удивленіемъ увидѣла, что на фабрикѣ продолжаютъ работу.

Каменщики посвистывая стояли на лѣсахъ главнаго корпуса; кровельщики развертывали на кры-

шахъ большіе свертки листового цинка, дворъ былъ загроможденъ возами, кирпичомъ, известкой, а въ будущей прядильнѣ преспокойно ставили машины.

Карла нигдѣ не было, ушелъ въ городъ, какъ ей объяснили, направляя ее въ залу, гдѣ работалъ Максъ Баумъ.

Онъ торопливо къ ней вышелъ, въ синей блузѣ, съ перепачканнымъ лицомъ, съ растрепанными волосами, съ трубкой въ зубахъ, засунувъ руки въ карманы.

— Что случилось? — спросила она.

— Н... ничего. Обвалились лѣса, которые и такъ надо было разобрать.

— Несчастья съ людьми не было?

— Карлъ не погибъ. Только что ушелъ съ Морицемъ, — отвѣтилъ онъ сухо.

— Знаю, но рабочіе не пострадали? Я слышала крикъ.

— Кажется, кто-то расшибся, я тоже слышалъ какой-то ревъ.

— Гдѣ они? — спросила она повелительно, раздраженная небрежностью его отвѣта и вызывающимъ выраженіемъ его лица.

— Черезъ три залы въ коридорѣ. Зачѣмъ вамъ это зрѣлище?

— Докторъ есть?

— Посылали за нимъ, но его не было. Пока ихъ осматриваетъ Яскульскій; онъ знаетъ медицину, когда-то пускалъ на своемъ хуторѣ кровь скотинѣ. Нѣтъ, я васъ туда не пущу, зачѣмъ вамъ себя разстраивать.

это зрѣлище не для васъ, вы имъ ничѣмъ не поможете, — сказалъ ей рѣшительно, преграждая ей путь.

Она разсердилась и посмотрѣла на него такъ гордо, свысока, что невольно отступилъ, открылъ дверь и указалъ жестомъ, куда итти.

Вернулся къ прерванной работѣ, но отъ поры до времени заглядывалъ украдкой въ коридоръ, гдѣ лежали раненые.

Широкій, освѣщенный со стороны двора стеклянной стѣной коридоръ служилъ имъ временнымъ убѣжищемъ. Ихъ лежало подъ стѣной пять человѣкъ въ рядъ, на соломѣ и свѣжихъ стружкахъ. Яскульскій осматривалъ ихъ раны съ помощью рабочаго.

Въ коридорѣ стояли стоны отъ разбитыхъ, лежавшихъ какъ колоды людей; струилась по бѣлому полу кровь, запекшаяся въ этой жарѣ, которая неслась изъ сосѣднихъ залъ и отъ накаленной солнцемъ стеклянной стѣны.

Анка вскрикнула, увидавъ эти окровавленныя фигуры, и стала помогать Яскульскому осматривать раны.

Дрожала при видѣ поломанныхъ, уже распухшихъ ногъ, синихъ испачканныхъ землей и кровью лицъ, стоны ихъ заставляли ее страдать, глаза наполнялись слезами, ей дѣлалось нѣсколько разъ такъ дурно, что она выходила на воздухъ, но возвращалась, перемогая брезгливость, ужасъ, и, полная участія и жалости, омывала имъ раны и закладывала корпіей струившуюся кровь.

Все взяла на себя, потому что Яскульскій больше вздыхалъ, чѣмъ дѣлалъ. Послала Матвѣя за первымъ попавшимся докторомъ и фельдшеромъ.

По фабрикѣ пронесся слухъ, что барышня сама осматриваетъ больныхъ, постоянно кто-нибудь заглядывалъ въ стекла и исчезалъ, чтобы подтвердить ея доброту.

Черезъ полчаса пріѣхалъ Высоцкій, который былъ врачомъ при постройкѣ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на ея заплаканное лицо, на окровавленныя руки и платье, которое хватали холодѣющія руки раненыхъ, чтобы поцѣловать ихъ.

Сейчасъ принялся за работу и подтвердилъ переломы ногъ у двухъ рабочихъ, раздробленіе плеча и ключицы у третьяго, разбитую голову четвертаго, а у пятаго, еще юноши, постоянно терявшаго сознаніе, какое-то внутреннее поврежденіе. Трехъ тяжело раненыхъ унесли на носилкахъ въ больницу, къ одному пришла жена и съ крикомъ и плачемъ отвезла домой, остался одинъ мальчикъ, котораго докторъ, наконецъ, привелъ въ чувство и велѣлъ положить на носилки.

Но мальчикъ расплакался и ухватился за платье Анки.

— Не отдавайте меня, барыня, въ больницу, не отдавайте... ради Бога не отдавайте! — кричалъ онъ.

Стала ему объяснять и успокаивать, но ничего не помогло.

Мальчикъ дрожалъ отъ страха и обезумѣвшими глазами слѣдилъ за движеніями стоявшихъ у носилокъ людей.

— Ну, хорошо. Скажи, гдѣ твоя мать, тебя отнесутъ домой, а я тебя не забуду.

— У меня нѣтъ матери.

— А гдѣ, у кого ты живешь?

— Я нигдѣ не живу.

— Долженъ же ты гдѣ-нибудь спать?

— А сплю я... на заводѣ у Корчмарка и пріѣзжаю утромъ съ кирпичниками.

— Какъ съ нимъ быть?

— Надо въ больницу, — рѣшилъ докторъ, но это такъ испугало больного, что ухватился за платье Анки и потерялъ сознаніе.

— Панъ Яскульскій, пусть отнесутъ его къ намъ наверхъ, въ пустую комнату, — сказала живо Анка. — Не бойся, будешь лѣчиться дома, у насъ! — сказала она ему, когда онъ пришелъ въ себя.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, и когда его понесли на носилкахъ, смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ и удивленіемъ.

Помѣстили его наверху. Высоцкій осмотрѣлъ его и нашелъ у него переломъ трехъ реберъ.

День потянулся обычной колеей.

Вечеромъ, за ужиномъ, на которомъ былъ также Морицъ, Анка пошла провѣдать больного, у котораго сдѣлался жаръ и бредъ, сидѣла тамъ довольно долго и вернулась такая взволнованная, что руки ея дрожали, когда она разливала чай. Хотѣла сказать Карлу про мальчика, но онъ, принимая отъ нея стаканъ, сказалъ тихо, съ удареніемъ:

— Странныя у тебя желанія, помѣщать больныхъ у себя дома.

— Больницы онъ боялся, семьи у него нѣтъ, ночевалъ онъ на заводѣ, что же мнѣ было дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ, не дѣлать изъ нашего дома больницы для бродягъ.

— Но вѣдь... несчастье случилось съ нимъ на твоей фабрикѣ... значитъ...

— Онъ не даромъ работалъ, — отвѣтилъ Карлъ гнѣвно.

Анка посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вы это говорите серьезно? Значитъ, надо было оставить его на улицѣ или отдать въ больницу, чтобы умеръ отъ страха. Онъ потерялъ сознаніе, когда услыхалъ, что его хотятъ отправить въ больницу.

— Вы любите сентиментальности. Обыкновенная исторія. Это очень красиво, но совершенно не нужно.

— Это зависитъ отъ того, какъ относиться къ людскому горю.

— Смѣю васъ увѣрить, что я тоже его понимаю, но отъ меня нельзя требовать, чтобы я разнѣживался надъ каждымъ остолопомъ, надъ каждой хромой собакой, увядшимъ цвѣткомъ или растоптаннымъ мотылькомъ.

Глаза его засверкали рѣзкой, злой проніей.

— У него сломано три ребра, разбита голова и кровохарканіе, значитъ, нельзя отнести его къ категоріи увядшихъ цвѣтовъ или растоптанныхъ мотыльковъ. Онъ страдаетъ...

— А пусть себѣ околѣваетъ съ Богомъ, — бросилъ рѣзко, раздраженный ея приподнятымъ тономъ.

— У васъ нѣтъ жалости... — сказала она тихо съ упрекомъ.

— У меня есть жалость, но я не способенъ на филантропію. Жаль, что вы не распорядились перенести всѣхъ въ нашу квартиру.

— Не было въ этомъ нужды, но если бы она была, я не задумалась бы...

— Жаль, что этого не случилось, было бы чудное зрѣлище. Квартира, обращенная въ больницу, а вы— въ сестру милосердія.

— Оно было бы еще красивѣе, потому что вы навѣрное велѣли бы ихъ всѣхъ выкинуть на улицу,— отвѣтила гнѣвно и замолчала.

Ноздри ея раздувались, глаза метали искры; закусила губы, чтобы скрыть ихъ нервную дрожь.

Она не столько сердилась на него, сколько на эту неожиданную жестокость. Не могла повѣрить, чтобы у него была такая холодная, не чуткая къ людскому горю душа.

Ей было это больно; недовѣрчиво и боязливо смотрѣла она на него, но Карлъ избѣгалъ ея взгляда, разговаривалъ съ отцомъ и Морицемъ и, наконецъ, всталъ, чтобы уйти.

Когда онъ цѣловалъ ей руку на прощаніе, она шепнула ему:

— Вы на меня сердитесь?—и посмотрѣла съ мольбой въ его глаза.

— Спокойной ночи. Идемъ, Морицъ. Матвѣй ушелъ?

— Сейчасъ же вечеромъ послалъ его къ тебѣ,—отвѣтилъ панъ Адамъ, потому что Анка, обиженная, ушла на веранду.

— Можно тутъ бороться и побѣждать въ Лодзи, когда дома подставляетъ тебѣ ножку глупый сентиментализмъ, — сказалъ Карлъ, выйдя на улицу.

Морицъ шелъ молча, былъ не въ духѣ.

— Такова женская логика: сегодня разжалобить судьба издыхающей вороны, а завтра безъ колебанія пожертвуетъ своей семьей ради минутнаго увлеченія,— продолжалъ онъ дальше, въ сильномъ раздраженіи.

Морицъ опять не отвѣтилъ.

— Женщины любятъ благодѣтельствовать человѣчество за счетъ своихъ прямыхъ обязанностей.

— Мнѣ безразлично, какія онѣ, пусть только будутъ красивыми, если онѣ любовницы, и богатыми, если онѣ будутъ женами.

— Ты говоришь глупости.

— А ты... у тебя нѣтъ денегъ, вижу это по твоему настроенію.

Карлъ хмуро улыбнулся и ничего не возразилъ.

Въ квартирѣ было свѣтло, Матвѣй ждалъ съ кипящимъ самоваромъ.

По пріѣздѣ Анки Карлъ вернулся на прежнюю квартиру, хотя ему было неудобно, слишкомъ далеко.

— Вечеромъ былъ Горнъ, оставилъ вамъ записочку на письменномъ столѣ, — доложилъ Матвѣй.

Горнъ извѣщалъ, что послѣ обѣда арестованъ Гросманъ, зять Грюнспана, по подозрѣнію въ поджогѣ. Горнъ сообщалъ это, зная, что у Гросмана были дѣла съ Морицемъ.

— Морицъ, это извѣстіе для тебя,—сказалъ Карлъ, проходя къ нему въ комнату.

— Пустяки, можно спать спокойно. Кто его уличитъ? — сказалъ Морицъ, прочитавъ записку.

— А ты какъ думаешь?

— Я знаю, что онъ чистъ какъ коленкоръ изъ бѣлильни.

— Изъ апрстуры, хочешь ты сказать, — поправилъ Карлъ и вернулся къ себѣ.

Въ квартирѣ стало тихо.

Карлъ писалъ и высчитывалъ у себя, Морицъ занимался тѣмъ же въ своей комнатѣ.

Максъ, послѣ смерти матери не выходившій по вечерамъ въ городъ, возвращался послѣ ужина отъ отца прямо домой, ложился и читалъ библію или приводилъ своего кузена, студента теологіи, и велъ съ нимъ горячіе теологическіе споры цѣлыми часами.

Матвѣй разносилъ по комнатамъ чай и возвращался въ столовую, гдѣ дремалъ у печки въ ожиданіи приказаній.

— Чортъ побери! — выругался Карлъ, бросивъ перо, и началъ ходить по комнатѣ.

Уже нѣсколько дней угнетали его денежныя заботы, непріятности съ доставками заказовъ, точно нарочно не приходившими къ сроку. Рабочіе испортили ему машину и ввели въ большой убытокъ.

Къ довершенію всего подъ фундаментомъ склада показалась вода въ такомъ обиліи, что пришлось остановить работу. А сегодня этотъ несчастный случай и размолвка съ Анкой совсѣмъ его разстроили, особенно послѣднее, потому что чувствовалъ себя передъ ней виноватымъ и все больше досадовалъ на нее.

Она мѣшала ему.

— Морицъ! — позвалъ онъ черезъ комнату.—Продай оставшійся хлопокъ, я больше не выдержу, а у ростовщиковъ брать не хочу.

— Большіе у тебя платежи?

— Чортъ возьми, вѣдь я тебѣ показывалъ сегодня счета.

— Я ихъ видѣлъ и думалъ, у тебя будетъ чѣмъ уплатить.

— Почти ничего уже нѣтъ, а кромѣ того во всемъ не везетъ... Заговоръ противъ насъ что ли? Куда ни кинусь за кредитомъ—отказъ. Даже Корчмарекъ спрашиваетъ вексель съ трехмѣсячнымъ срокомъ. Это не безъ причины. Кто это намъ вредитъ? Что это интриги конкурентовъ, хорошо это вижу... Потратить сорокъ тысячъ наличными и не быть въ состояніи докончить постройки, не найти еще столько же кредита здѣсь, въ Лодзи, гдѣ строитъ огромную фабрику какой-нибудь Шмерлингъ, негодяй и банкротъ, не имѣя ни гроша! гдѣ любой жидъ дѣлаетъ большія дѣла въ кредитъ, я долженъ обращаться къ частнымъ займамъ!

— Возьми компаніона съ наличными или съ большимъ кредитомъ. Ты найдешь легко.

— Спасибо за совѣтъ! Самъ началъ, самъ кончу или провалюсь. Взять компаніона съ деньгами, это значитъ итти въ батраки, въ зависимость для того, чтобы, намучившись, создать еще одну фабрику дешевки. Я хочу имѣть фабрику, хочу имѣть деньги, но дешевки производить не стану.

— Ты плохо разсчитываешь, дешевка даетъ самую большую прибыль.

— А ты разсчитываешь, какъ лавочникъ, какъ Цукеръ, Грюнспанъ и всѣ ваши фабриканты. Хочешь заработать рубль на рубль сейчасъ же, сегодня, не считаясь съ тѣмъ, что покупатель позволитъ себя на-

дуть только разъ, а въ слѣдующій обратится къ другому, а тебѣ придется ждать новаго дурака.

— Ихъ всегда будетъ довольно.

— Въ торговлѣ ихъ будетъ все меньше, потому что съ ростомъ общаго благосостоянія поднимаются потребности. Деревенскій мужикъ купитъ своей бабѣ платокъ у Цукера, но тотъ же мужикъ, перебравшись въ городъ, купитъ уже у Грюнспана, а его дѣти, хотя бы и простыя поденщицы, перейдутъ къ Мейеру. Покупатель начинаетъ уже понимать, что дешевизна товара въ его качествѣ, а не въ низкой цѣнѣ. Бухгольцъ, Мейеръ и Кесслеръ хорошо это понимаютъ и наживаются на солидномъ производствѣ.

— Наживаются, правда, но еще быстрѣе наживаются Шая, Грюнспанъ и сотни другихъ, и еще остается довольно мѣста и времени для новыхъ двухсотъ, чтобы составить себѣ состояніе.

— Ну, сомнѣваюсь, чтобы хватило времени нажиться этимъ новымъ сотнямъ.

— Ага, вотъ почему ты хочешь «облагородить» лодзинское производство.

— Долженъ же я считаться со спросомъ рынка, съ будущимъ... Хорошіе, высокіе сорта должны пойти лучше, поэтому я буду ихъ производить.

— Хорошо тебя понимаю, но не вѣрю этому завтра, мнѣ хотѣлось бы дѣлать дѣла сегодня. То, что ты говорилъ о ростѣ потребностей у покупателя, можетъ быть и вѣрно, объ этомъ можно бы поговорить и написать прекрасный экономическій трактатъ, но трудно на этомъ базировать фабрику, изъ этого не получишь милліоновъ.

Надолго замолчали и задумались.

— Сколько тебѣ надо?

— Мнѣ нужно къ субботѣ десять тысячъ.

— Гм... ты забылъ о Мюллерѣ! Вѣдь онъ самъ предлагалъ тебѣ заемъ...

— Помню, знаю, что довольно одного слова, чтобы его касса широко открылась для меня... но... не могу сказать этого слова... нѣтъ, не могу...

— Если бы дѣло шло о фабрикѣ, о всемъ будущемъ... я бы не задумывался... я всѣмъ бы пожертвовалъ... и сказалъ бы это слово, — сказалъ Морицъ многозначительно.

— Не могу... если бы даже хотѣлъ, не могу...

— А если будешь вынужденъ?

— Сейчасъ еще нѣтъ этой нужды. Не будемъ говорить объ этомъ!

Вздрогнулъ.

— У тебя, Карлъ, есть предразсудки, это лишнее въ дѣлахъ. Ты уже о многомъ правильно думаешь, но боишься проводить свои мысли въ жизнь. Это можетъ тебѣ дорого обойтись, потому что для предразсудковъ нужны большія деньги...

— Ты, кажется, думаешь, что предразсудки — это платье, которое можно перемѣнить во всякое время? Они вошли въ кровь, потому такъ тяжело съ ними бороться, тяжело еще и потому, что я не вполнѣ убѣжденъ въ безполезности этихъ предразсудковъ, а иногда думаю даже... впрочемъ, дѣло не въ этомъ.

— Это плохо. Съ этими глупостями можно быть лучшимъ колористомъ въ мірѣ, но трудно быть даже среднимъ фабрикантомъ въ Лодзи. Можетъ быть ко-

леблешься и охотно вернешься къ Киоллю? Онъ тебя приметъ, — смѣялся Морицъ, пощипывая нервно свою бороду.

— Отстань. Нельзя вернуться къ дѣтству.

— Но можно никогда изъ него не выходить.

Карлъ ничего не отвѣтилъ, но пристально посмотрѣлъ на него.

— Я могу тебѣ дать денегъ.

— Въ долгъ?

— Нѣтъ, увеличу свой пай. Не стоитъ давать въ долгъ. Да и тебѣ выгоднѣе, не будетъ тебя стѣснять срокъ уплаты, а кромѣ того могу соотвѣтственно вкладу взять на себя больше обязанностей, зачѣмъ тебѣ переутомляться! — говорилъ онъ медленно, почти небрежно, внимательно разсматривая ногти.

— Я могу выдать тебѣ векселъ съ шестимѣсячнымъ срокомъ.

— Нѣтъ, одолжить не стоитъ, я предпочитаю пустить деньги въ оборотъ, чтобы онѣ въ теченіе этого времени нѣсколько разъ обернулись. Согласенъ?

— Хорошо, подробнѣе поговоримъ завтра. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — сказалъ Морицъ, не поднимая глазъ отъ своихъ ногтей, чтобы не выдать своей радости.

Когда Карлъ ушелъ, онъ заперъ дверь на ключъ, задернулъ окно, открылъ въ стѣнѣ маленькую несгораемую кассу, досталъ оттуда клеенчатый конвертъ, наполненный счетами и замѣтками, и большую пачку ассигнацій, завернутую въ бумагу.

Пересчиталъ деньги и сейчасъ же ихъ спряталъ.

— Крупное дѣло! А вдругъ не удастся?—онъ нервно, брезгливо сморщился и посмотрѣлъ на дверь.

Ему послышался звукъ шаговъ и звонъ оружія. Улыбнулся своей фантазіи и сталъ усердно штудировать балансъ фабрики Боровецкаго. Весь активъ и пассивъ его дѣлъ былъ у него собранъ въ счетахъ и замѣткахъ, переписанныхъ для него служащимъ строительной конторы.

А Карлъ, согласившійся, повидимому, на увеличеніе его пая въ дѣлѣ, далъ себѣ торжественное обѣщаніе выпутаться и найти способъ совершенно выключить Морица изъ компаніи. Слишкомъ хорошо зналъ Морица, чтобы ему довѣрять. Кромѣ того безкорыстіе, странное у человѣка, для котораго рубль былъ единственнымъ Богомъ, и навязчивость Морица съ нѣкотораго времени останавливала его и дѣлала еще осторожнѣе.

Онъ не боялся Макса, зналъ его честность. Зналъ, что для счастья ему нужно только работать и чувствовать себя самостоятельнымъ. Максъ жаждалъ работать у себя, но ему было пока безразлично, дастъ ли ему его пай въ десять тысячъ столько же прибыли, или ему придется жить только на жалованье, за веденіе прядильни и ткацкой.

Но Морица онъ боялся. Въ борьбѣ съ нимъ подъ девизомъ: «кто скорѣй кого обманетъ» долженъ былъ дѣйствовать со всей осторожностью. Напоминаніе о Моллерѣ разстроило Боровецкаго. Анка жила уже въ Лодзи, въ городѣ было извѣстно объ ихъ помолвкѣ, долженъ былъ на ней жениться... Часто вспоминалъ

это, потому что фабрика строилась вполовину на ея деньги.

Но въ глубинѣ души не вѣрилъ, что на ней женится, и поэтому не порывалъ съ Мадой, не пренебрегалъ короткими, какъ бы случайными визитами къ сосѣдямъ и говорилъ дѣвушкѣ многозначительныя любезности.

Совершенно сознательно велъ эту двойную игру, не зная еще, чѣмъ она кончится, къ чему приведетъ, и прежде всего стремился достроить фабрику.

Предразсудки, о которыхъ онъ говорилъ Морицу, борьба, которую якобы съ ними велъ, были только пережитки, осколки давно разрушенной этики, не больше, потому что эти предразсудки, ихъ сущность, совершенно не руководили его волей и поступками, не вліяли на его рѣшенія.

Не предразсудки мѣшали ему обнаружить свои стремленія и открыто поступать согласно своимъ тайнымъ мыслямъ, а извѣстная щепетильность по отношенію къ отцу, тотъ слой общественнаго savoir vivre, воспрещавшій ему дѣлать зло въ рѣзкихъ, яркихъ формахъ.

Былъ для этого слишкомъ хорошо воспитанъ, не могъ поступать, какъ негодяй, былъ органически неспособенъ къ поступкамъ, которые Морицъ совершилъ бы хладнокровно и спокойно.

Не могъ бы поджечь свою фабрику, высоко застрахованную, подорвать чье-либо довѣріе, эксплуатировать рабочихъ. Это было для него слишкомъ грубо, вызывало въ немъ отвращеніе и презрѣніе культурнаго человѣка.

Существуетъ столько способовъ наживы...

Зло имѣло для него цѣнность постольку, поскольку было необходимо и выгодно, добродѣтель любилъ, потому что она была красивѣе, преклонялся передъ ней, если она была еще прибыльнѣе. Думалъ именно объ этомъ, улыбаясь немного цинично, и, задумавшись надъ собой, чувствовалъ въ душѣ горечь и грусть.

— И въ заключеніе — смерть! — сказалъ онъ и принялся за чтеніе писемъ.

Прочиталъ только письмо Люси, въ которомъ она его умоляла увидѣться съ ней непремѣнно завтра. Остальныя оставилъ и пошелъ въ комнату Макса, съ которымъ почти не говорилъ послѣ смерти матери.

— Какъ твой отецъ? Я не могъ еще его провѣдать, Травинскій выкупилъ векселя?

— Выкупилъ, но все равно это не поможетъ.

— Почему?

— Старикъ уже ни къ чему. Изъ пятисотъ станковъ работаютъ всего двадцать! Три мѣсяца, самое большое полгода, и фабрика погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, только все идетъ быстрѣе къ концу. Зятья его догрызутъ, предъявили официально искъ о наслѣдствѣ послѣ матери.

— Весьма естественное требованіе.

— Отцу это безразлично, позволилъ имъ дѣлать все, что угодно, продать участки, только оставить ему одну фабрику. Цѣлыми днями сидитъ съ Юзефомъ въ конторѣ, ходитъ на кладбище, а ночью гуляетъ по фабрикѣ. Начало меланхоліи. Ну, оставимъ это. Я хотѣлъ тебѣ сказать: обрати вниманіе на Морица.

— Почему? Тебѣ что-нибудь извѣстно? — спросилъ Карлъ быстро.

— Я еще ничего не знаю, но вижу уже по его физіономіи, что готовитъ какую-то пакость. Слишкомъ много шляется къ нему всякихъ банкротовъ.

XI.

— Что это ты такъ тянешь? — спросилъ Карлъ за утреннимъ чаемъ.

— Дѣла, крупныя дѣла, — отвѣтилъ Морицъ, поднимая глаза отъ стакана, который держалъ обѣими руками. Не пилъ чая, глубоко задумавшись.

— Значитъ, деньги?

— Большія деньги. Иду совершить двѣ операціи, если онѣ мнѣ удадутся, то я стану на ноги. Но деньги ты получишь еще до вечера. А какъ сдѣлать съ хлопкомъ?

— Не продавай пока, у меня есть одна идея.

— Что это Максъ посмотрѣлъ на меня какъ разбойникъ, не поздоровался и ушелъ?

— Не знаю, вчера упоминалъ мнѣ, что видитъ на твоемъ лицѣ какую-то новую подлость, что ты что-то замышляешь...

— Дуракъ онъ. Какую это подлость могу я носить на лицѣ, у меня самое обыкновенное лицо порядочнаго человѣка, вѣдь правда, Карлъ?

Тщательно оглядѣлъ себя въ зеркалѣ, стараясь придать своимъ рѣзкимъ, хищнымъ чертамъ выраженіе добродушія.

— Нечего удивляться, онъ удрученъ дѣлами отца.

— Я ему давалъ хорошій совѣтъ: взять старика подъ опеку, лишить его самостоятельности, а самому завести на фабрикѣ другіе порядки. Не согласился, хотя дочери и зятья соглашались. Только такимъ путемъ могли бы еще что-нибудь спасти.

— Максъ говоритъ, что состояніе принадлежитъ отцу и что онъ имѣетъ право даже уничтожить его, если захочетъ.

— Онъ слишкомъ уменъ, чтобы серьезно такъ думать, тутъ что-нибудь другое.

— Можетъ быть и нѣтъ. Какъ-никакъ, а не особенно пріятно объявлять родного отца сумасшедшимъ.

— Я и не говорю, что это пріятно. Отецъ... это великая вещь, но фабрика, дѣла тоже стоятъ жертвы... Ты бы какъ поступилъ?

— Мнѣ объ этомъ думать не приходится, у отца почти ничего нѣтъ.

Морицъ весело разсмѣялся и замолчалъ.

Одѣвался, потомъ раздѣвался, бранилъ Матвѣя, мѣнялъ костюмы и примѣрялъ груды галстуковъ.

— Одѣваешься такъ, точно собираешься дѣлать предложеніе.

— Можетъ быть... можетъ быть, — отвѣтилъ, блѣдно улыбаясь.

Наконецъ онъ одѣлся и вышелъ вмѣстѣ съ Карломъ, но былъ до того разсѣянъ, что два раза возвращался за позабытыми вещами. Когда надѣвалъ пенснэ, руки его дрожали, а все усиливающаяся жара раздражала его еще больше. Вздрагивалъ и нѣсколько разъ ронялъ тросточку.

— Ты чего-то боишься?

— Я разстроенъ, должно быть, переутомился, — отвѣтилъ онъ тихо.

Вошли вмѣстѣ въ цвѣточный магазинъ, гдѣ Карлъ заказалъ громадную связку розъ и гвоздики для Анки. Хотѣлъ цвѣтами загладить вчерашнюю грубость.

Морицъ пошелъ въ свою контору на Петроковскую, но не могъ ничего дѣлать; заглянулъ въ складъ хлопка, отдалъ распоряженія Рубинроту, выкурилъ нѣсколько папиросъ, не переставая думать о Гросглюкѣ и томъ дѣлѣ, по которому къ нему шелъ.

Иногда онъ лихорадочно вздрагивалъ, щупалъ конвертъ съ деньгами и, успокоившись, принималъ на мгновеніе обычный видъ. Чувствовалъ себя опять смѣлымъ и энергичнымъ, въ немъ росло желаніе сейчасъ же покончить это дѣло.

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ смѣло двинулся къ Гросглюку, но около конторы повернулъ обратно, гулялъ около часу по Петроковской и, повинуясь своимъ мыслямъ, купилъ букетъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ цвѣтовъ, перевязанныхъ дорогой лентой, написалъ на карточкѣ адресъ Мели Грюнспанъ и отослалъ ихъ, разсчитывая оставить карточку вмѣстѣ съ цвѣтами.

Записалъ этотъ расходъ подъ рубрикой «непредвидѣнныхъ-личныхъ», но потомъ зачеркнулъ послѣднее слово, написалъ «для фирмы» и, хотя было еще рано, пошелъ въ колонію обѣдать.

— Надо еще все обдумать, — оправдывался онъ передъ собой.

Въ столовой убирали работу и накрывали на столъ,

въ сосѣдней комнатѣ стучали машины и слышались голоса.

Нахлѣбники собирались медленно.

Раньше всѣхъ пришелъ Малиновскій и тихо сѣлъ у стѣны, такой грустный и подавленный, что пани Стефанія къ нему подсѣла.

— Что съ вами?

— Я боленъ... боленъ!..

Провелъ рукой по лбу и взглянулъ на нее такими жалкими глазами, что, не зная, что ему сказать, она отошла.

Малиновскій молчалъ, но когда всѣ собрались и Горнъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, онъ сказалъ ему тихо:

— Я знаю, гдѣ она.

— Кто?

— Зоська въ Стокахъ, во дворцѣ Кесслера.

— Ты все еще о ней думаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ... но мнѣ хотѣлось знать, гдѣ она. Замолчалъ.

— Знаете, господа, что Гросманъ, зять Грюнспана, арестованъ? — спросилъ Горнъ.

— Какъ же, знаемъ. Ничего, отдохнетъ пташка, остынетъ отъ огня.

— Гросманъ — это шуринъ прекрасной панны Мели? — спросила пани Стефанія.

— Да. Недавно случилось съ нимъ несчастіе, сгорѣла его фабрика. Бѣдный, могъ бы утѣшиться страховой преміей, а его цапъ за шиворотъ да въ участокъ.

— Это ошибка. Гросманъ еще сегодня будетъ на свободѣ, — сказалъ Морицъ.

— Они всегда невинны, всегда ошибаются, несчастные эти жиды, — смѣялся панъ Серпинскій. Сталъ бранить и доказывать Морицу, что его раса самая подлая въ мірѣ.

— Болтайте на здоровье, это способствуетъ пищеваренію! Но почему вы не скажете этого вашему принципалу, Баруху? Вы думаете, что онъ шляхтичъ?—отвѣчалъ Морицъ снисходительно, разсмѣшенный остервенѣніемъ Серпинскаго, съ которымъ сейчасъ же всѣ стали горячо спорить.

— Панъ Горнъ, садитесь съ нами, — звала Кама, подвигаясь.

— Хочу васъ о чемъ-то спросить, — добавила, когда онъ сѣлъ рядомъ.

— Слушаю внимательно.

— Есть у васъ метресса? — спросила она громко.

Всѣ сразу замолчали въ изумленіи, а потомъ раздался громкій взрывъ хохота.

— Что ты болтаешь?—крикнула тетка покраснѣвъ.

— Что же тутъ такого? Вѣдь въ каждомъ французскомъ романѣ у молодыхъ людей бываютъ подруги, — объясняла Кама не смутившись.

— Ты какъ попугай повторяешь слова, не понимая ихъ значенія по-польски.

— Господи, не понимаю, за что тетя на меня сердится!

Пожала плечами и ушла въ гостиную. Но когда къ ней пришелъ Горнъ, она порывисто крикнула:

— Я попугай и совсѣмъ съ вами не разговариваю.

— Это сказала Камѣ тетя, а не я. Я хочу узнать,

почему Кама со мной не поздоровалась? За что Кама меня тиранитъ? Почему на меня дуется? А?

— Кама не дуется, Кама не тиранитъ, но пусть Горнъ уходитъ къ шансонетнымъ пѣвицамъ на попойку... я все знаю, все...

— Что же Кама знаетъ? — спросилъ серьезно, подавляя смѣхъ.

— Все, все... что вы гадкій, злой, противный, шалопай... Панъ Фишбинъ сказалъ, почему васъ не было у насъ въ воскресенье... Вы были въ Аркадіи!.. Напились, пѣли... и... цѣловали эту... Я васъ ненавижу, вы мнѣ противны...

— А я люблю Каму еще больше.

Хотѣлъ взять ее за руки, но она вырвалась и убѣжала за столъ.

— Вотъ какъ! Когда вы были несчастны, то приходили къ намъ, чтобы мы васъ развлекали, прикладывали вамъ компрессы къ головѣ, чтобы плакали надъ вами.

— Когда это я былъ такой несчастный? — спросилъ Горнъ.

— Когда? пока не получили у Шаи мѣста.

— Никогда я не былъ несчастнымъ, а тогда именно чувствовалъ себя превосходно, потому что былъ свободенъ.

— Какъ это? Вы не были несчастны? — крикнула Кама, подбѣгая къ нему.

— Никогда.

— И теперь не несчастны? — спрашивала она горячо, со слезами страданія и негодованія въ голосѣ.

— Мнѣ и не снилось. Кама, что съ тобой?

— Вы не были несчастны!.. А я за васъ молилась, отслужила за васъ обѣдню, не купила новой шляпы, потому что не смѣла наряжаться. Я плакала, постоянно о васъ думала, не спала, была такъ несчастна, а вы не были несчастнымъ! О, Боже... Боже мой, какая я несчастная! — шептала она прерывистымъ, горячимъ, полнымъ глубокаго страданія голосомъ, и крупныя слезы покатились по ея лицу...

— Кама моя! дѣвочка дорогая, Кама! Чудная моя дѣвочка! — шепталъ Горнъ, растроганный и восхищенный, цѣлуя ея руки.

Кама вырвалась, закрыла лицо руками и сквозь рыданія говорила:

— Я васъ больше не люблю! Если бы вы были несчастны... то... то я пошла бы за васъ въ огонь и въ воду, умерла бы за васъ... но... но вы отвратительный... злой человѣкъ. Вы не несчастный, вы меня обманывали.

Плакала навзрыдъ. Горнъ не зналъ, что дѣлать, пробовалъ оправдываться, но Кама не хотѣла слушать. А ему, несмотря на умиленіе, было смѣшно ея ребячество.

Онъ сѣлъ рядомъ. Она рѣзко отодвинулась, схватила съ дивана собачонку и, заслоняясь ею, говорила:

— Кусай его, Пиколо, кусай! Это злой человѣкъ обманулъ Каму, я его больше не люблю.

Горнъ улыбнулся и направился къ выходу. Фабрики уже подавали послѣобѣденные сигналы.

— Вы даже со мной не прощаетесь? Вы даже не извиняетесь? — спросила она быстро, вытирая слезы.— Хорошо. Съ сегодняшняго дня мы больше не знакомы.

Хорошо. Съ сегодняшняго дня буду гулять съ Малиновскимъ, съ Кречковскимъ или съ Блюменфельдомъ, съ кѣмъ мнѣ понравится. Да, да, я это непремѣнно сдѣлаю, чтобы вы не думали, что я такъ дорожу вашимъ обществомъ.

— Мнѣ тоже все равно, мнѣ будетъ веселѣе въ Аркадіи, чѣмъ съ Камой.

— Мнѣ безразлично. Цѣлуйтесь, наслаждайтесь, какъ Бумъ-Бумъ!

— Значитъ прощаюсь съ Камой навсегда,—сказалъ онъ съ пафосомъ и вышелъ.

Кама строго смотрѣла ему вслѣдъ, съ каменнымъ равнодушіемъ слушала, какъ захлопнулась дверь, но когда услыхала на лѣстницѣ его удаляющіеся шаги, ей стало такъ жалко, что онъ можетъ никогда не вернуться.

Посмотрѣла въ окно, видѣла, какъ онъ переходилъ на другую строну улицы и исчезъ въ переулкѣ. Тогда она бросилась на диванъ и прижала Пиколо къ груди.

— Пиколо, мой единственный, какъ я несчастна! — вырвалось у нея.

Но не могла плакать, посмотрѣла въ зеркало, поправила растрепавшіеся волосы и пошла степенной походкой къ теткѣ. Взявъ ее за руку, она съ таинственнымъ видомъ провела ее въ гостиную и, бросаясь ей на шею, заявила трагически:

— Все кончено! Никогда больше не увижусь съ Горномъ... Тетя, какая я несчастная!

Но замѣтивъ, что тетка и не выказываетъ большого

интереса, она подалась назадъ и спросила съ горькимъ упрекомъ:

— Тетя даже не плачетъ?

— Это еще что за новости?

— Панна Кама, получу я сегодня на прощанье поцѣлуй? — говорилъ Морицъ въ дверяхъ передней.

— Пиколо васъ поцѣлуетъ! — отвѣтила она, бросаясь къ нему съ собакой. Но Морицъ уже вышелъ.

На улицѣ онъ опять сталъ оттягивать визитъ къ Гросглюку; сталъ вспоминать, нѣтъ ли у него еще другихъ болѣе спѣшныхъ дѣлъ, не надо ли ему повидаться съ Кесслеромъ и зайти еще домой... Наконецъ, пересиливъ себя, онъ вошелъ въ контору банкира.

— Шефъ у себя? — спросилъ онъ, здороваясь со Стахомъ Вильчкомъ.

— Да. Уже нѣсколько дней все за вами посылаетъ.

— Кончили съ Грюнспаномъ?

— Только начали... Всего на пятнадцатой тысячѣ...

— И еще не конецъ? — спросилъ удивленно.

— Еще не дошли даже до половины.

— Не прогадайте, Вильчекъ! Я вамъ желаю добра.

— Но вѣдь вы сами совѣтовали мнѣ держаться крѣпко.

— Совѣтовалъ? Я совѣтовалъ? Возможно. Но все имѣетъ свой maximum, — отвѣтилъ онъ недовольно, потому что совѣтовалъ ему прижимать Грюнспана, пока не имѣлъ опредѣленныхъ намѣреній относительно Мели, но теперь это его искренно сердило.

— Приходите въ контору Боровецкаго подписать контракъ по доставкѣ угля.

— Спасибо вамъ большое, большое, — говорилъ обрадованный Вильчекъ, пожимая ему руку.

— Мнѣ еще надо съ вами поговорить.

— Скажите откровенно, сколько я вамъ за это долженъ?

— Объ этомъ потомъ. У меня на васъ другіе виды. Черезъ полчаса я выйду, проводите меня, тогда поговоримъ.

Морицъ медленно снялъ пальто, потеръ руки, посмотрѣлъ на темную улицу. Въ окна стучалъ дождь.

«Будь, что будетъ. Хорошо будетъ», думалъ онъ, входя въ кабинетъ банкира, который, увидя его, вскочилъ съ мѣста.

— Какъ ваше здоровье? Какъ поживаете, дорогой мой? — говорилъ онъ, цѣлуя Морица.

— Я такъ за васъ безпокоился. Это очень не хорошо оставлять своихъ друзей въ такой неизвѣстности. Мы всѣ за васъ безпокоились! Даже Боровецкій о васъ спрашивалъ.

Морицъ невольно улыбнулся такой заботливости.

— Ну какъ шерсть? А я очень по васъ соскучился.

— Спасибо. Вы очень добры.

— Я всегда такой! Я пожертвовалъ вчера двадцать пять рублей на лѣтнюю колонію. Посмотрите, вотъ напечатано, — подвинулъ онъ газету.

— Какъ же наша шерсть? — спросилъ онъ уже нетерпѣливо.

— А вы знаете, какъ поднялась цѣна на землю и на кирпичъ?

— Знаю, мы этимъ немного занимаемся. Въ Лодзи

будетъ большое движеніе. А вы ничего не слышали въ городѣ про Гросмана? — спросилъ онъ тише.

— Полиція, да...

Онъ усмѣхнулся.

— Ша... ша...—шепнулъ банкиръ, оглядываясь кругомъ. Посмотрѣлъ въ контору, не подслушиваетъ ли кто, и сказалъ ему на ухо:

— Его вчера чуть не арестовали.

— Я зналъ уже вчера вечеромъ, сейчасъ же по пріѣздѣ, что его дѣйствительно арестовали.

— Лодзь—страшная сплетница! Сейчасъ же всѣмъ интересуется.

— На Гросмана донесли, но ему ничего не могутъ сдѣлать, онъ чистъ, какъ я.

Моритъ опять двусмысленно улыбнулся.

— И зачѣмъ это полиція вмѣшивается въ частныя дѣла?

— А вы очень заинтересованы въ этомъ дѣлѣ?

— На тридцать тысячъ? Онъ бы понемногу выкарабкался! Но что подѣлать, несчастья случаются и съ фабриками, и съ людьми, и съ товарами, а страховка дорога, и приходится только выкладывать деньги! Кому не везетъ, тому и огонь не поможетъ...

— Ничего съ нимъ не будетъ, Гросманъ—честный человѣкъ.

— Я говорю то же самое, я бы даже поручился за него, но что подѣлать, въ Лодзи столько негодяевъ, готовыхъ присягнуть, что видѣли, какъ онъ... чего только они не скажутъ! Какъ же съ нашей шерстью?

— Я купилъ и сейчасъ же продалъ за наличныя.

— Отлично, мнѣ сегодня именно и нужны деньги.

— Кому онѣ не нужны! — отвѣтилъ Морицъ меланхолично.

— У васъ онѣ будутъ, у васъ есть голова. Деньги съ вами?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Морицъ медленно и спокойно, хотя сердце забилось сильнѣе.

— Пришлите мнѣ обязательно къ четыремъ часамъ, у меня платежи по векселямъ. Много мы заработали? — спросилъ банкиръ, предлагая сигары.

— Я заработаю порядочно, но вы...

— Какъ, вѣдь мы въ компаніи, капиталъ мой... — сказалъ быстро Гросглюкъ.

— Капиталъ мой, потому что онъ у меня, — отвѣтилъ Морицъ, закуривая сигару.

Банкиръ или не разслышалъ, или не могъ повѣрить и понять его словъ, потому что, взявъ у него спичку, закурилъ свою сигару и сказалъ:

— Мы условились на десять процентовъ, за вычетомъ расходовъ.

— Заплачу вамъ десять процентовъ въ годъ, но капитала вамъ не верну, — отвѣтилъ Морицъ медленно.

— Что? Что вы говорите? У васъ голова не въ порядкѣ! — крикнулъ банкиръ.

— Я говорю вамъ откровенно, что я помѣстилъ деньги въ свое предпріятіе.

— Мои деньги!

— Ваши деньги. Я занялъ ихъ у васъ на долгій срокъ...

Банкиръ отшатнулся и стоялъ мгновеніе неподвижно, не вѣря своимъ ушамъ.

— Панъ Морицъ Вельтъ, прошу васъ сію же минуту вернуть мнѣ мои тридцать тысячъ марокъ!

— Панъ Гросглюкъ, я вамъ денегъ не отдамъ, я взялъ ихъ себѣ, онѣ мнѣ нужны для большого предпріятія. Буду вамъ выплачивать десять процентовъ въ годъ, верну ихъ вамъ, когда наживу состояніе,—отвѣтилъ Морицъ спокойно и уже совершенно хладнокровно.

— Вы съ ума сошли! Вы больны, вы устали съ дороги и отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, отдохните немного.

— Антонъ! принеси стаканъ воды! содовой воды! Нѣтъ, подай бутылку шампанскаго, — лихорадочно мѣнялъ онъ приказанія, подбѣгая всякій разъ къ слугѣ, стоявшему у порога.

— Это отъ этой жары такіе приливы крови къ головѣ. Я знаю, со мной на-дняхъ тоже чуть не было удара... Дорогой мой панъ Морицъ, вы, правда, такой блѣдный, у васъ вѣрно сердце болитъ, не позвать ли доктора?

Морицъ насмѣшливо улыбнулся надъ его перепуганной миной.

— Отдохните немного. Сейчасъ вытру вамъ голову одеколономъ.

Онъ намочилъ платокъ и хотѣлъ приложить его къ вискамъ Морица.

— Оставьте меня въ покоѣ, я совершенно здоровъ и въ полной памяти.

— Это меня очень радуетъ. Ай, ай, какъ вы меня испугали, это отразится на моемъ здоровьѣ. Но вы остроумны, ха, ха, ха! выкинуть со мною такую штуку! А я повѣрилъ, признаюсь откровенно, вѣрилъ, ха,

ха, ха! Это мнѣ нравится. Ну, отдавайте деньги, ихъ ждутъ въ кассѣ. Очень остроумно, очень...

— У меня нѣтъ денегъ. Я вѣдь вамъ сказалъ, что я ихъ взялъ у васъ въ долгъ.

— Что же это такое? Это грабежъ, разбой среди бѣла дня! — кричалъ банкиръ, бросаясь къ нему. Но Морицъ сжалъ сильнѣе палку и холодно взглянулъ на него.

— Панъ Блюменфельдъ, прошу соединить телефонъ съ полиціей!—крикнулъ онъ въ контору.—Я съ вами иначе поговорю! Ты, мошенникъ. Сгною тебя въ тюрьмѣ, сошлю въ Сибирь, закую въ кандалы!

— Тише, а то васъ самихъ посадятъ въ тюрьму за клевету, а полиціи я не боюсь. Гдѣ доказательства того, что деньги, высланныя вами въ Лейпцигъ, не мои, а ваши? — спросилъ Морицъ хладнокровно.

Банкиръ пришелъ въ себя, сѣлъ и такъ долго смотрѣлъ на Морица съ чувствомъ безсильнаго бѣшенства и досады, что даже слезы навернулись у него на глазахъ.

— Поди, Антонъ, ничего не надо. Онъ придетъ въ себя въ тюрьмѣ, — прибавилъ онъ тише, надтреснутымъ голосомъ.

— Не говорите глупыхъ словъ понапрасну, мнѣ это перестаетъ нравиться. Будемъ говорить по-человѣчески.

— А я вамъ такъ вѣрилъ, смотрѣлъ на васъ, какъ на сына, нѣтъ, какъ на сына и дочь сразу, а вы сдѣлали такую подлость, что Богъ можетъ васъ за это наказать. Этого не дѣлаютъ съ другомъ, довѣрившимъ цѣлыхъ тридцать тысячъ...

— Оставьте это въ покоѣ. Я занялъ у васъ тридцать тысячъ марокъ на неопредѣленный срокъ, потому что начинаю большое предпріятіе. Представлю вамъ обязательство, даже выплачу вамъ когда-нибудь, но теперь деньги пущены уже въ оборотъ.

— Въ Берлинѣ, я знаю гдѣ... въ Amor Saale... знаю, — говорилъ тотъ подавленный.

— Поговоримъ, наконецъ, дружески, — сказалъ Морицъ въ нетерпѣніи.

— Вы воръ, а не другъ! Отдайте деньги! — крикнулъ онъ въ новомъ припадкѣ гнѣва и бросился къ револьверу, лежавшему въ полуоткрытомъ ящикѣ стола, но захлопнулъ ящикъ, заперъ на ключъ, спряталъ ключъ въ карманъ и сталъ метаться по комнатѣ. Ругался, проклиналъ, подскакивалъ къ Морицу съ кулаками, но тотъ сидѣлъ съ палкой въ рукахъ, насмѣшливо улыбался, а когда банкиръ нѣсколько успокоился, сталъ ему повѣрять свои планы:

— Мнѣ тридцать лѣтъ... мнѣ пора начинать... У меня есть отличный планъ, но нѣтъ денегъ. Что хотите! Существовать на жалованье агента можно, но на него капитала не наживешь. Наживаешь одни долги. Если бы ликвидировать свои дѣла, у меня оказалось бы нѣсколько тысячъ долгу. Теперь я устроюсь. Вы дали мнѣ денегъ, и я долженъ вамъ сказать, зачѣмъ онѣ были мнѣ нужны. Боровецкому уже нѣтъ выхода: наличныхъ у него нѣтъ, держится сейчасъ уже ростовщиками. Я дамъ ему денегъ... при случаѣ сдѣлаюсь главнымъ пайщикомъ, а дальше устрою такъ, что онъ будетъ только директоромъ фабрики... Это хорошій планъ. Онъ вложилъ своихъ сорокъ тысячъ—можно

повести дѣло такъ, что въ годъ-два у него ихъ не будетъ. Я все обдумалъ и ручаюсь вамъ, что все исполнится! — говорилъ Морицъ спокойно, подтверждая свои выводы рядомъ цифръ, разныхъ продѣлокъ, подлостей и обмановъ, которыми надѣялся добить Боровецкаго.

Говорилъ долго, подробно и откровенно.

Банкиръ успокаивался, поглаживая бакенбарды, потягивалъ носомъ, точно чуя падаль, которой бы и онъ могъ поживиться.

Глаза его заблестѣли, на лицѣ появилась улыбка, его сталъ увлекать этотъ планъ, забылъ даже, что эта компанія будетъ вестись на его деньги, поддакивалъ отъ души, иногда вставлялъ свое слово, свой побочный планъ, который Морицъ сейчасъ же хваталъ на лету, дополнялъ, воплощалъ въ своемъ проектѣ. Повѣрялъ свои планы дальше, все понижая голосъ. Гросглюкъ выпилъ воды, открылъ форточку и крикнулъ рабочимъ, вывозившимъ изъ складовъ платформы, нагруженныя мѣшками шерсти.

— Подождать на дворѣ!

— Дождь идетъ, шерсть промокнетъ.

— Говорятъ тебѣ подождать!

Хлопнулъ форточкой, посмотрѣлъ на хмурое небо и сталъ что-то быстро писать.

Морицъ молча смотрѣлъ на ряды возовъ, мокнувшихъ подъ частымъ дождемъ, и, наконецъ, сказалъ спокойно:

— Вѣса въ шерсти много не прибавится, потому что мѣшки новые.

— Вы слишкомъ... понятливый! — отвѣтилъ банкиръ и велѣлъ покрыть шерсть брезентами.

— Я хорошо зналъ вашего отца, — сказалъ онъ, предлагая Морицу сигару. — Умный былъ человѣкъ, но глупо обанкротился. Не везло ему.

— Что же вы скажете относительно моего плана?

— А ваша мать приходилась мнѣ кузиной, вы это знаете?

— Она продавала на Петроковской остатки и давала деньги подъ залогъ...

— Вы на нее похожи; она была прекрасная, полная, высокая женщина. Я вамъ что-то скажу. У васъ есть голова, вы мнѣ нравитесь... Я люблю молодежь съ головой, люблю помогать умнымъ, поэтому я вамъ помогу. Мнѣ нравится вашъ проектъ.

— А я зналъ, что вы умный человѣкъ.

— Составимъ компанію.

— Дадите денегъ?

— Дамъ.

— Откроете мнѣ большой кредитъ?

— Устрою это.

— Хорошо, значитъ, можемъ для начала компаніи поцѣловаться.

— Отлично! Лучше сто разъ поцѣловаться, чѣмъ одинъ разъ потерять тридцать тысячъ.

Подробно обсудили всѣ пункты будущей компаніи и выработали программу дѣйствій.

— Это одно дѣло, теперь пойду сдѣлать другое—посватаюсь.

— Кто невѣста?

— Меля Грюнспанъ.

— Подождите, пусть покончатъ сперва съ Гросманомъ.

— Наоборотъ, теперь они скорѣе согласятся, могу имъ помочь.

— Ты мнѣ очень нравишься, Морицъ; такъ мнѣ нравишься, что будь моя Мира взрослой, отдалъ бы ее тебѣ, за ней сто тысячъ.

— Слишкомъ мало.

— Далъ бы сто двадцать, подождите годикъ.

— Не могу. Если черезъ годъ, то двѣсти тысячъ. Дешевле ждать не стоитъ.

— Ну, дѣло не въ этомъ. Приходите ко мнѣ въ воскресенье, будетъ нѣсколько человѣкъ изъ Варшавы, а потомъ я вамъ сообщу одинъ маленькій планъ, отъ котораго пахнетъ милліономъ.

Еще разъ дружески поцѣловались, что не помѣшало банкиру еще разъ напомнить выдать расписку на тридцать тысячъ.

— Вы мнѣ страшно нравитесь, я совсѣмъ влюбленъ въ васъ! — говорилъ банкиръ восторженно, пряча расписку въ кассу.

Морицъ вышелъ изъ конторы вмѣстѣ съ Вильчкомъ, но въ воротахъ стоялъ какой-то человѣкъ съ лицомъ разбойника и остановилъ Стаха.

— Извините, зайду къ вамъ завтра, долженъ поговорить съ этимъ господиномъ, — объяснилъ Стахъ, кивнулъ ему головой, сдѣлалъ какой-то знакъ и пошелъ черезъ Дѣльную къ полотну желѣзной дороги.

XII.

«Только захотѣть, и все будетъ», думалъ Моріцъ по дорогѣ.

Захотѣлъ, и вотъ у него въ карманѣ тридцать тысячъ марокъ.

Потрогалъ съ наслажденіемъ клеенчатый конвертъ съ деньгами.

Захочетъ съѣсть Боровецкаго, взять его деньги и трудъ—и съѣстъ его.

Хочетъ жениться на Мелѣ—и женится, навѣрное женится!

Не признавалъ въ эту минуту ничего невозможнаго.

Первая большая побѣда наполнила его гордостью и безумной самоувѣренностью въ своихъ силахъ.

«Только имѣть смѣлость захотѣть», думалъ, улыбаясь солнцу, весело блестѣвшему на мокрыхъ тротуарахъ и крышахъ города.

«Долженъ себѣ за это что-нибудь преподнести», думалъ онъ, стоя у витрины ювелира.

Вошелъ въ магазинъ; ему очень понравился перстень съ большимъ брилліантомъ, но, узнавъ цѣну, онъ остылъ и вышелъ, ничего не купивъ.

Зашелъ вмѣсто этого въ галантерейный магазинъ, купилъ перчатки и галстухъ.

«Перстень мнѣ все равно купятъ къ обрученію», думалъ онъ, направляясь къ Мелѣ, чтобы сейчасъ же покончить и второе дѣло.

Онъ уже зналъ отъ свахи, втихомолку обрабаты-

вавшей его дѣла въ семьѣ Грюнспанъ, о разрывѣ съ Высоцкимъ, о томъ, что Бернардъ Эндельманъ сдѣлалъ письменное предложеніе, получилъ отказъ и, принявъ протестантство, собирался жениться на какой-то «французской обезьянѣ».

Зналъ также, что нѣсколько молодыхъ представителей крупныхъ фирмъ напрасно просили ея руки.

«Почему бы ей не захотѣть меня?»

Невольно посмотрѣлся въ стекло витрины и улыбнулся своему отраженію. Былъ очень красивъ. Погладилъ свою черную бороду, поправилъ пенснэ и шелъ, взвѣшивая свои шансы.

Было у него немного денегъ, большой кредитъ благодаря Гросглюку, никакой совѣсти, — значитъ ему предстояла блестящая будущность.

Меля была прекрасной партіей, и онъ давно чувствовалъ къ ней большую симпатію. Есть у нея, правда, свои польскія фанаберіи, любитъ благородство, любитъ говорить о возвышенныхъ предметахъ, но это не будетъ дорого стоить и производитъ въ гостиной прекрасное впечатлѣніе. Онъ самъ сколько разъ, еще студентомъ въ Ригѣ, поднималъ такіе вопросы, говорилъ много прекрасныхъ вещей, громилъ современный строй, былъ даже соціалистомъ въ продолженіе двухъ семестровъ, но вѣдь это ему нисколько теперь не мѣшаетъ дѣлать дѣла. И какія хорошія дѣла!

Улыбнулся, вспомнилъ перепуганное лицо Гросглюка.

— Морицъ, подожди!

Быстро обернулся.

— Ищу тебя по всему городу,— говорилъ Кесслеръ, пожимая ему руки.

— Дѣло?

— Хочу просить тебя сегодня вечеромъ къ себѣ, у меня будетъ нѣсколько человѣкъ.

— Домашній кабачокъ? какъ въ прошломъ году, да?..

— Нѣтъ, чай для друзей, болтовня и нѣсколько сюрпризовъ...

— Мѣстныхъ?

— Нѣтъ, привозныхъ, но будутъ и мѣстные для любителей. Будешь?

— Хорошо. Куровскаго пригласилъ?..

— Довольно съ меня польскихъ скотовъ и на фабрикѣ. Пусть хоть дома буду свободенъ. Онъ раздражаетъ меня своей миной большого барина, который дѣлаетъ одолженіе, протягивая руку. Verfluchter! — выругался онъ тихо.

— Куда ты идешь? Могу тебя подвезти. Лошади меня ждутъ.

— На Древновскую.

— Только что видѣлъ Гросмана, его выпустили подъ залогъ.

— А, это новость! Я какъ разъ иду къ Грюнспану.

— Я тебя подвезу. Заѣду только на минутку на фабрику.

— Эти сюрпризы... будутъ также и съ твоей фабрики?

— Хочу именно выбрать въ прядильной.

— И согласятся сейчасъ же по первому зову?..

— Онѣ у меня дрессированныя. Кромѣ того есть способъ: не хочетъ—вонъ съ фабрики.

Морицъ разсмѣялся. Они сѣли въ коляску и черезъ нѣсколько минутъ стояли уже передъ зданіемъ фабрики Эндельманъ и Кесслеръ.

— Подожди минутку.

— Знаешь, пойду съ тобой, могу тебѣ помочь въ оцѣнкѣ...

Прошли большой дворъ и вошли въ низкія строенія, освѣщенныя сверху, въ которыхъ находились прачечная, сортировочная, чесальная и прядильная.

Въ прачечной, гдѣ кругомъ струилась вода, работали одни мужчины, но въ чесальнѣ раздавались женскіе голоса, сейчасъ же смолкнувшіе при входѣ Кесслера.

Работницы онѣмѣли, вперивъ глаза въ машины, и стояли какъ автоматы, окруженныя горами шерсти, которая казалась грязной пѣной этого шумнаго моря машинъ, ремней и колесъ, вращавшихся безъ устали.

Кесслеръ шелъ медленно, поднявъ плечи, сгорбившись и шевеля челюстями. Рыжеволосый, съ остроконечной головой и длинными острыми ушами, онъ походилъ на летучую мышь, высматривавшую добычу.

Его маленькіе глазки зорко выискивали самыхъ молодыхъ и красивыхъ работницъ, которыя, не поднимая глазъ, постоянно краснѣли подъ этимъ оцѣнивающимъ ихъ взглядомъ.

Подлѣ нѣкоторыхъ онъ останавливался, спрашивалъ про работу, разсматривалъ шерсть и говорилъ Морицу по-нѣмецки:

— Какъ ты находишь?

— Хороши для рабочихъ, — отвѣтилъ тотъ съ презрѣніемъ, но про одну сказалъ:

— Эта—пышная, жаль, что у нея веснушки...

— Хороша! у нея должна быть бѣлая кожа! Мильперъ! — крикнулъ онъ мастеру, руководившему работами.

Когда тотъ подошелъ къ нему, онъ тихо спросилъ фамилію дѣвушки и записалъ въ свою книжку.

Они два раза обошли залу въ разныхъ направленіяхъ и не могли больше найти ничего подходящаго. Работницы были большей частью некрасивы, истощены нуждой и трудомъ.

— Пойдемъ въ прядильню, здѣсь мы ничего больше не выловимъ.

Въ прядильнѣ, засыпанной бѣлымъ какъ снѣгъ хлопкомъ, залитой свѣтомъ, льющимъ сквозь стеклянныя крыши, стояла странная, поражающая тишина. Всѣ машины работали съ безумной быстротой, необыкновенно связно, затаивъ дыханіе, безшумно. Иногда только проносился рѣзкій визгъ маховыхъ колесъ, смолкавшій отъ налитого масла. Милліарды трепетаній машинъ напоминали отдаленный ропотъ бури.

Черные дрожавшіе ремни и пояса, похожіе на змѣй, съ шипѣніемъ свивались, бросались къ потолку и падали на сверкавшія колеса, которыя вращались вдоль стѣнъ, въ отверстіяхъ потолка и тянули вдоль длиннаго прохода залы черныя пряди точно обезумѣвшей отъ этого движенія пряжи. Сквозь нее неясно вырисовывались движенія челноковъ, напоминавшихъ скелеты чудовищныхъ допотопныхъ рыбъ, которые боковымъ движеніемъ бросались впередъ, схватывали бѣ-

лыми зубами катушку шерсти и убѣгали съ добычей, вытягивая за собой сотни бѣлыхъ нитокъ. Работницы какъ прикованныя къ машинѣ смотрѣли на пряжу, двигались какъ автоматы бѣгали за челноками, отскакивали, мгновенно связывали лопнувшія нитки и, глухія и слѣпыя ко всему, что было позади, сторожили движенія чудовища.

— А та, черная, что наматываетъ пряжу въ той сторонѣ залы? — спросилъ Кесслеръ, указывая на сильную брюнетку съ пышно развитыми формами, хорошо обрисованными легкимъ платьемъ и рубашкой съ рукавами, и открытой шеей, потому что всѣ работали въ этой жарѣ какъ можно легче одѣтыя.

— Роскошна, великолѣпна! Ты еще съ ней не знакомъ?

— Всего мѣсяцъ, какъ она у насъ работаетъ. Около нея уже вертѣлся Гауснеръ, нашъ химикъ, но я ему отсовѣтовалъ.

— Пройдемъ туда, — шепнулъ Морицъ, блеснувъ глазами.

— Берегись, тебя можетъ задѣть машина.

Острожно подвигались они по узкому проходу, по обѣимъ сторонамъ котораго работали машины, наматывавшія пряжу на большія веретена и скручивавшія ее въ двойную нитку.

Пульверизаторы дѣйствовали безостановочно. Водяная пыль, сверкая радугой, дрожала въ воздухѣ и осѣдала на машинахъ, людяхъ, грудахъ снѣжной пряжи, на десяткахъ тысячъ веретенъ, съ шорохомъ вращавшихся вокругъ своихъ осей, похожихъ въ яркомъ блескѣ солнца, падающаго сверху, на тысячи бѣлыхъ

водоворотовъ, кружившихся въ свѣтломъ розоватомъ сіяніи.

Кесслеръ отмѣтилъ еще двухъ дѣвушекъ, и они вышли, сопровождаемые взглядами ненависти.

Проходили мимо главныхъ машинъ. На порогѣ башни, гдѣ съ безумной быстротой работало чудовищное маховое колесо, стоялъ старикъ Малиновскій съ трубкой въ зубахъ, засунувъ руки въ карманы. Не снялъ шапки передъ Кесслеромъ, не кивнулъ ему даже головой, стоялъ въ вызывающей позѣ и смотрѣлъ хмурымъ, зловѣщимъ взглядомъ.

Кесслеръ слегка вздрогнулъ, встрѣтившись съ нимъ глазами; сдѣлалъ было движеніе назадъ, но поборолъ свой страхъ и нарочно вошелъ въ башню, осмотрѣлъ поршни, которые, какъ двѣ руки, двигались и вращали чудовищное колесо, дико свистѣвшее въ безпрерывномъ бѣшеномъ бѣгѣ.

— Что новаго?— спросилъ онъ тихо Малиновскаго, глядя на колесо, окруженное искрящимся, сверкающимъ сіяніемъ.

— У меня къ вамъ маленькое дѣло...—отвѣтилъ тихо старикъ, подходя къ нему.

— Обратитесь въ контору прошеній, мнѣ некогда,— отвѣтилъ нервно Кесслеръ и быстро вышелъ, потому что не понравился ему ни голосъ Малиновскаго ни его движеніе.

— Непріятная рожа, — замѣтилъ Морицъ.

— Да... да... что-то оскалился, надо ему дать въ зубы! — сказалъ Кесслеръ.

Въ конторѣ далъ списокъ выбранныхъ дѣвушекъ,

довѣренному лицу, которое знало уже, какъ дѣйствовать дальше, и отвезъ Морица на Древновскую.

— Послѣ шести лошади будутъ тебя ждать у твоей конторы, — сказалъ Кесслеръ прощаясь и скрылся въ облакахъ пыли, поднятой отвозившей коляской.

«Грубый мерзавецъ», подумалъ о немъ Морицъ, входя къ Грюнспанамъ.

XIII.

У Грюнспана Морицъ засталъ семейный совѣтъ. Грюнспанъ бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ и стучалъ кулакомъ по столу, Регина сидѣла у окна, то кричала, то плакала отъ злости, старикъ Ляндау, сдвинувъ большую шелковую шляпу на затылокъ, писалъ, откинувъ клеенку, мѣломъ на столѣ длинные ряды цифръ. Грюнспанъ блѣдный, усталый, лежалъ на кушеткѣ и меланхолично курилъ, поглядывая иногда съ насмѣшкой на жену.

— Это мошенникъ, это величайшій мошенникъ въ Лодзи! Изъ-за него со мной будетъ ударъ... онъ убьетъ меня! — кричалъ старикъ.

— Когда ты выпущенъ? — спросилъ Морицъ Гросмана.

— Часъ тому назадъ.

— Ну, какъ тамъ, хорошо? — шепнулъ насмѣшливо.

— Убѣдишься самъ; тебѣ этого не миновать. Разница будетъ только та, что сядешь за собственные грѣхи, а не за грѣхи тестя и жены, какъ я.

— Альбертъ, не будь дуракомъ, не болтай пустя-

ковъ. Моритъ—свой человѣкъ и знаетъ, какъ обстоятъ дѣла, но если ты будешь такъ говорить, онъ можетъ повѣрить слухамъ, которые ходятъ о насъ по Лодзи,—сказалъ старикъ сердито, подходя къ нимъ.

— Что мнѣ извѣстно, это—другой вопросъ; во всякомъ случаѣ я пришелъ къ вамъ, какъ къ своимъ людямъ, порядочнымъ людямъ,—подчеркнулъ Моритъ.

Грюнспанъ взглянулъ на него тревожно; нѣкоторое время смотрѣли другъ на друга пристальнымъ, зондирующимъ взглядомъ. Старикъ первый отвелъ глаза и снова сталъ ругаться.

— Я прихожу къ нему какъ къ человѣку, какъ къ купцу и говорю: продай мнѣ свой участокъ. А этотъ свинопасъ... этотъ... тьфу! дай Богъ ему того, чего я ему желаю отъ всей души, смѣется, показываетъ мнѣ свою мусорную яму и говоритъ, что это не земля, а золото, что онъ не продастъ ее меньше, какъ за сорокъ тысячъ... Чтобъ тебя... чтобъ тебя болѣзнь схватила, противная рожа! Меля, дай, дѣтка, какихъ-нибудь капель! Мнѣ такъ нехорошо, боюсь, чтобы не стало еще хуже! — сказалъ онъ въ смежную комнату.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Моритъ, не понимая.

— Вильчекъ. Умная голова. Хочетъ за четыре морга сорокъ тысячъ.

— А стоятъ того?

— Сегодня имъ уже цѣна пятьдесятъ.

— Цѣна на землю поднялась на тридцать процентовъ.

— Именно. Неизвѣстно, чѣмъ это кончится, а ста-

рикъ долженъ купить, потому что фабрику необходимо расширить.

— Такъ чего же онъ тянетъ и устраиваетъ такой скандалъ? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ придется заплатить вдвое.

— Потому что онъ не можетъ забыть своей лавочки въ Старомъ Городѣ и торговли на копейку, — отвѣтилъ Гросманъ съ презрѣніемъ.

— Здравствуй, Меля! — устремился къ ней Морицъ.

— Здравствуй, Морицъ! Спасибо за цвѣты, я имъ очень обрадовалась.

— Прислалъ бы тебѣ еще лучшихъ, если бы они нашлись у садовника.

Меля улыбнулась. Она была сегодня очень блѣдна; ея улыбка и потемнѣвшіе, впалые, обведенные темными кругами глаза были печальны. Походка стала странно мягкой и отяжелѣвшей, какъ у человѣка, обезсиленнаго горемъ. Подала отцу сахаръ съ каплями, посмотрѣла холодно на сестру, намѣренно не замѣтила протянутой руки Гросмана и вышла въ другую комнату.

Черезъ открытыя двери Морицъ видѣлъ ея лицо, склонившееся къ бабушкѣ, вѣчно сидѣвшей въ креслѣ подъ окномъ. Наблюдалъ ея замедленныя движенія, благородную линію ея головы и чувствовалъ, какъ сильнѣе бьется его сердце, какъ его охватываетъ хорошее, волнующее чувство.

Не слушалъ больше жалобъ старика, слезъ Регины, упрекавшей Гросмана, что не сумѣлъ себя вести у судебнаго слѣдователя, что можетъ ихъ погубить своей глупостью.

— Ша... ша... дѣти, довольно! Все будетъ хорошо!.. Затратимъ немного больше, но все-таки получимъ семьдесять процентовъ прибыли. Я сейчасъ скажу Гросглюку, пусть поладитъ съ доносчиками черезъ своего человѣка, намъ самимъ въ это вмѣшиваться неудобно.

— Онъ этимъ займется серьезно, если не хочетъ получить вмѣсто своихъ тридцати тысячъ—пять.

— Да, потому что, если все уладится, получитъ пятнадцать, самое большее двадцать! — сказалъ Гросманъ цинично, глядя на тестя.

— Хорошо сказалъ, Альбертъ. Дадимъ ему цѣлыхъ двадцать! Ну, будетъ объ этомъ. Надо поговорить насчетъ постройки. Ты уже не вернешься въ свой шалашъ, Альбертъ. У меня широкій планъ. Мы купимъ у Вильчка участокъ и, расширивъ фабрику, откроемъ акціонерное дѣло подъ фирмой «Грюнспанъ, Гросманъ и К°». Мой адвокатъ уже занялся юридической стороной, а архитекторъ долженъ представить черезъ недѣлю подробные планы. Я долго думалъ объ этомъ дѣлѣ, теперь время начать. Нѣсколько человѣкъ обанкротились, и теперь стало посвободнѣе. Зачѣмъ намъ отсылать въ апретуру? Чтобы вмѣсто насъ зарабатывали другіе? У насъ будетъ своя апретура. Зачѣмъ намъ покупать пряжу? Выстроимъ прядильню и заработаемъ на этомъ двадцать пять процентовъ. Устроимъ полную фабрику со всѣми приспособленіями. Потягаемся съ Мейеромъ. Я думалъ объ этомъ еще до твоего несчастья, Альбертъ, но теперь это еще легче устроить.

Онъ сталъ подробно излагать планы будущей акціонерной компаніи. Регина отъ восторга бросилась от-

цу на шею. Мориц тоже былъ пораженъ проектомъ и уже мысленно добавлялъ свою третью фамилію къ фамиліямъ обоихъ акціонеровъ.

— Но объ этомъ пока ни слова. Пусть сперва кончится дѣло Альберта. Мориц, конечно, не скажетъ, онъ свой человѣкъ.

— Хотѣлъ бы стать еще болѣе своимъ, — отвѣтилъ Мориц серьезно.

Грюнспанъ долго смотрѣлъ на него, взвѣшивая, Регина тоже, только Гросманъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Почему нѣтъ, можетъ быть и выгоритъ дѣло, — отвѣтилъ старикъ холодно.

— Я пришелъ именно по этому дѣлу.

— Пойди, поговори съ Мелей.

— Сперва хочу поговорить съ вами.

— Бернштейнъ уже мнѣ что-то такое говорила. Знаешь, что тебѣ отвѣтитъ Меля?

— Еще не знаю, хочу раньше знать, что вы мнѣ скажете?..

— Сейчасъ... сейчасъ...

Простился съ Региной, пожалъ руку Гросмана и, проводивъ ихъ до передней, вернулся.

— Ляндау можетъ слушать...

Сѣлъ въ кресло, заложилъ ногу на ногу и игралъ длинной цѣпочкой отъ часовъ.

Мориц сосредоточился, покусывалъ набалдашникъ, гладилъ бороду, поправлялъ пенснэ и обдумывалъ, какъ поставить вопросъ о приданомъ Мели.

Наконецъ поставилъ его прямо и откровенно:

— Сколько вы даете за Мелей?

— Сколько у васъ самихъ?

— Могу представить вамъ завтра активъ и пассивъ моего дѣла и активъ компаніи, заключенный сегодня съ Гросглюкомъ. Мнѣ не за чѣмъ васъ обманывать. Мои дѣла стоятъ твердо, мой капиталъ не страховая премія, подвергнутая судебному слѣдствію, — сказалъ Морицъ, сильно подчеркивая. — Теперь скажите вы...

— Что у васъ есть? Опредѣлите цыфрой, завтра мы провѣримъ...

— Тридцать тысячъ наличными. Кредитъ вдвое большій, я буду скроменъ. Мое образованіе, мое знакомство со всѣми милліонерами Лодзи, моя честность, ни разу не заподозрѣнная, что очень важно...

— Вѣрно вамъ это не было выгодно... — вставилъ спокойно Ляндау.

— Итакъ, въ общей суммѣ, плюсъ и минусъ, я стою самое малое двѣсти тысячъ. Я скроменъ, я не хвастаюсь. А сколько вы даете за Мелей?

— Она училась десять лѣтъ въ очень дорогомъ пансіонѣ. Ѣздила за границу, имѣла спеціальныхъ учителей по языкамъ. Она мнѣ дорого стоитъ.

— Это ея личное, неприкосновенное имущество, которое не дастъ мнѣ ни одного процента прибыли.

— Вы не получите ни одного процента? А ея воспитаніе? Она въ гостиной какъ королева! А какъ она играетъ на роялѣ, а какія у нея манеры! Это чудная дѣвушка, это мое любимое дитя, это чистый брилліантъ! — съ жаромъ выкрикивалъ банкиръ.

— Сколько же будетъ стоить его оправа? — спросилъ Морицъ.

— «Ляндау и К⁰» назначили пятьдесятъ тысячъ,— отвѣтилъ банкиръ уклончиво.

— Мало! Панна Меля брилліантъ, прекрасная дѣвушка, умна какъ ангелъ, но пятьдесятъ тысячъ— это слишкомъ мало.

— Мало! Пятьдесятъ тысячъ — это круглая сумма. Вы должны бы поцѣловать мнѣ за это руку. Развѣ она безобразная, хромая или слѣпая, чтобы давать за нее больше?

— Она не совсѣмъ здорова, часто хвораетъ, но я этого не касаюсь.

— Что вы говорите, Меля не здорова? Вы съ ума сошли? Меля—само здоровье, вотъ увидите, у нея каждый годъ будетъ ребенокъ. Отыщите вторую такую дѣвушку въ Лодзи. На ней хотѣлъ жениться одинъ итальянскій князь. Вы знаете?

— Жаль, что она за него не вышла, пришлось бы вамъ купить ему сапоги и брюки.

— А вы что за фирма? Что это такое — комиссіонное дѣло Морицъ Вельтъ?

— Вы забываете, что я въ компаніи съ Боровецкимъ.

— У васъ тамъ вложено десять тысячъ рублей. Ой, ой, большой капиталъ!..

Онъ разсмѣялся.

— Сейчасъ тамъ моихъ двадцать тысячъ, а черезъ годъ вся фабрика будетъ моей, ручаюсь вамъ.

— Тогда и поговоримъ, — отвѣтилъ Грюнспанъ равнодушно, хотя въ сущности былъ доволенъ предложеніемъ Морица, считая его хорошимъ дѣльцомъ.

— Тогда вы можете поговорить съ кѣмъ-либо дру-

гимъ. Сегодня Гросглюкъ давалъ мнѣ сто тысячъ за своей Мэри.

— Она такъ дурна, что если онъ дастъ даже двѣсти, ему еще придется поискать зятя.

— Но у нея нѣтъ отца и шурина, подозрѣваемыхъ въ поджогѣ.

— Говорите тише! — сказалъ старикъ, заглядывая въ сосѣдняя комнату.

— Если вы думаете, что это пріятно и увеличитъ мой кредитъ—вы очень ошибаетесь.

— Въ Лодзи знаютъ мнѣ цѣну, — былъ спокойный отвѣтъ.

— Гдѣ знаютъ? Кто? полиція? — спросилъ Морицъ язвительно.

— Не повторяйте сплетенъ, — сказалъ банкиръ злобно.

Они долго молчали.

Старикъ ходилъ по комнатѣ, смотрѣлъ въ садъ, Ляндау согнулся надъ столомъ, а Морицъ, уже нѣсколько раздраженный, ожидалъ съ нетерпѣніемъ конца торга. Въ душѣ соглашался даже на пятьдесятъ тысячъ, но хотѣлъ попробовать выжать еще больше.

— Развѣ Меля хочетъ за васъ выйти?

— Сейчасъ это узнаю, но хочу раньше знать, что вы ей дадите?

— Я уже сказалъ, мои слова не вѣтеръ.

— Не могу. Мнѣ нужно больше для моего дѣла. Не стоитъ продавать себя за пятьдесятъ тысячъ. Мое образованіе, связи, честность, моя фирма стоятъ много больше. Подумайте, панъ Грюнспанъ. Я не Ляндау, не Фишбинъ, не какой-нибудь приказчикъ. Я

Морицъ Вельтъ! Вы помѣстите вашу дочь на сто процентовъ. Мнѣ нужны деньги не на кутежи. Дадите пятьдесятъ тысячъ наличными и столько же въ теченіе двухъ лѣтъ? — сказалъ Морицъ рѣшительно.

— Въ общемъ согласенъ, но за вычетомъ расходовъ на свадьбу, приданое и ея образованіе.

— Это свинство, панъ Грюнспанъ, обижать такъ родную дочь! — крикнулъ Морицъ.

— Ну, поговоримъ еще объ этомъ, пусть кончится раньше дѣло Альберта.

— Вы по этому поводу должны бы прибавить за дочерью десять процентовъ, потому что она опозорена. Надо будетъ васъ защищать. Ну, ваше послѣднее слово?

— Я уже вамъ сказалъ, вы его знаете.

— Слово ничего не даетъ, мнѣ нужны гарантіи.

— Когда Меля мнѣ скажетъ, что согласна, то все будетъ сдѣлано прилично.

— Согласенъ. Сейчасъ къ ней пойду.

— Желаю вамъ успѣха, вы мнѣ нравитесь, Морицъ.

— Грюнспанъ, ты дѣлецъ стараго закала, но я тебя уважаю.

— Будемъ жить дружно.

Пожали другъ другу руку.

Морицъ нашелъ Мелю въ маленькомъ будуарѣ. Лежала на кушеткѣ съ книжкой въ рукахъ, но не читала; смотрѣла въ окно.

— Прости, что не встаю, мнѣ нездоровится. Садись! Почему у тебя такой торжественный видъ?..

— Говорилъ о тебѣ съ твоимъ отцомъ.

— А! — протянула она, внимательно на него глядя.

— Я говорилъ, я началъ...

— Ага! цвѣты... разговоръ съ отцомъ... понимаю... Ну, какъ?

— Старикъ отвѣтилъ мнѣ, что все зависитъ отъ тебя, только отъ тебя, Меля, — повторилъ онъ тише, такъ мягко и сердечно, что она на него опять взглянула.

Сталъ говорить о себѣ и о томъ, какъ она ему давно нравится.

Оперлась на руку и повернула къ нему похудѣвшее грустное лицо. Горькая скорбь, скорбь невыплаканныхъ слезъ, безутѣшная скорбь утраты самаго близкаго, сжала ея сердце.

Поняла съ перваго слова, что пришелъ просить ея руки. Смотрѣла на него безъ гнѣва и раздраженія, слушала сначала равнодушно, но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, ее охватили тревога и тоска.

«Почему пришелъ онъ просить ея руки?.. Почему онъ, Морицъ, а не тотъ горячо любимый, не Высоцкій?..»

Уткнулась лицомъ въ подушку, чтобы скрыть слезы и не видѣть говорившаго, и слушала его, притаивъ дыханіе, почти не понимая, кто ей говоритъ. Не хотѣла знать этого. Всей силой любящаго сердца, воображенія, тоски, желаній и любви призывала другого, чтобы пришелъ избавить ее отъ муки, чтобы сѣлъ тамъ, на мѣстѣ Морица, говорилъ бы съ ней... Хотѣла этого такъ страстно, что порой ей уже каза-

лось, что это Высоцкій сидитъ съ ней рядомъ и говоритъ о своей любви.

Вздрогнула отъ звуковъ этого голоса, не слыша Морица, прислушивалась къ тѣмъ звукамъ, которые остались въ ея памяти послѣ того вечера у Розы и, вызванные воспоминаніемъ, наполняли ее опять очарованіемъ, наслажденіемъ и счастьемъ...

Долго слушала, повторяя безсознательно нѣкоторыя слова, готова была уже сказать, что любитъ его, готова была броситься въ его объятія, цѣловать его. Открыла глаза и долго смотрѣла съ изумленіемъ... Это сидитъ Морицъ со шляпой въ рукѣ... Морицъ... прекрасный Морицъ... И говоритъ не о любви, не о счастьѣ совмѣстной жизни, не о порывахъ сердца, не о волненіяхъ любви.

Морицъ говоритъ спокойно, что имъ обоимъ будетъ хорошо, что откроетъ фабрику; говоритъ о капиталахъ, о приданомъ, о будущихъ дѣлахъ; говоритъ, что ни въ чемъ у нея не будетъ недостатка, что у нихъ будетъ свой выѣздъ.

«Это Морицъ, Морицъ»,—говоритъ она про себя и въ полузабытьѣ спрашиваетъ:

— Любишь меня, Мет... Морицъ?

Быстро поправляется и рада бы вернуть свой вопросъ, но Морицъ говоритъ взволнованно:

— Не умѣю тебѣ этого сказать, Меля! Ты знаешь, я купецъ, я не сумѣю красиво передать то, что чувствую, но когда я тебя вижу, Меля, то мнѣ такъ хорошо, что я уже ничего не желаю, забываю даже про свои дѣла. Кромѣ того ты такъ прекрасна и

такъ непохожа на нашихъ женщинъ, что я постоянно о тебѣ думаю. Скажи, пойдешь за меня?

Она опять смотритъ на него, опять видитъ другое лицо, глаза; слышитъ горячій, глухой отъ страсти шопотъ признанія. Закрываетъ глаза, вздрагиваетъ отъ наслажденія, вспоминая тѣ страстные поцѣлуи, упругимъ движеніемъ вытягивается на кушеткѣ. Ей кажется, что это тотъ обнимаетъ ее и прижимаетъ къ себѣ.

— Меля, хочешь быть моей женой? — повторилъ Морицъ, смущенный ея молчаніемъ.

Меля очнулась, встала и быстро, не думая, отвѣтила:

— Хорошо. Я пойду за тебя. Поговори обо всемъ съ отцомъ. Хорошо, Морицъ, буду твоей женой.

Хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она мягко отстранилась.

— Пойди, мнѣ такъ нездоровится, пойди... приходи завтра, послѣ обѣда...

Не хотѣла больше его слушать, но онъ былъ такъ радъ счастливымъ исходомъ, что не замѣтилъ даже ея страннаго поведенія.

Побѣжалъ къ старику, чтобы скорѣе установить цыфру приданаго.

Грюнспана не было, его вызвали въ контору.

Морицъ вернулся, чтобы попросить Мелю сказать все отцу.

Она стояла все на томъ же мѣстѣ, блѣдная какъ полотно, смотрѣла въ окно ничего не видящимъ взглядомъ и что-то шептала вспоминая.

— Хорошо, Морицъ, я скажу отцу, буду твоей женой, хорошо! — повторяла она монотонно.

Не отняла руки, когда онъ цѣловалъ ее, не слышала, какъ онъ ушелъ. Легла на кушетку, взяла книгу и смотрѣла безсмысленнымъ взглядомъ на розы, качавшіяся за окномъ, на золотой стеклянный шаръ, сверкавшій надъ клумбами...

Морицъ на радостяхъ далъ Францу, подававшему ему пальто, цѣлый гривенникъ и поѣхалъ на извозчикѣ къ фабрикѣ Боровецкаго.

— Поздравь меня, женюсь на Мелѣ Грюнспанъ,— крикнулъ онъ, вбѣгая въ контору.

— Недурной капиталъ, — отвѣтилъ Карлъ, отрываясь отъ бумагъ.

— Крупный капиталъ! — поправилъ его Морицъ.

— Да, если только страховое общество захочетъ заплатить сполна, — отвѣтилъ Карлъ съ удареніемъ, раздраженный тѣмъ, что Морицъ получилъ сразу красивую невѣсту и большое приданое, а онъ самъ долженъ постоянно мучиться...

— Я привезъ тебѣ деньги.

— А я высчитывалъ именно, не обойдусь ли я безъ нихъ. Я нашелъ человѣка, готоваго дать подъ вексель на шесть мѣсяцевъ и всего за восемь процентовъ,— сказалъ Боровецкій нарочно, чтобы сдѣлать ему непріятность. Денегъ у него не было.

— Бери! Я нарочно для тебя занялъ деньги и заплатилъ впередъ проценты.

— Задержи деньги на нѣсколько дней, если я ихъ не возьму, то верну тебѣ расходы.

— Не люблю такихъ сомнительныхъ дѣлъ, — отвѣтилъ Морицъ недовольно.

— Значитъ панна Меля согласилась? Меня это немного удивляетъ...

— Почему? Что ты можешь имѣть противъ меня?— спросилъ тотъ быстро и сердито.

— Ты похожъ на приказчика, но это впрочемъ ничего, только...

— Говори, пожалуйста...

— Говорятъ, она была такъ влюблена въ Высоцкаго,—сказалъ онъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что Шая обанкротился.

— Почему бы ей не полюбить его? Она прекрасна, онъ красивъ. У обоихъ общія соціальныя фантазіи, оба страстны, видѣлъ, какъ они пожирали другъ друга глазами у Травинской. Тамъ говорили объ ихъ свадьбѣ...—продолжалъ онъ безжалостно забавляться смущеніемъ, отразившимся на лицѣ пріятеля.

— Можетъ быть это и вѣрно, но мнѣ это безразлично.

— Мнѣ не могло бы быть безразличнымъ прошлое невѣсты. Я не женился бы на женщинѣ съ воспоминаніями.

Улыбнулся такъ ядовито, что Морицъ вскочилъ съ мѣста.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?

— Это не оскорбляетъ ни тебя ни панну Мелю, я говорю то, что мнѣ вспомнилось. Я даже очень радъ, что ты женишься такъ блестяще.

Опять язвительно улыбнулся.

Морицъ хлопнулъ дверью и выбѣжалъ взбѣшенный.

Былъ до того раздраженъ, что раскричался на рабочихъ, выкачивавшихъ воду изъ фундамента.

— Поворачиваться, хамы! Работаете какъ изъ милости! Со вчерашняго дня воды нисколько не убыло!

— Чего это? — спросилъ грубо одинъ изъ рабочихъ.

— Ты чего грубишь, кому ты грубишь? Я тебя, мерзавецъ, сейчасъ же выгоню!..

— Убирайся, паршивецъ, самъ, пока цѣлъ, не то сверну тебѣ морду на сторону, — крикнулъ какой-то рабочій, поднося кулакъ къ его носу.

Морицъ быстро отшатнулся и поднялъ такой гвалтъ, что къ рабочимъ вышелъ Карлъ, а изъ прядильни прибѣжалъ Максъ.

Морицъ требовалъ, чтобы оскорбившаго его рабочаго немедленно удалили.

— Оставь, Морицъ, не вмѣшивайся не въ свое дѣло.

— Какъ это не мое дѣло? У меня такое же право, какъ и у тебя!

— Предположимъ на минуту, что такое же. Но это еще не даетъ тебѣ права ругать рабочихъ безъ всякаго основанія.

— Какъ это предположимъ? Мои десять тысячъ такія же, какъ твои.

— Не кричи! Хочешь похвастаться передъ рабочими, что у тебя есть десять тысячъ?

— Тебѣ нечего меня учить, какъ мнѣ разговаривать!

— А тебѣ нечего это кричать, можешь сказать по-человѣчески.

— Я дѣлаю то, что мнѣ нравится.

— Ну, такъ кричи, если это тебѣ нравится,— сказалъ презрительно Карлъ и вернулся въ контору.

Морицъ кричалъ еще при Максѣ и выбѣжалъ, громко угрожая, что заведетъ здѣсь другіе порядки, что такъ продолжаться не можетъ, что Карлъ строитъ не фабрику, а дворецъ.

— Раскричался, потому что гордится приданымъ Грюнспанъ, — сказалъ Максу Карлъ, но уже жалѣлъ о своей вспыльчивости. Разсчитывалъ на деньги Морица; онѣ были ему необходимы.

— Когда отдаюсь первому порыву, всегда сдѣлаю глупость.

Морицъ, несмотря на непріятность, причиненную ему Карломъ напоминаніемъ о любви Мели, думалъ то же самое. Еще больше раскаивался въ своей горячности, чувствуя себя смѣшнымъ.

Охотно бы вернулся къ Боровецкому, но не рѣшался. Оставилъ это до вечера, тѣмъ болѣе, что было уже послѣ шести.

Лошади Кесслера уже ждали у конторы.

Морицъ заѣхалъ къ себѣ переодѣться и приказалъ скорѣе ѣхать за городъ.

Съ удовольствіемъ развалился на мягкомъ сидѣніи коляски и небрежно кивалъ встрѣчнымъ знакомымъ.

XIV.

Кесслеръ жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города при громадной красильнѣ, которая ему принадлежала, но въ то же время былъ главнымъ акціонеромъ и директоромъ фирмы: «Кесслеръ и Эндельманъ».

Дворецъ его или скорѣе маленькій замокъ въ стилѣ лодзинской готики стоялъ на холмѣ, на фонѣ высокаго сосноваго лѣса. Передъ нимъ, на довольно крутыхъ склонахъ, зеленѣлъ большой англійскій паркъ, спускавшійся въ оврагъ къ быстрой рѣчкѣ, поросшей ольхой и ивами. Съ правой стороны парка краснѣли изъ-за деревьевъ трубы и стѣны красильни, съ лѣвой—сѣрѣли вдали соломенныя крыши деревни, разбросанной по обѣимъ склонамъ рѣки и на днѣ оврага среди садовъ и зарослей.

— Ты живешь какъ настоящій лодзинскій принцъ,— сказалъ Морицъ здороваясь.

— Сдѣлалъ все, что могъ, чтобы кое-какъ устроиться въ этомъ варварскомъ краю, — говорилъ Кесслеръ, провожая его въ комнаты.

— Я попалъ на торжество? — сказалъ онъ, видя Кесслера во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Нѣтъ, я еще не успѣлъ переодѣться, ѣздилъ съ дѣловымъ визитомъ...

— Кто-нибудь уже есть?

— Вильгельмъ Мюллеръ, пріѣхалъ потихоньку отъ отца изъ Берлина. Оскаръ баронъ Мейеръ, Мартэнъ, знаешь его? Веселый французъ. Есть еще нѣсколько

нашихъ изъ Лодзи и Берлина. Ну и часть сюрпризовъ...

— Любопытно. Кто же будетъ у тебя за хозяйку?

— Увидишь.

На большой террасѣ, обращенной къ рѣкѣ и замѣнявшей лѣтнюю гостиную, сидѣло все общество. Полы были устланы роскошными индійскими цыновками изъ окрашенныхъ травъ. Стѣны веранды были изъ китайской соломенной бахромы, унизанной разноцвѣтнымъ бисеромъ, съ золотымъ фризомъ сверху. Она спускалась до полу длинными прядями, сверкавшими разноцвѣтнымъ стекломъ, и тихо звенѣла при малѣйшемъ движеніи вѣтра.

Морицъ поздоровался со всѣми и молча сѣлъ.

— Чего выпьешь? Мы охлаждаемся шампанскимъ.

— Хорошо. Выпью шампанскаго.

Слуга принесъ вино, за нимъ вошла Зоська Малиновская, за хозяйку, налила ему сама и сѣла рядомъ въ качалку.

На верандѣ стало тихо, всѣ глаза съ жадностью смотрѣли на ея прекрасное лицо, на ея открытыя руки, на всю прекрасно развитую фигуру.

Ее нѣсколько смутили эти любопытные взгляды, но это придало еще больше жизни ея подвижному лицу, вызвавъ на немъ легкій румянецъ.

— Качайте меня, — приказала она Морицу.

— Это не будетъ для меня наказаніемъ, — сказалъ онъ, одѣвая пенснэ. Она ему очень нравилась.

— Я не думала, чѣмъ это для васъ будетъ, мнѣ просто хочется качаться, — отвѣтила она сухо и засмотрѣлась сквозь открытую часть веранды на паркъ,

спускавшійся къ сверкавшей серебромъ и лазурью рѣкѣ, на темно-зеленые луга за рѣкой, на поля, спускавшіяся длинными зелеными полосами разныхъ оттѣнковъ по склонамъ холмовъ.

— Не хотите ли пройтись? Я вамъ покажу паркъ и звѣринецъ, — предложилъ Кесслеръ.

Всѣ пошли, кромѣ Мюллера.

— Мнѣ не хочется итти, я усталъ съ дороги...— сказалъ онъ въ оправданіе.

— Повѣрьте, что напрасно,— шепнулъ Кесслеръ, указывая глазами на Зоську.

— Что такое? У меня и въ мысляхъ не было...— отвѣтилъ тотъ быстро, недовольный тѣмъ, что его намѣренія угадали.

Онъ все-таки остался, а когда Кесслеръ ушелъ, подсѣлъ къ Зоськѣ.

— Этотъ Мюллеръ еще совсѣмъ зеленый, — сказалъ Кесслеръ Морицу, идя вслѣдъ за всѣми.

— Почему?

— Остался нарочно ради моей дѣвицы, думаетъ, что она промѣняетъ меня на него.

— У женщинъ бываютъ иногда странные капризы.

— Но вѣрны онѣ тѣмъ, у кого много денегъ.

— Не всегда, не всегда, — отвѣтилъ Морицъ тише, вспоминая Мелю и Высоцкаго.—Откуда она у тебя? Великолѣпная самка.

— Что? Нравится?

— Красива и чувствуется темпераментъ...

— Слишкомъ его много и притомъ она глупа. Надоѣла мнѣ.

Сдѣлалъ гримасу и сталъ сбивать тросточкой головки цвѣтовъ, а потомъ спросилъ:

— Могу тебѣ ее уступить, если хочешь?

— Прекрасное предложеніе, но не могу, слишкомъ мало денегъ...

— Ты очень ошибаешься. Это полька. Она хочетъ, чтобы ее любили утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы ей не измѣняли и потомъ на ней женились. Говорю тебѣ, что она глупа. Плачетъ иногда цѣлыми днями, постоянно упрекаетъ и для разнообразія устраиваетъ мнѣ такія исторіи, что я успокаиваю ее по-своему.

Сверкнулъ глазами и сильнѣе ударилъ тростью по кустамъ.

— Если тебѣ она нравится, я тебѣ это устрою... Я долженъ отъ нея все равно отдѣлаться, потому что вѣроятно женюсь.

— Я уже кое-что объ этомъ слышалъ... На Мюллеръ?

— Дѣло только начато, пока ничего опредѣленнаго. Во всякомъ случаѣ буду благодаренъ тому, кто меня избавитъ отъ этой дѣвицы. Не хочешь ли?

— Нѣтъ, спасибо. У нея отецъ и братъ, не особенно хорошо воспитаны... могутъ не пощадить меня... Кромѣ того я тоже женюсь.

Они присоединились къ обществу.

Кесслеръ провелъ всѣхъ къ большимъ желѣзнымъ клѣткамъ, въ которыхъ были обезьяны. Длинной палкой онъ сталъ ихъ дразнить. При видѣ его обезьяны метнулись вглубь клѣтки; испуганныя палкой, бросались къ потолку, цѣплялись за боковыя рѣшетки и

кричали отъ злости и испуга. Это радовало Кесслера, и онъ сталъ ихъ дразнить еще больше.

Звѣрей было много и въ другихъ клѣткахъ; всѣ они его боялись и скалили зубы.

Пара великолѣпныхъ черныхъ медвѣдей съ желтой грудью, раздраженные имъ, бросились въ ярости на рѣшетку съ такимъ ревомъ, что всѣ въ страхѣ отскочили.

Кесслеръ не тронулся, нагнулся ближе къ оскаленнымъ мордамъ, хлесталъ прутомъ по открытымъ страшнымъ пастямъ и наслаждался ихъ безсильной яростью.

— Это они по моему адресу такъ нѣжно ревутъ, — замѣтилъ онъ со смѣхомъ.

Повелъ дальше, къ оленямъ, гулявшимъ въ оградѣ, къ собакамъ, до того одичавшимъ въ клѣткахъ, что бросались на всѣхъ; онъ былъ съ ними въ дружбѣ, вошелъ въ клѣтку и позволялъ лизать себѣ лицо и руки.

Наконецъ показалъ стаю бѣлыхъ павлиновъ съ прекрасными радужными хвостами.

Кесслеръ крикнулъ, и павлины, распустивъ вѣеромъ хвосты, побѣжали по травѣ и, держась вдали, кричали раздирающими рѣзкими голосами.

Всѣ повернули ко дворцу.

Вечеръ опускался на землю; холмы еще освѣщались заходящими лучами солнца, но надъ долиной поднимался легкій туманъ, плывшій и развертывавшійся клубами, поминутно разрывался надъ верхушками деревьевъ и крышами домовъ.

Отъ рѣки, деревьевъ и травы поднимался тихій мо-

нотонный шумъ, заглушаемый гудѣньемъ майскихъ жуковъ, пролетавшихъ надъ головами.

Въ прудахъ и канавахъ хоромъ кричали лягушки.

Теплый влажный вѣтеръ приносилъ изъ затуманенной дали протяжный, печальный, точно похоронный звонъ колоколовъ. Глухіе, тяжелые звуки плыли въ воздухѣ и затихали между вѣтвями и красными стволами лѣса, стоявшаго стѣной за дворцомъ.

На верандѣ Зоськи уже не было, Вильгельмъ Мюллеръ одинъ качался въ креслѣ.

— Что, хороша, правда? — спросилъ его Кесслеръ насмѣшливо.

— Не столько хороша, сколько груба.

— Не могли съ ней сговориться? — спросилъ Кесслеръ.

— Я и не пробовалъ, — отвѣтилъ тотъ злобно, покручивая усики, чтобы скрыть замѣшательство и слегка горѣвшую щеку.

Кесслеръ усмѣхнулся и пригласилъ всѣхъ къ ужину. Лакеи окрыли настежь двери, за которыми виднѣлась амфилада роскошно обставленныхъ комнатъ.

Ужинъ былъ поданъ въ большой круглой столовой, обращенной въ садъ, съ тропическими пальмами и цвѣтами. Посреднѣ стоялъ круглый столъ, весь заставленный хрусталемъ и серебромъ, похожій на выставку ювелира, среди которой, какъ драгоцѣнные камни, были разбросаны розы. У одного изъ оконъ сидѣли выбранныя на фабрикѣ работницы; двѣ другія не пришли. Онѣ сидѣли, богато одѣтыя, неподвижныя, оробѣвшія, и тревожно смотрѣли на входившихъ мужчинъ.

По столовой съ непринужденнымъ смѣхомъ медленно ходили танцовщицы.

Этотъ сюрпризъ Кесслеръ поручилъ Мюллеру, который привезъ ихъ изъ Берлина къ сегодняшнему вечеру. Ихъ было всего три, но шумѣли онѣ за десятерыхъ, наполняя комнату пошлымъ банальнымъ шумомъ.

Крикливо одѣтыя, украшенныя поддѣльными камнями, сильно декольтированныя, накрашенныя, это были все-таки очень красивыя, стройныя и прекрасно сложенныя женщины.

Ужинъ тянулся долго и скучно.

Всѣ были не въ духѣ, слишкомъ трезвы, однѣ танцовщицы бросали циничныя восклицанія и замѣчанія и смѣялись надъ смущенными, взволнованными работницами, не знавшими, какъ ѣсть, что дѣлать и куда смотрѣть.

Зоська занялась ими, а за ней и Морицъ, сидѣвшій рядомъ, заговорилъ съ ними по-польски.

Кесслеръ молчалъ, нахмурился и, поднявъ плечи, смотрѣлъ съ ненавистью то на Зоську, оживленно болтавшую съ Морицемъ, то на лакеевъ, которые, чувствуя этотъ взглядъ, торопливо и тревожно принимали и подавали.

Его терзала ревность. Хотѣлъ ее уступить, но теперь, видя ея веселое, улыбающееся, удивительно ясное и прекрасное лицо, склоненное къ другому, видя, какъ она жадно слушаетъ Морица, какъ часто краснѣетъ и съ какимъ плѣнительнымъ кокетствомъ наливаетъ ему вино, — имъ овладѣла ревность.

Охотно приказалъ бы ей сѣсть рядомъ, но сты-

дился своей ревности, поэтому сидѣлъ хмурый, раздраженный этимъ неожиданнымъ чувствомъ и необходимостью владѣть собой.

Послѣ ужина перешли въ восточную гостиную. Вдоль стѣнъ стояли большія шелковыя тахты съ подушками, стѣны были обтянуты зеленымъ шелкомъ съ желтыми полосами, весь полъ былъ устланъ зеленожелтымъ ковромъ.

Лакеи поставили передъ тахтами на низкіе маленькіе столики цѣлыя батареи бутылокъ и раздвинули занавѣсъ передъ эстрадой съ музыкантами, сейчасъ же заигравшими.

Всѣ развалились на тахтахъ и стали пить ликеры и кофе съ коньякомъ, потомъ перешли къ вину и пили въ такомъ количествѣ, что скоро всѣ опьянѣли.

Музыка все играла, танцовщицы исчезли, чтобы переодѣться. Посреди комнаты разостлали толстый линолеумъ, натертый мѣломъ.

Стало шумнѣе, послышался смѣхъ, посыпались остроты, шутки. Работницы стали переходить изъ рукъ въ руки; ихъ цѣловали, щипали, обнимали, поили виномъ, и онѣ теряли послѣднее сознаніе, одурманенныя виномъ и страстными звуками музыки.

— Танцуйте! — крикнулъ Кесслеръ, обнимая совершенно пьяную Зоську, которая расшалилась, каталась по тахтѣ и кричала.

Танцовщицы вошли съ тамбуринами въ поднятыхъ рукахъ, едва прикрытыя газомъ. Стали посрединѣ и дружно ударили въ тамбурины. Музыка перешла въ тихій, нѣжный аккомпанементъ флейты, которая страстнымъ высокимъ звукомъ начала мелодію танца.

Танцовщицы начали «danse du ventre» медленно и вяло, но подъ вліяніемъ выпиваемаго въ перерывахъ вина и музыки разгорѣлись и стали танцовать со страстью этотъ странный безстыдный танецъ востока, съ эпилептическими судорожными вздрагиваніями и движеніями всего сладострастнаго, обезумѣвшаго въ похоти тѣла.

Флейта непрерывно пѣла свою нѣжную, страстную мелодію, вызывая во всѣхъ неудержимую жажду забытья въ безумствѣ. Глаза пылали, дыханіе стало прерывистымъ, короткія восклицанія вырывались изъ груди, руки протягивались къ танцующимъ, звуки громкихъ поцѣлуевъ заглушались дикимъ шумомъ разврата, воцарившимся въ залѣ. Смѣхъ, слова, звонъ рюмокъ, крики сливались въ одурѣвающій гамъ, надъ которымъ ясно раздавался только голосъ флейты. А онѣ танцовали все сладострастнѣе, ярче, и ихъ безумныя движенія въ облакахъ прозрачнаго газа казались на фонѣ зеленой стѣны видѣніемъ вакханалій.

Довольный смѣхъ стоялъ все время. Только Зоська, поднявъ голову, смотрѣла долго пьяными глазами на танцующихъ.

— Это свинство, это такое свинство! — крикнула она съ безсознательнымъ возмущеніемъ и разразилась пьяными рыданіями.

Кесслеръ приказалъ лакеямъ ее унести.

Веселое развлеченіе лодзинскихъ царьковъ продолжалось.

XV.

— Не хотите ли еще чаю, панъ Юзефъ?

— Спасибо, пани, — отвѣтилъ Юзефъ.

Всталъ, поклонился и покраснѣвъ продолжалъ читать газету пану Адаму.

Анка, полулежа въ качалкѣ, слушала покачиваясь, но чаще поглядывала на дверь веранды, прислушиваясь, не идетъ ли Карлъ.

— Матвѣй, пусть самоваръ не остываетъ, баринъ, вѣрно, сейчасъ придетъ! — крикнула она въ кухню. Обошла комнату, посмотрѣла въ темныя окна, прижалась лбомъ къ стеклу и опять вернулась къ качалкѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ.

Это было уже не впервые съ тѣхъ поръ, какъ они жили въ Лодзи, т.-е. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Для Боровецкаго время мелькало быстро, для нея и для отца оно тянулось страшно медленно. Замкнутые въ этомъ домѣ, въ маленькомъ чахломъ садикѣ, замѣнившемъ имъ Куровъ, они тосковали по деревнѣ, по простору полей и съ трудомъ привыкли къ новой жизни и обстановкѣ.

Анка похудѣла не столько отъ тоски, сколько отъ частыхъ огорченій и тайныхъ терзаній по поводу Карла.

Вѣрила, была убѣждена, что онъ ее любитъ, но послѣ пріѣзда въ Лодзь минутами въ этомъ сомнѣвалась.

Еще не была въ этомъ увѣрена и стыдилась своихъ

подозрѣній, но сердцемъ угадывала эту горькую правду.

Кромѣ того ежедневно, съ грустнымъ изумленіемъ убѣждалась, что тотъ, кто казался ей идеаломъ человѣка, кого она украсила всѣмъ прекраснымъ своей собственной благородной души, о комъ думала съ гордостью и радостью, кого любила первой любовью, этотъ будущій ея мужъ, этотъ «дорогой мальчикъ», какъ она его про себя называла, такъ не похожъ въ дѣйствительности на того, котораго она обожала.

Ежедневно въ этомъ убѣждалась и страдала отъ этого все сильнѣе.

Иногда добрый, любящій, сердечный, онъ предупреждалъ всѣ ея желанія, но чаще холодный, рѣзкій, безжалостный въ ироніи надъ ея деревенскими вкусами, онъ зло смѣялся надъ ея добротой, заботами о бѣдныхъ, надъ ея провинціальными понятіями, какъ онъ говорилъ. Тогда его стальные глаза причиняли ей острую, невыносимую боль, а угрюмое лицо выражало холодное равнодушіе.

Объясняла его поведеніе, какъ и онъ самъ, раздражительностью и многочисленными заботами по постройкѣ фабрики.

Она сперва этому вѣрила и терпѣливо переносила измѣнчивость настроенія, упрекала даже себя въ неумѣніи его успокоить, привязать къ себѣ такъ, чтобы онъ забывалъ съ ней всѣ заботы и непріятности. Пробовала это дѣлать, но перестала, замѣтивъ какъ-то его насмѣшливо-благодарный взглядъ.

Да и не умѣла; она любила его просто и искренно, могла бы всѣмъ пожертвовать ради него, но была не

способна къ тѣмъ взглядамъ, фразамъ, прикосновеніямъ и недомолвкамъ, къ тому искусственному очарованію, которое такъ любятъ мужчины, принимая за глубочайшую любовь — флиртъ и противное жеманство дѣвицъ, желающихъ выгоднѣе себя продать. Прямая, благородная душа Анки чувствовала къ этому отвращеніе и возмущалась такимъ способомъ возбужденія чувства и привязанности.

Обладала сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, была горда и чувствовала себя человѣкомъ.

«Почему его нѣтъ?» — думала она съ глубокой печалью.

Юзефъ читалъ тихимъ монотоннымъ голосомъ и отъ поры до времени поднималъ вспотѣвшее лицо и боязливо взглядывалъ на Анку, но тогда панъ Адамъ стучалъ палкой и кричалъ:

— Читай, читай! это любопытно, милостивый государь, это любопытно! Этотъ Бисмаркъ—штука, ого! Жаль, что нѣтъ ксендза, жаль... Ты слушаешь, Анка?

— Слушаю, — отвѣтила она, прислушиваясь къ шуму деревьевъ въ саду и глухому гулу работавшей ночью фабрики Мюллера.

Время тянулось медленно. Часы били, и послѣ боя становилось еще тише. Слабо раздавался сонный голосъ Юзефа, но наконецъ и онъ кончилъ и собрался уходить.

— Гдѣ ты ночуешь, Юзефъ? — спросилъ панъ Адамъ.

— Въ конторѣ старика Баума.

— Ему не лучше?

— Панъ Баумъ говоритъ, что онъ совершенно здоровъ. Панъ Высоцкій былъ сегодня, хотѣлъ его выслушать, но онъ такъ разсердился, что чуть не прогналъ его.

— Фабрика еще работаетъ?

— Работаютъ всего десять станковъ. Спокойной ночи.

Онъ поклонился и вышелъ.

— Панъ Максъ говорилъ вчера, что съ октября фабрика совсѣмъ закроется.

— Старикъ Баумъ, говорятъ, совсѣмъ сошелъ съ ума, всю ночь проводитъ на фабрикѣ и пробуетъ станки. Какъ-то Максъ нашелъ его въ главной залѣ, гдѣ онъ работалъ, переходя отъ станка къ станку. О, Карлъ идетъ! — крикнула она радостно, вскакивая съ кресла.

Вошелъ Карлъ, молча поздоровался и опустился въ кресло.

— Ты изъ города? — спросилъ старикъ.

— Какъ всегда, — отвѣтилъ онъ рѣзко, раздраженный тѣмъ, что долженъ давать отчетъ, но, замѣтивъ тревожный взглядъ Анки, спросилъ мягче:

— Что у васъ новаго? Я не могъ быть къ обѣду, ѣздилъ въ Петроковъ, простите, что не предупредилъ: не было времени. Я выѣхалъ неожиданно. Была у васъ Травинская?

— Была. А послѣ двѣнадцати навѣстила насъ Мюллеръ съ Мадой.

— Пани Мюллеръ съ Мадой? — спросилъ онъ удивленно.

— Пришли какъ сосѣдки. Очень милыя женщины

и обѣ васъ расхваливали. Жаловались, что вы ихъ забыли.

— Странная претензія! Я былъ у нихъ всего нѣсколько разъ.

Пожалъ плечами.

Анка удивленно на него посмотрѣла. Мада ясно сказала, что Карлъ бывалъ у нихъ весной почти ежедневно.

— Ты не находишь, что Мада типичная гусыня?

— Она мнѣ показалась очень разумной, простой и искренней, даже слишкомъ... Не понимаю, почему Максъ отзывается о ней съ такой непріязнью.

— Максъ склоненъ къ предубѣжденіямъ.

Но онъ зналъ, почему Максъ не любитъ Мады. Заставилъ себя выпить чаю, чтобы отказомъ не огорчать Анки, и обдумывалъ этотъ странный визитъ.

Зачѣмъ онѣ приходили?

Можетъ быть Анка нарочно искала сближенія? Сталъ подробно разспрашивать объ этомъ. Анка все до мелочей ему разсказала и искренно удивлялась ихъ приходу.

«Это продѣлка Мады, ловкая дѣвушка!» — думалъ онъ недовольно.

Онъ вѣдь еще не отказался стать зятемъ Мюллера, поэтому предпочелъ бы, чтобы онѣ были подальше другъ отъ друга; его положеніе было бы тогда легче.

— Надо будетъ отдать визитъ, — замѣтилъ онъ небрежно.

— Мнѣ не хочется заводить новыхъ знакомствъ

— Разумѣется, тѣмъ болѣе знакомствъ совершенно неподходящихъ.

— Пойду къ нимъ на дняхъ съ отцомъ, и этимъ все кончится.

Карлъ началъ разсказывать съ снисходительнымъ сожалѣніемъ объ ихъ грубыхъ привычкахъ, о мѣщанскихъ вкусахъ Мады, представлялъ ихъ въ умышленно смѣшномъ видѣ, чтобы отнять у Анки охоту ближе съ ними познакомиться, а потомъ перешелъ къ своимъ дѣламъ и заботамъ. Анка внимательно слушала, съ участіемъ смотрѣла на его обведенные кругами глаза, на утомленное лицо и спросила его, когда онъ кончилъ:

— Скоро конецъ?

— Черезъ два мѣсяца долженъ пустить фабрику въ ходъ или хотя бы одинъ отдѣлъ, но еще столько работы, что боюсь даже подумать.

— Надо потомъ хорошо отдохнуть.

— Отдохнуть! Но вѣдь потомъ будетъ еще больше работы, нужны цѣлые годы напряженнаго труда, усилій, счастливыхъ условій, хорошихъ покупателей и денегъ, чтобы стать тверже на ноги. Тогда только можно будетъ думать объ отдыхѣ.

— И эта лихорадочная, изнурительная жизнь всегда?

— Всегда и кромѣ того съ вѣчной заботой все это удержать.

— Въ Куровѣ вамъ не пришлось бы такъ мучиться.

— Вы это говорите серьезно?

— И я скажу то же самое, — вставилъ панъ Адамъ, раскладывая пасьянсъ.

— Я долго объ этомъ думала, — сказала она, пододвинулась къ нему и, опершись на его плечо, стала

съ тоской и жаромъ описывать спокойную, мирную жизнь въ деревнѣ.

Презрительно усмѣхнулся...

Пусть фантазируетъ, если это ей нравится.

Взялъ въ руки ея длинную косу и вдыхалъ ароматъ ея волосъ.

— Тамъ было бы такъ хорошо, никто бы намъ не мѣшалъ жить спокойно и счастливо, — продолжала Анка воодушевляясь.

Карлъ сравнивалъ ея слова съ такими же словами многихъ другихъ женщинъ.

Всѣ онѣ мечтали о счастьѣ съ нимъ; то же самое говорила ему часъ назадъ Люси.

Улыбнулся и, прикоснувшись пальцами къ холоднымъ рукамъ невѣсты, убѣдился, что онѣ не вызываютъ въ немъ страстной дрожи, что онѣ не такъ хороши, какъ руки Люси.

Анка продолжала съ большей искренностью разсказывать свои мечты и желанія.

«Гдѣ я слышалъ то же самое? Да!»—вспомнилъ онъ длинные вечера у Ликертъ.

Вспомнилъ и другихъ женщинъ, столько лицъ, рукъ, объятій, поцѣлуевъ, клятвъ любви.

Былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ свиданія съ Люси, нервно вздрагивалъ и чувствовалъ себя до того уставшимъ, что голосъ Анки казался ему другимъ, голосомъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ когда-то любилъ, воскресшихъ въ его воспоминаніяхъ. Ему казалось, что это онѣ около него говорятъ, мечтаютъ, трогаютъ его. Почти слышалъ шорохъ ихъ платьевъ, видѣлъ ихъ блѣдные профили, ихъ улыбки и слова, пол-

ныя страннаго очарованія, ему казалось, что онъ ихъ видитъ...

Вздрогнулъ, обнялъ Анку и прижался еще горѣвшими отъ другихъ поцѣлуевъ губами къ ея виску... Подняла къ нему удивленное отъ неожиданности лицо, а онъ впервые замѣтилъ, что она некрасива, что она необыкновенно мила, благородна, добра, но некрасива...

Анку странно смутилъ и заставилъ покраснѣть этотъ холодно-наблюдательный взглядъ. Вынула у него платокъ изъ кармана и стала обмахиваться.

— Какіе это духи? — спросила она, лишь бы что-нибудь сказать. Его холодный взглядъ остановилъ ея горячія слова.

— Кажется, фіалка.

— Нѣтъ, не фіалка, а геліотропъ съ розой! — отвѣтила Анка съ улыбкой, невольно разсматривая платокъ.

Это былъ изящный шелковый платочекъ, обшитый кружевами, съ монограммой посрединѣ. Онъ взялъ его у Люси и забылъ его подальше спрятать.

— Правда, геліотропъ! — отвѣтилъ онъ, слишкомъ торопливо отнимая и пряча платокъ.

— Матвѣй, несмотря на запрещеніе, постоянно меня душитъ. Лучше бы наблюдалъ, чтобы прачка не обмѣнивала мелкихъ вещей, — говорилъ небрежно, чувствуя, что Анка не вѣритъ его неудачному объясненію.

Онъ посидѣлъ еще немного, завелъ даже разговоръ по-душѣ, но, встрѣчая все время недовѣрчивый взглядъ Анки, сталъ прощаться.

Анка проводила его по обыкновенію на веранду, гдѣ ждалъ Матвѣй съ фонаремъ.

— Матвѣй, не душите барину такъ сильно платковъ, — сказала она тихо.

— Я не душу, у насъ и духовъ-то не имѣется, — отвѣтилъ тотъ сонным голосомъ.

Анка слегка вздрогнула, взглянувъ на смущенное лицо Карла.

— Можетъ быть поѣдете завтра съ нами въ костелъ?

— Если можно будетъ, то утромъ дамъ вамъ знать.

Они разстались.

Анка медленно возвратилась въ комнаты, велѣла погасить огни, отдала приказанія на завтра, попрощалась съ отцомъ и, очутившись въ своей комнатѣ, стала у окна и долго смотрѣла въ темноту ночи, долго надъ этимъ думала.

— Впрочемъ, не все ли равно, — шепнула она про себя.

Но это не было правдой, она хотѣла быть равнодушнѣе и не могла. Она не хотѣла поддаваться этимъ горькимъ, унижающимъ ея гордость наблюденіямъ, этимъ грубо вставшимъ передъ нею фактамъ.

— Я не буду помѣхой его счастью, — сказала она утромъ послѣ безсонной ночи, замкнувшись въ гордости, не позволявшей ей ни плакать ни жаловаться.

За завтракомъ была какъ всегда спокойна.

Все скрыла въ себѣ самой.

Прислуга доложила, что ее спрашиваетъ толпа рабочихъ.

Анка вышла, не зная въ чемъ дѣло. Пана Адама тоже вывезли.

На верандѣ было нѣсколько пріодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ съ торжественными лицами. При ея появленіи вышелъ Соха, теперь кучеръ Боровецкаго, поцѣловалъ ея руку, поклонился по деревенскому обычаю въ ноги, подался назадъ, крякнулъ, вытеръ носъ рукавомъ, оглянулся на стоявшую рядомъ жену и сказалъ съ чувствомъ:

— Мы вотъ сговорились и пришли сказать спасибо нашей дорогой барышнѣ за мальчугана, который разбился и лѣчился у барышни, за ту бабу, что осталась вдовой послѣ Михайлы, который убился до смерти, и за тѣхъ ребятъ, которые т.-е. остались послѣ этого Михайлы, разбившагося до смерти, и за вашу доброту къ нимъ, — выговорилъ онъ безъ передышки и оглянулся на жену и товарищей, которые кивали головами и шевелили губами, точно повторяя за нимъ.

Передохнулъ и продолжалъ:

— Мы бѣдные сироты, барышня намъ чужая, а добра къ намъ, какъ мать родная. Народъ сговорился, чтобы за все это поблагодарить барышню отъ всего сердца. Нѣтъ у насъ съ собой подарковъ, но подарки... но... цѣлуйте, стервы, барышнѣ руки, обнимите ей ножки! — крикнулъ онъ, когда не могъ справиться съ рѣчью.

Послѣ такого энергичнаго обращенія всѣ окружили Анку и стали цѣловать ей руки, а болѣе робкіе — локти.

Тронутая, радостно взволнованная Анка не могла

сказать ни слова, поэтому панъ Адамъ отвѣтилъ за нее и велѣлъ всѣмъ вынести водки.

Въ это время подошелъ Карлъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ выдать имъ еще водки и закуски; пожималъ рабочимъ руки, но улыбался насмѣшливо, а когда рабочіе ушли, сказалъ язвительно:

— Трогательная сцена! Я думалъ, что это праздникъ жатвы, не хватало только пѣсенъ и вѣнка изъ колосьевъ. Впрочемъ онъ былъ сплетенъ изъ благодарности и добрыхъ дѣлъ.

— Вижу, что нѣтъ ничего легче, какъ все поднимать на смѣхъ. Вы слишкомъ часто это дѣлаете, — отвѣтила она спокойно по наружности, но возмущенная въ глубинѣ души.

— Вина не моя, слишкомъ часто встрѣчаются для этого случаи.

— Спасибо за откровенность. Я теперь уже хорошо знаю, что всѣ мои поступки смѣшны, ничтожны, провинціальны и глупы, что все это заслуживаетъ только одной иронiи. Вы ее свободно выражаете, потому что мнѣ отъ нея только больно, а вамъ она доставляетъ удовольствіе, не правда ли? — сказала Анка взволнованно.

— Что ни слово—обвиненіе, и такое тяжелое, — сказалъ Карлъ.

— Это правда

— Нѣтъ, совершенная неправда, очень горькая неправда.

— Горькая! — повторила Анка съ насмѣшкой.

— Панна Анка, Анка! за что вы на меня сердитесь! Зачѣмъ будемъ мы отравлять другъ другу жизнь

такими мелочами? Неужели вы серьезно находите оскорбительной критикой мою иронію? Увѣряю васъ, что никогда у меня не было въ мысляхъ и быть не могло, — оправдывался онъ горячо, искренно огорченный и задѣтый ея словами.

Анка не слушала и вышла изъ комнаты, не взглянувъ на него.

Карлъ пошелъ къ отцу на веранду жаловаться.

— Я уже трупъ, не жилецъ здѣсь и скажу тебѣ откровенно, ты обижаешь Анку, самъ отталкиваешь ее. Смотри, какъ бы тебѣ потомъ не раскаяться, — отвѣтилъ старикъ грустно и сталъ его мягко упрекать въ небрежности къ невѣстѣ въ тысячахъ мелочей повседневной жизни, которыми онъ ранилъ и оскорблялъ ея любовь.

— Антонина, спросите барышню, скоро ли мы поѣдемъ въ костелъ, лошади готовы, — сказалъ Карлъ горничной и смущенный упреками отца нетерпѣливо ждалъ отвѣта.

Горничная сейчасъ же вернулась.

— Барышня ушли къ пани Травинской и сказали, что сегодня въ костелъ не поѣдутъ.

Боровецкій покраснѣлъ отъ досады и ушелъ.

— Заварилъ кашу, теперь самъ и расхлебывай!.. — буркнулъ ему вслѣдъ панъ Адамъ.

Анка разсердившись пошла къ Нинѣ.

Нина была одна, сидѣла въ угловой комнатѣ передъ мольбертомъ и рисовала пастелью букетъ золотистыхъ розъ, разсыпанныхъ на прекрасной зеленой матеріи.

— Хорошо, что ты пришла, я хотѣла тебѣ писать.

— Ты одна?

— Казя уѣхалъ въ Варшаву и вернется только вечеромъ. Писать надоѣло, читать не хочется. Я хотѣла тебѣ предложить проѣхаться за городъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Будетъ у тебя время?

— Сколько угодно.

— А Карлъ?

— Я вѣдь взрослый человѣкъ и могу распоряжаться собой и своимъ временемъ.

— А! — невольно вырвалось у Нины, но больше не спрашивала, потому что лакей доложилъ о приходѣ Куровскаго.

Узнавъ, что Травинскаго нѣтъ, онъ хотѣлъ уходить.

— Останьтесь, пообѣдаемъ вмѣстѣ, а потомъ поѣдемъ втроемъ за городъ, будете нашимъ опекуномъ и утѣшителемъ, хорошо?

— Согласенъ быть опекуномъ.

— Ба, намъ необходимъ также утѣшитель.

— Хорошо, вы можете страдать, а я буду васъ утѣшать, но предупреждаю, что слезамъ я не повѣрю и предоставлю имъ литься хоть цѣлыми потоками.

— Вы не вѣрите слезамъ?

— Извините, слезамъ женщины.

— Одна васъ обманула, а теперь вы всѣмъ мстите?

— Да, меня обманывали, и теперь я мщу! — отвѣтилъ Куровскій весело.

— Съ нами вамъ не представится случая, мы принадлежимъ къ тѣмъ, которыя не плачутъ. Правда, Анка?

— Во всякомъ случаѣ никто никогда не увидитъ

ни нашихъ слезъ ни страданій, — отвѣтила Анка тихо.

— Преклоняюсь передъ такой гордостью и, будь я законодателемъ, я сдѣлалъ бы ее обязательной для всѣхъ.

— Никто бы этому не слѣдовалъ, люди счастливы, когда могутъ казаться другимъ несчастными.

— Большой парадоксъ и большая правда. Человѣкъ прежде всего лиричень, если не сентименталенъ. Новый Линней долженъ былъ бы отнести его къ классу плаксивыхъ. А что Карлъ здѣсь сегодня будетъ?

— Не знаю, увижу ли я сегодня пана Боровецкаго.

Куровскій быстро взглянулъ на Анку, но лицо ея не выражало ничего, кромѣ спокойнаго равнодушія.

Послѣ обѣда, который прошелъ оживленно, такъ что даже Анка развеселилась, благодаря стараніямъ Куровскаго, возникъ вопросъ, куда ѣхать?

— Только не въ Эленовъ, тамъ сегодня слишкомъ людно.

— Поѣдемъ за городъ. Жаль, что нѣтъ Травинскаго, я бы предложилъ вамъ тогда провести послѣ обѣда у меня. Около моей хаты есть вода и садъ, тамъ было бы прохладно.

— А это далеко отъ Лодзи? — спросила Анка.

— Боковой дорогой около пяти верстъ.

— Вы кажется хозяйничаете?

— Я большой баринъ, у меня сорокъ морговъ пахатной земли... но хозяйствомъ я занимаюсь только на фабрикѣ, потому что агрономическаго не знаю и ненавижу.

— Карлъ говорилъ мнѣ весной, что засталъ васъ

за собственноручнымъ посѣвомъ ячменя, а не въ лабораторіи, значитъ?..

— Значитъ... Карлъ только шутилъ, увѣряю васъ, что шутилъ, — отвѣтилъ быстро Куровскій, который скрывалъ свои вкусы къ хозяйству, называя ихъ презрительно при другихъ мужицкими.

— Покажу вамъ, какъ веселятся въ Лодзи въ воскресенье широкія массы, — говорилъ онъ, подсаживая ихъ въ коляску, и приказалъ ѣхать въ лѣсъ Мильша.

Городъ точно вымеръ, магазины были закрыты, кабаки пустовали, улицы, залитыя яркимъ солнцемъ, были безлюдны. Стояла невыносимая жара. Деревья на тротуарахъ застыли неподвижныя, съ поникшими листьями, безпомощныя противъ этой силы тепла, льющагося съ бѣловатаго неба, которое распростерлось надъ городомъ тяжелой, плотной, теплой пеленой. Ни одно дуновенье вѣтра не приносило съ полей прохлады; мостовыя, тротуары и стѣны накалились.

— Вы любите тепло, — замѣтилъ Куровскій Анкѣ, которая закрыла зонтикомъ лицо и подставила руки и плечи солнцу.

— Только солнечное.

— А эти жарятся какъ на сковородкѣ, — показалъ онъ на низкіе дома, въ короткой тѣни которыхъ расположились цѣлыя семьи, почти совершенно раздѣтыя.

— Странно, вижу, что жара, но я ее совершенно не чувствую, — замѣтила Нина.

Никто ей не отвѣтилъ. Куровскій зорко наблюдалъ Анку. Его большіе, каріе глаза, похожіе на гла-

за тигра, внимательно слѣдили за выраженіемъ ея лица.

Анка, не замѣтивъ этого, думала о Карлѣ, стараясь заглушить въ себѣ тихую печаль, сожалѣніе, что она сдѣлала ему непріятность.

— Мы здѣсь остановимся? — спросила Нина, когда коляска остановилась передъ садикомъ ресторана, откуда доносился шумъ голосовъ и звуки военной музыки.

— Пройдемъ въ лѣсъ.

Они протѣснились сквозь шумную, крикливую толпу.

Нѣсколько сотъ деревьевъ и кустовъ съ пожелтѣвшими, свернувшимися отъ жары листьями, бросали жалкую тѣнь на истоптанныя лужайки, на песчаныя дорожки и аллеи, въ туманѣ отъ пыли, носившейся надъ садомъ. Пыль осѣдала на деревья, на сотни бѣлыхъ столиковъ, на толпу, сидѣвшую за пивомъ, которое разносили грязные гарсоны.

Военный оркестръ игралъ на эстрадѣ сентиментальный вальсъ, и въ главномъ корпусѣ ресторана, окруженномъ верандами, танцовали съ увлеченіемъ несмотря на тропическую жару. Танцоры были безъ сюртуковъ, нѣкоторые даже безъ жилетовъ; они съ азартомъ стучали каблуками и громко покрикивали.

Ихъ горячо поддерживали многочисленные зрители, тѣснившіеся у открытыхъ оконъ и дверей, черезъ которыя подавали уставшимъ пиво; многіе танцовали на верандѣ и на лужайкахъ въ облакахъ пыли, подъ звуки выстрѣловъ въ тирѣ, глухого стука кегельныхъ шаровъ и дѣтскихъ трубъ, звучавшихъ по всему саду.

На маленькомъ гниломъ зацвѣтшемъ пруду качалось нѣсколько лодокъ; нѣсколько нѣжныхъ парочекъ жарились на солнцѣ и, работая веслами, пѣли чувствительную нѣмецкую пѣсенку о рощѣ, пивѣ и любви.

— Пойдемъ, не могу больше, — сказала Нина поднимаясь.

— Съ васъ довольно уже народнаго гулянья и демократическаго общества? — спросилъ съ иронiей Куровскiй, расплачиваясь за пиво, къ которому они не притронулись.

— Нѣтъ, только довольно пыли и грязи. Пойдемте въ лѣсъ, можетъ быть, тамъ будетъ прохладнѣе, — сказала она, прижимая платокъ къ губамъ.

Но въ лѣсу не было прохладнѣе.

— Такъ это лѣсъ? — спросила Анка съ изумленiемъ, останавливаясь подъ деревьями.

— Въ Лодзи это зовутъ лѣсомъ.

Они пошли вглубь.

Лѣсъ былъ тихiй, точно мертвый. Тысячи черныхъ, печальныхъ стволовъ разбѣгались во всѣ стороны; пожелтѣвшiя жалкiя вѣтви безсильно поникли, не пропуская свѣта. Было сумрачно и грустно. Деревья стояли неподвижно, а когда проносился вѣтерокъ, они дрожали какъ въ лихорадкѣ, жалобно, глухо шумѣли и опять стояли мертвые, черные, печальные. Точно глубоко задумавшись, склонились они надъ ручейкомъ фабричныхъ стоковъ, который вился въ полумракѣ цвѣтной лентой среди черныхъ стволовъ, распространяя кругомъ зловонiе и образуя мѣстами топкiя, гнилыя болотца. Крѣпкiя деревья точно пальца-

ми великановъ ухватились корнями за землю и высасывали изъ нея медленную гибель и смерть.

Среди этихъ умирающихъ деревьевъ расположилась шумная толпа людей.

Вездѣ играли шарманки и сотни гармоній, дымили самовары, дѣти носились въ сумеркахъ, какъ пестрые мотыльки, кое-гдѣ танцовали. Шумъ людскихъ голосовъ и звуки музыки глухо разносились по лѣсу.

— Грустное развлеченіе! — замѣтила Анка. — Почему они не веселятся, почему они не всѣ кричатъ, поютъ, не радуются отъ души свободѣ, отдыху, жизни?

— Почему? потому что не умѣютъ и нѣтъ для этого силъ. Они отдыхаютъ отъ вчерашняго дня; еще не забыли его, а печальное завтра уже омрачаетъ ихъ души, — сказала Нина, показывая на цѣлыя семьи, которыя сидѣли апатичныя, усталыя и съ удивленіемъ смотрѣли на лѣсъ и на тѣхъ, кто смѣялся и танцовалъ.

— Выйдемъ изъ лѣса, я хочу увидѣть хоть кусочекъ поля, — сказала Анка.

Они пошли; но Анка не нашла того, чего искала; вмѣсто поля были большіе пустыри съ кирпичными заводами, съ красными трубами фабрикъ, съ многоэтажными домами.

Нѣсколько велосипедистовъ ѣхали по усыпанной мелкимъ каменнымъ углемъ дорогѣ.

Быстро ѣхали они обратно. Анка торопливо ушла домой, думая застать еще Карла, но онъ не приходилъ даже къ обѣду. Панъ Адамъ спалъ въ своемъ креслѣ въ саду; тоскливая тишина стояла во всемъ

домѣ. На верандѣ летали чирикая воробьи, не испугавшись Анки. Она обошла весь садъ, всѣ комнаты, не зная, что ей дѣлать.

Взяла книжку и сѣла на верандѣ, но ей не читалось; смотрѣла, ни о чемъ не думая, на бѣлыя тучи, надвигавшіяся съ востока, и слушала, какъ горничная громко пѣла въ кухнѣ молитвы. Это такъ напомнило ей деревню, нагнало на нее такую глухую, болѣзненную тоску, что она расплакалась.

Почувствовала себя такой одинокой, покинутой, чуждой всѣмъ.

Панъ Адамъ позвалъ ее, и она покатила его на веранду.

— Карлъ не приходилъ?

— Не знаю, я недавно вернулась.

Они долго молчали, избѣгая смотрѣть другъ на друга, наконецъ панъ Адамъ робко сказалъ:

— Можетъ быть прочтемъ вмѣстѣ вечерню?

— Хорошо, хорошо! — радостно воскликнула Анка и принесла молитвенникъ.

— Потому что... видишь ли... это напоминаетъ намъ Куровъ... — шепнулъ онъ, снялъ шляпу, перекрестился и сталъ повторять за ней съ чувствомъ глубокой вѣры латинскія слова гимновъ.

Предвечерняя тишина стала еще глубже, надвигалась одновременно съ сумерками, охватившими уже низкіе дома и сады. Только желѣзныя крыши и стекла горѣли яркимъ заревомъ заката, а клубы дыма работавшихъ по воскресеньямъ фабрикъ стали розовыми, поднимаясь безконечной спиралью прямо къ небу.

Анка читала, пока совсѣмъ не стемнѣло; ея чистый голосъ съ глубокимъ, лирическимъ оттѣнкомъ несся по верандѣ; поникшіе листья винограда и нѣжные цвѣты вьюнка и душистаго горошка, цѣплявшіеся за балюстраду, слегка колебались. Когда Анка кончила, она опустилась около старика на колѣни и по куровскому обычаю запѣла немного глухимъ голосомъ.

Панъ Адамъ вторилъ ей басомъ, а горничная въ кухнѣ дискантомъ.

Отъ города издалека доносился шумъ возвращавшейся съ прогулки толпы, стукъ пролетокъ, гулъ фабрикъ и жалобные звуки шарманокъ у кабаковъ.

Подали чай, но Карла все не было.

Анка ждала его все съ большимъ нетерпѣніемъ; молитва ее успокоила, и она рѣшила высказать Карлу всѣ свои тяжелыя сомнѣнія.

Рѣшила даже извиниться за сегодняшній поступокъ, лишь бы покончить эти постоянныя недоразумѣнія.

Но Карлъ не приходилъ; зато пришла Высоцкая съ таинственнымъ и строгимъ видомъ, долго говорила о своемъ сынѣ, о мужчинахъ вообще, долго подготовляла почву, чтобы перейти къ вопросу, по которому пришла.

Анка слушала ее съ возрастающимъ безпокойствомъ и наконецъ спросила:

— Почему тетя не скажетъ мнѣ откровенно въ чемъ дѣло, къ чему эти полуслова и недомолвки?

— Хорошо, предпочитаю сама откровенность, а то чувствую себя неловко. Пойдемъ въ твою комнату. Закрой хорошо двери!

— Я слушаю, тетя, — сказала Анка, садясь въ низ-

кое кресло къ столу, на которомъ горѣла лампа подъ золотистымъ абажуромъ.

— Вотъ что, дитя мое, я пришла спросить тебя, какъ близкій тебѣ человѣкъ, знаешь ли, что говорятъ въ Лодзи про тебя и про Карла?

— Я не думала даже, что могутъ о насъ говорить,— отвѣтила Анка тихо, поднимая на нее глаза.

— И не догадываешься?

— Совершенно; понятія не имѣю, о чемъ могли бы говорить, — отвѣтила она такъ спокойно, что Высоцкая удержалась отъ какихъ-то словъ, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, посмотрѣла на нее и сказала шопотомъ:

— Говорятъ, что... что Карлъ охотно бы женился на Мадѣ Мюллеръ, если бы... если бы...

— Если бы я ему не мѣшала? — докончила Анка съ силой.

— Значитъ тебѣ это извѣстно?

— Нѣтъ, вѣдь вы сами мнѣ только что сказали,— отвѣтила Анка и замолчала.

Откинулась на высокую спинку кресла и смотрѣла погасшимъ, тупымъ взглядомъ; это извѣстіе не потрясло ее вдругъ, а проникало въ ея сердце болѣзненными уколами. Она переносила его еще спокойно, только нервная дрожь охватила ее всю, но она и ее подавляла усиліемъ воли.

— Анка моя, не сердись на меня за плохую вѣсть, можетъ быть это только злая сплетня. Я была обязана тебѣ ее сказать... Поговори съ Карломъ откровенно, потому что такія сплетни могутъ убить самую сильную любовь и... и... Вѣнчайтесь какъ можно ско-

рѣе, этимъ вѣрнѣе заставите прикусить злые языки. И не сердись на меня, я не могла не предупредить тебя.

— Я очень тетѣ благодарна, очень...

Она поцѣловала руку Высоцкой.

— Не огорчайся, это только сплетни. У Карла много недоброжелателей. Много женщинъ имѣли на него виды, многія его любили, ничего удивительнаго, что онѣ теперь мстятъ, а впрочемъ, люди вообще не выносятъ чужого счастья. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, тетя.

Анка проводила Высоцкую.

— Если хочешь, я поговорю съ Карломъ

— Нѣтъ, спасибо, я должна сказать ему сама. Можетъ быть подождете, тетя, минуточку, я возьму только накидку, пойду къ Травинской.

Онѣ молча вышли. Высоцкая пробовала заговаривать, но Анка почти ничего не слышала и не отвѣчала, переживая все глубже неожиданное извѣстіе.

Ближе всего было пройти къ Травинскимъ черезъ садъ и фабрику Боровецкаго, но по случаю воскресенья фабрика была закрыта, поэтому пришлось итти по улицѣ мимо дома Мюллеръ.

Окна были открыты и освѣщены; сквозь кисейныя занавѣски было съ улицы все видно. Анка шла мимо, не глядя, но Высоцкая загляпула, остановилась и потянула за руку Анку.

Въ гостиной сидѣла вся семья Мюллеръ и между ними Боровецкій.

Мада наклонилась къ нему и, радостно смѣясь, что-

то разсказывала, а Карлъ слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ.

Увидѣвъ это, Анка, ни слова не говоря Высоцкой, повернула домой.

Не приходила въ отчаяніе, не плакала, чувствовала себя только смертельно оскорбленной въ своей любви.

На слѣдующій день послѣ обѣда Карлъ сталъ передъ ней оправдываться, почему онъ не былъ вечеромъ, но она остановила его холодно и высокомѣрно:

— Зачѣмъ вамъ оправдываться? Вы дѣлаете то, что вамъ пріятнѣе. У Мюллеръ вамъ лучше, поэтому вы и провели тамъ вечеръ.

— Перестаю васъ понимать, — отвѣтилъ онъ обиженно.

— Не знаю, старались ли вы когда-нибудь понять меня.

— Почему вы такъ со мной говорите?

— Вы хотѣли бы, чтобы я совсѣмъ замолчала?

— Скорѣе вы сами меня до этого доведете.

— О, да! я довожу васъ до этого, ожидая иногда отъ васъ цѣлыми днями хоть одного слова, ожидая напрасно... — съ горечью сказала Анка. Но сейчасъ же пожалѣла сказаннаго, потому что Карлъ сидѣлъ злой и равнодушный.

Недовольство и скука отражались въ его глазахъ и словахъ; онъ больше не могъ притворяться, всталъ и, взявъ шляпу, холодно сказалъ:

— Я ѣду въ Куровъ, нѣтъ ли у васъ порученій?

— Есть, даже нѣсколько.

— Могу ихъ исполнить.

— Спасибо, исполню ихъ сама, черезъ нѣсколько дней мы поѣдемъ туда съ отцомъ.

Поклонился и вышелъ, но изъ сада вернулся съ сильнымъ желаніемъ помириться, чувствуя свою вину передъ ней. Засталъ Анку тамъ, гдѣ ее оставилъ.

Анка сидѣла, заглядѣвшись въ окно, и подняла на него вопросительный взглядъ.

— Панна Анка, за что вы на меня сердитесь? Почему вы со мной не такъ откровенны, какъ раньше въ Куровѣ? Что съ вами? Если я васъ огорчилъ, если сдѣлалъ вамъ какую-нибудь непріятность, прошу отъ всего сердца, простите меня...

Говорилъ тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ и, увлеченный искренностью своего тона, продолжалъ сердечно:

— У меня столько хлопотъ, столько постоянныхъ непріятностей, что я, вѣрно, не разъ оскорбилъ васъ своей рѣзкостью, но вы должны знать, что это могло быть только невольно, вы не можете думать, чтобы я сознательно васъ мучилъ. Анка, прошу тебя, скажи мнѣ что-нибудь, прости меня! Или я тебѣ сталъ уже безразличенъ?

Наклонился къ ней и заглянулъ ей въ глаза, которые она быстро опустила, чтобы скрыть слезы. Этотъ голосъ, тихій, сердечный, согрѣвая ее, вскрывалъ всѣ ея раны, поднималъ всѣ заглушенныя жалобы и всю жажду любви, наполнилъ слезами ея глаза, а душу такой странной, глубокой жалостью,—но не могла ему отвѣтить, не могла, чувствовала, что если заговоритъ, бросится ему на шею и разразится слезами. Поэтому она сидѣла молча и неподвижно и боролась со своей

гордостью, запрещавшей ей показывать свои чувства, безумную жажду любви и вѣры въ него.

Боровецкій ушелъ, не дождавшись отвѣта, глубоко огорченный.

Анка долго жалѣла объ этой минутѣ безвозвратно ушедшаго счастья, долго объ ней плакала. Потомъ дни и недѣли прошли въ мирѣ и внѣшнемъ спокойствіи.

Они здоровались, прощались съ прежней лаской, иногда довѣрчиво разговаривали, но уже безъ прежней сердечности, безъ прежней вѣры и заботливости другъ о другѣ. Анка старалась быть другой, прежней, доброй и любящей невѣстой, но съ ужасомъ замѣчала, что уже не можетъ быть такой, что любовь къ Карлу въ ней умирала. Она не забывала предупрежденія Высоцкой и находила подтвержденіе ему въ словахъ Карла, которыя только теперь начинала понимать, внимательно ихъ взвѣшивая.

Другіе тоже не жалѣли полунамековъ. То проговаривался Максъ, еще чаще Морицъ, очень охотно и довольно прозрачно намекавшій на планы и нужды Карла.

Прежде она не обращала на это никакого вниманія, но теперь научилась находить правду въ этихъ недомолвкахъ, горькую, оскорблявшую ея гордость правду. Если бы не мысль о панѣ Адамѣ, она сейчасъ же уѣхала бы изъ Лодзи.

Минутами въ ней опять вспыхивала умирающая любовь, сердце ея несмотря ни на что хотѣло любить и не могло помириться съ своей судьбой.

Судя по внѣшности, между ними ничего еще не

произошло, но они все больше отдалялись другъ отъ друга.

Боровецкій, занятый постройкой, не могъ удѣлять много времени и вниманія своей невѣстѣ, но чувствовалъ невольно, что Анка становится все грустнѣе, равнодушнѣе и холоднѣе.

Онъ рѣшилъ выяснить положеніе дѣла по окончаніи фабрики, а пока, чувствуя себя дома тяжело, бывалъ чаще у Мюллеръ и чаще прежняго встрѣчался съ Люси.

XVI.

«Съ 1 октября открылась фабрика хлопчатобумажныхъ издѣлій, подъ фирмой К. Боровецкій и К°. Обязательства будутъ за подписью К. Боровецкаго или М. Вельта».

Боровецкій прочелъ вполголоса торговый циркуляръ и вернулся съ нимъ къ Яскульскому.

— Надо сейчасъ же разослать его въ газеты, а завтра въ разныя фирмы, панъ Морицъ доставитъ намъ адреса.

Онъ вышелъ на большой дворъ, еще заставленный лѣсами и разными частями машинъ, потому что, хотя официально фабрика уже была окончена, но фактически могла работать только одна прядильня, другіе отдѣлы спѣшно доканчивались.

Карлъ не хотѣлъ и не могъ ждать по разнымъ причинамъ окончанія постройки, поэтому назначилъ на сегодняшній день освященіе фабрики и рѣшилъ пустить въ ходъ прядильню.

Былъ тревоженъ и взволнованъ и долго присматривался въ прядильной къ пробной работѣ, руководимой Максомъ, который, весь въ поту отъ усилій, охрипшій отъ крика, грязный и усталый, бѣгалъ по залѣ, самъ задерживалъ машины, поправлялъ ихъ, пускалъ въ ходъ, заботливо посматривая на жужжавшія веретена и на пробныя нити.

— Максъ, оставь все, уже собираются гости.

— Ксендзъ Семенъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ съ Заіончковскимъ и уже про тебя спрашивалъ.

— Я приду черезъ часъ.

Карлъ бросилъ довольный взглядъ на зеленыя еловыя гирлянды, которыми рабочіе во главѣ съ Яскульскимъ украшали главный входъ и окна. Другая часть рабочихъ подметала проходы и уставляла длинные, обитые коленкоромъ столы въ складѣ, еще не совсѣмъ оконченномъ; столы предназначались для рабочихъ и участвовавшихъ въ постройкѣ, которымъ былъ приготовленъ завтракъ.

Въ домѣ торопливо приготовлялись къ пріему коллегъ, друзей, знакомыхъ и фабрикантовъ, приглашенныхъ на торжество.

Карлъ ходилъ по заламъ и двору съ страннымъ чувствомъ безпомощности и сожалѣнія, что все уже кончено, что надо начинать новую, еще болѣе тяжелую работу, смотрѣлъ на стѣны и машины съ дружескимъ чувствомъ, какъ на что-то родное. Посвятилъ имъ столько мѣсяцевъ труда, умственныхъ и нервныхъ усилій, безсонныхъ ночей; они росли и развивались на его глазахъ благодаря его твердой, сильной вѣрѣ, и

теперь онъ чувствовалъ, какъ много его личнаго «я» заключено въ этихъ красныхъ стѣнахъ, въ этихъ странныхъ, чудовищныхъ машинахъ, лежавшихъ еще тихо и неподвижно на полу, но готовыхъ къ движенію по его мановенію, безжизненныхъ, но полныхъ тайной, замкнутой жизни.

Не обращалъ вниманія на Давида Гальперна, который пришелъ больной и незванный, желалъ ему отъ всей души счастья, радостно осматривалъ фабрику, залы, всѣмъ интересовался и повторялъ Максу:

— Я такъ радъ, я такъ радъ, панъ Баумъ, — съ вашей фабрикой Лодзь еще выросла.

— Не мѣшайте мнѣ! — буркнулъ Максъ.

Давидъ Гальпернъ не обидѣлся, пошелъ осматривать дальше, а потомъ во время освященія стоялъ съ открытой головой въ сторонѣ и съ восторгомъ смотрѣлъ на фабрикантовъ, на толпу и на новый источникъ обогащенія.

— Чего ты ищешь? — спросилъ Морицъ Карла, входя за нимъ въ пустую залу.

— Ничего, просто смотрю, — отвѣтилъ тотъ меланхолично.

— Развѣ нельзя было устроить поскромнѣе пріемъ рабочихъ?

— Это значитъ, не дать имъ ничего, потому что и такъ онъ очень скроменъ.

— Но стоитъ четыреста рублей, счета уже мнѣ поданы.

— Все равно заработаемъ на нихъ. Не спорь хоть сегодня. Смотри, вотъ исполнена наша давнишняя мечта, — сказалъ Карлъ, указывая на фабрику.

— Долго ли будетъ она существовать? — отвѣтилъ Моріцъ со странной усмѣшкой.

— Ручаюсь, что будетъ, пока я живъ, — отвѣтилъ Карлъ съ силой.

— Ты говоришь какъ поэтъ, а не какъ фабрикантъ. Кто можетъ поручиться, что черезъ недѣлю здѣсь не будутъ лежать кучи развалинъ? Кто знаетъ, не захочешь ли ты самъ черезъ годъ съ ней развязаться? Фабрика такой же хорошій товаръ, какъ ситецъ, и такъ же выгодно можетъ быть продана.

— Хорошо бы тебѣ обновить свои теоріи, очень ужъ онѣ мнѣ надоѣли, — отвѣтилъ ему Карлъ. Они вмѣстѣ пошли къ дому. На верандѣ сидѣло уже нѣсколько человѣкъ гостей.

Вскорѣ вышелъ и ксендзъ Семигъ въ ризѣ, и всѣ двинулись за нимъ.

Моментъ былъ очень торжественный. Толпы празднично одѣтыхъ рабочихъ съ обнаженными головами наполняли дворъ и залы фабрики.

Ксендзъ переходилъ изъ одного отдѣла въ другой, читалъ молитвы и кропилъ святой водой стѣны, машины и людей.

Въ прядильнѣ у каждой машины уже стояли рабочіе; пояса, ремни и колеса были наготовѣ и по знаку Боровецкаго всѣ дружно заработали и послѣ нѣсколькихъ оборотовъ стали. Рабочіе пошли въ складъ завтракать.

Фабрика стала функціонировать.

Всѣ собравшіеся вернулись домой къ завтраку.

Первый тостъ за благополучное развитіе фабрики провозгласилъ Кноллъ; въ длинной рѣчи онъ съ боль-

шимъ доброжелательствомъ вспомнилъ труды Боровецкаго въ фирмѣ Бухгольцъ и К°; другой подобный же тостъ, съ пожеланіемъ здоровья для компаньоновъ и друзей Карла, провозгласилъ Гросглюкъ, который поцѣловалъ Карла, и еще сердечнѣе обнялъ Морица.

А когда Заіончковскій провозгласилъ «да возлюбимъ другъ друга», тостъ, принятый довольно холодно, всталъ Корчмарскъ, сидѣвшій все время тихо среди милліонеровъ и непривычнаго для него общества. Но теперь, послѣ столькихъ тостовъ, онъ набрался храбрости, налилъ полный стаканъ коньяку, чокнулся съ Мышковскимъ и поляками и сказалъ сильнымъ, но хриплымъ голосомъ:

— Я скажу свое! Не вѣрю, чтобы люди возлюбили другъ друга,—потому что всѣ мы сидимъ у одного пирога и каждый ждетъ себѣ куска побольше. Волкъ и собака любятъ другъ друга только пока уплетаютъ вмѣстѣ теленка или барана. Если кому-нибудь надо или на-руку — пусть себѣ всѣхъ любитъ, но намъ не нужно этого — любить, намъ надо не поддаваться... Разсудкомъ ли... расчетомъ ли... или, напримѣръ, кулакомъ, но мы не должны уступать... у насъ есть сила, есть разумъ... вотъ что я хотѣлъ сказать и поэтому пью за здоровье пана Боровецкаго!

Онъ выпилъ свой стаканъ и хотѣлъ продолжать, но его заглушили громкія, преднамѣренныя «браво», потому что евреи и нѣмцы стали коситься. Корчмарекъ замолчалъ и продолжалъ пить съ Мышковскимъ.

Потомъ пошли тосты безъ конца, стало шумно, всѣ сразу заговорили.

Одинъ Карлъ молчалъ и поминутно выходилъ къ

рабочимъ, гдѣ хозяйничала Анка, окруженная толпой, цѣловавшей ей руки. Тамъ тоже пили за здоровье Карла, поэтому онъ долженъ былъ съ ними выпить. Поблагодаривъ ихъ, онъ ушелъ, уводя съ собой Анку. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ, взялъ Анку за руку и, показывая на фабрику, сказалъ радостно:

— Это моя фабрика! Моя, и я ее не выпущу.

— Меня это тоже чрезвычайно радуетъ, — отвѣтила она тихо.

— Не такъ, какъ меня, не такъ, — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Почему же? Ваше счастье — это мое счастье, — сказала она отходя, потому что Нина Травинская звала ее въ бесѣдку.

«Еще на меня сердится, надо будетъ опять ею немного заняться»,—думалъ онъ, входя на веранду, куда вынесли столы, потому что въ столовой было и тѣсно и душно.

Морицъ торжественно хозяйничалъ, всѣмъ распоряжался и поминутно отходилъ съ Гросглюкомъ, чтобы таинственно пошептаться.

Одинъ Максъ Баумъ не принималъ почти никакого участія въ общемъ весельѣ. Сидѣлъ рядомъ съ отцомъ, который пришелъ на приглашеніе, но пугалъ всѣхъ своимъ худымъ, пасмурнымъ лицомъ. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, иногда пилъ, смотрѣлъ на собравшихся, отвѣчалъ совершенно сознательно на вопросы и смотрѣлъ на новыя красныя крыши фабрики.

Въ маленькой комнаткѣ, выходившей на улицу, сидѣли ксендзъ Семенъ, Заіончковскій, панъ Адамъ и Куровскій. Они играли въ преферансъ и всѣ попрежне-

му съ наслажденіемъ ссорились; всѣ, кромѣ Куровскаго, который, раздавъ карты, всегда исчезалъ, отыскивалъ Анку, обмѣнивался съ ней нѣсколькими словами и возвращался подсмѣиваясь по дорогѣ надъ пьянымъ Кесслеромъ. Онъ игралъ скверно, дѣлалъ ошибки, портилъ игру другимъ, за что выслушивалъ выговоры отъ пана Адама и крики Заіончковскаго. Только ксендзъ Семенъ радостно смѣялся, билъ чубукомъ по подряснику и восклицалъ:

— Хорошо, хорошо, дитятко мое милое. Какого ты перцу задалъ Заіончковскому! Будетъ помнить! Ха, ха, ха! Чтобы остаться безъ трехъ, надо быть Баранковскимъ, а не Заіончковскимъ, ха, ха, ха!

— Развѣ это я виноватъ? — ударилъ шляхтичъ кулакомъ по столу, — посадили меня играть съ зѣвакой, который и картъ держать въ рукахъ не умѣетъ! Семь трефъ!

Они сдали карты и играли молча, только панъ Адамъ по привычкѣ, когда карта ему шла, стучалъ ногой о подножку кресла и вполголоса напѣвалъ:

«Пошли дѣвки по грибы, по грибы, по грибы!»

Ксендзъ Семенъ попыхивалъ чубукомъ и время отъ времени кричалъ:

— Ясекъ, дай-ка, мошенникъ, огонька.

Яська не было, вмѣсто него стоялъ наготовѣ Матвѣй, спеціально приставленный Анкой къ услугамъ ксендза.

Куровскій молча и съ улыбкой принималъ ругательства Заіончковскаго, который казался ему забавнымъ пережиткомъ шляхты.

— Не хотите ли вина или пива? — спросила Анка, входя.

— Ничего не хотимъ, дитятко милое, ничего. А знаешь, Ануля, Заіончекъ сѣлъ безъ трехъ, — сообщилъ смѣясь ксендзъ Семенъ.

— Ей Богу же, ксендзу неприлично смѣяться надъ несчастьемъ ближняго, а то это можетъ кончиться такъ же, какъ въ Сандомирскомъ у Кинерскихъ. Было это...

— Милостивый государь, намъ до этого нѣтъ никакого дѣла! Ты слѣди за игрой и выкладывай-ка намъ тузика, послѣдняго тузика, не втирай намъ очковъ.

— Кому это я втираю очки! — разразился Заіончковскій.

Опять заспорили, и сильный голосъ Заіончковскаго раскатился по всему дому и саду такъ, что гости съ безпокойствомъ посмотрѣли на Боровецкаго.

— Панъ Высоцкій, не замѣните ли меня? — спросилъ Куровскій проходившаго мимо доктора, передалъ ему карты и пошелъ къ Анкѣ, гулявшей съ Ниной по саду. Присоединился къ нимъ, и они втроемъ прошли въ маленькую бесѣдку, увитую дикимъ виноградомъ съ покраснѣвшими листьями и обсаженную астрами и левкоями.

— Чудный день! — сказалъ онъ, садясь рядомъ съ Анкой.

— Вѣрно потому, что послѣдній осенній день.

Они долго молчали, наслаждаясь этимъ удивительно нѣжнымъ, мягкимъ воздухомъ, насыщеннымъ запахомъ послѣднихъ отцвѣтающихъ цвѣтовъ и увядающихъ листьевъ.

Отъ блѣднаго солнца стояла въ воздухѣ золотистая пыль, смягчавшая всѣ контуры и дававшая краскамъ умиравшаго сада прекрасный мягкій тонъ стараго золота.

На лужайкахъ отсвѣчивали опаломъ паутины, а въ тихомъ, теплomъ воздухѣ летали бѣлыя длинныя нити бабьяго лѣта, цѣплялись за желтые листья акацій, стоявшихъ у стѣны, проносились надъ полуголыми, съ послѣдними красными листьями, черешнями и зацѣпившись колыхались въ воздухѣ, пока вѣтромъ ихъ не уносило дальше, высоко къ крышамъ домовъ и къ трубамъ надъ ними.

— Въ деревнѣ такіе дни еще прекраснѣе, — шепнула Анка.

— О, конечно. Но, все-таки, хотя извиняюсь заранѣе, скажу, что сегодняшнее торжество не очень васъ радуетъ, панна Анна.

— Напротивъ, очень радуетъ, какъ всегда, когда исполняется желаніе человѣка.

— Вы ставите вопросъ слишкомъ обще, и этому я вѣрю. Не вижу только, чтобы сегодняшній день былъ для васъ радостью.

— Что подѣлать, если вы этого не видите. И все-таки онъ меня дѣйствительно радуетъ.

— Вашъ голосъ говоритъ другое!

— Развѣ онъ можетъ выражать не то, что я чувствую?

— Очевидно можетъ, потому что сейчасъ онъ говоритъ о вашемъ равнодушіи, — отвѣтилъ Куровскій смѣло.

— Вы плохо слышите и дѣлаете еще хуже выводы.

— Возможно, если вы этого хотите.

— Не приписывайте Анкѣ того, чего она не думаетъ, — сказала Нина.

— Мы можемъ иногда о чемъ-нибудь не думать и все-таки это «что-то» въ насъ есть, хотя можетъ быть еще и не сознанное нами. Я вижу, что я правъ.

— Нисколько. Вы только утверждаете.

— Правда, вѣдь мы бываемъ правы только тогда, когда вы соблаговолите согласиться.

— Вы обыкновенно утверждаете, не спрашивая нашего мнѣнія.

— Иногда мы спрашиваемъ...

Онъ улыбнулся.

— Для того, чтобы подтвердить свою правоту.

— Нѣтъ, когда хотимъ быть искреннѣе.

— Къ намъ идетъ Кесслеръ.

— Тогда я ухожу, не выношу этого нѣмца.

— И оставляете насъ беззащитными? — спросила Анка.

— Онъ прекрасенъ послѣдней, осенней красотой, — замѣтила Нина, глядя вслѣдъ уходившему.

— Куровскій, иди къ намъ, выпьемъ! — звалъ съ веранды Мышковскій, сидѣвшій за цѣлой батареей бутылокъ.

— Хорошо, выпьемъ еще разъ за успѣхи и развитіе промышленности, — сказалъ Куровскій, взявъ рюмку и обращаясь къ Максу, сидѣвшему около балюстрады съ Корчмаркомъ.

— Не пью за такіе успѣхи! Пусть пропадаетъ промышленность и съ нею всѣ ея прислужники! — крикнулъ опьянѣвшій Мышковскій.

— Не болтай пустяковъ! Сегодня праздникъ истиннаго труда, упорнаго и не безцѣльнаго.

— Молчи, Куровскій! праздникъ, истинный трудъ, трудъ упорный и не безцѣльный! Шесть словъ, а сто глупостей. Молчи, Куровскій, ты тоже опоганился среди этихъ рабовъ. Живешь, работая какъ волъ, и копишь деньгу. Пью за твое раскаяніе въ своихъ грѣхахъ!

— Прощай, Мышковскій! Приходи ко мнѣ въ субботу поговорить. Я уже ухожу.

— Хорошо, только выпей со мной. Карлъ пить не хочетъ, Максъ не можетъ, Кесслеръ предпочитаетъ скалить зубы женщинамъ, Травинскому уже надоѣло, шляхтичи играютъ въ карты. Что мнѣ дѣлать, бѣдному сиротѣ, вѣдь не могу же я пить съ Морицемъ или съ фабрикантами!

Куровскій посидѣлъ еще, выпилъ съ нимъ и посматривалъ на Кесслера, который ходилъ съ дамами, бормоталъ что-то безсвязное, шевелилъ челюстями и еще больше напоминалъ въ лучахъ солнца рыжую летучую мышь.

Общество все убывало, остались только самые близкіе знакомые, Мюллеръ, державшій все время Боровецкаго около себя и дружески съ нимъ разговаривавшій, и Муррей, появившійся уже въ концѣ пріема.

Онъ подсѣлъ къ Максу и кучкѣ товарищей и смотрѣлъ съ восторгомъ на женщинъ, которыя вернулись изъ сада, гдѣ стало прохладно, и сидѣли на верандѣ въ кругу мужчинъ.

— Какъ ваши дѣла, женитесь? — спросилъ его Максъ шопотомъ.

Англичанинъ не отвѣчалъ, пока не насмотрѣлся на женщинъ, а потомъ тихо отвѣтилъ:

— Я бы сейчасъ женился.

— На которой?

— Все равно, на которой, если нельзя сразу на обѣихъ.

— Опоздали! Одна уже замужемъ, а другая скоро выходитъ замужъ.

— Всегда слишкомъ поздно, всегда! — сказалъ тотъ съ горечью, обдернулъ сюртукъ, пододвинулся къ Мышковскому и сталъ съ нимъ пить съ горя.

Вошелъ старикъ Яскульскій и, увидя Карла, шепнулъ ему на ухо, что его кто-то ждетъ въ конторѣ и хочетъ непремѣнно скорѣе съ нимъ повидаться.

— Не знаете кто?

— Не знаю, но кажется, панъ Цукеръ...

— Цукеръ, Цукеръ! — повторилъ Карлъ тревожно, и сердце его забилось отъ предчувствія.

— Сейчасъ буду, пусть подождетъ минутку.

Вошелъ въ комнату отца и спряталъ въ карманъ револьверъ.

«Цукеръ хочетъ со мной видѣться? Что ему надо? Можетъ быть»?..

Боялся докончить свою мысль...

Кинулъ тревожный взглядъ на собравшихся и незамѣтно вышелъ.

Цукеръ сидѣлъ въ конторѣ у окна, опершись на палку, и смотрѣлъ въ землю. Когда вошелъ Боровецкій, онъ не принялъ протянутой ему руки, не поздоровался даже, только посмотрѣлъ на него долгимъ, воспаленнымъ взглядомъ.

Карлъ почувствовалъ себя не по себѣ, точно пойманнымъ въ капканъ. Этотъ взглядъ жегъ, смущалъ его и поднималъ въ душѣ страхъ. У него было одно страстное желаніе — уйти, но онъ подавилъ его, сдержалъ въ себѣ нервную дрожь, закрылъ окно, потому что пьяные крики рабочихъ были слишкомъ слышны, пододвинулъ Цукеру кресло и сказалъ медленно:

— Очень радъ видѣть васъ у себя... жалѣю, что не могу удѣлить вамъ много времени, у меня сегодня, какъ вамъ извѣстно, торжество открытія фабрики.

Онъ тяжело опустился, чувствуя, что не въ состояніи больше говорить; эти фразы вырвались сами собой.

Цукеръ вынулъ изъ кармана помятое письмо и бросилъ его на письменный столъ.

— Прочитайте,—глухо сказалъ онъ, глядя на него въ упоръ.

Это былъ грубый по формѣ доносъ на отношенія Боровецкаго къ Люси.

Боровецкій долго читалъ, чтобы выиграть время, и читая употребилъ всю силу воли, чтобы себя не выдать, чтобы сохранить холодное равнодушное выраженіе лица подъ огненнымъ испытующимъ взглядомъ Цукера, отъ котораго ему становилось жутко.

Прочитавъ письмо, онъ его отдалъ, не зная, что сказать.

Опять наступила минута томительнаго молчанія.

Цукеръ смотрѣлъ на него, сосредоточивъ въ этомъ жадномъ, хищномъ взглядѣ всю свою силу; хотѣлъ вырвать тайну изъ сѣрыхъ глазъ Карла, который помимутно опускалъ глаза, безсознательно передвигалъ

разные предметы на столѣ и чувствовалъ, что еще нѣсколько минутъ этой невыносимой муки, неувѣренности—и онъ себя выдастъ.

Но Цукеръ всталъ и тихо спросилъ:

— Что мнѣ объ этомъ думать, панъ Боровецкій?

— Это ваше дѣло, — отвѣтилъ тотъ неувѣренно, думая, не призналась ли во всемъ Люси.

У него задрожали ноги, застучало въ вискахъ.

— И это вашъ отвѣтъ?

— Что же я могу отвѣтить на такую подлую клевету.

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ, что мнѣ думать?

— Поискать автора письма, посадить въ тюрьму за клевету и не говорить объ этомъ никому ни слова. Могу помочь вамъ въ поискахъ, потому что я тоже этимъ задѣтъ.

Онъ понемногу успокаивался, уже увѣренный, что Люси ничего не говорила. Поднялъ голову и смотрѣлъ смѣло и нагло на Цукера, который, сдѣлавъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ, сѣлъ, опершись головой о стѣну, глубоко дыша. Наконецъ заговорилъ съ трудомъ:

— Панъ Боровецкій! Я вѣдь тоже человѣкъ, у меня тоже есть чувство чести и своего достоинства. И вотъ я пришелъ къ вамъ и умоляю васъ всѣмъ святымъ, заклинаю именемъ Великаго Бога, скажите: есть ли правда въ этомъ письмѣ? Правда ли все это?

— Неправда! — отвѣтилъ Боровецкій рѣшительно и сильно.

— Я еврей, простой еврей, я вѣдь васъ не застрѣлю, не вызову на дуэль, что я могу вамъ сдѣлать? Ни-

чего! Я простой человѣкъ, я очень люблю свою жену. Работаю, какъ могу, чтобы у нея ни въ чемъ не было недостатка, она у меня, какъ королева. Вы знаете, я воспиталъ ее на свой счетъ, она все для меня, и вдругъ это письмо, что она ваша любовница! Я думалъ, что все на меня рушится! У меня черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ ребенокъ, вы знаете, что такое ребенокъ? Я ждалъ его четыре года, четыре года! И теперь это извѣстіе! Что я теперь знаю? Чей это ребенокъ? Вы скажете мнѣ правду, вы должны мнѣ сказать правду! — крикнулъ онъ вдругъ, срываясь съ мѣста и бросаясь какъ сумасшедшій къ Боровецкому, сжимая кулаки.

— Я вамъ уже сказалъ, что это гнусная ложь,— отвѣтилъ Карлъ спокойно.

Цукеръ постоялъ минуту съ вытянутыми руками и тяжело опустился на стулъ.

— Вы любите играть съ чужими женами, вамъ безразлично, что будетъ съ женой, вы равнодушны къ стыду, къ позору всей семьи, вы... васъ тяжко покараетъ Богъ... — шепталъ онъ съ трудомъ, прерывистымъ, дрожащимъ голосомъ. На покраснѣвшихъ глазахъ его показались слезы и скатились по блѣдному лицу на бороду, крупными каплями невыразимой горечи.

Онъ говорилъ еще долго, но уже спокойнѣе, потому что поведеніе Боровецкаго, его лицо, его искренній взглядъ и сочувствіе, которое онъ въ немъ замѣтилъ, наполняли его вѣрой, что все это одна ложь.

Боровецкій, опершись головой на руку, слушалъ и не спускалъ съ него глазъ, выводя карандашомъ не-

замѣтнымъ движеніемъ руки на клочкѣ бумаги, въ немного выдвинутомъ ящикѣ стола:

«Не выдай себя, отрицай все, онъ у меня, подозрѣваетъ. Бумажку сожги. Вечеромъ тамъ же, гдѣ послѣдній разъ».

Онъ успѣлъ сунуть записку въ конвертъ и подошелъ къ телефону, соединявшему фабрику съ квартирой.

— Пусть Матвѣй принесетъ въ контору вина и содовой воды.

Я велѣлъ принести вина, потому что вижу, какъ вы утомлены и разстроены. Прошу вѣрить, что вполнѣ вамъ сочувствую. Но, такъ какъ это ложь, то вамъ нечего больше огорчаться.

Цукеръ вздрогнулъ, потому что было что-то въ эту минуту фальшивое въ голосѣ и лицѣ Боровецкаго, но не могъ долго смотрѣть, вошелъ Матвѣй съ виномъ; Карлъ сейчасъ же налилъ вина и подалъ Цукеру.

— Выпейте, это васъ немного укрѣпитъ. Матвѣй!— крикнулъ онъ въ окно, побѣжалъ за нимъ, сунулъ ему въ руку записку, наказавъ сейчасъ же съ ней бѣжать, не выдавая отъ кого, лично ее вручить и сейчасъ же возвращаться, если можно, съ отвѣтомъ.

Все это произошло такъ быстро, что Цукеръ, ничего не подозрѣвая, пилъ вино. Карлъ, расхаживая по комнатѣ, сталъ говорить о своей фабрикѣ; ему надо было задержать Цукера до прихода Матвѣя.

Но Цукеръ, очевидно, ничего не слышалъ, потому что спросилъ опять послѣ продолжительнаго молчанія:

— Панъ Боровецкій, заклинаю васъ всѣмъ святымъ, правда ли то, что здѣсь написано?

— Но вѣдь я же вамъ говорилъ, что не правда, ни тѣни правды, даю вамъ слово.

— Поклянитесь. Если поклянетесь, то значитъ правда. Клятва—великая вещь, но дѣло идетъ о жизни моей, моей жены, ребенка и вашей. Я вамъ правду говорю, и о вашей жизни. Поклянитесь на этотъ образокъ, это образъ Божьей Матери, я знаю, что это великая святыня у поляковъ. Поклянитесь, что это неправда! — сказалъ онъ съ силой, указывая рукой на образъ, который Анка велѣла повѣсить надъ дверьми конторы.

— Но я вѣдь даю вамъ слово. Я видѣлъ вашу жену всего нѣсколько разъ въ жизни, не знаю даже, знаетъ ли она меня.

— Поклянитесь! — повторилъ Цукеръ такъ выразительно, что Карлъ задрожалъ.

Цукеръ былъ блѣденъ, дрожалъ и все повторялъ одно и то же хриплымъ, дикимъ голосомъ.

— Ну, хорошо! Клянусь на этотъ святой образъ, что у меня нѣтъ и не было никакихъ отношеній съ вашей женой, что письмо отъ начала до конца — клевета, — сказалъ онъ торжественно, поднявъ кверху руку.

Голосъ его дрогнулъ такимъ правдивымъ звукомъ, онъ такъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, спасти Люси, что Цукеръ бросилъ письмо на полъ и растопталъ его.

— Вѣрю вамъ. Вы спасли мою жизнь... Я вѣрю вамъ теперь, какъ себѣ самому, какъ Люси... Можете

на меня положиться, я могу вамъ быть полезенъ... Я никогда вамъ этого не забуду,—говорилъ онъ радостный и счастливый.

Вошелъ запыхавшись Матвѣй и подалъ письмо съ словами:

«Буду. Люблю тебя... Люблю тебя»...

— Мнѣ пора уходить, надо скорѣе бѣжать къ женѣ, она ничего не знаетъ, но я сдѣлалъ ей большую непріятность. Я теперь совсѣмъ здоровъ, отлично себя чувствую и такой добрый, что скажу вамъ что-то на ухо по секрету: берегитесь Морица Вельта и Гросглюка, они хотятъ васъ съѣсть. До свиданья, дорогой панъ Боровецкій.

— Спасибо вамъ за извѣстіе, но я его не понимаю.

— Не могу сказать ничего больше. Будьте здоровы и вы, и вашъ отецъ, и ваша невѣста, и дѣти!

— Спасибо, спасибо. А если опять получите письмо, увѣдомьте меня. Оставьте письмо, я долженъ отыскать его автора.

— Я этого мерзавца засажу въ тюрьму, сошлю на сто лѣтъ въ Сибирь. Дорогой панъ Боровецкій, я вашъ другъ до самой смерти!

Онъ бросился ему на шею, сердечно расцѣловалъ его и выбѣжалъ совершенно счастливый.

«Морицъ и Гросглюкъ! Хотятъ меня съѣсть! Важное извѣстіе!»—думалъ онъ и такъ глубоко надъ этимъ задумался, что забылъ объ анонимномъ письмѣ, о клятвѣ и всей сценѣ съ Цукеромъ, которая его страшно взволновала.

Дома онъ не засталъ никого кромѣ четверыхъ игроковъ и Травинскихъ. Было уже темно. Онъ сѣлъ на

извозчика, велѣлъ подняться вверхъ и поѣхалъ къ условленному мѣсту ждать Люси. Послѣ часового ожиданія, которое его совсѣмъ разстроило, на тротуарѣ показалась Люси. Онъ немного выглянулъ, она его замѣтила и сѣла, бросаясь ему на шею и осыпая поцѣлуями.

— Что случилось, Карлъ?

— Онъ ей все разсказалъ.

— Я не понимала, почему онъ пріѣхалъ такой обрадованный. Привезъ мнѣ гарнитуръ изъ сапфировъ, который сейчасъ же велѣлъ мнѣ надѣть. Мы ѣдемъ сегодня въ театръ, онъ этого непремѣнно хочетъ.

— Изъ всего этого видишь сама, что намъ необходимо на нѣкоторое время разстаться, чтобы отклонить всякія подозрѣнія,—сказалъ онъ, притягивая ее къ себѣ.

— Онъ сказалъ мнѣ, что отвезетъ меня къ роднымъ въ Берлинъ, на все это время... знаешь...

Она прижалась къ нему, какъ ребенокъ.

— Отлично, не будетъ никакихъ подозрѣній.

— Но ты будешь ко мнѣ пріѣзжать? Карлъ, я умру, навѣрное умру, если ты не пріѣдешь, пріѣдешь?— просила она горячо.

— Пріѣду, Люси!

— Любишь меня еще?

— Развѣ ты этого не чувствуешь?

— Не сердись, но... ты теперь такой другой, не мой, такой... холодный...

— Ты думаешь, такая сильная любовь можетъ длиться всю жизнь?

— Да, потому что я люблю тебя все сильнѣе,—отвѣтила она искренно.

— Все это хорошо, Люси, хорошо, но видишь ли, надо подумать о нашемъ положеніи, вѣчнымъ оно не можетъ быть.

— Карлъ, Карлъ!—крикнула она, отшатываясь, точно получивъ ударъ прямо въ сердце.

— Говори тише, зачѣмъ слышать извозчику! И не волнуйся тѣмъ, что я тебѣ скажу. Я тебя люблю, но намъ нельзя такъ часто видѣться, ты сама должна это понять. Я не могу нарушать твоего спокойствія, не могу подвергать тебя мести мужа, мы должны быть разумны...

— Карлъ, я все брошу и пойду за тобой! Я не вернусь домой, не могу больше такъ мучиться, не могу! Возьми меня, Карлъ!—страстно шептала она, обвиваясь вокругъ него, покрывая все лицо его поцѣлуями. Такъ любила его, что если бы онъ только захотѣлъ, она бы все бросила и пошла за нимъ. Его безпокоила эта страстная, дикая любовь; хотѣлось сказать ей сразу и рѣшительно, что ему все это надоѣло, но пожалѣлъ ее. Онъ зналъ, что для нея не существуетъ ничего, кромѣ этой любви. Кромѣ того боялся съ ея стороны какой-нибудь компрометирующей выходки.

Онъ сталъ ее успокаивать, но не легко было уничтожить впечатлѣніе его первыхъ словъ.

— Когда ты уѣзжаешь?

— Онъ отвозитъ меня завтра! Приходи, Карлъ, приходи... Ты и потомъ долженъ пріѣхать, чтобы посмотрѣть на нашего ребенка...—шепнула она ему на

ухо.—Карлъ,—вдругъ вскрикнула она,—поцѣлуй меня, какъ раньше. Крѣпко... крѣпче!

Когда онъ поцѣловалъ ее, она откинулась въ уголъ пролетки и стала рыдать и жаловаться, что онъ ее больше не любитъ.

Карлъ успокаивалъ ее, увѣрялъ въ любви, но ничто не помогало, съ ней сдѣлался истерическій припадокъ; ему пришлось остановить извозчика и бѣжать въ аптеку за лекарствомъ.

Съ большимъ трудомъ онъ ее успокоилъ.

— Не сердись на меня, но мнѣ такъ грустно, такъ грустно... мнѣ все кажется, что я съ тобой никогда больше не увижусь. Карлъ,—говорила она сквозь слезы и, неожиданно для него, опустилась съ сидѣнья передъ нимъ на колѣни, обняла его и просила словами, полными любви и отчаянья, чтобы онъ любилъ ее, не оставлялъ ее одну и не мучилъ бы ее.

Чувствовала себя такой несчастной при мысли объ отъѣздѣ, боясь никогда его больше не увидѣть, что совсѣмъ теряла самообладаніе.

Бросилась ему на шею и, заливаясь слезами, обнимала и цѣловала его. Тронутый ея горемъ, онъ страстно увѣрялъ ее въ любви, но безумный страхъ, страхъ сознательно умирающихъ разрывалъ ей сердце.

Потомъ измученная слезами и горемъ, она прижалась къ его груди, держала его за руки и долго молчала. Только слезы, какъ жемчугъ, скатывались по ея лицу, и изъ груди вырывалось порой рыданіе.

Наконецъ они разстались. Онъ долженъ былъ поклясться ей, что хоть издали будетъ при ея отъѣздѣ въ Берлинъ и что будетъ писать ей каждую недѣлю. Бо-

ровецкій чувствовалъ себя и виноватымъ передъ ней и совершенно безпомощнымъ въ ея состояніи.

Возвращался домой измученный, грустный, весь подъ впечатлѣніемъ ея горя, слезъ, выраженія ея голоса и тоже совсѣмъ больной.

— Къ чорту всѣ эти романы съ чужими женами!— выругался онъ, входя къ себѣ въ комнату.

VII.

Фабрика работала, вѣрнѣе только одинъ ея отдѣлъ—прядильня, которой руководилъ Максъ такъ ревностно, что просиживалъ тамъ цѣлыми днями, тѣмъ болѣе, что сначала бывали частыя порчи машинъ. Ему пришлось обратиться въ слесаря и механика, въ рабочаго и директора, который всюду поспѣвалъ и почти все самъ дѣлалъ. Первая партія пряжи, готовая къ продажѣ, упакованная и осмотрѣнная ихъ фирмой, доставила ему такую радость, что онъ былъ совершенно вознагражденъ за свои труды.

Боровецкій съ такой же лихорадочной энергіей занимался окончаніемъ другихъ отдѣловъ; хотѣлъ, чтобы фабрика начала функціонировать еще до зимы.

На Морицѣ лежала вся торговая и административная часть фабрики.

Онъ тоже горячо работалъ, думая, что работаетъ для себя, и все больше забиралъ фабрику въ свои руки, потому что она требовала постоянно денегъ, а у Карла ихъ не было. Морицъ лично и черезъ подставныхъ лицъ, чаще всего черезъ Стаха Вильчка, доставлялъ

эти деньги для уплаты рабочимъ и на расходы и выкупалъ понемногу векселя и обязательства Боровецкаго.

Онъ замѣтилъ, что Гросглюкъ былъ правъ, предвидя, что поляки поднимутъ голову послѣ открытія фабрики Боровецкаго.

Уже ходили слухи о новыхъ проектахъ, и, что хуже всего, пресса громко объ этомъ трубила, поднимая оппозиціонное движеніе среди нѣкоторыхъ слоевъ населенія, среди покупателей, которымъ были указаны дешевые еврейскіе фабрикаты.

Многіе агенты, которые вели дѣла съ перворазрядными фирмами, съ богатой и утонченной клієнтурой, стали справляться о качествѣ издѣлій фабрики Боровецкаго и К°.

Но этотъ страхъ былъ ни на чемъ не основанъ.

Моришъ самъ невольно себя выдалъ Карлу, который весело разсмѣялся и сказалъ:

— Преувеличеніе. Опять преувеличеніе. Подумай только, какъ можетъ конкурировать наша фабрика? Тамъ, гдѣ Бухгольцъ производитъ сто милліоновъ метровъ ежегодно, гдѣ столько же производитъ Шая Мендельсонъ, какое вліяніе могутъ имѣть мои нѣсколько десятковъ? Кому можетъ это повредить? Тѣмъ болѣе, что хочу производить сорта, которые мы получаемъ изъ-за границы. Если все будетъ хорошо итти, если будутъ деньги и можно будетъ расширить фабрику, тогда, можетъ быть, мы сдѣлаемъ конкуренцію дешевкѣ, о чемъ я впрочемъ постоянно мечтаю и чего хочу добиться.

Моришъ отошелъ, ни говоря ни слова. Карлъ обращалъ на него все больше вниманія послѣ предупрежде-

нія Цукера и со страхомъ замѣчалъ, что Моритъ слишкомъ усердствуетъ въ денежномъ отношеніи, слишкомъ много помѣщаетъ своихъ денегъ въ дѣло, что становится поэтому все самоувѣреннѣе, противоставляя свою волю и свои взгляды на веденіе дѣла волѣ Боровецкаго.

Онъ становился иногда несноснымъ, грубымъ и назойливымъ, но Боровецкій долженъ былъ сдерживаться и молчать, чувствуя себя безсильнымъ и зависимымъ отъ него.

— Денегъ! денегъ!—кричало все въ немъ тогда, и, глядя на свою фабрику, онъ сравнивалъ ее съ такимъ колоссомъ, какъ фабрика Мюллера, и острая зависть и злость на самого себя хватала его за сердце.

Не думалъ о томъ, что громады Мюллера поднимались въ продолженіе тридцати лѣтъ, что одинъ павильонъ строился за другимъ, что годы уходили на эти крѣпкія, гудѣвшія отъ работы стѣны. Ему хотѣлось сразу имѣть такую же фабрику. Онъ кромѣ того разсчиталъ, что если даже все пойдетъ отлично, онъ все-таки долго еще не будетъ получать столько, сколько имѣлъ у Бухгольца.

Онъ стыдился этого.

Ему хотѣлось скоро и твердо стать на ноги, хотѣлось ворочать милліонами, чувствовать вокругъ себя безумную быстроту сотенъ машинъ, тысячи рабочихъ, силу и гулъ крупной промышленности, къ которой онъ привыкъ у Бухгольца. А здѣсь у него была маленькая фабрика и всего триста человѣкъ во всѣхъ отдѣлахъ!

Вмѣсто размаха—пресмыканье!

Его унижала эта ничтожность; его широкая натура задыхалась въ атмосферѣ мелкаго производства, отвратительнаго грошеваго расчета. Необходимость искать дешевыхъ красокъ, масла, углей и рабочихъ, эта вѣчная, безустанная забота о деньгахъ вызывала въ немъ чувство горькой обиды.

— Мы дойдемъ до дешевки, если и дальше будетъ такъ продолжаться,—сказалъ онъ какъ-то Морицу.

— И до большихъ барышей,—отвѣтилъ тотъ.

Опять прошло нѣсколько недѣль горячаго труда. Фабрика работала. Но когда они продавали только одну пряжу, то послѣ зимняго краха и при усиленномъ движеніи весной, когда хлопокъ былъ очень дорогъ и на него былъ громадный спросъ, пряжу сейчасъ же раскупали. А теперь, когда стали работать и другіе отдѣлы, все, что производилось, складывалось въ ожиданіи сезона, который начинался только съ половины зимы. Между тѣмъ новые безконечные расходы росли, а кредитъ не увеличивался, наоборотъ, почти прекратился.

Заговоръ, составленный по иниціативѣ Гросглюка, тѣснымъ кольцомъ окружилъ фабрику, подрывая довѣріе, отказывая въ кредитѣ, распространяя слухи о близкомъ банкротствѣ фирмы. Боровецкій этимъ все больше тяготился, все чаще посматривалъ на старика Мюллера, раздумывая, не принять ли столько разъ предлагаемой помощи.

Но еще откладывалъ, не столько думая объ Анкѣ, зная, на какихъ условіяхъ Мюллеръ дастъ денегъ, но больше изъ гордости, изъ упрямства, которое росло въ немъ по мѣрѣ встрѣчающихся ему препятствій.

Въ минуты откровенныхъ думъ надъ собой и своимъ положеніемъ, онъ смѣялся надъ своими глупыми предразсудками, проклиналъ свой романтизмъ, какъ онъ называлъ сомнѣнія, мѣшавшія ему порвать съ Анкой и жениться на Мадѣ, но все-таки подчинялся имъ.

Можетъ быть и потому, что, видя Анку ежедневно, начиналъ понимать ее, замѣчать, что это уже не прежняя веселая, довѣрчивая, искренняя дѣвушка, но совсѣмъ другая, печальная и покорная женщина.

Онъ начиналъ жалѣть ее.

А Анка?

Анка стала похожа на тѣнь. Похудѣла, улыбка исчезла съ ея лица и смѣнилась глубокой, какъ ей казалось, неизлѣчимой грустью.

Просиживала цѣлыми днями съ паномъ Адамомъ, у котораго въ первыхъ числахъ ноября былъ припадокъ паралича; его едва спасли, и онъ лежалъ безъ движенія, съ трудомъ владѣлъ руками и почти не говорилъ.

Она ухаживала за нимъ и должна была переносить всѣ его чисто-дѣтскіе капризы. Читала ему, придумывала разныя развлеченія, потому что онъ скучалъ, привыкнувъ несмотря на болѣзнь къ подвижной жизни.

Все это она дѣлала если не съ удовольствіемъ, то изъ чувства глубокой привязанности.

Благодаря этой болѣзни домъ еще больше опустѣлъ и сталъ для нея чѣмъ-то въ родѣ могилы.

Дни текли въ страшномъ однообразіи, ничего не измѣняя ни въ положеніи пана Адама ни въ ея отношеніяхъ къ Карлу, который теперь, ради отца, чаще

бывалъ по вечерамъ дома, разсказывалъ о своихъ дѣлахъ и чаще обращался къ Анкѣ.

Это ее не радовало, она становилась все равнодушнѣе. Не хотѣла себѣ признаться, что чувствуетъ себя лучше, когда Карла нѣтъ дома.

Его утомленное, озабоченное лицо, его грустный взглядъ, который она иногда ловила на себѣ, волновали и огорчали ее.

Тогда она упрекала себя, что Карлъ страдаетъ изъ-за нея, что она сама во всемъ виновата.

Но такіе упреки скоро уступали мѣсто ея оскорбленной гордости и болѣе глубокому пониманію его холодной, эгоистической натуры.

Потомъ опять сердце начинало болѣть отъ жалости къ нему.

А иногда, какъ эхо, возвращалась—не ея прежняя любовь, а жажда любви, жажда отдаться сильной волнѣ чувства, которая унесла бы ее, прекратила бы эту муку пустоты, ожиданія и безцѣльныхъ метаній.

Разъ во время длиннаго и откровеннаго разговора Нина вырвала у нея эту тайну сердца, ревниво оберегаемую, и спросила съ удивленіемъ:

— Зачѣмъ ты себя мучаешь? Почему вы сейчасъ же не разойдетесь?

— Не могу. Какъ я разстанусь съ отцомъ? Одно извѣстіе о нашемъ разрывѣ можетъ его убить.

— Не можешь же ты выходить замужъ не любя.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Я не могу за него выйти, я испорчу ему его карьеру; онъ долженъ жениться на богатой, чтобы осуществить свои планы,

чтобы дойти до намѣченной цѣли. Не могу быть ему помѣхой и... не буду.

— Ты еще его любишь?

— Не знаю. Знаю, что минутами его люблю, иногда его ненавижу, и всегда мнѣ его жаль, потому что онъ несчастливъ. Предчувствую, что онъ никогда не будетъ счастливымъ.

— Но такъ продолжаться не можетъ.

— Тяжело жить, тяжело! А годъ тому назадъ, еще весной, какъ я была счастлива! Гдѣ оно, это счастье? гдѣ? — съ болью спросила она и, не слушая утѣшеній Нины, заглядѣлась въ окно, на падавшій снѣгъ и грязный дымъ, валившій изъ фабричныхъ трубъ.

Голыя деревья, качаясь отъ вѣтра, заглядывали съ жалобнымъ, печальнымъ стономъ въ окна, точно прося о помощи и милосердіи.

— Что такое любовь? Та вѣчная любовь, которая должна слить навсегда двѣ души, поглотить ихъ въ себѣ? Призракъ, туманъ, который разсѣивается отъ вѣтра. Вѣдь я люблю! Мнѣ казалось, что я дѣйствительно люблю. Всѣмъ сердцемъ, всей душой отдалась я этому чувству—гдѣ же теперь оно?

— Въ этой жалобѣ,—шепнула Нина.

— Что сталось съ моей любовью? Ее убила увѣренность, что я не любима. А вѣдь истинная любовь, говорятъ, питается и растетъ отъ измѣны, обмана и страданій. Нѣтъ, то, что я считала любовью—не было ею, я вѣрно не способна къ большому чувству, къ истинной любви,—жаловалась она на себя, ища въ себѣ одной источникъ зла, обвиняя только себя.

— Да, есть любовь тепличная, которая умираетъ въ

обыкновенной атмосферѣ. Есть любовь — амеба, которая, обвившись вокругъ любимаго существа, живетъ, пока получаетъ отъ него жизнь. Есть любовь—мелодія, которую надо заставить звучать, потому что сама по себѣ она не существуетъ. Но ты не обвиняй себя, ты не виновата.

Она не кончила, потому что вошелъ Травинскій и остановился, чтобы имъ не мѣшать.

— Будешь сегодня вечеромъ дома?

— Я пришелъ тебѣ сказать, что скоро уйду. Сегодня суббота, мы собираемся у Куровскаго.

— Я слышала легенды объ этихъ вечерахъ. Что вы тамъ дѣлаете?

— Пьемъ и болтаемъ обо всемъ. Это вечера, на которыхъ мы говоримъ другъ другу абсолютную правду. Первенствуетъ Куровскій.

— Странно, что вы ее соглашаетесь выслушивать, говорить ее очень легко; человѣкъ, какъ бы онъ строго себя ни судилъ, никогда самъ себя не обидитъ.

— Дѣйствительно странно, что и говорятъ и слушаютъ правду.

— Это только доказываетъ, что культурнаго человѣка не удовлетворяютъ фабрики, дѣла и деньги, нуждается порой въ холодной ваннѣ правдивости или мечты.

— Ты права, даже Кесслеръ приходитъ туда, чтобы показать свою злую натуру и безнаказанно насъ выругать. Это единственный случай, и онъ его не упускаетъ.

— Человѣкъ одинаково любитъ рисоваться и зломъ и добромъ, когда онъ сознаетъ его,—отвѣтила Нина.

XVIII.

Въ гостиницѣ у Куровскаго собрались уже почти всѣ, составлявшіе этотъ тѣсный кружокъ. Сидѣли вокругъ круглаго большого стола, заставленнаго бутылками и освѣщеннаго серебряными канделябрами съ многочисленными свѣчами.

Травинскій пришелъ съ Боровецкимъ, котораго захватилъ по дорогѣ.

Они пришли во время ожесточенной филиппики Кесслера, который говорилъ охрипшимъ, звучавшимъ ненавистью голосомъ:

— Одна ли, десять ли вашихъ фабрикъ, онѣ не могутъ создать вашей промышленности. Вы должны цивилизоваться, создать извѣстную промышленную культуру, прежде чѣмъ ваши усилія перестанутъ возбуждать смѣхъ. Я хорошо васъ знаю! Вы очень способны, половина разныхъ извѣстныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ въ Европѣ—поляки. Вы способны, блестящіе, большіе господа. Почему вы не ѣдете въ Монако? Зачѣмъ пренебрегаете сезонами въ Ниццѣ, Парижѣ, въ Италіи? Тамъ бы вы вызвали восторгъ, а вы такъ любите, чтобы вами восхищались. Вѣдь вы все дѣлаете, чтобы вызвать восторгъ, чтобы прославиться на весь міръ, все ради красивой фразы! Вашъ трудъ, благородство, искусство, литература, жизнь—все одна фраза, болѣе или менѣе красиво продекламированная для райка, а за неимѣніемъ его — для самого себя! Вы уже банкроты, еще ничего не начавъ. Вы короли флир-

та — во всемъ. Я говорю безъ предубѣжденія то, что я замѣтилъ. Это рядъ чисто-анатомическихъ, основныхъ наблюденій. Вы дѣти, а хотите казаться взрослыми.

Замолчалъ и пилъ пиво, которое Куровскій ему торопливо налилъ.

— Вы правы и не правы. Если бы свинья судила, предположимъ, объ орлѣ, она говорила бы приблизительно то же самое. Если бы она сравнила свою неопрятность, свой грязный хлѣвъ, свою варварскую грубость, свою глупую и грубую силу, свое отвратительное хрюканье, свой умъ, направленный только на одно обжорство, если бы все это она сравнила съ красотой орла, съ его жаждой свободы, паренья въ подоблачной выси, съ его гордостью, любовью простора, она бы его возненавидѣла и презирала.

— То, что вами сказано, не синтезъ, а сердитое ворчанье существа низшаго порядка,—отвѣтилъ Куровскій, снова подливая ему вина.

— Мнѣ рѣшительно все равно, кто я, просто я ненавижу и презираю васъ.

— Пусть убирается!—крикнулъ Мышковскій, вскакивая со стула.

— Успокойся! Его ненависть — подтвержденіе нашей силы.

Кесслеръ больше не отвѣчалъ, растянулся въ креслѣ, читалъ какое-то грязное и помятое письмо и зловѣще улыбался.

— Скоро изсякла тема, — замѣтилъ Карлъ.

— Кесслеръ плюетъ на насъ — мы не мѣшаемъ, потому что показываетъ намъ при этомъ свои зубы. Кро-

мѣ того смѣшенъ въ своемъ убѣжденіи, что если насъ выругаетъ и обольетъ расовой ненавистью и презрѣніемъ, то мы погибнемъ отъ отчаянія или уступимъ отъ страха мѣста этимъ умнымъ, работящимъ, цивилизованнымъ, благороднымъ нѣмцамъ. Глупый! не знаетъ, что народъ живетъ, развивается и побѣждаетъ скорѣе, когда его бичуетъ ненависть, окружаетъ кольцо шакаловъ, готовыхъ его растерзать, чѣмъ ангеловъ, поющихъ гимны мира и любви.

— Міръ—число, сказалъ Пиѳагоръ, но ты, Кесслеръ, только — ноль, изолированный, громадный ноль! — сказалъ Мышковскій со злобой.

— Выпьемъ,—предложилъ Морицъ, который обыкновенно только слушалъ.

Выпили, закурили сигары и нѣкоторое время молчали.

Травинскій, любившій бросить свободную мысль и наблюденіе, не связанное съ нитью разговора, нарушилъ молчаніе своимъ яснымъ, мелодичнымъ голосомъ:

— Человѣкъ, живущій расчетомъ, человѣкъ,— исправно функціонирующее колесо большой міровой машины,—это только сѣрый фонъ общественности, ноль въ развитіи, а величина, — сохраняющая существующій порядокъ, — это въ лучшемъ случаѣ консерваторъ цивилизаціи, но не творецъ ея.

— Чего вы хотите, къ чему ведете, къ культу единицъ?—быстро бросилъ Высоцкій.

— Я утверждаю только, что отдѣльныя сильныя личности ведутъ насъ впередъ, что безъ нихъ — тьма, господство хаоса и слѣпой стихіи.

— А откуда берутся эти личности? Падаютъ съ

луны уже готовыми законами, прогрессомъ, открытіями и изобрѣтеніями? Или онѣ тоже продуктъ этой сѣрой массы, «консерваторовъ», этой общественной среды? Да? А если да, то я кончилъ, — сказалъ онъ съ жаромъ, закрутилъ усы, отряхнулъ отвороты, вытянулъ манжеты и приготовился къ горячему спору.

— Сдѣлайте послѣдній выводъ, — отвѣтилъ Травинскій спокойно.

— Выдающіяся личности, которыя по-вашему ведутъ за собой міръ, эти геніи искусства, науки, мысли, чувства и т. д. это только безсознательные инструменты, при помощи которыхъ проявляется ихъ раса, народъ или государство, ихъ породившее. Ихъ величіе пропорціонально величію ихъ среды. Онѣ вогнутыя зеркала, чтобы отражать и собрать въ фокусѣ всѣ грезы, желанія и нужды своего народа. Поэтому трудно предположить, чтобы среди папуасовъ могъ родиться Коперникъ.

— Такими же фактами я докажу вамъ, что это совсѣмъ иначе, что геніи не продуктъ своей расы, а нѣчто совсѣмъ другое, но раньше разскажу вамъ древнюю легенду о происхожденіи геніевъ. Когда-то, давно, зло было среди людей, звѣрей, среди всей природы, въ пещерахъ и пустыняхъ, въ глубинахъ водъ и безпредѣльности. Царствовали злой богъ Хаосъ и его дѣти: Зависть, Ненависть, Насиліе, Голодъ и Моръ. Всѣ они боролись противъ всѣхъ, и пространство долго оглашалось стонами и рыданіями. Это, наконецъ, вывело изъ задумчивости Индру, отдыхавшаго въ глубинѣ вселенной. Онъ долго слушалъ, смотрѣлъ на землю, пока сердце его не переполнилось жало-

стью и изъ глазъ не скатились, какъ жемчужины, божественныя слезы. Нѣкоторыя изъ нихъ упали на землю и породили и порождаютъ геніевъ, ведущихъ бѣдное заблудившееся человѣчество къ свѣту, въ прежнее лоно Индры. Порожденіе божественнаго милосердія, они сами — милосердіе, свѣтъ, любовь и спасеніе человѣчества.

— Сказка, какъ всѣ сказки, если бы не элементъ чудеснаго, не имѣла бы смысла, — сказалъ Высоцкій, и они горячо заспорили. Не прекращали спора и за ужиномъ, который былъ вскорѣ поданъ, только говорили тише, потому что Куровскій оживился, вмѣшался въ разговоръ и онъ скоро сталъ общимъ.

Только Боровецкій говорилъ мало, не слушалъ, много пилъ и посматривалъ съ нетерпѣніемъ на общество, желая остаться поскорѣе наединѣ съ Куровскимъ. Но никто и не думалъ уходить, особенно теперь, за чернымъ кофе, когда Куровскій, уже нѣсколько возбужденный, гладя свою черную съ просѣдью бороду и блестя своими карими глазами, которые по мѣрѣ возбужденія разгорались, какъ у тигра, сыпалъ въ разговорѣ афоризмами и парадоксами.

«У добродѣтели бываютъ минуты скуки — берегитесь ее тогда».

«Можно быть добродѣтельнымъ, но съ условіемъ, приглашать отъ поры до времени порокъ».

«Кто ищетъ справедливости, можетъ получить ее за деньги».

«Чѣмъ отличается деистъ отъ атеиста? Противоположнымъ полюсомъ глупости».

«Нѣтъ такого мерзавца, которому бы иногда не казалось, что у него вырастаютъ крылья «ангела».

«Лодзь признаетъ всѣ заповѣди, кромѣ «не укради».

«Истина обходится цивилизованному обществу дороже всего, поэтому намъ нечего безпокоиться, она никогда не будетъ господствовать».

«Мы подчиняемся законамъ и уважаемъ ихъ, когда они опираются на штыки».

«Наша цивилизація еще слишкомъ велика для нашихъ варварскихъ душъ, для нашихъ дикихъ инстинктовъ. Мы облекаемся въ нее, какъ пигмеи въ платья великановъ».

«Наше знаніе можно сравнить съ пылающей во мракѣ вѣчности спичкой».

«Пусть не хвалится тотъ, кто отдался всецѣло одной идеѣ. Онъ отдалъ немногое».

«Нѣтъ добрыхъ и злыхъ людей, есть только глупые или умные».

Кесслеръ не могъ больше слушать спокойно, пожалъ презрительно плечами и сказалъ:

— Играете словами, какъ дѣти мыльными пузырями! Я пойду домой.

— Я того же мнѣнія, — отвѣтилъ Куровскій двусмысленно.

Кесслеръ остался.

Разговоръ перешелъ на литературу, когда Мышковскій сказалъ Боровецкому, смѣявшемуся надъ энтузіастами литературы:

— Вначалѣ была пѣснь и до конца будетъ пѣснь, а не пособіе къ пряжѣ шерстяныхъ очёсковъ. Но не въ этомъ дѣло!

Онъ всталъ, обвелъ всѣхъ какимъ-то страннымъ взглядомъ, точно жалѣя собравшихся, и сказалъ:

— Выпьемъ со мной на прощанье! Я ѣду завтра въ Австралію.

Всѣ разсмѣялись и выпили, но Мышковскій сказалъ серьезно:

— Не смѣйтесь, даю вамъ честное слово, что завтра ночью покидаю Лодзь навсегда.

— Куда? зачѣмъ? почему? — посыпались вопросы.

— Куда глаза глядятъ. А зачѣмъ? Чтобы жить подальше отъ Европы и фабричной цивилизаціи; будетъ съ меня этого болота. Я въ немъ задыхаюсь, вязну, погибаю. Еще нѣсколько лѣтъ, и я здѣсь совсѣмъ сгнію. А я хочу жить, поэтому — уѣзжаю. Начну жить по-новому, по-человѣчески.

— Но почему? — спрашивали его всѣ съ изумленіемъ, взволнованные этимъ необычнымъ рѣшеніемъ.

—Почему? Потому что мнѣ скучно, мнѣ опротивѣла тиранія законовъ, обычаевъ, отношеній, учрежденій, потому что мнѣ опротивѣла старая негодная Европа, опротивѣла ложь, всѣ предписанія, которыя меня связываютъ и не позволяютъ быть самимъ собой. Все мнѣ опротивѣло, все меня угнетаетъ, не могу больше этого вынести.

— Развѣ въ другомъ мѣстѣ станетъ лучше?

— Хочу въ этомъ убѣдиться. Прощайте, господа!

Всѣ стали съ нимъ прощаться, всѣ уговаривали его остаться, потому что любили его, несмотря на его странности.

Одинъ только Куровскій ничего не говорилъ, смо-

трѣлъ на него, а потомъ, цѣлуя его на прощанье, шепнулъ ему:

— Хорошо дѣлаете. Если бы я не считалъ своимъ долгомъ укрѣпляться здѣсь до конца, до послѣдняго вздоха, я пошелъ бы вмѣстѣ съ вами. Если вамъ будутъ нужны деньги, напишите.

— Что за чортъ, вѣдь я беру съ собой большой капиталъ: здоровыя руки и голову. Вѣдь я ѣду не женщинъ соблазнять, не развлекаться, я ѣду жить свободно и спокойно. Вспоминайте меня иногда, если будетъ охота, и помните, не портите жизни ради наживы, не обращайтесь въ вьючную скотину, не унижайте себя чрезмѣрнымъ трудомъ.

Онъ со всѣми поцѣловался, горячо обнялъ Куровскаго и, посмѣиваясь, чтобы скрыть волненіе, вышелъ.

— Сумасшедшій! — буркнулъ презрительно Кесслеръ и тоже вышелъ съ Морицомъ и Высоцкимъ.

Остались только Куровскій съ Боровецкимъ.

Куровскій смотрѣлъ вдаль затуманеннымъ взглядомъ и не могъ побороть печали по отъѣзжавшемъ.

— Я задержу тебя на одну минуту,—началъ Боровецкій.

— Садись, у насъ еще довольно времени до утра,— отвѣтилъ тотъ, показывая на разсвѣтъ, пробивавшійся сквозь запотѣвшее окно.

Карлъ долго разсказывалъ о своей фабрикѣ, о положеніи дѣла, о необходимости избавиться отъ компаньоновъ, упомянулъ о заговорѣ, составленномъ противъ него, и, наконецъ, предложилъ ему войти въ компанію.

Куровскій долго думалъ, разспрашивалъ о подробностяхъ и, наконецъ, сказалъ:

— Согласенъ, но съ однимъ условіемъ. Предупреждаю, что условіе важное и... можетъ быть, немного странное.

— Предлагай!

— Оно можетъ тебѣ не понравиться, но прими его спокойно, по-купечески.

— Жду съ любопытствомъ.

— Ты не женишься на Анкѣ.

Боровецкій вскочилъ, румянецъ внезапной, ослѣпительной радости залилъ его лицо. Готовъ былъ броситься Куровскому на шею, но сейчасъ же овладѣлъ собой, сдѣлалъ строгое лицо и сталъ искать шляпу.

— Я говорилъ тебѣ, отнесись къ этому спокойно, по-купечески. А впрочемъ, поговоримъ искренно, намъ нечего себя обманывать, мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга.

— Хорошо, поговоримъ искренно.

— Я войду негласно въ твою компанію, чтобы ты могъ избавиться отъ долговъ и твоихъ компаньоновъ, но за это ты вернешь слово паннѣ Аннѣ и женишься на комъ угодно, хоть на Мадѣ Мюллеръ.

— А ты на Анкѣ?

— Это мое дѣло, что будетъ потомъ. Верни только ей слово и не мучь ее больше. Дѣвушку убиваетъ такое положеніе, вѣдь сама она ничего тебѣ не скажетъ.

— Я давно бы самъ это сдѣлалъ. Часто думалъ и думаю объ этомъ, но боюсь, потому что при ея впечатлительности и...

— Кромѣ того, мнѣ кажется, она тебя не любитъ, значитъ ты окажешь ей только услугу.

— Ну, мы кое-что объ этомъ знаемъ,—отвѣтилъ Боровецкій, больше всего задѣтый этими словами.

— Но вѣдь и вы ее не любите.

— Теперь я скажу, что это мое дѣло. Могу сказать одно, что пока Анка не порветъ со мной, я буду считать себя ея женихомъ и женюсь на ней. Удивляюсь, какъ это вы могли предложить мнѣ такую сдѣлку,—неожиданно вспылилъ Боровецкій.

— Вы правы, я, очевидно, не совсѣмъ трезвъ и плохо доказываю.

— Спокойной ночи.

Куровскій подалъ ему руку и смотрѣлъ ему вслѣдъ съ глубокой печалью. Потомъ позвонилъ и велѣлъ сейчасъ же запрягать лошадей.

— Бѣдная Анка! — прошепталъ онъ тихо.

XIX.

— Зайду на минутку на фабрику, а потомъ пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ не хочется итти домой, — сказалъ Кесслеръ Морицу, когда они простились съ Высоцкимъ.

— Можетъ зайдешь ко мнѣ напиться чаю?

— Хорошо. Не знаю, что со мной! — сказалъ онъ, нервно вздрагивая.

Они шли медленно по пустымъ, точно вымершимъ улицамъ. Снѣгъ покрылъ крыши, улицы и тротуары тонкой бѣлой пеленой. Сѣрый, слабый, мутный, зимній разсвѣтъ придавалъ городу унылое настроеніе. Уже тушили фонари, все сливалось и стушевывалось во-

кругъ, только кое-гдѣ загорался огонекъ и сейчасъ же потухалъ.

— Вамъ необходимо итти на фабрику?

— Да, надо, ночная работа во всѣхъ отдѣлахъ.

— Простите мое замѣчаніе, но я на вашемъ мѣстѣ не заглядывалъ бы къ Малиновскому, онъ похожъ на бѣшеную цѣпную собаку.

— Дуракъ! Его дочь стоитъ мнѣ пять тысячъ въ годъ, а онъ на меня рычитъ.

— Онъ уже былъ въ Сибири, — сказалъ Морицъ.

— Это тихій человѣкъ. Я долженъ къ нему зайти. Онъ написалъ мнѣ письмо, я хочу дать ему отвѣтъ лично.

Кесслеръ зловѣще улыбнулся.

— Относительно Зоськи?

— Да.

— Есть ли у васъ съ собой револьверъ?

У меня есть нога для этой польской собаки. Если заворчитъ, раздавлю его. Будьте увѣрены, что не заворчитъ, ему нужно только хорошее вознагражденіе за дочь. Мнѣ не впервые улаживать такія дѣла, — говорилъ онъ насмѣшливо, но въ глубинѣ души чувствовалъ странную дрожь, не отъ страха, это чувство было ему незнакомо, но отъ неопредѣленной тоски и отвращенія.

Смотрѣлъ на сѣрое небо, на унылые, точно вымершіе дома и прислушивался къ этой странной раздражающей тишинѣ соннаго города.

Но во дворѣ фабрики, гудѣвшей всѣми машинами, залитомъ волнами электрическаго свѣта, полномъ движенія, онъ опять почувствовалъ себя хорошо.

— Подождите минутку, поговорю и сейчасъ же выйду.

Онъ вошелъ въ почти темную башню, съ одной только лампочкой на закопченой стѣнѣ, освѣщавшей мутнымъ свѣтомъ работавшіе рычаги и нижнюю часть колеса, вращавшагося попрежнему съ безумной быстротой, съ дикой пѣснью силы и грозно сверкавшаго громадными стальными спицами.

— Малиновскій! — крикнулъ онъ въ дверяхъ, но голосъ его былъ заглушенъ желѣзнымъ ревомъ машины.

Малиновскій, сгорбленный, въ длинной блузѣ, съ масленкой и тряпкой въ рукѣ, ходилъ вокругъ машины и наблюдалъ за этимъ чудовищемъ. Совершенно оглушенный хаосомъ звуковъ и шумовъ, точно въ глубинѣ бушевавшаго моря онъ слѣдилъ одними глазами за движеніями чудовища, которое, обезумѣвъ, съ ревомъ вращалось, потрясало стѣны и наполняло всю башню ужасомъ.

— Малиновскій! — крикнулъ Кесслеръ у него надъ ухомъ.

Малиновскій услышалъ, подошелъ ближе, поставилъ масленку и лампу и, глядя на него, спокойно вытиралъ руки о блузу.

— Ты писалъ мнѣ письмо? — спросилъ Кесслеръ грозно:

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Чего ты хочешь? — бросилъ онъ грубо, выведенный изъ себя спокойствіемъ Малиновскаго.

— Что ты сдѣлалъ съ Зоськой? — спросилъ Малиновскій, наклоняясь къ нему.

— Ага! чего тебѣ надо? — спросилъ онъ опять и невольно подался къ дверямъ.

Малиновскій преградилъ ему дорогу и шепнулъ тихо и совершенно спокойно:

— Ничего... Я только заплачу тебѣ за нее...

Глаза его сверкнули стальнымъ блескомъ, а руки похожія на поршни, вытянулись въ угрозѣ.

— Прочь съ дороги, не то расшибу тебѣ голову!

Задрожалъ отъ ужаса, прочитавъ въ глазахъ Малиновскаго свой смертный приговоръ.

— Попробуй, попробуй!.. — угрюмо пробормоталъ Малиновскій.

Они пододвинулись, не спуская глазъ другъ съ друга, какъ два тигра, приготовившіеся къ страшному прыжку.

Глаза ихъ засверкали какъ стальныя спицы колеса.

Чудовище, точно попавшись въ сѣть полутѣней, бликовъ и искръ, съ воемъ металось и искало выхода изъ этихъ дрожавшихъ, крѣпкихъ стѣнъ.

— Прочь съ дороги! — заревѣлъ Кесслеръ и въ то же время нанесъ ему кастетомъ такой страшный ударъ, что Малиновскаго отбросило къ стѣнѣ. Но онъ не упалъ, съ быстротой молніи ринулся на Кесслера, схватилъ его стальными руками за горло и отбросилъ его со страшной силой къ противоположной стѣнѣ.

— Ты... стерва... — бормоталъ онъ и душилъ его все сильнѣе. У Кесслера хлынула кровь, и онъ едва прохрипѣлъ:

— Пусти... пусти...

— Теперь я тебя прикончу, ты мой... мой... мой... —

медленно шепталъ онъ и невольно ослабилъ пальцы. Тогда Кесслеръ пришелъ въ себя и въ отчаяніи бросился съ такой силой впередъ, что они оба упали. Малиновскій его не выпускалъ; обхватили другъ друга какъ два медвѣдя и катались съ глухимъ ревомъ, бились головой объ асфальтъ, ударялись о стѣны и фундаментъ машины, мяли другъ друга колѣнями, кусали себѣ руки и лицо, рыча отъ боли и бѣшенства. Ненависть, жажда крови отняли у нихъ сознаніе. Они переворачивались въ чудовищномъ клубкѣ, который поминутно перекатывался, поднимался, падалъ, свертывался, напрягался, дико рычалъ и, обливаясь кровью, въ безуміи продолжалъ эту смертельную борьбу около гудѣвшей глухо машины, подъ колесомъ, которое ежеминутно грозило захватить ихъ своими стальными клыками.

Они боролись не долго. Малиновскій бралъ уже верхъ, стискивая противника съ такой силой, что ломалъ ему ребра, грудную клѣтку. Тогда Кесслеръ послѣднимъ усиліемъ впился ему зубами въ горло.

Оба вскочили, обхватили другъ друга руками и рухнули съ страшнымъ крикомъ на поршни между мелькавшими съ быстротой молніи спицами колеса, которыя подхватили ихъ, втянули, подбросили къ потолку и разорвали ихъ въ клочья въ одно мгновенье.

Еще послѣдній крикъ звучалъ среди дрожавшихъ стѣнъ, а ихъ уже не было, одни клочья разодранныхъ тѣлъ вращались вмѣстѣ съ чудовищемъ-колесомъ, отскакивали къ стѣнамъ, сползали съ окровавленныхъ поршней и мелькали, зацѣпившись на колесѣ, которое безпрерывно неслось въ бѣшеномъ дви-

женіи, окровавленное, чудовищное въ своей величинѣ, съ безумнымъ ревомъ скованной силы.

* * *

За гробомъ Малиновскаго пошла только кучка знакомыхъ и друзей Адама, потому что была дурная погода, поминутно падалъ дождь со снѣгомъ, дулъ пронзительный леденящій вѣтеръ и тяжелыя сѣрыя тучи низко повисли надъ землей.

Адамъ велъ мать съ опухшимъ лицомъ, почти ничего не сознававшую, а за ними шли Яскульскіе съ толпой старшихъ дѣтей и нѣсколькихъ сосѣдей. Они шли посреди улицы за одноконной траурной колесницей, которая подпрыгивала на выбоинахъ, разбрызгивая колесами жидкую черную грязь.

Траурный кортежъ медленно подвигался по Петроковской, загроможденной возами съ товарами и экипажами. Темная толпа тянулась по грязному тротуару, съ крышъ стекали струи, расплываясь лужами по тротуарамъ; вѣтеръ рвалъ зонты, и снѣгъ мокрыми хлопьями заносилъ колесницу съ гробомъ.

По тротуару шли Блюменфельдъ, Шульцъ и вся музыкальная компанія, а за ними Стахъ Вильчекъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, которому онъ все время разсказывалъ о своихъ дѣлахъ.

Горнъ тоже шелъ за кортежемъ и грустными глазами смотрѣлъ на идущихъ; онъ искалъ Зоську, но ея не было, и никто не зналъ, куда она исчезла послѣ смерти Кесслера.

За городомъ къ кортежу присоединилось нѣсколько работницъ, затянувшихъ какой-то печальный напѣвъ, Ксендза не было; Малиновскаго хоронили какъ самоубійцу и убійцу, можетъ быть, и поэтому на всѣхъ лицахъ отражались глубокая печаль и горечь. По мѣрѣ удаленія отъ города изъ проходовъ и закоулковъ все прибывала толпа людей, утомленныхъ работой, грязныхъ, посинѣвшихъ отъ холода, которые тѣсной и грозной толпой окружили умершаго товарища.

Пѣсня грустно раздавалась среди рвавшаго ее вѣтра, снѣга, дождя и пронизывающаго холода.

Въ аллеѣ, ведущей на кладбище, обнаженныя деревья стонали подъ напоромъ вѣтра, а пѣсня разносилась какъ рыданье, полное жалобы и безграничной грусти.

Торопливо прошли они кладбище, засыпанное гнилыми листьями, съ лужами отъ дождя и снѣга, съ роскошными памятниками и шумѣвшими надъ ними голыми деревьями, и свернули въ уголъ «забытыхъ», гдѣ нѣсколько могильныхъ холмовъ подымалось среди сухихъ деревьевъ и сорной травы.

Могила была уже вырыта. Желтая промерзлая земля забарабанила по крышкѣ гроба, плачъ и крики поднялись бурей и вторили громкимъ молитвамъ рабочихъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ могилъ. Вѣтеръ вдругъ стихъ, деревья стояли неподвижно, стало еще темнѣе, и снѣгъ милліардами тяжелыхъ бѣлыхъ бабочекъ слеталъ съ пасмурныхъ тучъ, покрывая бѣлой ровной и холодной пеленой могилы и людей.

Со стороны Лодзи неслись заглушенные свистки фабрикъ, возвѣщавшіе ужинъ.

— Что сталось съ Зоськой? — спросилъ Блюменфельдъ Вильчка, когда они уже возвращались.

— Пойдетъ на улицу. Когда узнала о смерти Кесслера, разозлилась и стала ругать отца, что благодаря ему ей придется искать себѣ новаго любовника. Говорятъ, что Вильгельмъ Мюллеръ уже занялся ею.

— Что вы теперь дѣлаете, Вильчекъ? — спросилъ Горнъ, подходя къ нимъ.

— Ищу дѣла. Оставилъ Гросглюка, а уголь уже мнѣ надоѣлъ.

— Говорятъ, вы продали свой участокъ Грюнспану?

— Продалъ, — пробурчалъ онъ и стиснулъ зубы какъ отъ сильной боли.

— Что, надулъ васъ?

— Надулъ, надулъ! — повторилъ онъ сквозь зубы съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ. — Я продалъ землю за сорокъ тысячъ, заработалъ на этомъ тридцать восемь съ половиной, но онъ все-таки надулъ меня! Не прощу ему этого никогда въ жизни! — Онъ поднялъ мѣховой воротникъ, чтобы скрыть пылавшее отъ негодованія лицо и защититься отъ снѣга, падавшаго все сильнѣе.

— Не понимаю. Вы столько заработали, какое же тутъ надувательство?..

— А вотъ какое. Когда условіе уже было подписано и деньги лежали уже у меня въ карманѣ, этотъ жидъ, сволочь, протягиваетъ мнѣ руку, благодаритъ за доброе сердце и говоритъ, что у меня хватило ума только для сорока тысячъ! Сталъ смѣяться и говоритъ, что онъ рѣшилъ уже дать всѣ пятьдесятъ тысячъ, потому что эта земля ему необходима! Подумай-

те, какъ глупо я далъ себя провести, а теперь онъ еще смѣется надо мной!

Вильчекъ замолчалъ и немного отсталъ, чтобы подавить охватившее его безсильное бѣшенство. Не деньги безпокоили его теперь, онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его обманули, что какой-то Грюнспанъ издѣвается надъ нимъ, что онъ, Вильчекъ, позволилъ себя надуть. Его самолюбіе страдало. Онъ холодно простился съ товарищами. Всѣ ему опротивѣли; сѣлъ на извозчика и поѣхалъ домой. Онъ жилъ все еще въ своей хатѣ, выговоривъ себѣ право пользоваться ею до весны.

Въ хатѣ было холодно, сыро и пусто. Онъ едва досидѣлъ до вечера и поплелся въ колонію, гдѣ теперь столовался, чтобы завязать знакомство съ такъ называемымъ обществомъ.

Но въ обычно веселой колоніи сегодня всѣ были грустно настроены. Кама поминутно плакала и убѣгала въ гостиную, потому что ее разстраивалъ видъ Адама Малиновскаго. Проводивъ мать до дому, оставивъ ее среди близкихъ людей, онъ пошелъ бродить по Лодзи и, наконецъ, измученный, пришелъ въ колонію къ обычному чаю. Думалъ найти облегченіе среди своихъ друзей.

Сидя за столомъ, онъ смотрѣлъ куда-то вдаль. Его зеленые глаза потемнѣли и точно отражали ту внутреннюю невидимую картину послѣднихъ минутъ жизни отца, которая неотступно стояла передъ его глазами.

Онъ ничего не говорилъ, но, чувствуя около себя столько сердечныхъ взглядовъ, столько сочувствія въ настроеніи собравшихся, слыша ихъ заглушенные го-

лоса и рыданія Камы, онъ не выдержалъ, выбѣжалъ ни съ кѣмъ не прощаясь и въ сѣняхъ разразился судорожными рыданіями.

Выбѣжали Горнъ и Вильчекъ, успокоили его и отвезли домой, гдѣ вскорѣ собрались всѣ его друзья.

Долгое время всѣ сидѣли молча, потомъ Блюменфельдъ сталъ тихо играть на скрипкѣ ноктюрны Шопена, игралъ долго, всей душой, пока Адамъ не заслушался и не успокоился немного.

Потомъ пришелъ Давидъ Гальпернъ и сталъ его заботливо развлекать и говорить съ глубокой вѣрой о справедливомъ и добромъ Богѣ.

Всѣ слушали его довольно охотно, кромѣ Вильчка, который ушелъ. Его никто и ничто не могло успокоить, уже двѣ недѣли мучила его бѣшеная ненависть къ Грюнспану.

По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ по Лодзи, придумывая способы повредить фабриканту.

Поклялся ему отомстить и искалъ только случая. Онъ не думалъ о томъ, чтобы его избить или убить, это было бы слишкомъ просто, онъ хотѣлъ нанести ударъ его карману.

По цѣлымъ недѣлямъ рылся онъ въ книгахъ, разбиралъ подробности пожара на фабрикѣ Гросмана, чувствуя, что съ этой стороны можно нанести Грюнспану ударъ прямо въ сердце. Онъ уже былъ на вѣрномъ пути уликъ, но пока, ради минутнаго удовлетворенія, рѣшилъ открыть Боровецкому заговоръ Гросглюка и Морица, стремившихся завладѣть его фабрикой.

Старательно одѣвшись, онъ пошелъ навѣстить пана Адама и Анку, надѣясь встрѣтить тамъ Карла.

Анка приняла его сердечно, потому что онъ напомнилъ ей Куровъ, и сейчасъ же проводила къ пану Адаму.

— Стахъ! какъ поживаешь? Хорошо, что зашелъ, хорошо... — говорилъ панъ Адамъ, протягивая ему руку, которую Вильчекъ невольно по старой привычкѣ поцѣловалъ. Онъ сталъ разсказывать про Куровъ, гдѣ онъ недавно былъ; Анка тоже пододвинулась и слушала.

— Ну, а какъ твои дѣла? — спросилъ панъ Адамъ.

— Не дурно, не дурно для начала, — отвѣтилъ онъ небрежно и сталъ пренебрежительно разсказывать о своихъ сорока тысячахъ, разсчитывая на эффектъ.

— Ну, ну! Богъ въ помощь, Стахъ! Становись хоть милліонеромъ, только не обижай людей.

Вильчекъ снисходительно улыбнулся и сталъ широко описывать свои планы и намѣренія, бросалъ тысячи направо и налѣво, небрежно говорилъ о своемъ знакомствѣ съ милліонерами, рисовалъ свое широкое будущее и былъ смѣшонъ въ своемъ самохвальствѣ. Анка насмѣшливо улыбнулась, а панъ Адамъ сказалъ съ искреннимъ удивленіемъ:

— Какъ все на свѣтѣ странно! А помнишь, Стахъ, какъ ты пасъ нашихъ телятъ, а? А чубуки ксендза Семена, а?..

— Трудно забыть... — пробормоталъ тотъ, краснѣя отъ страннаго взгляда Анки.

Это напоминаніе испортило ему настроеніе, поэтому онъ сейчасъ же всталъ и спросилъ про Карла.

— Пана Боровецкаго нѣтъ, онъ уѣхалъ вчера въ

Берлинъ и вернется только черезъ нѣсколько дней,— отвѣтила Анка, наливая ему чай.

— А скажи-ка мнѣ, какъ это было съ той старой еврейкой, съѣлъ ты ея булки или нѣтъ? — продолжалъ безжалостно панъ Адамъ свои воспоминанія.

Вильчекъ совсѣмъ обозлился, ничего не отвѣтилъ, быстро выпилъ чай и выбѣжалъ въ раздраженіи на старика и на весь свѣтъ.

— Мое дѣтство будетъ гирей у моихъ ногъ! —ворчалъ онъ.

Панъ Адамъ долго разговаривалъ о немъ съ Анкой, долго не могъ понять, почему теперь такой Вильчекъ, напримѣръ, который пасъ у нихъ скотину, котораго онъ не разъ поколачивалъ, сталъ зажиточнымъ человѣкомъ и можетъ преспокойно приходить къ нимъ и быть съ ними какъ равный.

Панъ Адамъ былъ демократомъ, но не могъ этого понять, не могъ примириться съ такимъ равенствомъ и потому закончилъ:

— Они слишкомъ быстро поднимаются! Дворянство бывало утѣшеніемъ и для Господа Бога, но такіе могутъ порадовать только чорта. Какъ ты думаешь, Анка?..

XX.

Боровецкій былъ въ Берлинѣ.

Пріѣхалъ къ Люси, которая засыпала его депешами и грозила покончить съ собой, если онъ не пріѣдетъ къ ней хоть на нѣсколько часовъ.

Онъ даже охотно поѣхалъ, думая отдохнуть нѣ-

сколько дней вдали отъ фабрики, работавшей уже всѣми отдѣлами.

Чувствовалъ себя страшно усталымъ и измученнымъ отъ работы и постоянныхъ хлопотъ.

Съ Люси онъ видѣлся два раза въ день. Эти встрѣчи были для него мукой, тѣмъ болѣе, что Люси подурнѣла. Съ едва скрываемымъ отвращеніемъ смотрѣлъ онъ на ея обезображенную фигуру и съ трудомъ заставлялъ себя цѣловать ея опухшее, покрытое желтыми пятнами лицо.

Она быстро замѣтила производимое ею впечатлѣніе, поэтому каждое свиданіе заканчивалось горькими упреками и слезами.

Оба страшно мучились.

Она любила съ прежней силой, но въ ней исчезла утонченная, страстная любовница, та неопытная, сдержанная, наивно-искренняя и трогательно-застѣнчивая Люси, красавица Люси, восхищавшая всю Лодзь. Въ ней проснулась простая, грубая, невоспитанная и некультурная еврейка изъ маленькаго городка. Стала крикливой, вульгарной и глупой.

Будущее материнство ее совершенно измѣнило и вызвало въ ней всѣ особенности ея расы.

Карлъ съ какимъ-то ужасомъ замѣчалъ эти перемѣны, но, чувствуя себя передъ ней виноватымъ, подавлялъ насколько могъ отвращеніе и ненависть, которыя въ немъ росли, и довольно спокойно переносилъ всѣ ея выходки и капризы.

При каждой встрѣчѣ она упрекала его въ томъ, что онъ сдѣлалъ ее несчастной, съ наслажденіемъ постоянно напоминала ему, мучая его и себя, что буду-

щій ребенокъ—его ребенокъ; терзала его страхомъ смерти и кончала тѣмъ, что бросалась въ его объятія съ страстной вспышкой чувственности.

Черезъ нѣсколько дней онъ съ ней простился, еще не уѣзжая, потому что у него больше не хватало ни силъ ни терпѣнья.

Однажды, вернувшись поздно домой, онъ долго отдыхалъ, проводя дни и ночи въ пустыхъ, безсмысленныхъ развлеченіяхъ.

Однажды вернувшись поздно домой, онъ долго спалъ и уже послѣ двѣнадцати былъ разбуженъ поданной телеграммой.

Сонными, безсознательными глазами онъ прочелъ: «Пріѣзжай! Фабрика горитъ. Моритъ».

Соскочилъ съ кровати, быстро одѣлся и сталъ медленно пить давно простывшій чай, глядя черезъ окно на другую сторону улицы, и только долгое время спустя замѣтилъ, что держитъ въ рукѣ скомканную бумагу, развернулъ ее и прочелъ снова.

— Фабрика горитъ! — крикнулъ онъ изумленно, въ ужасѣ бросился въ коридоръ, точно на помощь, и только у подъемной машины опомнился и овладѣлъ собой.

Заказалъ экстренный поѣздъ и въ неописанной тревогѣ ждалъ въ какомъ-то маленькомъ ресторанчикѣ у вокзала.

Не помнилъ, что онъ пилъ, дѣлалъ и говорилъ и всѣмъ существомъ своимъ былъ тамъ, возлѣ горящей фабрики.

Когда ему сказали, что поѣздъ поданъ, онъ это понялъ и сѣлъ въ него; когда его спрашивали, онъ

тоже все понималъ, но не могъ ничего отвѣтить, потому что въ мозгу стояло одно:

— Горитъ фабрика.

Поѣздъ, состоявшій изъ одного вагона, тендера и паровоза, точно пришпоренный конь, помчался на всѣхъ парахъ въ занесенное снѣгомъ пространство.

На какой-то станціи, гдѣ они задержались на минутку, онъ телеграфировалъ Морицу, чтобы его извѣщали телеграммами о ходѣ пожара.

Понеслись дальше.

Станціи, города, большіе холмы, рѣки, лѣса мелькали какъ въ калейдоскопѣ, какъ тѣни видѣнія исчезая во мракѣ ночи.

Нигдѣ почти не останавливались, поѣздъ кидался впередъ какъ разъяренный звѣрь съ огненно-красными глазами, пожиралъ пространство, выбрасывалъ снопы золотистыхъ искръ и подъ могучее пѣніе поршней и шумъ колесъ, бѣшено бившихъ по рельсамъ, разрѣзалъ темноту и все бѣжалъ дальше и дальше...

Боровецкій, прильнувъ лицомъ къ окну вагона, все стоялъ и смотрѣлъ въ темноту ночи, въ мелькавшіе предметы, въ убѣгавшее снѣжное пространство.

Но ничего не видѣлъ и только все посматривалъ на часы. Въ Александровѣ его уже ждала депеша. «Горитъ».

Пересѣлъ въ ожидавшій его поѣздъ и поѣхалъ дальше.

Была поздняя ночь.

Опустилъ занавѣску на фонарѣ и легъ, но не могъ уснуть, потому что въ мозгу возникали туманныя тревожныя картины, мучительныя потому, что онъ не могъ

схватить ихъ контуровъ, запомнить ихъ. Недосягаемыя, онѣ расплывались, наполняя его гнетущей, безпрерывной дрожью.

Онъ вскочилъ, открылъ свѣтъ и, собравъ всю силу воли, сталъ высчитывать въ записной книжкѣ свой пассивъ и активъ. Но не кончилъ, съ тревогой отшатнулся передъ подробнымъ ознакомленіемъ съ положеніемъ своихъ дѣлъ.

Страховая премія могла бы покрыть только его долги, удовлетворить компаньоновъ и Анку. Ни лично затраченныхъ денегъ, ни вознагражденія за трудъ, ни средствъ для будущей работы,—онъ не нашелъ въ этихъ цыфрахъ.

Не хотѣлъ больше объ этомъ думать, но чѣмъ больше старался забыть, тѣмъ живѣе и яснѣе вставали передъ нимъ зловѣщія цыфры.

— Что дѣлать? — спрашивалъ онъ себя минутами, но не могъ думать, не могъ связать на одной мысли, весь отдавался чувству лихорадочнаго нетерпѣнія.

Опять смотрѣлъ въ темноту, проклиная медленность поѣзда, потому что его разгоряченное воображеніе уносило его въ тысячу разъ скорѣе. Онъ уже былъ въ Лодзи, уже видѣлъ зарево, видѣлъ пламя, пожиравшее его труды, слышалъ грохотъ и гулъ падавшихъ зданій. Въ его душѣ былъ тоже пожаръ, сжигавшій его. Онъ то срывался съ мѣста, ходилъ по вагону, натыкаясь на стѣны, точно пьяный, то ложился, долго смотрѣлъ на свѣтъ и, сливаясь внутренно съ машиной, уносился и работалъ съ ней вмѣстѣ, чувствуя каждый оборотъ колеса, дыханіе машины, все напряженіе силъ и

громадное дикое наслажденіе этого безумнаго бѣга черезъ пустыя, занесенныя снѣгомъ поля во мракѣ ночи.

Часы тянулись страшно медленно.

Онъ открылъ окно и подставилъ голову морозному ночному воздуху.

Холодный, пронизывающій вѣтеръ, поднявшійся отъ снѣжныхъ полей, хлесталъ его по разгорѣвшемуся лицу, а темное, покрытое снѣгомъ пространство наполняло его душу глухой тоской. Поѣздъ все летѣлъ съ быстротой молніи. Заснувшія маленькія станціи, занесенныя снѣгомъ деревушки, гнувшіеся подъ тяжестью снѣга лѣса, длинный рядъ сторожевыхъ фонарей, точно свѣтящихся водяныхъ пузырей, плывущихъ по темному морю, проносились мимо съ безумной быстротой, точно испугавшись этого чудовища.

«Еще горитъ!» гласила третья депеша, доставленная ему уже въ Скерневицахъ.

Онъ разорвалъ ее и бросилъ на полъ.

Выпилъ цѣлую бутылку коньяку, но не успокоился и не забылся.

Поѣхалъ опять и почти молился, чтобы поѣздъ летѣлъ скорѣе.

Почувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ и такимъ разстроеннымъ, что не могъ больше держаться на ногахъ. Болѣло сердце, болѣли всѣ мускулы, всякая мысль острой болью отдавалась въ мозгу; онъ то безъустали ходилъ отъ одного окна къ другому, то садился, то опять вскакивалъ и подбѣгалъ посмотрѣть въ морозную зимнюю ночь, въ унылое пространство, которое онъ тщетно старался проникнуть взглядомъ.

Съ бьющимся сердцемъ всматривался онъ въ стан-

ціи, мелькавшія мимо, стараясь прочесть ихъ названія, почти угадывая ихъ въ темнотѣ. Но мучительная тревога не прекращалась, запустила свои тонкіе когти во всѣ нервы и терзала ихъ все мучительнѣе.

Онъ впадалъ отъ утомленья въ полузабытье, но просыпался сейчасъ же весь въ поту отъ страха и сознанія своей безпомощности.

Усталость начинала брать свое, онъ уже не сознавалъ, гдѣ онъ, что съ нимъ происходитъ; точно сквозь сонъ видѣлъ блѣдный, зимній разсвѣтъ, заглядывавшій въ окно и разливавшійся по снѣгамъ, прогоняя мракъ съ полей, открывая контуры лѣсовъ, поблескивая огоньками въ просыпавшихся деревьяхъ. Грязныя тучи быстро неслись съ востока, все посѣдѣло, и крупные хлопья снѣга скрыли все вокругъ.

Въ Колюшкахъ депеши уже не было.

Боровецкій преодолѣлъ усталость, умылся и старался взять себя въ руки.

Но, овладѣвъ собой по внѣшности, вернувшись къ способности логически мыслить, онъ не могъ все-таки побороть своего нетерпѣнія и тревоги, которыя росли по мѣрѣ приближенія къ Лодзи.

Болѣзненныя рефлексіи наполняли его горечью.

Столько лѣтъ труда, надеждъ, усилій, желаній, все будущее—все улетало съ дымомъ пожара!

Его мука была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, чѣмъ больше возмущался злой, ненавистной судьбой.

Снѣгъ падалъ все сильнѣе, скрывая все изъ глазъ. Поѣздъ летѣлъ съ безумной быстротой, прорываясь сквозь эти бѣлые хлопья, засыпавшіе свѣтъ, а Бо-

ровецкій, высунувшись изъ окна, глоталъ горячими губами рѣзкій воздухъ и всматривался сквозь снѣжную завѣсу въ контуры фабрикъ. Дрожалъ отъ нетерпѣнія и кусалъ свои пальцы, чтобы не кричать отъ боли. Поѣздъ, точно раздѣляя его тревогу, мчался бѣшено впередъ. Мчался запыхавшись, бросаясь какъ въ конвульсіяхъ, хрипѣлъ отъ усилій, пыхтѣлъ поршнями, выбрасывалъ тучи дыма и, точно громадный гудящій жукъ, летѣлъ въ безпамятствѣ безъ передышки сквозь снѣжныя пространства все впередъ въ безконечность.

XXI.

Въ день пожара Анка какъ всегда сидѣла около пана Адама, который былъ сегодня особенно раздраженъ и неспокоенъ. Все спрашивалъ про Карла и поминутно жаловался на удушье и острую боль сердца.

Былъ пасмурный день; снѣгъ выпадалъ нѣсколько разъ, но къ вечеру пересталъ; вѣтеръ усилился, сметалъ снѣгъ къ окнамъ, трепалъ деревья въ саду и со свистомъ проносился по верандѣ, на которую выходили окна больного.

Въ сумерки стихъ и вѣтеръ, наступила глубокая тишина, въ которой громче гудѣли фабрики.

— Когда пріѣдетъ Карлъ? — спросилъ снова больной слабымъ голосомъ.

— Не знаю, — отвѣтила Анка, ходя по комнатѣ и глядя въ окна.

Чувствовала странную усталость, невыразимую то-

ску и грусть, точно надвигавшуюся съ этой темной грязной ночью, окутывавшей Лодзь.

По цѣлымъ недѣлямъ не выходила она изъ дома, просиживая около пана Адама, въ нетерпѣніи ожидая какого-нибудь конца.

Теперь, ходя по этой полутемной комнатѣ съ запахомъ лѣкарствъ, ей казалось, что она приговорена навсегда къ этому безконечному мучительному ожиданію. Она уже не протестовала противъ необходимости, пассивно отдавалась судьбѣ и впадала въ самую глубокую скорбь, скорбь покорности.

Панъ Адамъ сталъ вполголоса читать свои вечернія молитвы; она ихъ съ нимъ не повторяла сегодня, потому что ничего не слышала, точно въ оцѣпенѣніи остановилась у окна и смотрѣла на занесенный снѣгомъ садъ и на стѣны фабрики.

Какой-то человѣкъ, выскочивъ изъ воротъ фабрики, во весь духъ побѣжалъ къ верандѣ, громко крича что-то. Анка сорвалась съ мѣста и побѣжала къ нему навстрѣчу.

— Горитъ! — лепеталъ Соха.

— Гдѣ?

Она закрыла двери въ переднюю, чтобы больной не услыхалъ.

— На фабрикѣ. Загорѣлось въ сушильнѣ, на третьемъ этажѣ!..

Она больше не спрашивала, бросилась къ фабрикѣ и уже за калиткой увидѣла пламя, вырывавшееся красными языками изъ оконъ третьяго этажа.

На дворѣ была невообразимая суматоха, люди какъ полоумные съ криками выбѣгали изъ павильоновъ.

Стекла лопались, черные, ѣдкіе клубы дыма и огненные языки лизали оконныя рамы и добирались до крышъ.

— Отецъ! — крикнула она вдругъ, съ ужасомъ вспомнивъ про старика и побѣжала домой.

Но и на верандѣ уже были слышны крики, а пламя показалось уже на крышахъ противъ самыхъ оконъ дома.

— Что тамъ такое, Анка? — спросилъ старикъ безпокойно.

— Ничего... ничего... говорятъ у Травинскихъ что-то случилось, — отвѣтила она быстро, сама зажгла лампу и опустила дрожащими руками шторы.

— Барышня... ради Бога... такъ вѣдь... — крикнула вбѣгая горничная.

— Тише! — крикнула на нее Анка. — Зажигай лампу, тутъ слишкомъ темно.

— Но она вѣдь уже горитъ...

— Правда... хорошо... иди... я тебя позову...

Глухой, смѣшанный шумъ пожара все усиливался и сталъ доноситься сквозь окна и двери.

— Боже! Боже!.. — безпомощно шептала она, не зная, что дѣлать, какъ заглушить этотъ шумъ, не дать его услышать пану Адаму.

— Анка, пригласи пана Макса къ чаю.

— Отлично. Я сейчасъ ему напишу.

Бросилась къ письменному столу, отодвигала стулья, хлопала ящиками, уронила на полъ горшокъ съ цвѣткомъ, потомъ тяжелую папку съ бумагами, поднимая ее, опрокинула нѣсколько стульевъ, искала чер-

пила, стучала каблуками и съ шумомъ захлопывала двери.

— Что ты сегодня выкидываешь? — проворчалъ больной, который, несмотря на нѣкоторую глухоту, какъ-то неспокойно насторожился и ловилъ эти странные крики, все больше проникавшіе въ комнаты.

— Я неуклюжая... совсѣмъ неуклюжая... это даже Карлъ замѣтилъ!.. — оправдывалась она и залилась долгимъ безпричиннымъ смѣхомъ.

Заглянула въ другую комнату, чтобы увидѣть фабрику.

Невольный крикъ вырвался изъ ея груди, когда она увидала, что широкое, страшное пламя высоко взвилось надъ фабрикой.

— Что съ тобой такое? — спросилъ больной.

— Ничего... ничего... я ударилась о двери... — сказала она, хватаясь за голову, чтобы скрыть замѣшательство, чтобы хоть немного овладѣть собою. Вся тряслась какъ въ лихорадкѣ, едва держалась на ногахъ.

Пожарная команда, сопровождаемая хриплыми звуками рожковъ, промчалась галопомъ по улицѣ.

— Анка, что это?

— Это какіе-то возы такъ быстро проѣхали... — отвѣтила она.

— Мнѣ показалось, что я слышалъ какую-то музыку?

— Это бубенчики отъ санокъ!.. бубенчики!.. Не почитать ли вамъ? хотите?

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

Подавила въ себѣ страшное волненіе, нечеловѣческимъ усиліемъ воли овладѣла собой и стала читать. Читала умышленно громко.

— Слышу... слышу... — сказалъ съ нетерпѣніемъ панъ Адамъ. Не обращая на это вниманіе, она продолжала читать. Не знала, что она читаетъ, не понимала ни одного слова, не видѣла ни одной буквы, всей душой, остатками сознанія прислушиваясь къ крикамъ, треску, отголоскамъ, несшимся отъ пылавшей фабрики.

Кровавое зарево пожара, несмотря на свѣтъ внутри комнаты, стало окрашивать шторы. Но она все читала. Сердце переставало биться, невыразимая тревога терзала мозгъ, холодный потъ выступилъ на ея блѣдномъ лицѣ; она вся застыла отъ ужаса, брови сдвинулись надъ лихорадочно блестѣвшими глазами, голосъ поминутно обрывался и измѣнялъ ей, сердце рвалось отъ острой, щемящей боли. Она задыхалась, была близка къ помѣшательству.

Но еще владѣла собой.

Крики уже ясно долетали въ комнату, грохотъ падающихъ стѣнъ и потолковъ поминутно потрясалъ домъ.

— Тише... тише... тише... Господи! Смилуйся!.. — молила она, падая ницъ передъ этимъ Именемъ, всей силой души взывая къ Милосердію.

Панъ Адамъ прерывалъ чтеніе и прислушивался все съ большимъ безпокойствомъ.

— Кричатъ! какъ будто на фабрикѣ Карла... Посмотри, Анка.

Она посмотрѣла...

Увидѣла изъ другой комнаты, что уже вся фабри-

ка въ огнѣ, что буря огня свирѣпствуетъ надъ всѣми павильонами, выбрасывая огненныя волны къ небу...

— Ничего... ничего... отецъ... Вѣтеръ шумитъ... страшный вѣтеръ... — съ громаднымъ усиліемъ прошептала она.

Ей не хватало воздуха... душило отчаянье... безсиліе... страхъ... Чувствовала, что этотъ пожаръ можетъ убить отца.

— Что дѣлать?.. Почему нѣтъ Карла?.. что если и домъ загорится?..

Огненной молніей пробѣгали эти мысли, гипнотизируя ее безграничнымъ ужасомъ, лишая послѣднихъ силъ.

Нѣтъ, она не могла больше читать.

Ходила по комнатѣ, почти спотыкаясь, шумно приготовляла все къ чаю.

— Это вѣтеръ... Помните, отецъ, какой бывалъ вѣтеръ въ Куровѣ? А ту тополевую аллею, которую вѣтромъ вырвало и поломало? Боже! какъ я тогда боялась... Еще... сегодня... теперь... слышу этотъ страшный шумъ... этотъ страхъ... стоны сломанныхъ деревьевъ... это ужасное завыванье... Боже, Боже... какъ это ужасно...

Она не могла больше говорить, ея голосъ оборвался, минуту стояла неподвижно, прислушиваясь къ возрастающему шуму пожара, помертвѣвъ отъ ужаса.

— Тамъ что-то происходитъ, — замѣтилъ больной, порываясь встать.

Она очнулась, увѣряла его, что ничего, пошла въ гостиную, съ трудомъ и усиліемъ придвинула фортепіано къ открытымъ дверямъ и стала играть какой-то

бѣшеный, дикій галопъ. Звуки безумнаго веселья наполнили квартиру. Они дрожали такимъ сильнымъ ритмомъ, искрились и переливались въ такомъ бѣшеномъ вихрѣ, что, дѣйствительно, заглушили отголоски пожара и вернули спокойствіе пану Адаму, даже вызвали веселое выраженіе на его лицѣ.

Анка играла все громче, струны лопались, но она ничего не слышала; слезы струились по ея лицу. Не сознавала, что плачетъ, ничего не видѣла, не понимала, играла безсознательно, съ одной мыслью—спасти отца...

Вдругъ домъ задрожалъ, картины упали со стѣнъ, раздался такой трескъ, точно обвалилась земля. Панъ Адамъ бросился къ окну, сорвалъ шторы, и зарево пожара кровавымъ потокомъ разлилось по комнатѣ и освѣтило его.

— Фабрика! Карлъ! Карлъ!.. — прошепталъ онъ и упалъ навзничь, хватаясь за горло, судорожно вздрагивая ногами, теребя коченѣющими пальцами одѣяло, хрипя и задыхаясь.

Анка бросилась къ нему, звала прислугу, звонила, но никого не было, пробовала вернуть его къ сознанію, спасти, все было напрасно, онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, и она, обезумѣвъ, выбѣжала изъ дома и стала звать на помощь.

Вскорѣ прибѣжали люди съ Высоцкимъ, подававшимъ помощь обгорѣвшимъ рабочимъ, но было уже поздно, панъ Адамъ скончался, а Анка лежала возлѣ него на полу безъ памяти.

Фабрика продолжала горѣть.

Гулъ, который открылъ пану Адаму пожаръ и

убилъ его, произошелъ отъ взрыва котла, взлетѣвшаго на воздухъ. Онъ взорвалъ съ собою полпавильона и огненнымъ метеоромъ, описавъ большую кривую, упалъ на главный павильонъ фабрики стараго Баума. Пробилъ крышу, потолокъ, разбилъ первый и второй этажъ и зарылся въ нижней залѣ, засыпанный обломками зданія, которые тоже стали горѣть.

Послѣ взрыва пожаръ на фабрикѣ Боровецкаго сталъ сильнѣе разгораться.

Сквозь разорванныя стѣны, точно изъ раны, полились потоки огня и дыма и съ дикимъ, бѣшенымъ ревомъ охватили все своими кровавыми объятіями.

Несмотря на усиленную работу пожарной команды, павильоны загорались отъ близости другъ къ другу, огонь точно живое существо ползалъ по стѣнамъ, карабкался на крыши, огненными полосами носился по двору и, наконецъ, залилъ всю фабрику волнами пламени.

Ужасъ пожара возросталъ еще отъ темноты ночи и сильнаго вѣтра, который раздувалъ пламя и разметывалъ его какъ огненные волосы во всѣ стороны.

Крыши рушились, столбы кроваво-красной пыли, ослѣпительный дождь огня взвивались кверху въ темноту ночи и падали на сосѣдніе дома, на городъ.

Клубы ѣдкаго дыма наполняли дворъ и чернымъ туманомъ застилали стѣны, по которымъ ползли съ шипѣніемъ огненныя змѣи и кровавыя чудовища, высовывая пламенные языки.

Этажи рушились, обгорѣвшія стѣны съ трескомъ падали въ море огня.

Огонь торжествовалъ, люди стали отступать, по-

тому что надо было защищать сосѣднюю фабрику Травинскаго и тушить пожаръ на фабрикѣ Баума.

Мориц ъ охрипшій, вспотѣвшій еще бѣгалъ и кричалъ, но никто его не слышалъ въ этомъ хаосѣ дикихъ криковъ, а кромѣ того во дворѣ, еще полномъ мусору отъ недавней постройки, было невыносимо жарко.

Огонь, точно бурное море, ревѣлъ со всѣхъ сторонъ, на минуту затихалъ, потомъ опять поднималъ свою страшную голову, потрясалъ ею съ радостнымъ воемъ, и тогда огненные столбы, пылающіе клубы пряжи, обгорѣвшіе лоскутья матеріаловъ вылетали изъ глубины и точно зловѣщія стаи птицъ летѣли съ шумомъ по воздуху.

Сила пожара была такъ велика, что люди стояли молча, остолбенѣлые, безпомощные, поглупѣвшіе, отшатываясь въ тревогѣ. Постоянно раздавались крики ужаса, заглушаемые хаосомъ шума и треска, болѣзненнымъ стономъ машинъ, обваливавшихся вмѣстѣ съ залами, гуломъ трескавшихся стѣнъ, всѣми этими дикими, безумными, шипящими звуками огня.

Пожаръ пѣлъ торжественный гимнъ побѣды, развѣвалъ красныя знамена во мракѣ ночи, катался въ безуміи по зданіямъ, рычалъ, свисталъ, гудѣлъ, грызъ кровавыми клыками стѣны, разрывалъ машины, лизалъ желѣзо, сжигалъ, терзалъ, попиралъ самыя развалины.

Подъ утро, когда пошелъ снѣгъ, огонь уже выбился изъ силъ. Остались однѣ голыя стѣны, безъ крышъ, этажей, оконъ, одни нагіе скелеты съ черными, обвалившимися стѣнами, большіе квадраты, похо-

жіе на дырявые ящики, дымившіе всѣми отверстіями, на днѣ которыхъ еще извивались остатки огня, точно полипы, высасывая кровавыми языками послѣднія силы изъ этого трупа.

Въ сѣрое, пасмурное утро, когда шелъ частый снѣгъ, вернулся Боровецкій.

Соскочилъ съ извозчика и побѣжалъ прямо къ фабрикѣ.

Сталъ посреди двора среди развалинъ и дымящихся головешекъ, которыя поливали водой, медленно обвелъ глазами эти изодранныя стѣны, похожія на обгорѣвшіе лохмотья, истинное кладбище его трудовъ и мечтаній. Смотрѣлъ долго и спокойно на это раскаленное пепелище. Ни одинъ нервъ его не дрогнулъ; его возбужденіе, страхи и тревоги, которые терзали его въ поѣздѣ, исчезли при видѣ дѣйствительности, съ которой онъ стоялъ лицомъ къ лицу. Онъ смотрѣлъ все холоднѣе, лицо стало суровымъ, а сердце наполнилось злобой, ненавистью и упорствомъ.

Морицъ подошелъ къ нему съ толпой разныхъ людей. Онъ поздоровался съ ними спокойно и равнодушно и слушалъ ихъ разсказы о началѣ и ходѣ пожара.

Ни о чемъ не спрашивая, онъ пошелъ въ контору, уцѣлѣвшую съ почти пустыми складами товаровъ. Только крыши были сорваны съ этихъ низкихъ одноэтажныхъ зданій.

Въ конторѣ стоялъ старикъ Яскульскій, получившій обжоги, Высоцкій его осматривалъ.

Боровецкій еще разъ взглянулъ сквозь разбитое окно на дымившіяся развалины, а потомъ сказалъ Морицу глухимъ, но выразительнымъ голосомъ:

— Ну, что же! начнемъ сызнова.

— Да, да!.. Но если бы ты зналъ, что я пережилъ! Я совсѣмъ боленъ, боюсь за себя... Вотъ несчастье, вотъ бѣда... Я былъ въ городѣ, смотрю, ѣдетъ пожарная команда, ну, пусть себѣ ѣдетъ, пусть опаздываетъ. Вдругъ кто-то говоритъ: Боровецкій горитъ. Пріѣхалъ, а уже вся прядильня въ огнѣ! Что я пережилъ, что я пережилъ!

Продолжалъ жаловаться дальше плаксивымъ голосомъ, симулируя отчаяніе и великое горе, но незамѣтно наблюдалъ быстрыми глазами за выраженіемъ лица Карла.

Боровецкій долго слушалъ и, наконецъ, наскучивъ, нагнулся къ нему и шепнулъ надъ ухомъ:

— Не болтай, это твоя работа!

Моришъ отскочилъ и сталъ кричать:

— Ты сумасшедшій! У тебя голова не въ порядкѣ! ты!..

— Я сказалъ.

Повернулся къ Матвѣю, заплаканному, грязному, цѣловавшему ему руки съ безсвязнымъ бормотаньемъ.

Карлъ понялъ, что кто-то умеръ.

— Кто умеръ, говори по-человѣчески! — крикнулъ онъ въ нетерпѣніи.

— Старый баринъ! О, Боже, прибѣгаемъ, а тутъ баринъ мертвый, а барышня на полу...

— Слушай, болванъ, не болтай, а то разобью тебѣ голову о двери! — крикнулъ Карлъ, подскакивая къ нему.

— Панъ Адамъ умеръ отъ разрыва сердца, по всей вѣроятности причиною былъ внезапный испугъ.

— Я тамъ былъ... Идите къ паннѣ Анкѣ, она тоже полужива! — сказалъ ему Высоцкій.

Боровецкій, любившій отца, былъ ошеломленъ этимъ извѣстіемъ и, точно не вѣря доктору, побѣжалъ къ дому.

На порогѣ встрѣтилъ Анку, которую переносили къ Травинскимъ.

— Панъ Карлъ! панъ Карлъ! — прошептала дѣвушка, взявъ его руки, и слезы хлынули изъ ея глазъ.

— Тише! не плачь... Я построю опять фабрику... Все будетъ хорошо.

— Отецъ... отецъ...

Она больше не могла говорить и только плакала.

— Я зайду къ тебѣ послѣ двѣнадцати! — быстро сказалъ онъ и кивнулъ рабочимъ, чтобы ее несли. Напоминаніе объ отцѣ больно сжало его сердце.

Пошелъ къ нему и долго всматривался въ доброе, благородное лицо старика, измѣнившееся отъ смерти и точно застывшее въ крикѣ ужаса и отчаянія; онъ самъ задрожалъ отъ ужаса. У трупа отца пережилъ онъ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ своей жизни.

Долгіе часы сидѣлъ онъ, сосредоточившись, разматывая всѣ нити своей жизни, и, обнажая себя, всматривался въ свою голую душу. Это его совершенно успокоило, но напомнило странной печалью, которая въ немъ осталась навсегда.

Пошелъ спать и спалъ долго; проснулся совсѣмъ бодрый и съ рѣшимостью сразиться съ судьбой, бороться съ ней. Но сейчасъ же натолкнулся на первое препятствіе. Морицъ объявилъ съ самыми горячими увѣреніями дружбы, что выходитъ изъ компаніи, бе-

ретъ назадъ свой вкладъ и капиталъ и что онъ уже сдѣлалъ заявленіе въ страховомъ обществѣ.

— Понимаю тебя, ты хитро устроился, чтобы меня погубить, но неужели ты думаешь, что это тебѣ удастся, что я не стану бороться?

— Ты отъ горя самъ не знаешь, что говоришь, оскорбляешь меня подозрѣніями. Я ухожу, потому что не могу держать денегъ въ мертвомъ дѣлѣ. Ты справишься и безъ меня, а мнѣ надо жить, у меня дѣла съ тестемъ, мнѣ нужны наличныя сейчасъ же!

Сталъ разсказывать ему съ большой точностью о своихъ дѣлахъ, которыя вынуждаютъ его выйти изъ дѣла, объяснялъ горячо и, наконецъ, кинулся ему на шею.

— Карлъ, не смотри такъ на меня, я люблю тебя какъ брата. У меня болитъ сердце при мысли о твоихъ убыткахъ. Мнѣ такъ жаль тебя, я такъ хотѣлъ бы тебѣ помочь хоть чѣмъ-нибудь, что хотя мнѣ это совсѣмъ ни къ чему, я купилъ бы у тебя твой участокъ и то, что на немъ осталось. Ты знаешь мое отношеніе къ друзьямъ. Я заплатилъ бы наличными, сейчасъ же, у тебя будетъ съ чѣмъ начать.

Карлъ, возмущенный этимъ предложеніемъ, открылъ передъ нимъ дверь.

— Вотъ мой отвѣтъ! По дѣламъ можно приходить ко мнѣ въ контору.

— Что! что! меня?.. За мою дружбу, за мое расположеніе? — кричалъ Морицъ.

— Убирайся, не то велю тебя вывести! — отвѣтилъ Карлъ порывисто и позвонилъ Матвѣю.

Морицъ выбѣжалъ, а Карлъ сѣлъ за вычисленія, которыя были продолжительны.

Всталъ послѣ этого блѣдный и разстроенный, потому что страховая премія покрывала только самые крупные долги. Кромѣ нихъ была масса мелкихъ, которые могли поглотить стоимость земли и въ результатѣ оставить его совсѣмъ ни съ чѣмъ.

Значитъ опять итти на службу, опять быть въ подчиненіи, обратиться въ машину; опять долгіе годы мучиться безсиліемъ, безплодно мечтать о свободѣ, рваться на цѣпи зависимости и смотрѣть снизу черезъ рѣшетку на тѣхъ, кто строитъ фабрики, создаетъ движеніе, загребаетъ милліоны и живетъ всей полнотой своей власти, желаній, страстей!..

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... — шепталъ онъ, стиснувъ зубы, отталкивая картины прошлаго съ презрѣніемъ и ненавистью.

Онъ уже пресытился такой жизнью и, что бы ни было, онъ къ ней не вернется.

Его мозгъ сталъ лихорадочно работать надъ способомъ выйти изъ этого положенія. Ни одной секунды не думалъ онъ поддаваться.

На другой день пришелъ Максъ. Блѣдный, съ опухшими отъ слезъ глазами, едва держась на ногахъ, онъ объявилъ ему прямо, что выходитъ изъ компаніи и уже сдѣлалъ предупрежденіе обществу.

Боровецкій не могъ больше выдержать.

— И ты меня покидаешь, Максъ? — сказалъ онъ съ горечью, и слезы, первыя слезы въ жизни, показались на его глазахъ и залили душу нестерпимой горечью.

Но онъ овладѣлъ собой и сталъ развивать передъ

Максомъ новый планъ фабрики, воодушевлялся, преодолѣвалъ препятствія и не видѣлъ уже ничего невозможнаго.

Для этой новой ожесточенной борьбы съ судьбой онъ нуждался не въ его капиталахъ, а въ немъ самомъ, въ его честности и способности, поэтому умолялъ Макса остаться съ нимъ.

— Не могу. Не сердись, не досадуй на меня. Я не могу. Видишь ли, я всю душу вложилъ въ эту фабрику, я радовался ей какъ ребенокъ, жилъ одной жизнью съ нею, и все обратилось въ дымъ. У меня нѣтъ больше ни вѣры ни силъ для второй такой работы. Пойми и прости меня. Прощай, Карлъ, я буду тебѣ всегда другомъ, можешь всегда на меня положиться, но я начну дѣло отдѣльно. Я еще самъ не знаю, что я буду дѣлать. Прощай, Карлъ.

— Прощай, Максъ!

Они сердечно поцѣловались на прощанье.

Боровецкій не сердился на Макса, понималъ его состояніе, ему уже разсказывали рабочіе, что когда фабрику нельзя было спасти, Максъ заперся въ конторѣ и какъ ребенокъ плакалъ надъ своими погибшими трудами.

«Значитъ я совсѣмъ одинъ! Хорошо, хорошо!» — подумалъ онъ, точно вызывая весь міръ на борьбу.

Распорядился похоронами отца и пошелъ на фабрику, гдѣ уже работали агенты страхового общества.

Вскорѣ прибѣжалъ Матвѣй и сказалъ, что его ждетъ старикъ Мюллеръ.

Фабрикантъ обнялъ его и сказалъ торопливо:

— Я былъ въ Сосновицахъ, мнѣ телеграфировали

только сегодня, поэтому я опоздалъ. Меня это очень огорчило; мнѣ очень грустно, я видѣлъ, какъ вы работали. Что вы намѣрены теперь дѣлать?

— Еще не знаю.

— Вы все потеряли?—спросилъ онъ быстро.

— Все,—отвѣтилъ Карлъ откровенно.

— Пустяки! Я вамъ помогу, вы заплатите мнѣ обычный процентъ, выстроите еще большую фабрику. Я васъ люблю, вы мнѣ очень нравитесь, ну, какъ?

Карлъ со страннымъ упорствомъ сталъ доказывать, что его капиталъ не будетъ обезпеченъ, рисовалъ ему свое положеніе въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ, но фабрикантъ разсмѣялся этимъ доводамъ.

— Стоитъ ли говорить! Вы умны, это величайшій капиталъ. Сегодня вы потеряли, черезъ нѣсколько лѣтъ все вернете. Я былъ мастеромъ въ ткацкой, я плохо читаю, а у меня фабрика, у меня милліоны. Женитесь на моей Мадѣ, возьмите себѣ все, я давно хотѣлъ вамъ это сказать. Она хорошая дѣвушка! А если не хотите на ней жениться, то я все равно вамъ одолжу денегъ. Мой Вилль не фабрикантъ, куплю ему имѣніе, потому что онъ у меня большой баринъ, а мнѣ нуженъ зять такой, какъ вы... Ну, какъ? — говорилъ онъ быстро, вытирая рукавомъ потное жирное лицо, и безпокойно смотрѣлъ на Карла.

— Говорите скорѣй, я тороплюсь.

— Хорошо! — холодно отвѣтилъ Карлъ; онъ вѣдь давно зналъ, что этимъ кончится.

Обрадованный Мюллеръ обнялъ его, похлопалъ по спинѣ и побѣжалъ домой.

XXII.

Прошло нѣсколько недѣль со времени пожара и похоронъ пана Адама. Анка на нихъ не была, она лежала больная у Травинской, куда ее переселили.

Теперь ей уже было гораздо лучше, но она еще не выходила, потому что стоялъ холодный дождливый мартъ.

Она была почти здорова, но медленно возвращалось къ ней душевное состояніе.

Та ужасная ночь, кончившаяся внезапной смертью пана Адама, оставила въ ней глубокіе слѣды.

Она сидѣла иногда цѣлыми днями, точно засмотрѣвшись вдаль, и, прислушиваясь къ глухому шуму пожара, крикамъ нечеловѣческаго ужаса, теряла сознаніе отъ испуга или бросалась какъ сумасшедшая бѣжать.

Ее надо было постоянно сторожить, отвлекать ея вниманіе, не позволять возвращаться къ воспоминаніямъ.

Чаще всего дѣлала это Нина, которая съ самоотверженіемъ матери ухаживала за ней.

Ежедневно приходила Высоцкая, и всѣ вечера просиживала Кама.

Анка проводила весь день въ большой угловой комнатѣ, обращенной въ оранжерею, наполненную щебетаньемъ птицъ, журчаньемъ маленькаго фонтана и цвѣтами. Нѣсколько большихъ кустовъ камелій уже покрылись красными и бѣлыми цвѣтами.

Анка сидѣла въ низкомъ глубокомъ креслѣ и говорила растроганная:

— Знаешь, никто не ухаживалъ за мною такъ сердечно, какъ ты.

— Потому что не было нужды. А если я о тебѣ забочусь, то я вѣдь заинтересована тѣмъ, чтобы сберечь свою модель, — весело отвѣтила Нина.

Она писала портретъ больной Анки, полулежавшей въ креслѣ, покрытомъ тигровой шкурой, на фонѣ цвѣтущихъ камелій.

Здѣсь было тихо и тепло; фонтанъ сонно журчалъ; сверкавшія брилліантовой пылью струйки стекали въ бѣлый мраморный бассейнъ, наполненный маленькими зелеными ящерицами.

— Былъ у тебя сегодня Карлъ?

— Былъ...

— Уже кончено?..

— Нѣтъ еще, не хватаетъ храбрости, но я верну ему на-дняхъ кольцо и слово. Это такъ тяжело, такъ тяжело...

Она умолкла, и глаза ея стали влажными.

Больше онѣ объ этомъ не говорили.

Дни опять потянулись однообразно.

Какъ-то подъ вечеръ пришелъ ее навѣстить Стахъ Вильчекъ. Она приняла его въ оранжереѣ и долго молча на него смотрѣла.

Вильчекъ, свѣжій, надушенный, самоувѣренный разсказывалъ, что составилъ компанію съ Максомъ Баумомъ и что весной на участкѣ старика Баума они поставятъ фабрику полушерстяныхъ платковъ и составятъ конкуренцію Грюншпану.

— А какъ отецъ пана Макса? — спросила она.

— По-моему онъ совсѣмъ сошелъ съ ума. Какъ вы знаете, котелъ, а потомъ пожаръ совсѣмъ разрушили его почти пустую фабрику. Старикъ отдалъ Максу всѣ участки, весь готовый товаръ, продалъ оставшіеся станки, раздѣлилъ все между дѣтьми, предупредивъ, что до его смерти никто не тронетъ стѣнъ его фабрики, что онѣ останутся въ его исключительной собственности. Заперся и живетъ тамъ. Совсѣмъ сумасшедшій. Я совѣтовалъ Максу хоть насильно перевезти его въ лѣчебницу, потому что эти стѣны очень бы намъ пригодились, но онъ не хочетъ.

— Онъ правъ. Можетъ быть вы скажете пану Максу, чтобы онъ меня навѣстилъ. Хорошо?

— Съ удовольствіемъ. Я знаю, что онъ давно къ вамъ собирается и только ждетъ вашего выздоровленія.

Вильчекъ посидѣлъ еще немного, хвастаясь все время. Анка съ нимъ холодно простилась, потому что онъ все больше возбуждалъ въ ней отвращеніе; она торопливо вытерла свою руку послѣ его пожатія, потому что его большія руки были холодны и влажны.

— Онъ производитъ впечатлѣніе гада, — сказала она Нинѣ.

— Это помѣсь гада съ дикимъ звѣремъ. Такіе могутъ всего достигнуть въ жизни, если еще раньше не попадутъ въ тюрьму, — добавилъ Травинскій и сталъ разсказывать Анкѣ о его дѣлахъ съ Грюнспаномъ и о его способахъ наживаться.

— И вы, несмотря на все это, принимаете его у себя? — спросила она возмущенная.

— Онъ пришелъ къ вамъ, а кромѣ того я долженъ поддерживать съ нимъ знакомство. Здѣсь нельзя раздѣлять людей на честныхъ и негодяевъ, потому что каждый можетъ пригодиться.

— Но я не хочу больше его знать.

— Хорошо, я скажу прислугѣ. Пусть мои слова васъ не огорчаютъ; насъ всегда направляетъ необходимость, а не воля и желаніе, — онъ грустно улыбнулся и посмотрѣлъ на Нину, которая оставила мольбертъ и, чтобы не слышать того, что всегда ее угнетало, отошла къ камеліямъ и осторожно раздувала нѣжные розовые бутоны.

— Какая жизнь страшная! — шепнула Анка.

— Нѣтъ, страшны только наши требованія къ ней, страшны только наши мечты о прекрасномъ, страшны только стремленія къ добру и справедливости, потому что они неосуществимы и не позволяютъ намъ брать жизнь такъ, какъ она есть. Въ этомъ—источникъ всѣхъ страданій.

— И надеждъ!—добавила Нина.

Поставила около Анки на столикѣ вазонъ съ кустомъ китайской розы, покрытымъ прекрасными желтыми цвѣтами съ тонкимъ ароматомъ.

— Вотъ посмотри лучше, Казиміръ, и не говори непріятныхъ вещей!

Вечеромъ пришелъ Юзефъ Яскульскій, который съ нѣкотораго времени приходилъ ежедневно читать Анкѣ книжки. Отъ него она узнавала разныя подробности о дѣлахъ Карла, потому что, хотя Карлъ бывалъ ежедневно, онъ никогда не вспоминалъ о своихъ дѣлахъ.

— Отецъ уже выздоровѣлъ? — спросила Анка.

— Уже недѣля, какъ наблюдаетъ за рабочими, которые убираютъ развалины.

— А ты что дѣлаешь?

— А я тоже въ конторѣ пана Боровецкаго, потому что старый панъ Баумъ уже закончилъ свои дѣла, — отвѣтилъ онъ робко, обливаясь румянцемъ. Онъ совсѣмъ влюбился въ Анку и по цѣлымъ ночамъ писалъ ей длинныя любовныя письма, которыхъ онъ ей не отправлялъ, самъ отвѣчая на нихъ пламенными посланіями. Въ великой тайнѣ, не выдавая имени своего идеала, онъ читалъ ихъ передъ товарищами или на музыкальныхъ собраніяхъ у Малиновскаго.

— Панъ Максъ очень проситъ повидаться завтра съ вами.

— Хорошо, буду ждать послѣ завтрака, — отвѣтила она живо.

Она ожидала его прихода съ большимъ нетерпѣніемъ, а когда на слѣдующій день слуга доложилъ о немъ, ея сердце радостно забилось, и, растроганная, она протянула ему руку.

Максъ, смущенный и робкій, сѣлъ противъ нея и тихо, неувѣренно сталъ спрашивать о ея здоровьѣ.

— Я совсѣмъ здорова, жду хорошей погоды, чтобы выйти, вѣрнѣе, чтобы уѣхать изъ Лодзи.

— Вы надолго уѣдете? — быстро спросилъ Максъ.

— Можетъ быть навсегда, я еще ничего не знаю, что буду дѣлать...

— Вамъ нехорошо въ Лодзи?..

— Да, очень плохо, отецъ умеръ и...

Она не кончила

Максъ не смѣлъ прерывать... Они молчали и ласково смотрѣли другъ на друга.

Анка улыбалась ему такой открытой, радостной улыбкой, что Максъ таялъ какъ воскъ, и давно скрываемая любовь наполнила его сердце такой радостью и нѣжностью, что радъ былъ бы цѣловать ея кресло. Но онъ сидѣлъ неподвижно, сказалъ нѣсколько обычныхъ любезностей и всталъ.

— Вы уже уходите? — спросила она огорченно.

— Я должна прямо ѣхать отсюда на свадьбу Морица и Мели Грюнспанъ.

— Панна Меля выходитъ за Морица?

— Очень подходящая пара. Она очень хороша собой, съ большимъ приданымъ, у нея отецъ, совершившій успѣшно нѣсколько банкротствъ, а у Морица хватитъ хитрости на то, чтобы проглотить и своего тестя.

— Но вы еще навѣстите меня? — спросила Анка.

— Когда только позволите.

— Хоть каждый день, если у васъ будетъ время.

Максъ поцѣловалъ ея руки и вышелъ счастливый. Потомъ въ сумерки, когда сквозь окна заблестѣли огни фабрикъ, пришелъ Боровецкій и тихо сѣлъ, потому что въ сосѣдней комнатѣ играла Нина. Нѣжные звуки лились, они оба молчали, и только иногда въ полумракѣ глаза ихъ встрѣчались и боязливо отворачивались. Только когда зажгли свѣтъ, они стали разговаривать вполголоса, чтобы не мѣшать музыкѣ.

Анка машинально вертѣла на пальцѣ обручальное кольцо. У обоихъ были слова наготовѣ, обоимъ не хватало смѣлости ихъ сказать.

А Нина все играла.

Музыка шопотомъ любви и страсти съ неожиданными переходами лилась отъ рояля и будила въ нихъ эхо прежняго, забытаго...

Глаза Анки наполнились слезами, невыразимая боль сжала ея сердце, машинально сняла она кольцо и молча подала ему.

Онъ взялъ его и тоже молча передалъ свое.

Глубоко заглянули въ глаза другъ другу.

Карлъ не могъ вынести ея влажнаго взгляда, который жгучей болью отозвался въ глубинѣ его души. Низко опустилъ голову и тихо, чуть слышно шепнулъ:

— Это моя вина, моя вина...

— Нѣтъ, моя; я не умѣла любить такъ, чтобы все простить, все забыть, — отвѣтила она медленно.

Онъ всталъ смущенный, больно задѣтый этими словами, съ чувствомъ своей глубокой вины передъ этой блѣдной, больной дѣвушкой.

Глубокій, непреодолимый стыдъ жегъ ему душу.

Не могъ вынести благородства этого взгляда.

Поклонился издали и повернулся къ выходу.

— Панъ Карлъ! — торопливо позвала она его.

Онъ обернулся и подошелъ къ ней.

— Дайте вашу руку не на прощанье, а до свиданья, — сказала она быстро, протягивая ему руку.

Онъ схватилъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Отъ всей души желаю вамъ счастья, полнаго счастья.

— Спасибо, спасибо... — прошепталъ онъ съ трудомъ, хотѣлъ пожелать ей того же, но больше не было силъ, испугался безумнаго желанія броситься передъ ней на колѣни, цѣловать эти блѣдныя губы, при-

жать ее къ своему сердцу. Поцѣловалъ еще разъ ея руку и выбѣжалъ.

Анка откинулась на кресло обезсиленная, всѣ раны ея души опять открылись, умирающая любовь воскресла на минуту и наполнила сердце и глаза горькими мучительными слезами. Плакала долго и болѣзненно, точно отвѣчая тихимъ, грустнымъ, полнымъ слезъ звукамъ музыки, которыя заглушенными жалобами раздавались въ тишинѣ комнаты.

XXIII.

Поздней осенью того же года состоялось вѣнчанье Боровецкаго съ Мадой Мюллеръ.

Они шли отъ алтаря по широкому проходу, устланному коврами, уставленному съ обѣихъ сторонъ пальмами и свѣчами, за которыми стояла толпа.

Костелъ былъ переполненъ людьми.

Боровецкій шелъ спокойно, поднявъ голову, глядя на знакомыя улыбающіяся ему лица, но никого не различая, сильно утомленный продолжительностью церемоніи и этой мѣщанской показной пышностью вѣнчанія.

Передъ костеломъ никто не подошелъ къ нему съ поздравленіями изъ числа неприглашенныхъ на свадьбу, не смѣя прорвать цѣпь милліонеровъ, которая его окружала, гирлянду свѣтлыхъ, нарядныхъ, усыпанныхъ брилліантами женщинъ, которымъ на паперти подавали платье лакеи въ ливреяхъ.

Боровецкій сѣлъ съ Мадой въ карету и первый отъѣхалъ отъ костела.

Мада въ слезахъ отъ счастья и радости, застѣнчивая, взволнованная, прижалась къ его плечу.

Онъ не обращалъ и на это вниманія. Сквозь окно кареты скользилъ взглядомъ по головамъ толпившагося народа, по крышамъ домовъ, по дымившимся трубамъ и по работавшимъ съ шумомъ фабрикамъ. Углубился мыслью въ самого себя, думая, что вотъ онъ ѣдетъ отъ вѣнчанья, тоже, наконецъ, владѣетъ милліонами, — что онъ на порогѣ этого давно желаннаго счастья—богатства.

Съ изумленіемъ замѣтилъ, что эти образы и картины не вызываютъ въ немъ никакой радости, что онъ совершенно спокоенъ, холоденъ, равнодушенъ и только сильно усталъ.

— Карлъ! — тихо прошептала Мада, поднимая раскраснѣвшееся лицо и фарфоровые синіе глаза.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Я такъ счастлива! такъ счастлива! — шептала она и робко, по-дѣтски прижалась головой къ его плечу, и протянула къ нему губы, жадно ждавшія его поцѣлуя, но сейчасъ же отшатнулась, замѣтивъ, что съ улицы все видно.

Онъ сильно и молча сжалъ ея руку.

Вся улица до фабрики Мюллера была полна рабочими, стоявшими шпалерами въ праздничномъ платьѣ, громко привѣтствуя новобрачныхъ.

Передъ входомъ въ фабричный дворъ возвышалась тріумфальная арка, обтянутая разноцвѣтными матеріями съ эмблемами труда, съ громаднымъ транспаран-

томъ сверху съ надписью изъ электрическихъ лампочекъ: «добро пожаловать».

За воротами опять стояли шпалерами люди черезъ весь дворъ, садъ, до самаго подъѣзда во дворецъ. Этотъ въѣздъ продолжался такъ долго, что, когда они вошли во дворецъ, собрались уже всѣ приглашенные.

Общество состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, горсточка поляковъ тонула въ ней незамѣтно.

Мюллеръ показалъ себя милліонеромъ. Роскошь ковровъ, мебели, серебра, цвѣтовъ и декорацій, работы берлинскихъ обойщиковъ, поразили всѣхъ.

Для Мюллера былъ сегодня настоящій праздникъ: онъ выдавалъ свою единственную дочь и пріобрѣталъ въ зятѣ себѣ помощника. Онъ былъ такъ доволенъ, что все его круглое, красное, жирное лицо сіяло отъ радости.

Угощалъ всѣхъ лучшими сигарами, похлопывалъ Карла по спинѣ, обнималъ его за талію, сыпалъ грубыми остротами и усиленно приглашалъ въ буфетъ къ закускамъ.

Иногда бралъ кого-нибудь изъ гостей подъ руку и съ гордостью водилъ его по комнатамъ дворца.

— Панъ Куровскій, посмотрите, это дворецъ моихъ дѣтей, они будутъ здѣсь жить. Что, хорошо?

Куровскій поддакивалъ, презрительно улыбаясь объясненіемъ, пересыпаннымъ цыфрами.

Потомъ подошелъ къ Мелѣ Грюншанъ, теперь уже Вельтъ, которая, окруженная молодежью, царила въ одной изъ гостиныхъ.

Долго слушалъ ея блестящій разговоръ, ея искусственный смѣхъ, смотрѣлъ на ея некрасивую манеру

ходить по гостиной и отошелъ удивленный, не узнавая прежнюю Мелю, которую онъ самъ находилъ раньше единственной среди лодзинскихъ еврекъ.

— Морицъ, что вы сдѣлали со своей женой? — спросилъ онъ Вельта.

— Находите перемѣну?

— Она не узнаваема.

— Это мое произведеніе. А не правда ли, красивая женщина? — спросилъ онъ, надѣвая пенснэ.

Куровскій не отвѣтилъ, наблюдая за Карломъ, которому не очень нравилась роль зятя.

Онъ ходилъ скучный, апатичный и презрительно относился къ новой роднѣ и фабрикантамъ, охотно оставляя ихъ, чтобы побыть съ Максомъ и даже Морицемъ.

— Ну, что же, всѣ мы уже обрѣли «землю обѣтованную», — замѣтилъ Куровскій.

— Если эту землю составляютъ милліоны, то да.

— Вы къ нимъ направляетесь, у Морица они будутъ навѣрное, а Максъ ихъ заработаетъ, если только Вильчекъ ихъ у него не отниметъ.

— Обо мнѣ рѣчь! — сказалъ, подходя къ нимъ, Стахъ Вильчекъ, который, благодаря компаніи съ Баумомъ, получилъ доступъ въ общество, оставилъ прежнія знакомства и шелъ впередъ напроломъ силой денегъ и нахальства.

— Мы говоримъ именно, что Максъ можетъ составить состояніе, если только вы не вырвите его у него изъ-подъ носа, — сказалъ Куровскій шутливо.

— Если только можно будетъ! — шепнулъ тотъ, облизываясь какъ собака передъ полной миской, и по-

шелъ любезничать съ некрасивой грубой панной Кнааб, за которой было двѣсти тысячъ приданаго. Около нея сидѣлъ Муррей и говорилъ ей такъ комично комплименты, что она смѣялась отъ всей души.

На эстрадѣ въ главной залѣ, роскошно декорированной краснымъ бумазейнымъ бархатомъ, помѣстился оркестръ и заигралъ вальсъ.

Изъ буфета, изъ боковыхъ комнатъ, изъ нишъ стали выходить приглашенныя исключительно для танцевъ незначительныя фигуры фабричныхъ служащихъ.

Танцы начались.

Карлъ одиноко ходилъ по богатымъ заламъ, залитымъ свѣтомъ. Нѣсколько десятковъ приглашенныхъ совершенно исчезали въ громадной квартирѣ, а изъ угловъ, изъ-за драпировокъ скалили желтые зубы скука и пустота.

Карлу хотѣлось бы уѣхать, запереться у себя или, какъ раньше, уйти куда-нибудь въ пивную и забыть обо всемъ за пивомъ и разговоромъ.

Съ этимъ тайнымъ желаніемъ въ душѣ надо было принимать, наблюдать, чтобы дорогой тесть не показался слишкомъ смѣшнымъ; надо было разговаривать, улыбаться, говорить дамамъ комплименты, иногда поговорить съ Мадой, наблюдать даже за прислугой, потому что никто не умѣлъ этого сдѣлать.

Мать пряталась по угламъ, не смѣя двигаться въ своемъ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ, не зная, что говорить, оробѣвшая отъ этой роскоши, отъ этой массы совершенно незнакомыхъ людей. Точно тѣнь двигалась она по гостинымъ, никѣмъ не замѣчаемая.

Вильгельмъ сидѣлъ все время въ буфетѣ, пилъ съ

друзьями и поминутно цѣловался съ Карломъ, въ котораго влюбился съ нѣкоторыхъ поръ.

— А Мада?

Мада была такъ счастлива, въ такой радости, что никого не видѣла кромѣ мужа, постоянно его искала, а найдя надоѣдала своими нѣжностями.

Къ двѣнадцати часамъ Боровецкій чувствовалъ себя до того уставшимъ, что обратился къ Яскульскому, исполнявшему сегодня обязанности метръ д'отеля.

— Будьте добры поторопить съ ужиномъ, всѣ скучаютъ.

— Нельзя раньше положеннаго, — отвѣтилъ важно шляхтичъ, который уже сильно выпилъ, но держался прямо, покручивалъ усы и свысока смотрѣлъ на милліонеровъ.

— Голоштанники! — бормоталъ онъ, прислуживая въ то же время стремительно.

Наконецъ былъ поданъ ужинъ въ громадной роскошной столовой.

Столы гнулись подъ тяжестью серебра, хрусталя и цвѣтовъ.

Карлъ сидѣлъ рядомъ съ женой, пунцовой, какъ піонъ, терпѣливо выслушивалъ тосты, рѣчи и сальныя остроты по своему адресу.

Въ концѣ ужина, когда послѣ шампанскаго настроеніе у всѣхъ поднялось, онъ долженъ былъ цѣловаться съ этими жирными толстяками, которые жадно ѣли и пили, а потомъ, когда невѣстѣ одѣвали на голову чепчикъ, его окружили кузины, тетки и вся родня.

Это была настоящая мука!

У него разболѣлась голова, поэтому какъ можно

скорѣе вырвался изъ нѣжныхъ объятій родни и скрылся въ оранжереѣ, чтобы отдохнуть и вытереть лицо отъ этихъ сладкихъ родственныхъ поцѣлуевъ.

Но и здѣсь ему не повезло. Едва онъ опустился на диванчикъ подъ зеленыя деревья, какъ туда же стали потихоньку входить гости и фабриканты и скромно разсѣивались въ густыхъ кустахъ.

Потомъ пробѣжалъ старикъ Мюллеръ къ прекрасной клумбѣ цвѣтущихъ цинерарій, сверкавшихъ какъ драгоцѣнные камни. Здѣсь послѣ неумѣренной ѣды его вырвало.

Боровецкій быстро вышелъ.

Въ столовой, переполненной одной прислугой, онъ засталъ другую сцену. Матвѣй, совершенно пьяный, бранился со старухой Мюллеръ, которая, оробѣвъ отъ его угрожающей мины, не рѣшалась спрятать въ буфетъ остатки ужина и недопитыя бутылки.

— Такой разговоръ, барыня... это... не того... Сегодня наша свадьба... значитъ наша радость... Мы жешились, и ни допивать ни доѣдать остатковъ послѣ швабовъ не будемъ... да!

Треснулъ кулакомъ по столу и показалъ ей на дверь.

— Пусть... барыня... идетъ спать... а мы тутъ справимся сами съ виномъ... и я напьюсь... и они напьются... потому что наша свадьба... наша радость... Налейте вина... Слушаться пана Матвѣя, а не то по рожѣ и будетъ fertig, подъ орѣхъ... Холера съ бурачками... за здоровье моего барина, а другихъ о печку и за дверь...

Мюллеръ въ страхѣ убѣжала искать Карла, а Мат-

вѣй, развалившись въ креслѣ, бормоталъ пьянымъ голосомъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Женились мы... панъ директоръ... есть у насъ фабрики... есть жена... есть дворцы... а швабовъ вонъ... а не то—въ рожу... спустимъ... и вонъ... все будетъ fertig, подъ орѣхъ... холера съ бурачками...

* * *

— А потомъ?

Потомъ проходили недѣли, мѣсяцы, годы и исчезали въ могилѣ забвенія—исчезали такъ же тихо, какъ тихо и неизмѣнно приходили новыя весны, новыя смерти, новыя существа, какъ тихо тянулась пряжа жизни, сплетаемая изъ волоконъ вчера, сегодня и завтра.

Въ Лодзи, среди нашихъ знакомыхъ, эти нѣсколько лѣтъ, ушедшихъ со времени свадьбы Боровецкаго, многое измѣнили.

Лодзь жила кипучей жизнью, лихорадочно разрасталась, торопливо строилась, изумляла неустанной мощью, накопленіемъ силъ, лившихся неудержимымъ потокомъ даже въ поля. Тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще были нивы, гдѣ паслись коровы — появились новыя улицы съ новыми домами, фабриками предпріятіями, новыми мошенничествами и эксплуатаціями.

Городъ напоминалъ собой громадный водоворотъ, въ которомъ кружились люди, фабрики, товары и страсти, милліоны и нужда, развратъ и вѣчный голодъ. Все это кружилось съ безумной быстротой, съ ревомъ

машинъ, требованій, голода и ненавистей, съ ревомъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ.

Все неслось впередъ съ неудержимостью стихіи, впередъ — по трупамъ фабрикъ и людей, — къ тѣмъ милліонамъ, источники которыхъ, казалось, били изъ каждой пяди этой «земли обѣтованной».

Куровскій шелъ къ обогащенію на всѣхъ парахъ; Максъ Баумъ и Стахъ Вильчекъ были уже крупной фирмой, сильно подрывающей своими дешевыми платками фирму Грюнспанъ, Вельтъ и Гросманъ.

Морицъ Вельтъ, одинъ изъ представителей этой фирмы, ѣздилъ не иначе, какъ въ экипажѣ, и не узнавалъ уже тѣхъ, у кого было меньше полумилліона.

Фирма Бухгольца, руководимая раньше Карломъ, шла попрежнему во главѣ всѣхъ.

Не опередилъ ее Шая Мендельсонъ, который опять сгорѣлъ и послѣ пожара увеличилъ свою фабрику на двѣ тысячи рабочихъ. Онъ въ то же время все больше занимался филантропіей, выжималъ послѣдніе соки изъ рабочихъ и строилъ имъ за это прекрасную больницу и пріютъ для калѣкъ и негодныхъ къ работѣ.

Гросглюкъ продолжалъ мошенничать съ двойной энергіей, потому что выдалъ свою Мери за какого-то полубольного отъ разврата графа, котораго долженъ былъ постоянно лѣчить и содержать.

Травинскій, преодолѣвшій терпѣніемъ и выдержкой всѣ препятствія, уже два года сталъ твердой, солидной фирмой.

Мюллеръ совсѣмъ покинулъ Лодзь, передалъ фабрику Боровецкому, а самъ отдыхалъ съ женой у сына, купивъ ему громадное имѣніе на Куявахъ. Виль-

гельмъ тосковалъ по дворянствѣ, собирался жениться на графинѣ, подписывался де-Мюллеръ, пріѣзжалъ въ Лодзь съ ливрейными лакеями, заимствовалъ для каретъ гербъ Боровецкаго и гербъ будущей супруги, совершенно не вмѣшивался въ дѣла фабрики и добросовѣстно дѣлился ея громадными доходами.

Боровецкій былъ полнымъ хозяиномъ фабрики.

За эти четыре года онъ ее сильно расширилъ; измѣнилъ производство бумазеи, довелъ свои издѣлія до совершенства, открылъ новые отдѣлы, расширилъ рынокъ сбыта и все шелъ впередъ.

Эти четыре года, истекшіе со дня свадьбы съ Мадой Мюллеръ, были годами нечеловѣческаго труда.

Онъ вставалъ въ шесть часовъ, ложился въ двѣнадцать, никуда не уѣзжая, ничѣмъ не развлекаясь, не пользуясь ни жизнью, ни милліонами, почти не жилъ, — только работалъ, поглощенный массой дѣла; деньги, рѣкой плывшія черезъ его руки, и фабрика опутали его, какъ спрутъ, тысячами щупальцевъ и безостановочно высасывали изъ него всѣ мысли, все свободное время, всѣ силы.

Онъ уже владѣлъ давно желанными милліонами, соприкасался къ нимъ ежедневно, дышалъ ими, жилъ съ ними, видѣлъ ихъ вокругъ себя.

Но эта непосильная работа, длящаяся столько лѣтъ, изнуряла его физически, а милліоны его совершенно не радовали — наоборотъ, чувствовалъ все сильнѣе тоску, усталость, равнодушіе.

Все чаще испытывалъ скуку, все чаще чувствовалъ, какъ ему плохо, какъ онъ одинокъ.

Мада была хорошей женой, еще лучшей кормилицей

и нянькой его сына, отлично за нимъ ухаживала, но ничѣмъ другимъ не могла и не умѣла быть. Связывалъ ихъ только ребенокъ и общая квартира, — она поклонялась ему какъ фетишу, не смѣя приблизиться иначе какъ по его знаку, не рѣшаясь заговорить, если онъ не былъ къ этому расположенъ; а онъ позволялъ себѣ поклоняться, боготворить себя, кидая ей иногда въ награду ласковое слово или привѣтливую улыбку, еще рѣже нѣжную, задушевную ласку.

Друзей у него никогда не было, но зато всегда было много знакомыхъ и пріятелей среди прежнихъ товарищей, — но теперь, съ ростомъ его силы, всѣ отступали и смѣшивались въ сѣрой толпѣ, огражденные отъ него неприступной стѣной милліоновъ. Съ милліонерами онъ тоже не жилъ, не было прежде всего времени, а кромѣ того онъ относился къ нимъ свысока, и у нихъ было слишкомъ много конкуренціи и антагонизма.

Оставалось всего нѣсколько близкихъ ему людей.

Но Куровскаго онъ избѣгалъ, потому что тотъ не могъ простить ему Анки и при всякомъ удобномъ случаѣ больно его задѣвалъ.

Морицъ Вельтъ ему окончательно опротивѣлъ.

Съ Максомъ Баумомъ онъ не умѣлъ сойтись; встрѣчался съ нимъ часто, Максъ былъ даже крестнымъ отцомъ его сына, но отношенія ихъ оставались холодными, попрежнему пріятельскими, но не дружескими... Максъ, такъ же какъ Куровскій, не могъ ему простить зло, причиненное Анкѣ.

И Боровецкій все чаще испытывалъ одиночество и ужасную пустоту вокругъ, — пустоту, которую не мог-

ли заполнить ни милліоны, ни чрезмѣрный трудъ. За послѣднее время его душу все чаще терзалъ безумный, несказанный голодъ.

Онъ еще не понималъ, что съ нимъ такое!

Видѣлъ только, что ему все надоѣло—фабрика, дѣла, люди и деньги...

Думалъ именно объ этомъ, поднимаясь на фабрику. Громадныя стѣны дрожали отъ гулкой работы.

Боровецкій уныло шелъ черезъ залы, ни съ кѣмъ не здоровался, не разговаривалъ, ничего не осматривалъ, не смотрѣлъ даже, — шелъ какъ автоматъ и бросалъ тусклые взгляды на машины въ движеніи, на сосредоточенно работавшихъ людей, на окна, сквозь которыя свѣтило весеннее солнце; онъ поднялся на подъемной машинѣ въ сушилку готоваго товара, гдѣ на длинныхъ столахъ, на землѣ, на вагонеткахъ лежали милліоны метровъ, шелъ по нимъ, топча ихъ съ безсознательнымъ холоднымъ презрѣніемъ и сталъ у окна, сквозь которое была видна полоска полей, кончавшихся лѣсомъ. Онъ засмотрѣлся на ясный, солнечный, апрѣльскій день, полный радости, солнца, тепла, молодой зелени травъ, — на бѣлоснѣжныя облака въ глубинѣ лазурнаго неба...

Быстро отошелъ, почувствовавъ глухую, неопредѣленную тоску.

Опять пошелъ изъ павильона въ павильонъ, изъ одной залы въ другую, — среди этого треска, гула, шума, рева работы, зловонной духоты и адской жары. Онъ шелъ медленнѣе и думалъ, что все это—его собственность, то царство, о которомъ онъ грезилъ.

Вспомнилъ прежнія мечты о томъ могуществѣ, которымъ теперь владѣлъ.

Все теперь у него было, и онъ горько улыбнулся, вспоминая прошлое, прежнія заблужденія — мечты, потому что онъ вѣрилъ когда-то, ничего не имѣя, что милліоны дадутъ ему необыкновенное, высокое счастье.

«Что они мнѣ дали?» думалъ онъ теперь.

Да, что дало ему это владычество?

Утомленіе и скуку.

И этотъ странный голодъ души, и эту неопредѣленную, мучительную, безцѣльную тоску, которая терзала его все сильнѣе.

Ахъ! а тамъ, за окнами красильни, гдѣ онъ теперь сидѣлъ, такая весна на поляхъ, такъ все сверкаетъ, несутся такіе радостные дѣтскіе крики, такъ весело щебечутъ воробьи, такъ легко вздымаются вверхъ розовые клубы дыма; тамъ такъ свѣтло, бодро, молодо, такая мощь радостно воскресающей природы дрожитъ въ пространствѣ, проникаетъ все. Хотѣлось бы итти, пѣть, кричать, кувыркаться на лужайкахъ, плыть съ облаками, унестись съ вѣтромъ, качаться съ деревьями въ солнечномъ воздухѣ и жить всей душой, всѣми силами, всѣми порывами, жить! жить!..

«А что дальше?»—думалъ онъ уныло, прислушиваясь къ гулу фабрики.

Онъ не нашелъ отвѣта.

«Я хотѣлъ этого и получилъ, получилъ!» подумалъ онъ, посмотрѣвъ съ глубокой ненавистью раба на красныя стѣны своей фабрики, на этого чудовищнаго тирана, который радостно смотрѣлъ тысячами

окопъ, работалъ съ такой энергіей, что все въ немъ дрожало, и пѣлъ тысячами машинъ глубокій гимнъ насыщенія.

Боровецкій пошелъ въ контору, фабрика ему надоѣла.

Купцы, комиссіонеры, служащіе, просители, рабочіе, ищущіе мѣста, тысячи дѣлъ нетерпѣливо ожидали его въ передней, онъ вышелъ боковой дверью и медленно пошелъ въ городъ.

Никого не видѣлъ, неся въ себѣ всепоглощающую скуку и эту безпокойную жажду души.

Городъ былъ весь залитъ солнцемъ и шумомъ бѣшенаго движенія. Тысячи фабрикъ, похожихъ на укрѣпленныя крѣпости, гудѣли отъ работы. Изъ всѣхъ улицъ, изъ всѣхъ домовъ, переулковъ, даже съ полей неслись къ нему отклики работы, крики машинъ, шумъ этой страстной борьбы — послѣднія усилія и побѣдный крикъ тріумфаторовъ.

Какъ все это ему ужасно надоѣло!

Съ глубокой ироніей смотрѣлъ онъ на барона Мейера, который, лежа въ роскошной коляскѣ, гордый своей силой, ѣхалъ по улицѣ, похожій на хорошо упитаннаго краснаго борова, начиненнаго богатствомъ.

«Скотина, счастливая тѣмъ, что имѣетъ собственность. Почему я не могу такъ же пользоваться богатствомъ? Эти вѣдь такъ счастливы!» — думалъ онъ.

Да, онъ не умѣлъ пользоваться жизнью по примѣру лодзинскихъ милліонеровъ.

Что могло бы его развлечь?

Женщины! Ахъ, онъ столькихъ любилъ и его такъ многія любили, что это надоѣло!

Развлеченія! Какія же? Гдѣ такія, которыя стоили бы усилій и не вызвали бы еще большую скуку?

Вино! Но уже два года онъ былъ на строгой діэтѣ отъ переутомленія и питался почти исключительно молокомъ.

Роскошь онъ не любилъ, а жить напоказъ не хотѣлъ, не чувствовалъ потребности.

Копить милліоны? Зачѣмъ? Онъ не проживалъ даже своихъ доходовъ. Къ чему?

Довольно быть ихъ рабомъ! Довольно отнято у него силъ и жизни! Довольно съ него этихъ тяжкихъ золотыхъ цѣпей!

«Какъ правъ былъ Мышковскій!» — подумалъ онъ, вспомнивъ его проклятія чрезмѣрнаго труда и безсмысленнаго накопленія капиталовъ.

Все грустнѣе были его мысли о своемъ положеніи, о долгихъ, долгихъ годахъ скуки и тоски, его ожидавшихъ.

Онъ шелъ такъ долго, что наконецъ очутился въ Элеповскомъ паркѣ, не замѣтивъ этого.

Ходилъ по размякшимъ аллеямъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на молодую траву, на блѣдно-зеленые, трепетавшіе въ прохладномъ, солнечномъ воздухѣ листочки.

Глубокая тишина стояла въ пустыхъ аллеяхъ, по которымъ разгуливали однѣ вороны и весело чирикали воробьи.

Онъ все ходилъ, ходилъ до изнеможенія, и безсознательно возвращался къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчался когда-то съ Люси...

— Люси... Эмма!.. — сказалъ онъ вполголоса и съ сожалѣніемъ окинулъ глазами паркъ, теперь пустой.

Съ горечью думалъ, что никто его теперь не ждетъ, никто не придетъ, онъ одинъ...

— Какъ все было недавно и какъ далеко!

Да, онъ когда-то дѣйствительно жилъ, любилъ, умѣлъ увлекаться.

А теперь?..

А теперь, вмѣсто молодости со всѣми ея увлеченіями, у него милліоны и — скука,—скука.

Губы его сложились въ презрительную улыбку надъ собой, надъ состояніемъ своей души, и онъ пошелъ дальше.

Обошелъ паркъ и возвращаясь столкнулся въ воротахъ съ длинной вереницей дѣвочекъ, позади которыхъ шли двѣ дамы. Онъ уступилъ дорогу и взглянулъ на нихъ.

— Анка!—вырвалось у него, и онъ невольно снялъ шляпу.

Да, это была Анка.

Она сейчасъ же подошла къ нему съ протянутой рукой.

— Какъ я васъ давно не видѣла, какъ давно! — сказала она радостно.

Онъ поцѣловалъ ея руку и не могъ на нее наглядѣться.

Да, это его Анка. Та прежняя Анка изъ Курова молодая, прекрасная, полная силъ и чарующей простоты и благородства.

— Пойдемте за дѣтьми, если у васъ есть свободное время.

— Что это за толпа?

— Изъ моего пріюта.

— Вашего пріюта?

— Надо было что-нибудь дѣлать, а эта работа даетъ столько удовлетворенія, что хлопочу открыть второй.

— Забота объ этихъ дѣтяхъ даетъ вамъ удовлетвореніе?

— Даже счастье. Счастье исполняемаго долга и хоть маленькаго, но добраго дѣла. А вы... счастливы? — спросила онъ тише.

Голосъ ея дрогнулъ, а глаза быстро скользнули по его пожелтѣвшему, сильно исхудавшему лицу.

— Да... да... очень... — отвѣтилъ онъ быстро и рѣзко; его сердце такъ сильно билось, что онъ съ трудомъ дышалъ.

Они шли молча рядомъ. Дѣти повернули къ прудамъ и затянули тонкими серебристыми голосами какую-то дѣтскую пѣсенку, дрожавшую какъ молодые листочки и былинки.

— У васъ такой болѣзненный видъ... такой... — шепнула она, опуская глаза, чтобы скрыть слезы глубокаго сочувствія. Съ любовью и скорбью сестры замѣтила она впавшіе глаза, выдающіяся скулы, глубокія морщины и сѣдину на вискахъ.

— Не жалѣйте меня... Я получилъ то, чего хотѣлъ... Я хотѣлъ милліоновъ и имѣю ихъ, а если мнѣ этого мало для жизни — то это моя вина. Да, я самъ виноватъ, что достигъ въ этой обѣтованной землѣ всего, кромѣ счастья. Самъ виноватъ, что теперь голодаю.

Онъ оборвалъ свою горькую, внезапно вырвавшуюся жалобу, замѣтивъ, что по ея лицу текутъ слезы, а дрожащія губы съ трудомъ сдерживаютъ рыданія.

Онъ больше не могъ говорить, увидѣвъ эти слезы, — такая острая, безумная жалость поднялась въ его сердцѣ, что, пожавъ ей руку, онъ быстро отошелъ, чтобы не выдать того, что съ нимъ происходитъ.

— За городъ, живо! — бросилъ онъ рѣзко извозчику.

Онъ дрожалъ отъ волненія; въ душу хлынули воспоминанія, притаившіяся въ глубокихъ тайникахъ его сердца, и предстали передъ нимъ въ такихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ, увлекательныхъ образахъ, что всей силой воли хотѣлъ ихъ удержать, утолить ими свою жаждавшую душу, утопить въ нихъ воспоминаніе о своемъ теперешнемъ убожествѣ. Но не могъ ихъ удержать, его сознаніе съ быстротой молніи рисовало ему и другіе образы, другія воспоминанія — всѣхъ обидъ, причиненныхъ Анкѣ, всей своей громадной вины передъ нею. Онъ сидѣлъ подавленный, съ закрытыми глазами, помертвѣвшій и всѣми силами старался заглушить въ себѣ громкій голосъ, рвавшійся изъ его сердца, подавить самое сердце, проснувшееся при видѣ Анки; подавить всю ту жажду счастья, которая рвалась въ немъ съ неудержимой силой.

«Такъ мнѣ и надо, такъ и надо!» — думалъ онъ минутами, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ терзая себя этой мукой сознанія своего положенія и своихъ ошибокъ.

Наконецъ онъ овладѣлъ собой, побѣдилъ себя, но эта горькая побѣда такъ обезсилила его, что онъ не

пошелъ даже къ женѣ и сыну, заперся въ своемъ кабинетѣ, отправилъ ожидавшаго его Матвѣя и остался одинъ.

Долго лежалъ онъ безъ движенія и мысли, въ полубезсознательномъ состояніи, съ туманными обрывками мыслей въ мозгу.

— Загубилъ жизнь, — сказалъ онъ вдругъ, вскакивая съ кушетки. Эта мысль, порожденная безсознательной работой мозга, остро рванула его сознаніе и освѣтила его рѣзкимъ мучительнымъ свѣтомъ.

Онъ обвелъ комнату глазами, точно вдругъ придя въ себя и увидѣвъ все въ новомъ свѣтѣ.

— Ради чего? — бросилъ онъ вопросъ своей души. Открылъ окно и сталъ думать.

Затихавшій шумъ долеталъ слабымъ эхо, городъ замолкалъ, отдыхая этой нѣжной весенней апрѣльской ночью.

Темная синева съ дрожащимъ свѣтомъ звѣздъ окутала городъ своимъ покровомъ.

Изъ оконъ кабинета видно было, какъ широко раскинулся темный засыпающій городъ. Только кое-гдѣ свѣтлыми пятнами выдѣлялись работавшія фабрики, и вѣтеръ приносилъ ихъ глухой шумъ, похожій на далекій шумъ лѣса.

«Ради чего?» — думалъ Боровецкій, собирая всѣ силы какъ для борьбы. И душа стала отвѣчать ему воспоминаніями всей его жизни, разматывая клубки даже тѣхъ, которыя давно исчезли изъ его памяти и теперь въ эту минуту опять воскресали. Онъ противился, хотѣлъ отъ нихъ бѣжать, скрыться, но наконецъ долженъ былъ уступить, смотрѣть, слушать всѣ

эти голоса, которые въ немъ поднимались, и, напугавшись съ мучительнымъ, ужаснымъ любопытствомъ — разсматривалъ самого себя.

Разсматривалъ все свое существованіе, всѣ свои сорокъ лѣтъ, которыя, какъ пряжа на веретенѣ времени, медленно разматывались передъ нимъ.

Городъ уже спалъ; притаился во мракѣ и присосался къ землѣ всѣми щупальцами своихъ фабрикъ, а далекіе разбросанные электрическіе фонари смотрѣли въ темноту ночи своими голубоватыми очами и сторожили спящаго молоха, точно стая журавлей съ огненными головами.

— Ну такъ что же? Я такой, какой есть, какимъ я долженъ былъ быть! — шепнулъ онъ гордо, съ вызовомъ, но не могъ отдѣлаться отъ проснувшейся совѣсти, не могъ заглушить голоса попранной вѣры, обманутыхъ идеаловъ, загубленной эгоизмомъ жизни. Они ему кричали, что онъ жилъ только для себя, что онъ все топталъ, чтобы удовлетворить пустоту, тщеславіе, чтобы достигнуть богатства.

— Да, я эгоистъ, да, я все принесъ въ жертву карьерѣ... — повторялъ онъ съ удареніемъ, точно нанося себѣ пощечины, и волна горечи, стыда и униженія залила его сердце.

Пожертвовалъ всѣмъ и что же получилъ взамѣнъ? Груды безполезныхъ денегъ. Ни друзей, ни покоя, ни удовлетворенія, ни счастья, ни охоты жить — ничего... ничего...

— Человѣкъ не можетъ жить только для себя — не можетъ,—иначе онъ самъ погибнетъ. Онъ давно

зналъ эту истину, но только теперь онъ ее почувствовалъ и понялъ во всей ея глубинѣ.

— Вотъ почему я потерялъ и свое счастье. — Онъ вспомнилъ Ашку и, подъ впечатлѣніемъ этого воспоминанія, написалъ ей длинное письмо съ просьбой дать указанія для пріюта дѣтей своихъ рабочихъ.

Онъ опять задумался. Теперь онъ уже искалъ выхода изъ своего теперешняго положенія, какой-либо цѣли въ долгомъ скучномъ будущемъ, о которомъ онъ думалъ съ ужасомъ.

Медленно текли часы, городъ спалъ, спалъ тревожнымъ лихорадочнымъ сномъ. Сквозь ночной туманъ, затканный пятнами свѣта, проносился какой-то трепетъ, раздавался глубокій, протяжный, мучительный стонъ, какъ будто стонъ переутомленныхъ машинъ, замученныхъ людей или деревьевъ, обреченныхъ на гибель; то вырывался изъ глубины пустыхъ улицъ крикъ и, дрогнувъ въ воздухѣ, смолкалъ; то странный неуловимый трепетъ, полный таинственныхъ сверканій, голосовъ, плача, проклятій, смѣха, — вся гамма прошедшаго или наступающаго дня разливалась по городу какъ сонный бредъ этихъ стѣнъ, окутанныхъ мракомъ деревьевъ и истощенной земли...

Минутами наступала такая глубокая, поразительная тишина, что, казалось, слышно было дыханіе этого соннаго великана, который, припавъ къ землѣ, спалъ довѣрчиво, какъ ребенокъ на груди матери.

Только далеко, за стѣнами города, въ поляхъ, вокругъ этой «Земли обѣтованной», въ загадочной глубинѣ ночи дрожало какое-то движеніе, раздавались голоса, стукъ, шумъ, эхо смѣха, рыданій, проклятій.

По всѣмъ дорогамъ, сверкавшимъ весенними лужами и бѣжавшими со всѣхъ концовъ свѣта къ этой «Землѣ обѣтованной», по всѣмъ тропинкамъ, извивавшимся среди зеленѣющихъ полей и цвѣтущихъ садовъ, среди лѣсовъ, благоухающихъ молодыми березками и весной, среди покосившихся деревушекъ и непроходимыхъ болотъ тянулись толпы людей, скрипѣли сотни возовъ, тысячи вагоновъ проносились какъ молнія, тысячи вздоховъ, тысячи горящихъ взглядовъ пронзали темноту въ жадныхъ, лихорадочныхъ поискахъ этой «Земли обѣтованной».

Съ далекихъ равнинъ, съ горъ, изъ деревень, столицъ и городковъ, изъ хатъ и дворцовъ, съ высотъ и низовъ тянулись люди нескончаемой вереницей къ этой «Землѣ обѣтованной». Приходили, удабривали ее своей кровью, отдавали ей силы, молодость, здоровье, свободу, надежду и нищету, умъ и трудъ, вѣру и мечты.

Ради этой «Земли обѣтованной», ради этого полипа пустѣли деревни, исчезали лѣса, истощалась земля, высыхали рѣки, рождались люди, а онъ все всасывалъ въ себя и пережевывалъ своими могучими челюстями людей, предметы, небо и землю, отдавая взамѣнъ небольшой горсточкѣ людей безполезные милліоны, а всему народу голодъ и непосильный трудъ.

Карлъ ходилъ и думалъ. Часто подолгу смотрѣлъ на городъ, на эту ночь, которая уже блѣднѣла на востокѣ. Заря медленно разливалась въ зеленоватомъ полумракѣ. Подъ крышей оранжереи защебетали листочки, и холодный утренній вѣтеръ медленно покачивалъ деревья. Становилось все свѣтлѣе, бли-

жайшія крыши забѣлѣли въ туманѣ запотѣвшими крышами, развалины фабрики Баума вырисовывались все яснѣе. Разрушенныя стѣны, выбитыя окна, развалившіяся трубы, точно вырастая изъ земли, печально чернѣли изломаннымъ скелетомъ.

Боровецкій успокоился, онъ нашелъ путь въ будущемъ, ясно видѣлъ цѣль дальнѣйшей жизни. Онъ порвалъ съ своимъ прошлымъ и съ самимъ собой, почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, печальнымъ, но сильнымъ и готовымъ къ борьбѣ.

Онъ былъ блѣденъ, постарѣлъ сильно за одну эту ночь, глубокая морщина прорѣзала его лобъ, а на лицѣ появилось выраженіе рѣшительности.

— Я проигралъ свое личное счастье!.. Надо создать его для другихъ,—медленно прошепталъ онъ и сильнымъ, мужественнымъ взглядомъ непреложнаго рѣшенія окинулъ уснувшій городъ и необъятное пространство, выступавшее изъ ночного мрака.